Ангелы по совместительству. Гости самозваные

Житие мое - 4

Ирина Сыромятникова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1.0 — создание файла

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33

Ангелы по совместительству. Гости самозваные
Ирина Владимировна Сыромятникова

Житие мое #4

Пролог

Безвластие и страх странно влияют на людей. Некоторые срываются с места и бегут куда–то, сменяя одну неопределенность другой. Иные до последнего держатся за остатки былого благополучия, упорно не замечая изменения в ставшем чужим мире. Есть и такие, кто не способен сопротивляться подступающему хаосу, пусть даже в уме. Эти превращаются в несомую ветром перемен ветошь, быстро избавляются от всяких человеческих черт и сами становятся источником зла. И помоги боги тому путнику, которого судьба сведет с шайкой подобных изгоев.

Но это если путник мирный.

Две дюжины недобрых взглядов следили за тем, как чужаки в черном высаживаются на уединенный пляж. Утренний туман (последний подарок сезона штормов) стелился над камнями, надежно скрывая подошедший к самому берегу корабль. За кромкой прибоя уже громоздились кучи ящиков и стояли два сооружения, напоминающие телеги о десяти колесах, но без лошадей. Однако ни люди, ни повозки наблюдателей не интересовали, а вот содержимое ящиков… Там должна была быть еда, хорошая, много, всякие приятные мелочи, вроде теплых одеял, кружек и котелков, лекарства, а может и спирт. Желание обладать этим богатством затмевало в бандитах робкий голос разума, вопрошавший, почему рядом с обладателями сокровищ нет солдат, а также ружей, мечей, копий или арбалетов. Ни один контрабандист не позволит себе такую беспечность! Но уцелевшее с мирных времен чувство превосходства жителей И'Са—Орио'Та над заморскими дикарями не позволяло осознать угрозу. Да, они просто наивные идиоты, эти полтора десятка крепких мужчин, сумевших собрать драгоценный груз, перевезти его через бурное море и вытащить на берег, несмотря на отсутствие причала. Ничего–то не могут предусмотреть!

Но вот сказаны последние слова прощания, и моторная лодка растворилась в тумане. Чужаки принялись, не спеша, рассортировывать багаж. Медлить не имело смысла.

С громкими воплями, потрясая самодельным оружием, бандиты выскочили из–за камней и дикой ордой хлынули вниз. Люди на берегу с видимым облегчением побросали ящики и повернулись навстречу угрозе. Молочно–белый туман словно подсветили изнутри разноцветными огнями, в этом нарядно переливающемся мареве бессильно завязли брошенные камни и

стрелы единственного имеющегося у налетчиков лука.

Истина пришла, подобная удару грома.

Оставалась только одна вещь, которую самые отмороженные бандиты боялись до колик. Не смерть (все сдохнут!), не закон (небо — высоко, император — далеко) и не боги (…). Только она, МАГИЯ! Сила, перед которой обычный человек беспомощнее мыши, а уж на что она способна…

Окутанный зеленоватой дымкой чужак широко и весело улыбнулся нападающим.

Ловкости, с какой неудачливые налетчики развернулись на бегу, позавидовал бы каучуковый мячик, а скорость, с какой они мчались прочь от берега, заставила бы скаковую лошадь околеть от зависти. Меж тем пришельцы, побросав все дела, с гиком помчались вдогон, впрочем, сильно уступая в резвости аборигенам.

Вой стоял над берегом, но теперь он был полон леденящего ужаса.

Что за злой дух принес в сей мирный край заклинателей?!!

Часть 1.

Ты думал, что халява — это то, что тебе дают бесплатно? Нет, это то, что никто, кроме тебя, не захотел брать даже даром.

Глава 1

Речь в этой книге пойдет главным образом о черных магах… Глаза б мои их не видели.

Жил был алхимик у самого гадкого моря… Опять не то.

Впрочем, что я маюсь? Да, я — алхимик! И немного черный маг, а то, что некромант — это вообще хобби. И я живу в самой прогрессивной стране мира. Прогрессивной по отношению к черным магам, естественно. Но есть другие страны, где нас, мягко говоря, не любят. И в одну такую страну недавно пришел северный пушной зверь, что характерно — безо всякого постороннего вмешательства. Проще говоря, живых заели те, сражаться с кем черные маги лучше всего приспособлены — нежити, гости из–за грани, всевозможные фомы, закруты и гоулы (поднявшиеся мертвецы). Теперь какая–то светлая голова на нашей стороне моря решила, что ситуация вполне созрела для реализации священного права любого черного (не обязательно — мага). Я имею в виду — для мародерства. У меня серьезные планы на имущество саориотцев, особенно — на запасы алхимических компонентов. А вот капитан Ридзер своей жене эмалевую брошку обещал, что б непременно — из золота. Да, суровый армейский эксперт женат, естественно, на обычной женщине. Причем, познакомились они еще до того, как его загнали в армию, но она ему не изменила и теперь у них пятеро спиногрызов мал мала меньше. Спрашивается, зачем боевому магу семья? Наверное, за тем же, зачем мне мой клан, где половина — белые, то есть, существа, посвященные принципиально иной природной стихии. Выпендриваться — у черных в крови, а у черных из Краухарда это вообще вторая натура. В результате, нам всем вместе придется работать, потому что просто прийти и забрать желаемое не позволит бдительный гражданский куратор.

Вон он, на бухте каната сидит, помогать не собирается. Не очень–то и нужно! Допустим, заставить летать многотонный армейский грузовик не смогли бы даже сказочные герои, но заморозить воду, чтобы понтон волнами не трясло — на это дюжина черных магов вполне способна. Дальше — проще: выгрузить припасы, пересчитать, уложить в грузовики. Боевые маги добросовестно трудились, а потом нас решила ограбить какая–то шентропа.

Са–ориотцев я встречал второй раз в жизни, но свою репутацию они подтвердили. Банда смуглых, тощих оборванцев смело напала на мирных путешественников, однако, обнаружив,

кто их сейчас будет бить, так же смело дала тягу, теряя на бегу портки и дубинки. А на нашивки сначала посмотреть им религия не позволила? Бойцы Ридзера пошли на дело, не сняв армейской формы! Нет, я понимаю, что мундир эксперта отлично продуман и качественно пошит, но теперь мы напоминали авангард вторжения. Чую, каждому встречному придется доказывать, что мы — частные предприниматели, и не всякий поверит.

Пока спецы гоняли бродяг по прибрежным скалам, я медленно, не напрягаясь, но так, чтобы куратор меня видел, носил в грузовик коробки с тем, что полегче (репутация — это то, что зарабатывается постепенно, но в нужным момент срабатывает не хуже оружейного проклятья). Капитан Риздер, которому должность не позволяла бегать рысью, сердито сопел и из принципа хватался в одиночку за самые большие ящики. Предки в помощь!

Через полчаса безобразия в боевых магах проснулась совесть (или память о тяжелом кулаке капитана), и они вернулись на берег, работать. Последними и самыми бесстыжими оказались, естественно, Румол и Шаграт — эти бы вообще не пришли, если бы был повод.

— Ну, что, пробежали, размялись? — встретил капитан подчиненных вопросом в упор. — А языка брать кто вместо вас будет?!!

Те засмущались.

— Да мы сейчас… Только амулеты взять…

— Искать их вы тоже с помощью амулетов будете? И у кого ж это тут прорезался талант следопыта?

Боевые маги исключительно городского происхождения оскорблено промолчали.

— Буф! — сказала за спиной Ридзера большая лохматая собака.

Мой пес–зомби имел на происходящее свою точку зрения, к сожалению, не интересную никому, кроме меня. Я, со вздохом, водрузил коробку в кузов грузовика и отряхнул руки:

— Макс нас проведет. Он неплохо ходит по следу.

Предвкушение нового аттракциона мобилизовало бойцов гораздо лучше, чем окрики начальства. Волевым решением Ридзер назначил троих, остающихся караулить вещи, остальные поделили амулеты и выстроились в боевой порядок. Я достал из багажа собственное изобретение — палку из ствола молодого ясеня с меня ростом, гладко оструганную и выкрашенную в черный цвет. В качестве набалдашника на конце жерди крепился стальной крюк (я предвидел неизбежное столкновение с трупами и не собирался ворочать их руками).

Румол по–конски заржал.

— Глядите — посох!

Я невозмутимо нажал потайную кнопку, и из противоположного конца жерди высунулось лезвие длиной в две ладони, щелчком раскрылись два коротких упора. Крюк играл роль противовеса и позволял использовать палку как копье (в хитром набалдашнике был и другой сюрприз, но об этом никому знать не полагалось).

— Повтори еще раз!

Армейский опыт позволил Румолу правильно оценить ситуацию — он промолчал.

— Запомни: в дикой местности хорошая дубина значит не меньше проклятья.

И мы двинулись по следу.

Первой новостью оказалась хорошая: сразу за каменной осыпью и узкой полосой кустарника начинался береговой тракт. Судя по карте, в И'Са—Орио'Те он выполнял обязанности трансконтинентального железнодорожного пути (на скотской тяге, ага). Ридзер, с удовлетворением, осмотрел пустую на всем протяжении дорогу.

— Вырулить сюда сможем?

Я философски пожал плечами:

— А куда денемся?

Закрепить упоры на склоне можно с помощью магии, лебедка на одном из грузовиков есть, главное, чтобы тросы выдержали. В крайнем случае, булыжники на берегу можно накрошить помельче.

К сожалению, идти по дороге бандиты не захотели и тут же углубились в бурьян, продраться через который без помощи моего боевого посоха было бы нереально (интересно, можно ли считать чертополох экзотикой, если у него ТАКИЕ шипы?). Короче, я — косил, а армейские тунеядцы с сосредоточенным видом глазели по сторонам (типа, караулили) Полчаса блуждания среди камней и колючек привели нас в лагерь разбойников. В принципе, чтобы унюхать его не обязательно было быть собакой — бандиты совершенно опустились. Смердящие нечистоты вплотную подступали к убогим шалашам, всюду валялось грязное тряпье и объедки, ничего похожего на баню или, хотя бы, корыто для стирки белья не наблюдалось в принципе. Я понял, что не желаю участвовать в допросе этих скотов, даже если мы кого–нибудь из них поймаем.

Но одного не отнять — обзор с этого места открывался отличный. В результате, прячущегося в кустах человека все заметили практически одновременно. Бойцы Ридзера обменялись

понимающими ухмылками и, под предостерегающее

шиканье куратора (ах, да, мы же должны демонстрировать местным дружелюбие), начали брать неизвестного в кольцо. Я наблюдал за происходящим с командной высоты. В результате, из кустов извлекли очередного белого, высокого старика с всклокоченной седой шевелюрой и безумным взглядом. На бандита он не тянул при самом вольно допущении, единственная угроза, которая от него исходила — возможность подцепить вшей. Задержанный подслеповато щурился и растеряно вертел головой.

— Ты кто? — приступил к допросу Ридзер, не заморачиваясь проблемами перевода.

Куратор молча закатил глаза и стал пробираться поближе, но белый, неожиданно, ответил:

— Я — Ли Хан, лекарь из Михори. Эти люди напали на караван, с которым я ехал в Крумих, больше никто не уцелел.

По ингернийски он говорил без акцента. Ридзер, с сомнением, оглядел замызганного пленника:

— И ты, значит, к этим уродам никакого отношения не имеешь?

— Я лечил их, иначе они убили бы меня, — страдалец поднял на капитана выцветшие, слезящиеся как у больной собаки глаза. — Моих сил было недостаточно, чтобы помешать им. Слов они не понимали…

Судя по затрапезному виду, старик провел среди разбойников не один день.

— Вы пришли из Михори, — вмешался в разговор куратор. — Можете рассказать, какая там обстановка?

— Хаос, — вздохнул старик. — Император бежал на юг, всех изгоняющих мобилизовали для защиты тусуанской долины. Людям запретили уходить из города, а для поддержания порядка прислали сотню пехотинцев тусуанского гарнизона. Сначала солдаты вешали грабителей, потом сами начали грабить и убивать. Все, кто способен пойти против слова наместника, бегут прочь, бросая друзей и имущество. Но дороги не безопасны…

— Значит, в Михори не идем, — резюмировал Ридзер. — А этот твой Крумих, что там?

— А вам зачем? — насторожился старик.

— Мы хотим предложить там услуги изгоняющих, — снова встрял куратор.

Белый смотрел с оправданным недоверием.

— За хорошее вознаграждение, естественно, — счел необходимым уточнить я. — Напрягись и подумай, смогут ли там оплатить наши услуги. Этим ты спасешь множество жизней.

Намек на жизни мобилизовал белого.

— Точно я не знаю, но беженцев со стороны Крумиха не было, что бы это ни значило.

— Ну, значит, с направлением определились, — и Ридзер потерял к спасенному интерес.

— Уважаемый, вы по–прежнему собираетесь в Крумих? — уточнил куратор.

Белый осторожно кивнул.

— В таком случае можете присоединиться к нам, если хотите, конечно.

Я хмыкнул (нашли, кого себе на шею повесить!), но возражать не стал — сдохнет ведь здесь, жалко его.

Погрузка барахла и подъем грузовиков на дорогу заняли весь остаток дня, мы так и заночевали на тракте, не удосужившись съехать на обочину. Все равно путников, кроме нас, не было, а бандиты благоразумно растворились где–то за горизонтом.

Утром живности в нашем хозяйстве прибавилось.

Я, немного помятый после ночевки в спальном мешке, вел последний осмотр двигателям и тормозным колодкам. Бойцы Ридзера увлеченно разыгрывали в кости места в кабинах. Белый, шевеля губами, перебирал свои вещи, найденные у разбойников: обшарпанный деревянный сундучок и две книги, которые спасло только то, что зачарованная бумага не желала гореть. От пережитых потрясений Ли оправился чрезвычайно быстро, аппетит имел отменный и вообще, отлично чувствовал себя в компании боевых магов. А я-то думал, что нас тут будут бояться.

— Том, глянь! — Румол ткнул пальцем в сторону кустов.

Прибежал мой зомби, уже успевший насажать на холку кучу репьев. Сначала я решил, что Макс принес какую–то белую мочалку, но дело оказалось проще — пес поймал кота.

— Филиас!

Белый рванулся на помощь своему питомцу (чуть челюсть моему зомби не вынул). Оказавшись в объятьях хозяина, кот дал волю нервам и взвыл нехорошим голосом:

— Ма–ау!

— Чудовище!!!

Это он мне или зомби? Я пожал плечами. А то лучше было бы оставить кота местным! По–моему, они уже человека готовы съесть, не то, что животное.

Судя по всему — и ели, как сообщил капитан Ридзер, осматривавший брошенный бандитами лагерь.

— И денег у них ни фига не было, — добавил Румол. — Наверное, они их просто не собирали.

— Зачем им деньги? — вздохнул со своего места белый. — Золото в Са—Орио больше ничего не стоит.

— Это хорошо! — повеселел Ридзер. — Но кто харчи на продажу унесет, получит от меня по кумполу.

Черные понятливо покивали и полезли в грузовики. Я занял свое законное место за баранкой. Опыта вождения тяжелой техники у меня не было, но нужно же когда–то начинать! Все лучше, чем трястись в обнимку с ящиками тушенки и бочками топливного масла. Я себе путешествия в таких условиях не представлял, а армейские спецы ничего, привычные.

Впереди нас ждал охваченный смутой континент, трещащая по швам империя и неизвестное отношение властей. Причем, нашей целью было именно то, от чего любой здравомыслящий человек бежал, сломя голову — захваченные нежитями территории, брошенные строения, ставшие убежищем для монстров, и вообще — разнообразное имущество, которое местные не сумели удержать в руках.

Путешествие обещало быть веселым.

Глава 2

За свою не слишком долгую жизнь я успел вволю поездить по Ингернике. Был в соленой пустыне Хо—Карга, на восточном побережье, на западном, в равнинном Полисанте и гористом Суэссоне, не говоря уже про родной Краухард. Пока мы ехали по безлюдной местности, Са—Ориот от Ингерники ничем не отличался. Камни как камни, вечнозеленые кусты, знакомые мне по Михандрову, желтеющая трава и буреющая листва — климат империи был не столько жаркий, сколько сухой, и сезон дождей мы благополучно пропустили. Ну, разве что у сосен здесь крона странная — шарами.

Первым предупреждением о близости людей стал труп. Человеческий, естественно. Водитель головного грузовика заметил его и вдарил по тормозам, не потрудившись даже бибикнуть. Нет, остановиться я успел. Аккурат так, чтобы выбирающиеся из кузова бойцы вынуждены были перелезать через лебедку.

— Тангор!!! — рявкнул Ридзер.

— Ш-што? — подчиненных своих пускай строит, а я — вольнонаемный специалист. К тому же — алхимик.

— Ничего, — буркнул капитан, вспомнивший диспозицию. — Тебе ничего странным не кажется?

Я закинул на плечо посох и отправился смотреть на мертвеца. Для начала распихал боевых магов, плотно обступивших находку. И чего собрались? Можно подумать, они сделать что–то смогут. Человека (когда–то ведь это было человеком, так?) привязали за руки к двум деревцам, лицом к дороге, скорее даже — вздернули на них. Судя по тому, что кора под веревками почти не пострадала, освободиться он не пытался, тогда как любой, оставленный на ночь за пределами защищенного отвращающими знаками места, должен быть, как минимум, сильно против. Как только солнце опустится за горизонт, возможность выжить превращается в лотерею, если ты, конечно, не боевой маг. А главное — смысл? Только нежить раскармливать! Правда, в одной забавной книжке говорилось, что так древние жители Краухарда определяли "своих", но тут темными ритуалами и не пахло.

М-да. Тут скорее смердело, причем, изрядно. Белый вообще из кузова высунуться не решился, а куратор предпочел руководить расследованием с наветренной стороны. Тело разложилось до того состояния, когда изъеденные личинками мягкие ткани начинают отваливаться под собственным весом, но

сухожилия еще держат скелет. Сохранению трупа также способствовал климат — плоть сохла быстрее, чем гнила.

А вывод из этого такой, что вот эти длинные петли сорванной кожи не могли образоваться сами собой, да и живот как–то слишком ровно лопнул. Все это травмы прижизненные, вернее сказать — предсмертные.

— Его убила не нежить.

— Это я и сам знаю. Кто?

— Нам–то что? Ну, убили и убили. Пусть местные разбираются.

Ридзер нахмурился. Да, большинство проживающих в Ингернике черных озабочено соблюдением закона. Это такая благоприобретенная душевная травма — когда тебе с детства клюют мозг ответственностью за проступки, невольно начинаешь разбираться в вопросе. Но здесь–то не Ингерника!

— Мастер Тангор прав, — голос куратора через прижатый к лицу платок звучал приглушенно. — Мы даже не знаем, к кому обращаться по поводу убийства.

— А ты белого спроси, — подсказал я. — Он же местный!

Куратор ушел трясти Ли Хана (хоть какая–то польза от нахлебника).

Я выщелкнул из посоха лезвие и полосонул свисающие из трупа кишки. Из неестественно раздутой колбаски вывалились слипшиеся беловатые комочки — зерно, которое забивали несчастному в глотку, пока пищевод не лопнул.

— Затейники какие, — заметил Шаграт.

Белый появился лично, хотя на труп старался не смотреть. Смелый.

— Уважаемые, не стоит придавать значения этому недоразумению. Перед нами, наверняка, вор, казненный местными крестьянами.

Ни фига ж себе "недоразумение"! Этих шустрых крестьян следовало прибить если не за убийство, так за магическую диверсию.

— А если бы рядом был гуль? — прищурился Ридзер.

Вот именно! Эти твари могут размножаться, вселяясь в свежих мертвецов.

— Сельские жители не слишком образованы… — заюлил белый.

Ридзер раздраженно сплюнул.

В итоге, боевые маги немного подумали и решили оставить дохлятину висеть, где висит. Ждать от черного сочувствия вообще бессмысленно, а армейские эксперты нашли зрелище скорее забавным, чем пугающим. Лично меня беспокоило другое: мы

приехали сюда сражаться с нежитями и собирать трофеи, но ни одной твари пока не встретили (если людей за монстров не считать). Возможно, место высадки выбрано неудачно? Конечно, наша группа абсолютно мобильна, кроме мотолебедки у нас есть алхимический котел, способный перегнать в топливное масло любой растительный жир, то есть, при необходимости, мы можем пересечь континент из конца в конец. Но стоит ли овчинка выделки?

Хех. Зря я подвизался на эту авантюру.

Сразу за лесом покойников (мы нашли пять распятых на деревьях мертвецов), начинались селения. Чтобы, значит, гулям далеко не ходить. Я ожидал увидеть бурьян и запустение, но картинка открывалась почти пасторальная: разноцветные лоскуты полей, строения под соломенными крышами и невысокие ограды из дикого камня. Ни в одном

месте поднятый на насыпь тракт не подходил к домам ближе, чем на полкилометра, поэтому я никак не мог разобрать — там у них маленькие деревни или большие хутора. Крестьяне отрывались от работы и провожали грузовики взглядами, но к дороге не выходили, а мы не рвались знакомиться с ними (какие–то они замурзанные, клиенты черных магов так не выглядят). Наконец, обнаружилась боковая дорожка, на которую Румол, сидевший за баранкой головного грузовика, без колебания свернул. Через пять минут мы въехали в самую чудную деревню, какую только можно придумать.

Вообще–то, она больше напоминала склад. Обитаемых дома имелось всего два (для мужчин и для женщин) и не похоже, чтобы внутри они были разделены перегородками. Как там Шаграт местных назвал, затейники? Зато амбаров отгрохали целых пять штук и все — большие, с надежными воротами и со свежей соломой на крышах. До сих пор крестьянские дома без огородов я видел только в Арангене, там это объяснялось жадностью землевладельцев, но даже там каждая семья имела собственное жилище. Интересно, а что так отчаянно пытаются сэкономить здесь?

У амбаров, на единственной площади селения грузовики остановились. Бойцы вылезли наружу — размяться и просто посмотреть. Вокруг немедленно начала собираться толпа, но армейских чародеев она не беспокоила (простой человек вообще не противник боевому магу, количество рыл тут роли не играет). Правда, какой–то отмороженный тип запросто подошел и попытался заглянуть в кузов. Румол подхватил его за шкирку, развернул и пинком отправил обратно. Правильно! Пускай любуются на расстоянии.

Из–под тента выглянул пес–зомби и сказал свое веское "Буф!" — местные ему не нравились. А мне в кайф!

Раньше я как–то не задумывался, чем отличаются жители разных стран. В принципе, если рассматривать Ингернику и Каштадар, то — ничем (все мы — потомки обитателей двух–трех уцелевших убежищ, бесконечно мигрировавших по континенту взад–вперед). Но, по видимому, большая водная преграда препятствовала смешению народов, потому что у саориотцев даже черный из Краухарда мог заметить характерные черты. Во–первых, они все были очень похожи (или это только на мой взгляд?) — сплошь тощие, с комплекцией подростков и неожиданно большими ступнями, щеголяющие курчавой черной шапкой волос. Во–вторых, особой разницы между мужчинами и женщинами я у них не заметил (да–да, той самой разницы). И, наконец, лица — все они совершенно одинаково щурились и улыбались, ничего при этом не ощущая, это было не выражение эмоций, а пожизненная гримаса, судорога мышц.

У меня немедленно появились вопросы к белому:

— А почему ты на местных непохож?

— Так ведь это — черноголовые! — снисходительно разъяснил Ли. — Одна из каст печатных. Они рождаются для того, чтобы трудиться на земле, обеспечивая всех жителей И'Са—Орио'Та пищей. Этим простым и понятным делом их предки занимались многие поколения, естественно, что мы немного отличаемся.

— А почему — печатные?

— Навыки работы преподаются им в раннем детстве посредством особой печати. Это — освещенный временем ритуал, проводимый на ежегодном празднике урожая. Родители приводят к пастырю детей, достигших пятилетнего возраста, и те узнают все необходимое для дальнейшей жизни.

А заодно — избавляются от желания заниматься чем–то еще. Ха! Похоже, у меня есть шанс на примерах изучить практики Духовного Патроната, о которых толковал Аксель. Координатор Юго—Западного региона явно знал о са–ориотских традициях не понаслышке и они его жутко возмущали. Интересно, почему?

Меж тем разговор куратора с печатными не клеился — его то ли не понимали, то ли — не желали понимать.

— Пойди, помоги ему! — подсказал я белому. — Видишь, у человека проблемы.

Ли сокрушенно покачал головой, но подошел.

Я стал присматриваться к черноголовым внимательнее, внезапно осознав, что воспринимаю их как алхимические конструкты. Думаю, куратору об этом говорить не следует (не

хватало мне еще порочащей записи в личном деле!). Правительство, почему–то, не поощряет потрошительские наклонности у боевых магов. От чего–то люди уверены, что живыми существами положено заниматься белым, в мозгах ковыряться под силу только эмпатам, и вообще, человеческое естество — суть нечто сакральное. Но, в конце концов, зомби–то я поднимал! И нежити — гости из мира нашей Силы, на местных телах отлично приживаются, значит, разница двух магий не может быть бесконечно велика.

Наконец, куратор закончил переговоры и вернулся к грузовикам. Выглядел он не очень довольным. Белый шел следом и нудил:

— Таковы традиции, уважаемый! Если вам нужно продовольствие, вам придется вернуться к побережью. Купцов проще всего найти в портовых городах!

— А мне показалось, что они говорили о старосте, — отмахивался куратор. — Который уехал и вернется через день–два. Доедем до следующего селения.

Я уступил баранку сменному водителю, Рурку, и устроился в кузове. Требовалось систематизировать увиденное, и записать ценные наблюдения в дневник. Где еще я смогу познакомиться с запретными разделами магии? В Ингернике Духовный Патронат был запрещен еще при королях.

Простой черный ничего не заметил бы, а некромант способен различить тонкие переливы состояния — эффект от магии другого вида. Естественно, самого заклинания я не ощущал, но, имея разом столько примеров, легко мог реконструировать его в уме. И вот что скажу: оно было намного проще, чем голем. Тот шедевр враждебного гения сам определял врага, сам принимал решения, да еще и магии противостоял. Людям сильно повезло, что древние алхимики четко привязали свои творения к охраняемой территории, потому что уничтожить их было практически невозможно, только превратить во что–то еще. Са–ориотские пастыри, кем бы ни были, не парились, подгоняя управляющее заклятье к индивидуальным свойствам личности, а наоборот, заставляли личность (если ее можно так назвать) формироваться по шаблону. Черноголовые не просто казались одинаковыми, они таковыми и были — сотни и сотни экземпляров одного и того же существа, контролируемо воспроизведенные. Проблему сложности разума как явления создатели печатей изящно обошли, сосредоточив действие Духовного Патроната на эмоциональной сфере жертв. Таким образом, навыки черноголовые могли иметь любые, а вот мотивация у них была схожая, можно сказать — одна на всех.

Какое забавное волшебство! И что характерно — ничем не защищенное, от слова "вообще".

Каким местом думал тот, кто это делал? И почему тут все не разворовали до сих пор?

— Слышь!

Ли отвлекся от поглаживания кота, напоминающего медитацию.

— А кто здесь за порядком–то следит?

— За черноголовыми не нужно следить, — пожал плечами Ли. — Они все делают сами.

— Не то. Кто их защищает? У них же уведут все, грабли из рук и те вынут!

— Судьба тех воров вас ничему не научила? — тонко улыбнулся белый.

— С магами это не сработает.

Ли слегка нахмурился.

— Белые маги И'Са—Орио'Та приносят клятву служить интересам империи и никогда не нарушают закона.

— А черные? — только пусть не говорит, что эти тоже "никогда не нарушат". Не верю!

— Членам ордена изгоняющих полагается носить с собой специальные амулеты, не позволяющие темной ворожбе произойти без разрешения пастыря. Пытающихся обойти запреты безжалостно преследуют и уничтожают.

То есть, на свободных черных эта ахинея не рассчитана. Скажем прямо: от безжалостного разграбления са–ориотцев только море и спасало.

За день наш куратор еще дважды подходил к крестьянам с предложениями продать хоть крупы, хоть масла, те в ответ щурились, скалились и ничего не давали. Я понимаю, если бы у них ничего не было, но ведь было! Просто они отказывались хоть что–то выпускать из рук. Предлоги были разные — отсутствие старосты, неудачный день, "моя–твоя–не–понимай" — но результат получался одинаковый. Белый продолжал настаивать, что нам нужно искать купца — крестьянам не разрешается обмениваться чем–то с посторонними. Угу. И сколько заломит с нас этот купец? Местных денег у нас нет вообще — мы предполагали расплачиваться за все натурой.

В третий раз это представление мне надоело, и я решил вмешаться: взял свой посох (ага!), привязал к нему пару пустых консервных банок, два синих носовых платка, красный носок и в таком виде присоединился к переговорам. Спину просто жгло — вся армейская банда высыпала из грузовиков смотреть на представление.

Куратор опять что–то пытался втолковать черноголовым, а те в ответ "не-а". Ясное дело — чародейством мозги заклинило. Сейчас прочистим!

Подошел. Подпрыгнул. Потряс посохом, поводил влево–вправо. Подпрыгнул два раза, ударил посохом о землю.

— Ну, что замер? Спрашивай у них, что хотел!

Куратор подобрал челюсть и снова заговорил с черноголовыми. Внезапно выяснилось, что нам готовы уступить два мешка овса в обмен на услугу — обновление отвращающих знаков на амбарах. Все время переговоров я ходил взад–вперед, потрясая посохом, лупя им об землю и прыгая. Через два часа работы мы получили на руки недельный запас продовольствия.

Стоило селению скрыться из вида, как Ридзер скомандовал привал и двенадцать армейских экспертов буквально взяли меня в плен, требуя открыть тайну. Ишь ты, инквизиторы доморощенные! Напустил туману про семейные секреты и ничего конкретного не рассказал. Не знаю, как отнесутся в НЗАМИПС к тому, что некромант пользуется заклинанием Духовного Патроната, пусть не им наложенным и в другой стране. Маркеры одобряемого и неодобряемого действия проступали так четко, что я мог бы забрать у черноголовых даром что угодно, но… Куратор! Как трудно жить.

А вот белый выглядел откровенно потрясенным. Наверное, думал, что я ему вопросы задаю чисто из любви к общению. Да нафиг он мне сдался!

Жизнь наладилась. Мы, не спеша, катили от селения к селению, ночуя в полях, благо погода стояла теплая, потому что постоялых дворов здесь не было. В смысле, теперь не было. То ли на трактирщиков защита печатных не распространялась, то ли проезжающие как–то спровоцировали зачарованных, но все заведения были сожжены в хлам (хорошо хоть кости среди обломков не валялись). Боевые маги по

очереди варили овсянку, стирали портянки в общественных прудах, не заморачиваясь, пьют ли оттуда черноголовые, а воду старались брать из колодцев, и там в первый раз нашли нежить. Скромные Черные Пряди оказались сметены в момент!

Банду Ридзера такое времяпрепровождение вполне устраивало, а меня — нет. Я же здесь не от генерала Зертака прячусь! Где обещанная добыча? Я не имею в виду мешки с зерном, которыми уже забито полгрузовика. Где–нибудь в Михори они, безусловно, ценятся на вес золота, но я к такому гиблому месту даже близко не подойду (там и нас могут схарчить, не посмотрят, что колдуны). Чтобы вернуться в Ингернику состоятельными людьми, мы должны срочно прекратить

благотворительность и найти клиентов побогаче. Увы, принять такое решение единолично я не мог. Зато у меня имелся уникальный для черного навык переговоров с невменяемыми соратниками. Не может Ридзер быть упрямее Шороха, нежитя, не побоюсь этого слова, мирового масштаба! Помнится, когда монстр первый раз появился у меня в голове, тоже пробовал выпендриваться, а теперь как шелковый, и капитан таким же станет.

Для начала, нужно было перетянуть на свою сторону куратора. Раньше я этого типа не встречал — по Арангену команда Ридзера путешествовала без сопровождения. У простого черного не было шансов подобрать ключик к сердцу человека, по проницательности равного эмпатам. А некромант — может!

Доблестные армейские эксперты плескались в очередном пруду, выгнав оттуда гусей и приведя в панику зеркальных карпов. Лично ловить рыбу магам было лень, и потрошеные тушки выменяли у местных черноголовых на какую–то мелочь, вроде починки периметра вокруг деревни. Ридзер отрядил на дело неразлучную парочку — Шаграта и Румола, которые потом долго вслух насмехались над местными чародеями, разместившими отвращающие знаки чуть ли не на битых черепках. Куратор в происходящее не вмешивался, но выглядел озабоченным — дисциплина, опирающаяся на уважение к властям, находилась под угрозой. Черноголовые наблюдали за чужаками из дальних кустов (думают, их там проклятьем не достанет). Собственно говоря, эти куклы постоянно ошивались рядом, но что ими движет — опасения за сохранность урожая или простое любопытство — мне разбираться было в лом.

Я присел в тени грузовика и постарался разбудить в себе тень Мессины Фаулер, специалистки по какой–то там безопасности, жившей тридцать с лишним тысяч лет назад. Обыватели как–то забывают, что некромантия началась с попыток спросить совета у предков, в возвращать умерших во плоти начали гораздо позже, поскольку дело это рискованное и в одиночку не выполнимое. Я дважды участвовал в соответствующих ритуалах, и оба раза мне повезло на мертвецов, при жизни являвшихся разновидностями стражников. Особенно полезна оказалась именно Мессина, по роду деятельности хорошо разбиравшаяся в людях. Так вот, с ее точки зрения наш куратор был привлекательным мужчиной средних лет, философского склада характера, умным и, наверняка, хорошо образованным. Он не пытался бороться за лидерство в компании черных (рискуя огрести), а предпочел занять положение того парня, который думает за всех. Скрипеть мозгами боевые маги не любили, поэтому управиться с ними

оказывалось невероятно легко. Главное — оставаться всегда серьезным и говорить уверенно. Склочные и раздражительные колдуны оказывались доверчивыми, словно дети! Куратор мгновенно выстраивал цепочки доводов, делавших неправильное действие крайне непривлекательным, а дальше его подопечные, как те черноголовые, со всем справлялись сами. Но у любой фантазии есть свой предел: убедить заскучавшего Румола не куролесить становилось все сложнее. Вот на это и будем напирать: бойцов требуется занять настоящим делом!

Я, нехотя, развеял оживший образ. Помнится, мой первый (и единственный) наставник по некромантии — Чарак упоминал о своем искусстве, как о возможности прожить множество жизней. Я тогда не прислушался к старику (слишком поэтично это звучало), на практике выяснилось, что он выражался буквально. Собственно память Мессины о мире подводных куполов и летающих агрегатов давно превратилась у меня в разновидность детских воспоминаний, а вот явление чужой личности не переставало удивлять. Окружающее становилось реально другим, изменялось восприятие цвета и названия предметов, появлялись незнакомые смыслы… М-да.

Я решительно вытряхнул остатки морока из головы и подсел к куратору на травку. Тот наблюдал за моим приближением с интересом, но без опасения.

— Кстати, мужик, а как тебя зовут? — столько дней вместе, я ему все "куратор", да "куратор".

Он посмотрел на меня, как на говорящую лошадь.

— Из моих подопечных вы первый, кто об это спрашивает.

Нашел, чем порадовать!

— Меня остальные не интересуют.

— Извините. Я Питер, Питер Мерсинг.

— Пит, стало быть. Ну, а меня можешь Томом звать.

Он за секунду обдумал все последствия фамильярности с черным и сделал правильный вывод:

— Хорошо, мастер Томас.

— Я скажу прямо, как есть, договорились? Тебе не кажется, что мы тут дурью маемся?

— Разве обычно маги занимаются чем–то другим? — прищурился куратор. — Обновление печатей, зарядка амулетов…

— … и поиск пропавшего скота. И что, для этого необходимы уникальные специалисты по штурмовым проклятьям?

Не говоря уже о том, что я — алхимик!

— Армейские эксперты для этого, действительно, не нужны, — не стал спорить куратор. — Но от этих простых действий зависит существование местных жителей.

— По–твоему, вопрос жизни и смерти оценивается мешком фуража?

Пит неопределенно хмыкнул, а я не стал акцентироваться на этом вопросе: если в стране начнется голод, тут и людей начнут оценивать по живому весу.

— Нельзя объять необъятное и всех спасти тоже не получится. Тем более что серьезной нежити здесь нет, а с имеющейся можно легко справиться народными средствами. Если черноголовые этого не умеют, наши усилия все равно не изменят баланс. Но, если мы не привезем домой богатой добычи, о повторных экспедициях можно забыть — черные из Ингерники сюда больше не полезут. Понимаешь? Тогда помощи не будет никому, вообще. Порядок действий надо менять! Черноголовые живут натуральным хозяйством, нам следует отыскать свободных граждан, у них хотя бы деньги будут. И вообще, на добровольных началах мы не сможем рассчитывать на большее, чем получали местные черные. Изгоняющие, кажется? Нужно сосредоточиться на других видах промысла. Выяснить у местных, какие места наиболее заселены нежитью, искать брошенные строения и потрошить. А овсянкой мы уже на полгода вперед запаслись!

Куратор внимал моим речам вполне благосклонно, но тут в разговор решительно вклинился Ли Хан, который к нашей команде, по хорошему, вообще не имел отношения:

— Что за странные речи? Вы не можете бросить этих людей без помощи!!!

— Так они же не люди, — попытался растолковать я. — Правильнее обозначить их как белковые конструкты с магическим управлением. А то, что внешне похожи… Так гули тоже одетые бывают. Вы мне другое скажите, уважаемый: почему среди них детей нет? Как они на свет–то появляются?

— Кстати, да, — заинтересованно кивнул Пит. — Ни детей, ни младенцев.

Белый смутился, но мне на его нервы было наплевать, я ждал ответ.

— Понимаете, тяжелые времена требуют жертв. Во власти наместника отдать черноголовым приказ избавиться от нахлебников, тогда любого, кто не способен выполнить дневную норму, убивают. Или лишают права на паек, что одно и то же, но менее гуманно. Община, состоящая из здоровых взрослых, имеет больше шансов выжить, понимаете?

Лично я такого не понимал. Зачем она нужна тогда, эта община? Хотя, если рассматривать черноголовых как скот…

— Та–ак, — незаметно подтянувшийся к месту конфликта Ридзер прищурился на са–ориотцев, как на необычного вида

клопов. — Убийцам детей мы помогать не будем.

— Тем более — бесплатно, — поддержал я. — Наверняка есть другие, более… гм… достойные.

Такую постановку вопроса куратор поддержал и дело, наконец–то, сдвинулось с места. Грузовики покатили вперед без остановок, а крестьяне остались возиться на своих полях. На мой взгляд, заниматься этим им оставалось месяца два–три, от силы: тот, кто задействовал заложенные в их головы магические схемы, не озаботился вопросом отмены колдовства. Поэтому черноголовые остервенело работали, раз за разом выполняя пресловутые "дневные нормы", рассчитанные, должно быть, на быков. Долго такое напряжение человеческий организм выдерживать не способен, так что, на обратном пути можно будет заглянуть в здешние амбары без соблюдения формальностей. Если, конечно, отдавший убийственный приказ сам не рассчитывал на нечто подобное.

К вечеру следующего дня мы прибыли в Крумих.

Глава 3

В личном деле моего отца, которое я получил в качестве извинения от одних ушлых проходимцев, упоминалось, что после Реформации многие боевые маги (особенно — сотрудники упраздненной Инквизиции) рассматривали возможность эмиграции в Са—Орио. У меня в голове долго не укладывалось, что их туда понесло, ибо что совой о пень, что пнем по сове. Когда с очередного холма нам открылся вид на Крумих, завеса тайны приподнялась: для провинции этот городишко выглядел оч–чень хорошо. С одной поправкой — в мирное время.

Первой бросалась в глаза правильная планировка, которую, что характерно, неукоснительно соблюдали. Тракт проходил по окраине города широким мощеным проспектом, в одну сторону прорастающим ровной сеткой складского квартала, а в другую — напоминающими звезду улицами респектабельного центра. Склады и, вероятно, конюшни, построены были фундаментально, крыты железом, а потому от пожаров, несколько раз пробовавших город на зуб, практически не пострадали. Противоположной окраине повезло меньше — один из кварталов выгорел полностью (тут–то и помогла планировка), судя по остаткам, там домишки оказались попроще, из какой–то деревянной фигни. Отношение к пожарищу (его никто не пытался разобрать и застроить) выдавало неблагополучие города. Это, а еще — баррикады из телег, преграждающие подходы к складам (что–то большее на таком расстоянии

различить не удавалось). Нерушимо стоял только центр, окруженный полукольцом бульвара, по–видимому, скрывающего под собой печати отвращающего периметра (я бы, по крайней мере, их там поставил). Но главное — жители в городе были, пусть и немного. Они ходили по улицам, а не перебегали из щели в щель, не только группами, но и по одному.

Ридзер переглянулся с куратором — Питер кивнул, одобряя визит в Крумих.

Появление на тракте огромных трехосных грузовиков вызвало не то, чтобы фурор, но видимое оживление. Люди жались к домам (хотя места на дороге было предостаточно) и тянули шеи, пытаясь понять, чего ожидать от нового явления. Черноголовых среди горожан не наблюдалось, но какие–то печатные тут, определенно, присутствовали (вибрации, порождаемые Духовным Патронатом, в толпе ощущались). Вблизи сильнее чувствовалась чужеродность Крумиха — непривычный вид домов, непонятные символы на вывесках, какие–то странные висюльки на стропилах,

в которых лично я магии не чувствовал. Чем–то это напоминало традиционные кварталы Хо—Карга — толстые стены, узкие окна — однако во внешней отделке жилищ са–ориотцы проявили больше фантазии. Самым распространенным элементом декора служили геометрические узоры, определенно, скопированные с какого–то более сложного образца (в Краухаре на такие художества посмотрели бы косо: вдруг это — печать?), немного реже попадались лепные стебли растений и неопознаваемо стилизованные цветы. А вот изображений людей и животных не было вообще. Однако, экзотика!

Ли Хан еще на въезде в город шаркнул ножкой, подхватил своего кота и откланялся, даже не попытавшись нас чем–нибудь отблагодарить (хорошо хоть тушенки нашей в дорогу не взял). А мы остановились там, где сходились лучи улиц городского центра — у неработающего фонтана — и дали местным полчаса на то, чтобы прийти в себя. Ридзер скользнул взглядом по скульптуре в середине пересохшей чаши (у нас такое на трубы каминов нахлобучивают, выдра называется) и переключил внимание на действительно интересное.

Я оказался прав — отвращающие знаки на бульваре были, но отвращали они не тех, либо не туда. В общем, нежить в город пробралась. Одно из зданий, выходящих фасадами на центральную площадь, почти на треть состояло из активного фомы. Сжечь строение, превратившееся в смертоносную ловушку, местные не могли, хотя и пытались (отвращающие знаки!), и нежить уверенно шел по пути превращения в карантинный феномен. То есть, если сейчас Ридзер с компанией еще могли его сковырнуть, то через недельку–другую это будет не в человеческих силах.

Капитан довольно хмыкнул. Ага! Наши услуги горожанам дорого обойдутся.

Получаса еще не прошло, а клиент уже нарисовался. В том, что это какой–то городской чиновник, сомнений не было — морда больно наглая, да и группа поддержки за спиной маячит, но для самой главной шишки он был чересчур суетлив. Питер выдвинулся на переговоры, которые сразу не заладились. Не дав нашему куратору договорить приветствие, горожанин начал напирать и махать руками. При этом он вопил неприятным тонким голосом, очень громко. Румола от такого звук аж передернуло, а Шаграт прищурился, словно прикидывал, чем бы таким горлопана проклясть. Не имея возможности вставить хоть слово, Питер сделал рукой местный отрицающий жест и попытался объяснить что–то на пальцах.

Явно в деньгах не сошлись. Если цена предложена такая, что

не согласен даже куратор, значит, работать придется даром. Без меня! Это не периметр забацать, тут реально по балде можно схлопотать. Пусть запрягают своих изгоняющих на эту байду! Черные и благотворительность несовместимы.

Торг меж тем продолжался, страсти накалялись. Питер морщился, играл желваками, но уступать давлению в присутствии своих подопечных не желал (черным только дай почувствовать слабину — тут же сядут на шею). Наконец, брызжущий слюной са–ориотец допустил промах — схватил собеседника за мундир — и получил давно ожидаемый удар под дых. Я был просто счастлив: оказалось, что даже непрошибаемых армейских кураторов можно вывести из себя. Бойцы Ридзера оживились, воздух задрожал от пробуждающихся Источников, но горожане за своего заступаться не стали. Умные потому что.

— Похоже, вы были правы, мастер Тангор, — Пит безуспешно пытался прогнать с лица гримасу раздражения. — Ждать благодарности от местных — глупо. Возможно, стоит вернуться на побережье и попробовать работать по руинам.

А ведь это успех — своим горем куратор первым поделился со мной, а не с Ридзером. Теперь главное — не уронить зарождающийся авторитет.

— По руинам — это хорошо, — кивнул я. — Но на побережье возвращаться не стоит. Вы заметили — чем дальше от берега, тем крупнее селения? Сегодня утром я видел на склоне большие дома. Похоже, это какая–то усадьба. Пустая.

Ридзер подобрался, словно гончая.

— Где–где, говоришь, ты видел руины?

В пять минут грузовики были развернуты и сориентированы на новую цель. Но спокойно уехать из Крумиха нам не дали. Снова возник давешний скандалист, ползал в пыли, хватал машины за колеса, пытался целовать сапоги и верещал не переставая. За ним пришел подзабытый уже Ли Хан.

— Слышь, убери его отсюда! — Ридзер терял последние остатки терпения. — Не доводи до греха.

— Господа, господа, вы же видите — ситуация критическая!

— …!

— Но, господа, неужели вы дадите повод усомниться в вашей силе? — заворковал Ли. — Неужели позволите заподозрить, что нежити обратили вас в бегство?

Голос белого зазвучал тише, но одновременно — глубже, богаче интонациями (что–то подобное я у эмпатов замечал). Хмыкнул, сформировал безобидное некромантическое плетение и подсунул ему под нос. Ли охнул и схватился за сердце.

— Ты заканчивай эту дурь, — предупредил его по–хорошему.

— А то ведь одними синяками не отделаешься.

Ридзер в белой магии не разбирался, но давление ощутил и уже успел разбудить Источник. Взгляд Ли Хана заметался.

— Но поймите, людям нужна помощь. А то, что у них нет денег…

— Мозгов у них нет, — перебил его я. — А вещи на обмен даже у черноголовых были.

— Дайте мне минуту, минуту! — он наклонился к горожанину и о чем–то быстро с ним заговорил.

Пит нахмурился, сразу потеряв нить беседы. Надо ему улучшать навыки устной речи! Нельзя в чем–то полагаться на чужака.

— Это прискорбное недоразумение! — выпрямился белый. — Возникла проблема с переводом: платить город не отказывается, они просто не могут быстро собрать наличные средства. Видите ли, здесь есть казна, но предыдущего хранителя забрал ночной гость и он не успел передать преемнику ключи от сокровищницы. Теперь туда просто невозможно войти!

— Это вопрос решаемый, — хрустнул пальцами Румол.

— А где, он говорит, лежат деньги? — между делом поинтересовался мгновенно забывший все обиды Ридзер.

Белый воздел очи горе:

— Вы не понимаете! Подобные хранилища в империи защищаются не хуже, чем сейфы банка Гугенцольгеров. Сработавшая защита превратит содержимое тайника в пыль!

Я хмыкнул. Много он знает про Гугенцольгеров, в И'Са—Орио'Те сидючи! Коротышки ни за что не допустили бы подобной идиотской ситуации.

— А покойный казначей где? — если тут принято мертвецов кремировать, то я умываю руки.

— Вам это зачем?

— Затем, что я могу узнать у него, как открывается сейф, если он, конечно, в гуля не обратился. Целый труп не обязателен, достаточно будет кости.

Кажется, к такому предложению Ли был не готов (интересно, за кого он принимал моего зомби?). Са–ориотцы опять стали о чем–то быстро переговариваться, причем глаза у горожанина стали круглые, как плошки. Но, видимо, желание вернуть себе деньги оказалось сильнее, чем страх перед некромантией, в отличие от Духовного Патроната, в Са—Орио запрещенной под страхом смерти.

— Пятьдесят на пятьдесят, — твердо заявил Ли. — Вы откроете хранилище и очистите от нежитей город.

— Ну, ты нахал!

— Это справедливо.

— А если казна пуста?

— Кроме того, вы сможете взять все, что найдете в брошенных строениях.

Са–ориотец, а термины ингернийского надзора знает, молодец. Я окинул взглядом пораженный фомой особняк. Если он здесь такой не единственный… В принципе, некоторые домики выглядели вполне зажиточными.

— А вот это — дело! И харчей пускай подгонят. Надоело уже кашу жрать.

И начались нормальные трудовые будни. Первым делом, естественно, мы забрались в хранилище, и золото там было. Не бог весть сколько, конечно (килограмм двадцати не набралось), но если взять в расчет и серебро, то выходило неплохо за неделю работы. Я удачно проявил себя как искатель, обнаружив в брошенных домах сразу четыре клада (в основном — цацки, но было и немного золота, чудной фарфоровый сервиз). За несколько дней город был зачищен, обыскан и защищен отвращающими печатями в три слоя.

Ненормальный предводитель горожан сиял от счастья, плакал и кланялся. Насколько я понял, помимо казны ему достался какой–то особый амулет, без которого к черноголовым лучше было не подходить, и теперь голодная смерть горожанам не грозила. Команда фуражиров немедленно отправилась в окрестные деревни.

Надо было требовать оплату три к одному.

Впрочем, кошелек горожан мы и так изрядно облегчили. Каждый старался по–своему, например, Браймер, отрядный артефактор, не покладая рук клепал всевозможные амулеты. Главным образом — от нежити, но были и для изгнания крыс и мышей, отвращения блох и, естественно, защиты имущества, а я привел в порядок городскую мельницу, тронутую огнем (это вышло дороже всего, причем, все из той же казны). Чудные эти са–ориотцы! Вместо того чтобы сразу оговорить объем работ, жмутся, жадничают, а потом все равно платят, и хорошо, если дважды.

Двенадцать боевых магов (и алхимик) — страшная сила. За неделю все проблемы горожан были решены, деньги в казне кончились, да и мы засобирались. Нам следовало осмотреть те руины на холмах (Питер разузнал, что в окрестностях есть четыре обезлюдевшие усадьбы), а потом найти в каком–нибудь портовом городе пресловутого торговца, чтобы сбыть ему остатки овса (не выкидывать же его! и через море не потащишь — засмеют). Я всерьез рассчитывал к концу лета быть в Суэссоне. Естественно,

все

планы полетели к Шороху на следующий же день.

Золото было надежно упаковано в ящики из–под тушенки. Пес–зомби — вымочен в консервирующем составе, расчесан и красив. Грузовики уже урчали прогретыми моторами, когда нас снова навестил Ли Хан. Нацелился он сразу на Ридзера, и способ привлечь внимание нашел потрясающий: подошел и протянул на ладони большой бледно–зеленый камень.

— Берите, — ласково улыбался белый. — Это подарок.

Ридзер сцапал кристалл, долго тер его, нюхал, смотрел на свет и, наконец, констатировал:

— Берилл!

А то я сразу это не заметил!

Не алмазы, не серебро и не золото больше всего ценится волшебниками. Только берилл! Без этого минерала не обходились самые надежные охранные периметры, самые разрушительные боевые артефакты и легендарные накопители маны, позволяющие активировать оружейные проклятья вообще безо всяких жертв. В Золотых Вратах вмуровано целых шесть бериллов с палец величиной, этот камень был размером в две фаланги. Окажись здесь не армейские эксперты, за такой приз черные могли бы друг друга поубивать.

Но привитая боевым магам дисциплина восторжествовала — Ридзер сделал над собой усилие и передал добычу куратору, "в общак".

— Есть еще?

Белый, попав в перекрестье хищных взглядов, ничуть не смутился.

— Мое состояние оценивается в восемь подобных камней. К сожалению, хранятся они не здесь, — тут он был не прав, ему крупно повезло. — Люди, к которым я ехал, еще до волнений перебрались в другой город. Мне самому туда не добраться. Я хотел бы нанять вас в качестве охраны, ну и заодно — послужить вам в качестве проводника. Наградой будут еще шесть подобных кристаллов.

— И они хранятся как раз там, куда уехали ваши друзья? — с сомнением уточнил Пит (он единственный не потерял головы).

— Лучше! — улыбнулся Ли. — Я хочу попасть в Кунг—Харн, это город, рядом с которым расположены берилловые шахты.

Все, пиши — пропало. Черных переклинило. Вопрос о том, как далеко находится этот самый Кунг—Харн, даже не обсуждался. Мысль, что местные могут не захотеть делиться драгоценностями, боевых магов не посещала. Пит сверлил белого подозрительным взглядом. Да, этот тип явно чего–то

недоговаривает. Лично я послал бы его к Шороху вместе с его камнями. Не потому, что боюсь (это — никогда), а потому, что не люблю, когда меня используют втемную (даже так — ненавижу!!!). Но тогда мне придется возвращаться на побережье одному и пешком, а потом долго объяснять, чем я занимался без куратора. Не вариант.

— Ну, что, поможем дедушке? — потер ладошки Ридзер.

— Поможем! — нестройным хором поддержали его бойцы.

Ли смотался за своим котом и привычно занял место в кузове. Белый, скорее всего, маг, точно — эмпат, в компании черных магов и некроманта. Без колебаний. После того, как я уже один раз продемонстрировал ему свою силу. Да его должно было бросать в холодный пот от одной мысли о нас!

Этот тип, определенно, что–то скрывает.

Глава 4

Очередное поселение черноголовых было видно как на ладони, но Су'Никар не спешил подходить ближе, и формальный лидер отряда, Ана'Рассе не решался его торопить. Хотя, какой он "ана"? В прежнее время такому оставалось бы только мечтать о скромном "а". Но император увел на юг самых сильных изгоняющих, самых умелых пастырей и самых умных чиновников, тусуанскому наместнику остались ошметки — слишком старые, слишком молодые, слишком слабые, слишком глупые, ленивые или склочные. Ана'Рассе объединял в себе сразу несколько пороков.

— Может, стоит обойти? — не утерпел Т'Ахиме — отрядный пастырь.

Этот полностью соответствовал своему титулу и, по хорошему, должен был работать в связке с опытным "ти", но император… И далее по тексту.

— Сможешь их окоротить, если что?

— Нет, что вы! Их даже для мастера слишком много.

Да, много: черноголовые с нескольких окрестных селений собрались в одно и расположились вдоль его ограды аккуратными полевыми станами. Никакой суеты, никакого лишнего волнения. Однако теперь там, по оценке Су'Никара, собралось не менее полутысячи печатных. Привести в повиновение одновременно столько зачарованных не смог бы и лучший пастырь.

— Вперед! — объявил Су'Никар и пришпорил лошадь прежде, чем кто–то посмел что–то вякнуть.

Отряд из семи изгоняющих, в котором только четверо заслужили настоящие имена, а еще трое оставались учениками, едва прошедшими ритуал пробуждения, потянулся за командиром. Су'Никар был в своем праве — с взбесившимися печатными придется сражаться ему и он не хотел оставлять за спиной проблему. Путь в Крумих долог, гостевые дома вдоль тракта уничтожены и им все равно придется иметь дело с черноголовыми. Глупо прятаться и юлить!

Для передвижения Су'Никар выбрал полевую дорогу, демонстративно игнорировав предназначенный для чужаков тракт. Изгоняющие почти ничего не боятся, это известно всем, а сейчас важно было показать, что не боятся они конкретно черноголовых.

Их заметили. Печатные выбегали из своих шалашей, разглядев штандарт отряда — подавались назад, но совсем не уходили. Зрелище, которое в другое время Су'Никар едва отметил

бы, сейчас производило тревожное впечатление. На деревенскую площадь отряд въехал, словно в ловушку.

— Кто староста? — потребовал ответа Су'Никар, не заморачиваясь приветствиями и не слезая с лошади (именно так следует вести себя злобным изгоняющим).

— Я, господин, — выступил из толпы ничем не отличающийся от остальных черноголовый.

— Чего скопились?

— Ночной гость, господин!

— Что за гость?

— Поднятый, господин!

Су'Никар плюнул, не заботясь, в кого попадет.

— Сами виноваты! Зачем трупов в лесу понатыкали? Гостей приманивать?

— Это — воры. Мы хотели…

— Я знаю, что вы хотели! Снять, порубить и сжечь! Еще раз увижу — виновным руки оторву, точно по Уложению. Гостя вашего, если встречу — отошлю, но специально охоту устраивать не буду — нас ведет воля Анатари'Шарпа.

Черноголовый понятливо покивал: приказы правителей — превыше всего.

Су'Никар развернул коня и уже уезжая, между делом поинтересовался:

— Кто ставил вам периметр?

— Проезжие, господин! — в голосе старосты отчетливо прозвучало злорадство.

Отряд покинул селение с достоинством, но с тракта Су'Никар решил больше не съезжать. Стоило толпе черноголовых скрыться из виду, как боевой порядок распался.

— Заметил? — окликнул Су'Никар единственного, чьим мнением стоило интересоваться.

— Семнадцатизвенный периметр, — кивнул Су'Хамат. — Знаки гравированы на камне, инкрустированы серебром, но не через амальгаму.

С'Лахиму и С'Анишу это, естественно, ничего не сказало, не говоря уже об учениках.

— И что? — не удержался Ана'Рассе, чем избавил Су'Никара от необходимости ронять достоинство необразованных подчиненных.

— То, что ни один туссуанский изгоняющий в такой манере не работает, в нашем питомнике этому не учат, — снисходительно объяснил он. — Да и снадобий нужных у нас нет.

— А если бы перед нами проехал имперский рыцарь такой силы, черноголовые обязательно бы об этом проболтались, —

добавил от себя Су'Хамат.

У Т'Ахиме аж глаза округлились:

— Откуда — рыцарь? Зачем — рыцарь?

Несколько секунд Су'Никар наслаждался смятением пастыря. Все верно, такого хилого заклинателя могучий колдун прибьет чисто из принципа, ради давней вражды са–ориотский черных и белых.

— В Тусуане такие знаки есть только на дворце наместника, и ставил их темный рыцарь, специально из столицы для этого приезжал. Мой наставник говорил, что для этого нужен шестой уровень, не меньше, и особые тайные знания, — снисходительно объяснил изгоняющий как бы лидеру отряда. — Но здесь работал не рыцарь.

— Чужаки! — зло оскалился Су'Хамат. — Прошел слух, что они высаживаются на побережье.

— Им–то это на что? — искренне не понял Ана'Рассе.

Действительно, на что? Золота у черноголовых нет, а было бы — не дали, уговор такой, магией подтвержденный. А вбухивать столько силы безвозмездно… Такое у изгоняющего в голове не укладывалось.

— Вот догоним и спросим, — постановил он.

Сила крови кипела в жилах Су'Никара, заглушая голос разума. Ни слабый пастырь, ни неопытный лидер не могли его удержать — изгоняющий желал знать, что за сволочь топчется по ЕГО земле. Гипотетическая сила чужаков его не пугала — усомниться в себе черный не способен в принципе.

"Не поможет натиск — хитростью возьмем!"

Иметь дело с ночным гостем все–таки пришлось — оголодавший мертвец вылез на тракт среди бела дня и попер прямо на изгоняющих, не способный оценить исходящую от них угрозу. Истерзанный труп уложили с третьего удара, прижизненные травмы обсуждать не стали. Су'Никар полагал, что перед ними — один из тех несчастных, которые застряли в пути во время уничтожения опорных точек вдоль тракта — гостевых домов. Император, напуганный возможным притоком беженцев на юг, не озаботился предупредить кого–нибудь о своих планах. В результате, от возникшей неразберихи гибло больше народа, чем от ночных гостей.

А цели чужаков стали ясны в следующей же деревне.

— Овес?!! — Су'Никар был в шоке.

— Два мешка!!! — страшно округлил глаза местный староста. — И большой кувшин масла.

Т'Ахиме глупо хихикнул.

— Интересно, что они взяли за тот периметр, — закусил губу

Су'Хамат.

— Подумаешь! — пожал плечами Ана'Рассе. — Ну, оголодали люди. С кем не бывает!

Спорить с формальным лидером никто не стал. Тем более, что в свежей мусорной куче около следующей опорной точки обнаружились иноземного вида жестянки, отчетливо пахнущие тушеным мясом. С'Анишу не удержался и лизнул.

— Оголодали, говоришь, — скрипнул зубами Су'Никар (правильному изгоняющему не интересны чужие объедки!).

А ученики подсуетились и в следующей жестянке нашли неиспользованного жира на палец.

— Есть еще один вариант, — хмыкнул Су'Хамат. — Просто им это вообще ничего не стоило.

А тех ли людей они преследуют? Но выбора не было — чужаки с сомнамбулической точностью придерживались дороги на Крумих. Однако если на первой стоянке отряд отставал от иноземцев на день, то на второй — уже на два. Лошади на рысях проходили шестьдесят километров в день, а заморские машины столько же — в час. Можно было, конечно, поднажать, но тогда они рисковали потерять

животных посреди дороги, а новых достать негде — император крепко обобрал северные провинции перед уходом.

День за днем отряд шел по остывающему следу, с утра до вечера упираясь взглядом в бесконечную рифленую ленту, оттиснутую на сухой земле колесами грузовиков. Это было несправедливо, в конце концов! Почему они, хозяева этой земли, плетутся, глотая пыль и запах лошадиного пота, а явившиеся из–за моря чужаки путешествуют с комфортом, плевав на все запреты и отсутствие убежищ? Как в таких условиях можно дать отпор вторжению, если агрессора даже не догнать?!!

В Крумих Су'Никар въезжал четким намерением набить кому–нибудь морду.

Стоило впереди показаться городской застройке, Ана'Рассе немедленно встал во главе отряда и спесиво задрал нос — помимо общей туповатости, он был невероятно властолюбив. Если наедине с изгоняющими чиновник старался держать себя в руках (надо понимать, из чувства самосохранения), то с обычными людьми нежничать не собирался. Су'Никара подавил раздраженную гримасу — что взять с бесталанного? Изгоняющему достаточно было бы один раз утвердить свое лидерство, а человек требовал знаков уважения непрерывно, чем раздражал даже робкого Т'Ахиме.

Отряд двигался по городу бодрой рысью, предоставляя жителям возможность самим позаботиться о своей безопасности.

Привычные горожане суетливо разбегались с пути облеченных властью и низко кланялись штандарту с символом тусуанского владыки. Уточнять дорогу не требовалось — планировка Крумиха, как и всех городов И'Са—Орио'Та, в точности соответствовала их статусу и определялась Уложением, по которому в империи делалось практически все. Поэтому путь до сосредоточия городской власти Су'Никар проделал совершенно без участия сознания. И только потом поднял глаза и замер в ступоре — городская площадь выглядела неправильно.

Для начала, дом, в который они стремились, вообще отсутствовал. На его месте в чреде строений зиял провал и копошились мастеровые из печатных, споро разбирающие обломки. Сомнений в причине такой активности не оставалось — над руинами густо, как запах пожарища, висело эхо темной ворожбы. От привкуса чужой магии все волоски на теле Су'Никара встали дыбом.

— Где дом городского головы? — прорезался голос у Ана'Рассе.

Есть, все–таки, польза от человека — глух, туп и не прошибаем.

— Там, господин, там он живет! — заулыбались печатные, тыча в третий от поворота дом.

— А здесь что случилось?

— Ночной гость, господин! Дом совсем испорчен, жить нельзя. Убираем!

— Понятно…

Ана'Рассе, возможно, все понятно, а вот Су'Никара мучили сомнения: ну не мог единожды проведенный ритуал давать такой сильный отклик! Здесь, на площади изменилось что–то еще. Найти ответ немедленно командиру помешали подчиненные: взбудораженный враждебным окружением, отряд теснился вокруг лидеров. Но вот люди и кони на мгновение расступились, и тут в душе Су'Никара впервые зародился трепет — воздвигнутый в чаше из–под фонтана Знак отвращал нежитей так мощно, что изгоняющему самому захотелось спрятаться. Из разобранной скульптуры времен второй династии тут же рядом сложили скамейку. Неукротимый Су'Хамат пытался изучить иноземное волшебство ближе, а Знак в ответ стрекался защитным контуром.

— Эй! Оставь в покое эту штуку!

Су'Хамат оглянулся на командира словно кот, застигнутый на краже сметаны.

Только выяснения отношений им сейчас и не хватало…

— Сначала — дело, потом — развлечения.

Су'Хамат, нехотя, кивнул и взгромоздился на своего коня.

Сейчас следовало сосредоточиться на встрече с городским головой, рычагов влияния на которого чужаки Су'Никару не оставили. Чиновника придется запугивать и давить авторитетом, в таком деле требуется чувство меры и тонкий расчет, на который лидер вроде Ана'Рассе не способен. А в случае неудачи Наместник покарает всех, пусть и не в равной мере (к этой традиции Анатари'Шарп успел своих подданных приучить).

Как ни спешил отряд, но вести их опередили — к их приходу городской голова успел подготовиться. Чиновник встретил важных гостей в традиционном одеянии, по локоть обнажающем руки — в стране, где широко использовался Духовный Патронат, угроза могла исходить даже от младенцев. Су'Никар привычно сосредоточился на окружающем — его задачей являлись не переговоры, а обеспечение безопасности лидера.

Традиционные приветствия, воспевающие хвалу предводителю боевого отряда, заняли у горожанина минут две, и Ана'Рассе выслушал их до конца, с видимым удовольствием. А вот ответная дань уважения далась ему с трудом.

— Назови свое имя и должность, верный гражданин!

— Городской голова, А'Гупа.

— Третий класс? — брезгливо уточнил Ана'Рассе. — Разве вы вправе занимать эту должность?

— Так ведь других нет! — подобострастно изогнулся чиновник. — Прежнего–то градоправителя, Ан'Кишука, ночной гость забрал. Так со всем семейством и преставился. Но, видать, от престолов небесных помог родному городу — гостя отослать удалось.

Су'Никар не стал уточнять, какой стихией небесный престол при этом воспользовался — и так ясно. Не даром горожане так торопились снести злосчастный дом! На выломанных из стен кусках до сих пор белели мелом контуры непривычных глазу знаков. Следует ли тогда считать заморских чужаков небесными посланцами?

"Лучше они, чем мы" — поймал себя изгоняющий на непатриотичной мысли. Судя по эху, оставшемуся после ритуала, за этого гостя им пришлось бы заплатить кем–то из учеников. Ана'Рассе таких нюансов то ли не заметил, то ли не понял, впрочем, чиновнику смерть недоделанного изгоняющего могла быть глубоко безразлична — прежде, чем их начнут ценить и хоть немного беречь, ученикам предстояло пройти долгий путь.

— Тяжелые времена требуют особых мер, — с фальшивым сочувствием кивнул Ана'Рассе и перешел к делу. — Поэтому Наместник Императора в Тусуане принял решение вернуть на службу вышедших в отставку пастырей.

А'Гупа с готовностью кивнул, явно не понимая, при чем тут Крумих.

— В вашем городе отозваться на призыв обязаны двое, — Ана'Рассе сверился с пергаментом. — Тай'Амиши и Тай'Герель.

Это был самый тонкий момент: при уходе со службы заклятья, опутывавшие любого имперского мага, ослаблялись, а никто из пастырей не горел желанием заниматься своим делом добровольно. Возможно, эти двое попытаются уклониться от встречи с Ана'Рассе, чтобы не дать призыву подействовать. Су'Никар намеревался все это жестоко пресекать: изгоняющему, которому выход в отставку вообще не полагался, было приятно поставить вечных врагов в неудобное положение.

— Ничего не получится, — покачал головой А'Гупа.

"Словно фарфоровая собачка! Как у него башка не отвалится"

Ана'Рассе мгновенно рассвирепел:

— Поговори еще! Немедля представить!!!

— Не можно, господин, — залебезил градоправитель. — Старый Тай'Амиши покинул город сразу после того, как закрылись тракты, с семьей. А уж как мы просили его повременить, как просили! Не внял. Тай'Герель погиб, когда периметр с проклятого дома снять пытались — больно хитрая оказалась ловушка. Жалко его, всего год как отслужил…

— В сейфе должна была храниться печать с символом Уложения, — глаза Ана'Рассе алчно блеснули. — Где она?

Су'Никар поморщился. Кто спорит — такая печать сейчас стоит дорого, опытных пастырей–то нет! Но без подтверждающего их права амулета горожане будут голодать, за каждый мешок овса им придется драться с черноголовыми насмерть, и не известно, кто победит (были прецеденты). Градоправитель замялся, его рука дрогнула и потянулась к поясу. Су'Никар мог вмешаться, но не пожелал решать чужие проблемы, а Ана'Рассе, кажется, ничего не заметил — сказалась неопытность формального лидера отряда. Горожанин успел дотронуться до поясной пряжки, скрывавшей в себе какую–то разновидность "хранителя" и через секунду осел на пол ровной горкой пепла. Су'Никар с удовольствием наблюдал за истерикой незадачливого "ана", яростно топчущего прах и успевшего извозиться в нем по колено. Придурку не объяснили, что любой высокий чиновник обязательно имеет при себе подобное — от некоторых "милостей" императора можно уклониться только так.

— Что будем делать, господин? Забирать отсюда нам некого.

Поставленная задача не выполнена, Наместник будет, мягко говоря, не доволен. За жизнь своих подчиненных Су'Никар не опасался, а вот нахальный человечек, осыпанный милостями не

по таланту…

— Остаются еще чужаки, — перевел дух Ана'Рассе, и оценил, наконец, в какой дряни измазался. — Убьем дикарей — прославимся. Они, наверняка, устали и извели все свои снадобья.

Такой ход событий Су'Никара вполне устраивал, хотя в последнем утверждении изгоняющий сомневался.

— Верхом за машинами нам не угнаться. Надо узнать, не говорили ли они, куда собираются. Может, дорогу спрашивали.

— Узнаем, — мрачно посулился Ана'Рассе.

Однако предпринимать что–либо для поиска истины, как сразу же выяснилось, формальный лидер отряда не собирался. Они покинули дом покойного градоправителя, пройдя мимо низко кланяющейся челяди, не успевшей ничего понять родни, и Су'Никара заметил для себя, что ни одного патентованного чиновника среди окружающих не было. Как бы ни был изгоняющий равнодушен к жизни людей, даже ему было понятно, что на место покойного А'Тупы горожанам придется ставить еще более мелкого служащего, а то и вовсе — заезжего купца. Лояльности Наместнику это Крумиху не добавит. И кто виноват?

Однако возможность увидеть на колу голову Ана'Рассе не стоила публичного бичевания или потери статуса. Придется проявлять инициативу (за избыток которой некоторые изгоняющие лишались не только статуса, но и головы). А если и в этом случае ничего не выйдет? Су'Никар чувствовал себя так, словно сам рисует на своей груди мишень.

"Убьем чужаков и свалим все беды на них!"

За реализацию этого гениального плана изгоняющий взялся немедленно. Оставив с чиновником самого терпеливого из учеников, Су'Никар отправил остальных членов отряда заниматься делом. Необходимо было хотя бы начерно оценить масштабы иноземного вмешательства и установить его цель, узнать побольше о чужаках (тут изгоняющий больше рассчитывал на Т'Ахиме) и определить,

куда те направились. Весь день лазутчики сновали по городу, а вечером принесли добытые сведения на постоялый двор, который Су'Никар без ложной скромности занял целиком (все равно других постояльцев нету). Ана'Рассе, по молчаливому соглашению, беспокоить не стали — формальный лидер отряда вкушал плоды своего социального статуса, ради которых, собственно, и пошел на службу.

"Либо — на девке, либо — так обкурился, что и девки не нужны. О долге командира, естественно, мысли нет"

Как ни странно, зависти это не вызывало, скорее облегчение — не будет под руку толкать. Су'Никар и так чувствовал себя не в

своей тарелке: изгоняющий собирался сделать противоестественную для черного вещь — попросить совета. Именно ради такого случая он и взял в отряд самого спорного его члена, имевшего почти равный статус и весьма дурную репутацию. В пределах тусуанской общины Су'Хамат был известен как упрямый и неуживчивый колдун, начисто лишенный должного чинопочитания и, к тому же, мстительный до невменяемости. Каким–то хитрым образом ему удавалось не попасть под действие Уложения, но о получении к имени приставки "сай" речи даже не шло. Вторым недостатком был возраст, для имперских черных восемьдесят лет — большой срок. Однако, Су'Никар видел этого старика в деле — при необходимости, Су'Хамат мог быть сдержан, терпелив, разумен и наблюдателен. Иногда даже сомнение возникало: что в поведении изгоняющего — непреодолимые черты натуры, а что — искусная симуляция. Как знать…

Выслушав доклады подчиненных и задав множество уточняющих вопросов, Су'Никар выгнал всех (включая пастыря) из комнаты — ни к чему обеспечивать конкуренту лишний авторитет. Су'Хамат снисходительно, как старый наставник, наблюдал за происходящий и с этим приходилось мириться.

— Знаешь, что меня больше всего удивляет? — начал Су'Никар издалека. — После постоя такого отряда во всем городе — один пострадавший, да и того не магией приложили.

— Выглядит так, — задумчиво покивал Су'Хамат. — Будто они ехали от побережья, развлекаясь по мелочам, а, добравшись до города, вежливо предложили свою помощь.

Су'Никар понимал, что звучит описание происшедшего глупо. Тем не менее, хотя чужаки неделю кормились за счет обывателей и деньги из казны выгребли почти все, горожане до сих пор не могли поверить своему счастью. С'Лахим обнаружил, что помимо колдовства иноземцы выполняли починку механических устройств (от ходиков до городской мельницы), хотя занятия эти сочетались примерно как мягкое и холодное. Общее количество нанесенных чужаками отвращающих знаков переваливало за шесть сотен, а пентаграмма, в которой зачаровали бессчетное количество мелких амулетов, по размерам соответствовала Большому Заклинательному Чертогу.

— В чем же их план? — от бессилия проникнуть в чужой замысел Су'Никар обкусал все ногти.

— Да какой там план! Они сюда как в бордель приехали, поразвлечься. Погулять, гостей погонять, золота нахапать. Красота! Бояться некого: им вся армия Наместника как банда тараканов — сапогом прибьют.

— Но зачем РАБОТАТЬ?!!

— Ты, кажется, сегодня с нашим вождем ходил? — прищурился Су'Хамат. — И много он добыл, на дурную силу рассчитывая?

Су'Никар вынужден был признать, что — ничего.

— А иноземцам горожане добровольно золото несли, последние заначки выгребали, самые тайные тайники! — Су'Хамат восхищенно поцокал языком. — Хитрые, как воронье племя. Что горожане, им даже печатные в харчах не отказывали!

— И не говори, — проникся Су'Никар.

— Лучше подумай, что мы делать будем, если встретимся.

— Может, и не придется ничего делать. Ты ведь слышал, кто с ними поехал?

— Пастырь, — спокойно кивнул Су'Хамат. — И внешность у него еще такая примечательная…

— Высокий, белые волосы, вытянутое лицо, неопределенного возраста, говорит с легким гортанным акцентом, — процитировал Су'Никар доклад Т'Ахиме. — Знает кое–кого из местных, но сам не отсюда.

Су'Хамат покачал головой, словно удивляясь, как младший по сути, но формально — командир, может быть таким ненаблюдательным.

— У этого пастыря внешность народности талле, — с раздражающей терпеливостью разъяснил он. — Их на всю империю таких сотни три было. Когда светлорожденные на юг драпанули, тут осталась семья Амиши и еще община в Кунг—Харне.

— То–то нас сюда погнали! — прозрел Су'Никар.

— Угу. Только этот талле не из имперских, не из тех, что клятвы принесли. Сам думай, в помощь он нам будет или наоборот.

Су'Никар покивал, но про себя решил, что задумываться над этим не станет, а то закончит подобно Су'Хамату — на восьмом десятке ни детей, ни статуса.

"Что за проклятый рейд! Ни золота, ни славы, поганство одно"

Часть 2.
Рейд по историческим достопримечательностям.

Глава 5

То, что армейским экспертам жадность мозги отшибла — это я не подумав сказал. В общем, проложить маршрут Ридзер все же соизволил, тут–то и выяснилось, что Кунг—Харн находится в совершенно немыслимой дали, и по карте это отчетливо видно.

Капитан попытался разрешить противоречие с непосредственностью боевого мага — подошел к Ли Хану с вопросом:

— Послушай–ка, а у тебя поближе друзья есть?

— Есть.

— О!

— Но бериллов у них нет.

— А-а…

Я, с интересом, ждал, какая страсть возобладает в душе капитана, в результате, этот гад подвалил с вопросами и ко мне:

— Слышь, Тангор!

— М-м.

— Грузовики такой путь потянут? — он подсунул мне карту, где длинной загогулиной отмечался наш будущий маршрут.

— Потянуть–то потянут, и туда, и обратно. Только через густо населенные районы нам лучше не ехать, — я потыкал пальцем в подписанные точки, обозначающие города. — И уточни, ради Короля, у нашего чудика, как лучше через вот эту реку переправляться. Выдержат ли их мосты вес грузовика?

Ридзер проникся, и снова пошел трепать нервы Ли Хану.

Так бы он и мотался туда–сюда, выясняя вес, скорость, проходимость машин, если бы я не подошел следом и, после некоторой борьбы с капитаном, не развернул бы перед белым карту. Ну, да, армейское имущество! Но мы–то знаем, что она срисована с са–ориотских образцов один в один.

— Покажи–ка нам, дружок, как лучше добраться до этого твоего Кунг—Харна!

Сразу выяснилось, что в са–ориотских реалиях капитан разбирался… скажем так: не сильно. Во–первых, о переправе через мосты следовало забыть — по каким–то не очень понятным мне причинам, власти распорядились их снести, увеличив таким образом масштабы хаоса. Во–вторых, Ли Хан что–то слышал про наступление карантинных феноменов с юго–востока, а в нескольких левобережных городах случился бунт. В результате, чтобы достичь прииски, расположенные в глубине континента практически точно на запад от нас, требовалось сделать серьезный крюк на север

— Рекомендую ехать вот так.

— А эта загогулина зачем?

— Тут дорога проходит по малозаселенной местности, к тому же, у меня там живут знакомые. Есть другой путь от побережья, но он проходит через Тусуанскую долину.

Я сурово посмотрел ему в глаза: ему–то с чего опасаться местных властей? Белый ответил ясным, честным взглядом.

В результате сделанных Ли Ханом пометок ценность армейского имущества сильно возросла, а наш маршрут удлинился вдвое против нарисованного капитаном. По утвержденному плану нам следовало сначала сильно уклониться на юг, а потом, не покидая береговые Понтиакские горы, пройти их насквозь и оказаться сразу в верховьях Тималао — второй по величине реки континента. Затем обойти водную преграду с севера, а дальше — здравствуй, Харанское нагорье, здравствуй Кунг—Харн! Какие–то жалкие полторы тысячи километров по прямой.

— Вот что: думай, где мы сможем подработать. Овса, по ходу, на весь путь не хватит.

Ли Хан понятливо кивнул.

К рывку через безлюдную местность мы подготовились по мере сил: в расположенных вдоль тракта деревнях набрали масла (черноголовые по–прежнему охотно платили за защиту стоило им чуть–чуть помочь), я пару раз запустил алхимический котел и заполнил все пустые бочки топливом. Для кота купили корзину с крышкой и непрозрачно намекнули белому, что, если утром вещи хоть раз окажутся влажными, скотина будет жить там. По настоянию Питера приобрели войлочные сапоги и одеяла из белой пушистой шерсти, от одного взгляда на которые меня начинало мутить (температура по ночам уверенно держалась под тридцать).

Я сосредоточенно готовился дальней поездке, пытаясь предугадать любые сюрпризы, которые могут преподнести нам природа и са–ориотцы, естественно, что главный нежданчик прилетел ко мне с другой стороны.

Все началось незаметно, с безобидного вопроса:

— Слышь, Тангор, а это есть можно?

Рурк поставил передо мной целое ведро нарядных золотистых грибов. В живую я их видел в первый раз, но по описанию узнал сразу.

— Есть — нельзя, можно использовать в качестве ингредиента к зельям.

На физиономии Рурка отразилось глубокое разочарование, он протянул руку, но, поймав хмурый взгляд, пожал плечами и

оставил ведро мне. Бесплатных консультаций не даю! Так я стал счастливым обладателем трех килограммов поганки императорской — дальней родственницы краухардской горькуши. Знаток всяческих зелий, магистр Тиранидос считал этот гриб идеальной основой для черной свечи. В тот же день тенты фургонов украсились (с внешней стороны) холщевыми мешочками с сохнущими грибами.

Следующим любителем советов оказался Браймер. Отрядный артефактор оценил мою предприимчивость и интересовался, нельзя ли заменить чем–нибудь кое–какие зелья. Обещал ему обработать местные корешки и травки, при условии, что собирает их он, а продукт мы делим поровну.

Но уже тогда в моей душе родилось сомнение. С одной стороны, вся моя карьера алхимика и мага была построена на выгодном использовании чьей–то некомпетентности — я делал за деньги то, что другие не могли. С другой стороны, когда черный просит совета у черного — это противоестественно. Мы все должны быть готовы скорее сдохнуть, чем признаться в собственной ограниченности. Я подивился чуду и списал все на особую подготовку армейских спецов.

Тем более что береговой тракт свернул в горы, и местность окончательно перестала напоминать Ингернику. У нас так не строят! Даже

в Суэссоне (впрочем, там дороги не строят вообще). Са–ориотцы не удосужились выбить в головокружительной высоты склонах карнизы шириной хотя бы в две телеги, поэтому в самых узких местах грузовики цепляли за каменные стенки бортами. Страховочные заграждения, изначально присутствовавшие в конструкции, за прошедшие с момента строительства годы разобрали, пустив на ремонт основной части дорожного полотна. Наползающие на тракт осыпи и свежие завалы приходилось сносить проклятьями, а, вырываясь на простор, дорога начинала выписывать такие кренделя, какие одолеть под силу было не всякой телеге. Было место, где разворачиваться пришлось в три приема! Это нам еще повезло, что император закрыл тракты, иначе пришлось бы тащиться со скоростью вьючной скотины. Мое мнение: важнейшая транспортная артерия И'Са—Орио'Та больше напоминала звериную тропу.

Здесь приходилось зорко смотреть по сторонам, чтобы не угодить под камнепад или не въехать в какую–нибудь трещину, а по ночам пушистые одеяла уже не казались неуместными. Рурк, отказавшийся надевать войлочные сапоги, простыл и начал хлюпать носом, но я так полагал, что зараза к заразе не пристает, и воспаление легких ему не угрожает. Такое путешествие хорошо

отвлекало от глупостей, если бы не одно но — за следующую неделю ко мне со всякими незначительными просьбами успели сбегать ВСЕ. Когда Шаграт потребовал заставить Румола вернуть стибренные портянки, мое терпение иссякло, и я понял, что жизнь надо менять. Вправлять боевым магам мозги должен клановый лидер или вожак, его заменяющий (в зависимости от того, какая причина согнала черных вместе), а мериться силами с Ридзером у меня не было никакого желания. Куда смотрит капитан, если его подчиненные начинают бегать на сторону?

И тут меня настигло озарение. Кажется, я хотел заработать уважение и авторитет? — У меня получилось. Именно так это и выглядит в исполнении боевых магов. Ридзер был ничуть не против, если подчиненные перестанут свистеть ему на ухо. Пусть все их желания выполняет волшебный джинн! А когда потребуется продемонстрировать свой статус, он тут как тут, в плаще и фуражке. Замечательное разделение труда: все отрицательные стороны лидерства — мне, а положительные — ему. Э, нет, Тангора им так просто не одолеть! Я пошел жаловаться куратору.

— Слышь, Пит, прими меры! Что они все ко мне лезут? Я — алхимик!

Куратор, с готовностью, кивнул, но что–то в его взгляде подсказывало мне, что все свои проблемы он уже мысленно повесил на меня. С наслаждением. У, тунеядец! Получим бериллы — потребую двойную долю.

С этого момента я начал посылать всех просителей к Ридзеру, Питеру и Шороху, даже когда точно знал, что и как делать. С черными только так! Стоит один раз прогнуться, проявить вежливость и скоро вытирать им сопли станет твоей священной обязанностью. Не дамся!

Сказать, что армейские эксперты были разочарованы, значит — ничего не сказать. Меня пробовали взять на слабо, подкупить какой–то мелочевкой и задавить морально идиотскими рассуждениями о боевом братстве (У черных! Между нами даже дружбы не бывает). Радовало, что до угроз дело не дошло — куратор рядом (а может, кретины понимали, что могут крепко огрести в ответ). Я был тверд как скала, но на всякий случай возобновил утренние тренировки, к которым меня в свое время приучал Сатал. Давно пора! Здоровье после неудачного Круга я восстановил, а вот с физической формой — не сложилось.

Самым неожиданным стало то, что моя черствость возмутила Ли Хана и он решил меня пристыдить.

— Молодой человек, вам не кажется, что можно быть вежливее с людьми, которые вдвое старше вас? Мы ведь все

трудимся сейчас для достижения общей цели!

Я задумался, но не о своем поведении. Совсем белый страх потерял — боевому магу предъявы выкатывает! Указать на физическую несостоятельность (молокосос!), подвергнуть сомнению общественный статус (хамишь уважаемым людям!), да еще и намекнуть на неспособность достичь цели самостоятельно — дуэли устраивали и за меньшее. Ладно, я — очень чуткий и отзывчивый (для черного) человек, а кто погрубее его изувечить может. Не то его наши манеры в заблуждение ввели, не то он с боевыми магами никогда не общался, так и так — покойник. Придется спасать.

— Знаешь что, дед, иди–ка ты читать мораль, — тут я повысил голос. — Румолу! Но самое интересное мы ему не скажем.

— Что — интересное? — немедленно отозвался Румол, как раз проходивший мимо.

— Не понимаю, о чем ты! — вежливо улыбнулся я.

— Что — интересное? — повторил бое вой маг, обращаясь уже к белому.

Ли Хан молча шевелил губами, постепенно осознавая размер устроенной ему гадости. Естественно, молчание ему не помогло. Весь остаток дня Румол хвостиком ходил за белым, требуя открыть тайну, и постепенно зверея. До рукоприкладства дело не дошло — Ли Хан осознал невозможность достучаться до разума боевого мага и побежал за помощью к куратору. Пит понял суть конфликта мгновенно и разрешил его виртуозно — просто заявил Румолу, что никакой особой тайны нет.

— Тангор жил в Суэссоне, рядом с тамошними шахтами. Он хочет продать в Кунг—Харне какую–то грошовую фигню, но если местным расскажут, как она выглядит, они прекрасно смогут изобрести ее сами. Тогда денег ему не видать. И, кстати, я бы тебе тоже не рассказал — ты совершенно не думаешь, что болтаешь.

Алхимические секреты Румола не интересовали и он остыл. А Ли Хан начал отчетливо избегать моего общества. Вот это — правильная реакция!

На следующий день мы свернули с тракта на какую–то второстепенную дорогу и покатились по ней вниз. Предгорья быстро кончились, нас приняли в свои объятья влажная жара и тяжелый запах болот. Не густые джунгли, которыми, как говорят, знаменит дальний юг, а бескрайнее море изумрудной травы и шуршащего тростника, словно тарелка с заплесневевшим соусом. Тут и там, как хвостики диковинных пряностей, над топью возвышались исполинские деревья с незнакомой мне листвой, пространство вокруг которых было утыкано остовами их мертвых

сородичей. В качестве особой приправы, на заросших островках проступали камни каких–то строений, разрушенных качественно и давно.

Ридзер морщился: именно такая вода — болотная, непроницаемая для солнца — была идеальна для заселения всякой потусторонней дрянью. Но тут мы ничего поделать не могли — прежде, чем изгонять отсюда нежитей, нужно было, как минимум, дорожки настелить. По той же причине не удавалось обыскать руины, соблазнительно маячащие вдалеке, и благодушия это не добавляло. На случай, если нежити окажутся способными вылезать из воды, Браймер укрепил защиту на грузовиках, но первым поражающим фактором оказались не чудовища.

Кот белого заблажил. Он начал мяукать громким, противным голосом и не останавливался ни на минуту, игнорируя почесывания Ли Хана и сдержанные матюги Ридзера. Очень скоро стало ясно, что убийство состоится: кота утопят в болоте, если потребуется — вместе с хозяином. Предчувствуя неизбежное, белый испросил разрешения развесить на грузовиках какие–то самодельные амулеты, выглядящие как узелки из травы и тростника, "для гармонизации духовных энергий". Как они работают (и работают ли вообще) я не понял, но кот заткнулся и это уже искупало все. Но снова возник вопрос о реальных возможностях Ли Хана. На какие еще сюрпризы он способен?

Меж тем наша скорость упала — дорожная насыпь, прихотливой лентой рассекающая неизвестной глубины трясину, оказалась насыпана из мелкой гальки. Дрянной материал вылетал из–под колес, грозя, в лучшем случае, разбить лобовое стекло идущего вторым грузовика. Что будет, если камни разъедутся и тяжелая машина сползет в болото, не хотелось даже думать. Двигаться приходилось медленно и печально, из–за чего Рурка, например, вообще перестали пускать за руль.

— Тому, кто это строил, — мрачно заявил Браймер. — Нужно руки в жопу запихнуть!

Я был с отрядным артефактором от души согласен, а вот Ли Хан бросился защищать неизвестных строителей:

— Первоначально насыпь была засажена особой травой, образовывавшей мягкое, упругое покрытие. Карета могла проехать по нему без малейшей тряски!

Угу. Только теперь волшебство использовалась для того, чтобы отвратить от насыпи лишнюю растительность. Какая уж после этого трава! Да и кареты тут давным–давно не ездят, хотя некоторые развалины при жизни сошли бы за дворцы. Зуб даю — болота не всегда здесь были.

Наступила ночь, но не темнота — трясина переливалась зеленоватым светом, над ней замысловатыми хороводами кружились чарики — самые безобидные из нежитей. Я ностальгически вздохнул: как это похоже на мою родину! По аналогии следовало предположить, что эти болота так же опасны для обычных людей, как изрезанные ущельями горы Краухарда. Хорошо, что на нас подобные ограничения не распространяются: к качественно зачарованным грузовикам ни один чарик не подлетел ближе, чем на десять метров.

Мне не давала покоя мысль: "Как возникла эта вотчина Короля посреди населенного некогда края?" Обычно, такие масштабные катаклизмы вызывает неразумное применение магии, например, как в Белом Халаке, или в том же Финкауне. Хотелось бы знать, чем таким отличились са–ориотцы. Спросить, что ли, у белого?

На следующем привале я подсел к подозрительно щурящемуся Ли Хану и кивнул на полузатопленные руины:

— Что здесь случилось? — Не похоже, чтобы здание погрузилось в болото само — грунт довольно плотный, да и не стали бы строить нечто шикарное в самом гадючнике.

Белый нахмурился, словно бы устремляя взгляд в прошлое, и начал издалека:

— Тут находилась страна под названием Гартрала. К сожалению, она первой оказалась на пути экспансии И'Са—Орио'Та на север…

И Ли Хан замолчал, словно намеревался этим объяснением и ограничиться. Наивный! Я поднял свой складной стульчик (вы же не думали, что мы вокруг костра на пучках соломы сидим?), перенес вплотную к строптивому белому, невзначай приобнял его и зашептал на ухо:

— И что было–то потом? Что было?

Психологическая атака удалась: на мгновение Ли Хан натурально "сыграл в суслика" (а я-то думал, что состояние эмоционального ступора больше для

черных характерно). В себя он пришел необычайно быстро, подхватил свой стул и перебежал на противоположную от меня сторону кострового корыта (сухой тростник совали в ведро пучками). Прямо под бок к Румолу. Потом еще немного левее. Я терпеливо наблюдал за метаниями жертвы. Куда ж он денется из кузова грузовика?

Белый оценил диспозицию и капитулировал:

— Сейчас расскажу!

Ну вот, так бы сразу! Ли Хан потер переносицу, успокаивая нервы, и начал:

— Значит, Гартрала… Страна, очень похожая по устройству на современную Ингернику. Первая успешная попытка интегрировать черных в общество, между прочим! Началась, как ни странно, с того, что носителей черного источника перестали рассматривать как боевой ресурс. Все произошло лет за пятьдесят до правления короля Гирейна, которым у вас любят оценивать хронологию. Тогда этот континент занимало несколько государств, а территория империи ограничивалась равниной Орри. Патриархи Гартралы хотели построить общество всеобщего благоденствия, не основанное на постоянном ограблении соседей. Для того времени — революционная идея! Каким–то образом им удалось найти черных, готовых поддержать их затею действием…

Я заинтересовано внимал, слышать упоминание патриархов в положительном ключе было необычно (у нас так называют вожаков религиозных фанатиков, однозначно — злодеев). Мне–то не нужно было объяснять, почему сильные колдуны, распробовав цивилизованную жизнь, в два счета построили всю шоблу, решившую осесть на их территории. Получилось что–то среднее между нашим НЗАМИПС и каштадарский Темным орденом, только на добровольных началах. И все было хорошо, пока с юга не появились другие проповедники.

— Появлению пастырей очень долго никто не придал значения, тем более, что общались они с беднейшими слоями крестьян и к свержению властей не призывали — желающим предлагалось очистить дух. А недовольных среди получивших Лунное Причастие не было. Даже тогда, когда сущность ритуала стала понятна, правители Гартралы колебались — возникла дискуссия, не лучше ли обеспечить повиновение подданных так, чем тюрьмами и виселицами. Решиться на жесткие меры Патриарх не успел — когда сомнения достигли апогея, в страну вошло войско империи, состоящие исключительно из печатных. Наверное, это было самое молниеносное завоевание в истории: зачарованные слуги пастырей обнаруживались везде — в армии, страже, среди дворян и чиновником. Жертву Духовного Патроната невозможно было освободить или образумить, только убить. Без жалости, без колебаний, — белый ощутимо вздрогнул, словно лично наблюдал нашествие безумных кукол на мирный край. — Бесстрашные колдуны сбежали, не пытаясь принять бой. Патриарх Гартралы был убит своей личной гвардией.

Про колдунов, я так понимаю, в мою сторону шпилька. А теперь представьте: бесстрашные черные взяли и перебили всех зачарованных подчистую, включая дворян и чиновников. И как бы с ними потом поступили?

— А перехватить управление?

Ли Хан как–то странно покосился на меня.

— Тогда о возможности подобного никто даже не подозревал.

И вот что характерно: он прочувственно вещал мне о судьбе государства, которого четыреста лет как нет, а на заданный вопрос так и не ответил.

— Так что произошло здесь? — я для наглядности указал на болото пальцем.

— О! Плодородие земель поддерживалось сложной мелиоративной системой, печатные не в состоянии были правильно ее эксплуатировать.

Ответ на одну фразу. Какой смысл был пересказывать историю империи?

— Между прочим, — белый поджал губы, словно мои мысли прочитал. — Судьба Гартралы серьезно повлияла на историю Ингерники!

— Ну да?

— Да! Изгнанные из Гартралы черные переправились через океан, изменив естественное соотношение сил в Ингерланде. И Роланд Светлый по бабке — гартралиец.

Забавно, что наш единственный святой черный маг на четверть — иностранец. Ха! Очевидно, местных не удалось записать в герои даже во время всеобщего бедствия. Зато теперь понятно, почему старые колдуны так агрессивно относятся к И'Са—Орио'Ту — память предков кровь бередит.

Не заметив на моей физиономии следов печали или смущения, Ли Хан свернул свой исторический экскурс. Мы друг друга поняли.

День за днем проходил в пути, а болота не кончались. Дорожная насыпь медленно уходила вниз (или это уровень воды повышался?), от чего ехать приходилось еще осторожней. На привале Рурк озвучил вопрос: "Не стоит ли вернуться?" Угу, неделю ехать задним ходом, потому что развернуть грузовики негде. Ридзер вспомнил, что эту часть маршрута рисовал Ли Хан. Белый истово божился, что до конца топей остался день пути, не больше, и робко интересовался, не может ли он завтра посетить семейное святилище, отдать дань духам предков. В этом случае остаток путешествия, наверняка, пройдет без осложнений!

Ридзеру, естественно, было плевать, куда и зачем собрался белый, вмешиваться в происходящее он не собирался. А вот я забеспокоился:

— Ты не можешь идти куда–то один!

Ли Хан оскорбленно вздернул подбородок.

— Неужели вы подозреваете…

Ишь, ты, престарелый ангел!

— А то, что там нежити могут быть, ты не подумал?

По глазам вижу, что — нет. Но позволить ему просто так сгинуть я не могу — у меня моя доля бериллов уже подсчитана и расписана на самые неотложные нужды.

Белый внял голосу разума. На следующий день, указав, где находится начало тропы к святилищу, он терпеливо дождался, пока я соберу вещи в дорогу. А потом бесстрашно наступил на колышущуюся поверхность и, погрузившись в воду ровно по щиколотку, пошел вперед. Я прощупал дорогу посохом — в двух пядях от следов белого он уходил в жижу на всю длину. Пришлось пускать в ход магию, Малый Искатель — одно из не боевых проклятий, которые освоенных мной в прошлом году (что только не сделаешь в надежде на наследство!). Ворожба временно сделала мир черно–белым, зато теперь он просматривался в глубину на десять–пятнадцать метров, становясь светлее или темнее в зависимости от плотности вещества. Прямо рядом с насыпью обнаружились штук тридцать человеческих скелетов, брошенных навалом (и без вещей), чуть дальше ржавчина обозначала остатки фигурной изгороди (точнее — три упавших пролета). Ли Хан шел по дорожке из вкопанных в землю деревянных чурбаков, не сгнивших, а наоборот — окаменевших в воде. Я пожал плечами и пошел за белым, тыча посохом в подозрительные места.

Минут через пятнадцать насыпь с грузовиками скрылась за стеной тростника и стало понятно, что Ли Хан держит направление на два дерева–великана, растущие неподалеку. Кстати, давно хотел спросить:

— Как называются эти деревья?

— Вито хале — сосуды духа, — нехотя отозвался белый. — Когда сильный маг–талле умирал, его хоронили, положив в рот плод этого дерева. Предполагалось, что дух волшебника будет защищать окрестные земли от зла. — И после долгой паузы, когда тишина уже стала казаться естественно, добавил: — Пастыри делали то же самое с живыми людьми, многократно ускоряя рост растений. Но природа не признала извращенный ритуал — защиты палачи не получили.

Я по–новому взглянул на высохшие подобия древесных гигантов. Сколько же мы видели таких погребальных деревьев? Точно не сотню и не две.

— Семь тысяч талле были убиты, когда империя вошла в Гартралу, — белый словно бы услышал мой мысленный вопрос.

Гм. Не то, чтобы люди редко убивали друг друга (они этим постоянно занимаются, с немалым увлечением и фантазией), но нас никогда не становилось так много, чтобы массовые убийства

становились жизненно необходимыми — нежити справляются с такими вещами лучше и качественней. Какой смысл опустошать страну, чтобы вскоре отвоевывать ее заново, уже у потусторонних тварей? При минимуме ловкости, на самых строптивых подданных можно неплохо заработать. В конце концов, даже краухардцы платят налоги!

— А нафига? — попытался я выразить свое недоумение словами.

— Власть, — ответил белый на не сформулированный вопрос. — На взрослых талле невозможно было наложить подчиняющие печати, поэтому в живых оставляли только детей не старше двенадцати лет, тех, о ком родители не сумели позаботиться. И'Са—Орио'Ту нужны были одаренные.

— А смыться? — у черных–то получилось.

— Не все поверили в серьезность угрозы, кто–то не смог бросить дело всей жизни, кого–то просто обманули.

Я окинул взглядом бескрайнее болото, прикидывая, насколько людным был раньше этот пустынный край, и резюмировал:

— Полный неадекват.

Вшивая империя не получила ни земли, не одаренных, а теперь кому–то придется все это зачищать. На чьи средства, я вас спрашиваю?

Ли Хан обернулся, собираясь что–то возразить, встретил мой измененный магией взгляд, выдохнул, и молча зашагал дальше. В целом от тракта до обещанного святилища оказалось около получаса ходу.

Ну, как святилище: пятачок сухой земли, с камнями (не часть здания, скорее — фундамент ограды). Ли Хан забрался в какой–то замусоренный угол, зажег белую свечу и затих, печально глядя на пламя. Где он ее только раздобыл? Разбойники бы ему такую ценность точно не оставили. Лично у меня окружающее вызывало чувство удовлетворения — наконец–то место, где есть, что взять: характерное напряжение в воздухе — признак действия черномагических проклятий — ощущалось мной совершенно ясно.

Я тщательно выровнял площадку, скинув в болото пару крупных камней, и, вооружившись лейкой с меловой суспензией, принялся расчерчивать хорошо знакомый узор знака, отменяющего действие Бриллиантовой Руны (это такая библиотекарская приблуда, позволяющая сначала сжечь книгу, а потом получить ее обратно совершенно целую). Собственно, это один из трех ритуалов, принадлежности для которых я всегда таскаю с собой: защитный периметр (очень многоцелевая штука),

допрос мертвеца (не знаешь сам — спроси у друга), ну и Руна (у меня ей дневник защищен). Малый набор мародера!

Убедившись, что свечи, зеркальца и медные шарики заняли свои места, я активировал проклятье короткой звучной формулой и кувырком ушел в сторону. Штук двадцать древнего вида фолиантов одновременно материализовалось в воздухе и разом грохнулось вниз. Шутка Люмьена, что б ему икалось! Сама по себе Бриллиантовая

Руна — полезная вещь, но как отменить ее без такой клоунады, еще никто не придумал.

— Что? Что? — вскинулся белый.

— Сиди–сиди, не отвлекайся! — я полез осматривать свою добычу.

Судя по виду, мне в руки попали какие–то раритеты: тисненая кожа на переплетах, позолоченные срезы, естественно, тексты на непонятном языке. Такие книжки стоят очень дорого, даже если внутри — сборник сопливых стихов. Но главное: армейские эксперты не способны верно оценить стоимость подобных вещей, значит, есть шанс присвоить их в обход общей кассы.

Ли Хан подгреб сбоку и потянул на себя аккуратный томик в нежно розовом переплете. Я нахмурился. Кто встанет между черным и его имуществом — тот долго не живет!

Глаза Ли Хана подозрительно блестели.

— Пожалуйста… Я очень вас прошу… Подарите мне одну — только одну! — вот эту книжку.

Меня одолел приступ великодушия.

— Забирай! Кстати, а о чем там?

— Это — письма… одного человека.

Только белый способен развести сырость ради такой фигни.

— Если ты понимаешь, что там написано, то и остальные книжки мне прочтешь, по дружески. Верно? — хотя, логичнее было бы скормить его Шороху и получить все знания разом.

Белый, с готовностью, кивнул.

Осталось упаковать добычу — лежавший в сумке моток шпагата для таких целей не годился. Ненадежно! Какой смысл спасти все из огня и тут же утопить? Я стал прикидывать, что из вещей можно распустить на веревки. Ли Хан вздохнул, пошуршал в камышах и принес моток бечевки, на вид напоминающей пеньковую. Причем, создавалось полное впечатление, что волокна просто взяли и сами в нее сплелись.

— Послушай, а ты ведь не слабый волшебник! И чего раньше скромничал?

— Увы, некие внешние обстоятельства не позволяют мне

полагаться…

Я подвинулся ближе, Ли Хан по одному движению понял, что сейчас произойдет и выставил вперед руку:

— Тихо, тихо! Сейчас объясню.

Надо же, а он обучаемый!

— Белый источник носит, в каком–то смысле, распределенный характер, — глубокомысленно изрек Ли Хан и покосился на меня с некоторым сомнением, я поощрительно кивнул. — Он представляет собой, как бы, тонкий план бытия, на котором все живое оставляет тень своего существования. Но не просто в виде голой энергии! Тонкий план имеет уровни, отражающие тот или иной аспект возможного будущего, обладающие, в свою очередь, собственной плотностью, интенсивностью и отзывчивостью к воздействию. Начиная ворожить, белый маг не открывает Источник, а сам открывается Источнику, соединяется со всем миром и начинает видеть те вероятности, которые тот скрывает в себе. Мы не привносим в реальность что–то чужеродное, а лишь реализуем заложенный в нее потенциал развития! И вот, складывается ощущение, что в Са—Орио такого потенциала почти нет. Тонкий план иссяк, выродился. Поэтому белые маги здесь лишены большинства своих возможностей.

— Разве такое бывает?

Почему происходят естественные колебания черного источника я знал — взаимное проникновение миров, деятельность того артефакта, который охраняет Шорох — но ни разу, нигде мне не попадались указания на то, что иссякнуть может белый источник. Да вся Ингерника гудела бы от такого известия!

Ли Хан смерил меня тяжелым, совсем не характерным для белых взглядом. Похоже, я его уже до самых печенок достал.

— Да ладно, неужели такой мудрый, повидавший жизнь маг не имеет своей версии происходящего?

Доброе слово, как говорится, и кошке приятно — Ли Хан немного оттаял.

— Скорее всего, пастыри слишком часто обращались к определенному аспекту волшебства. Поскольку в природе все гармонично связано, недостаток в чем–то уменьшил число возможных вероятностей в целом. Либо, чего нельзя исключить, они нарушили механизм наполнения тонкого плана…

Сказанные вслух слова неожиданно привели белого в глубокую задумчивость. Он безропотно позволил вручить себе связку из полудюжины книг (остальные я повесил на посох на манер коромысла) и также безропотно пошел за мной через

болото. Хорошо хоть под ноги себе смотрел!

Наше возвращение приняли со сдержанной завистью: с одной стороны — добыча, с другой — кому она, такая, нужна? Литературой боевые маги никогда не увлекались.

Грузовики, успевшие заметно погрузиться в воду, медленно поползли вперед. Ужин пришлось готовить прямо в кузове, благо примус в хозяйстве имелся, но белый не соврал — на следующий день у горизонта появилась бурая полоса. Почва стала подниматься вверх, дорогу обступили кусты, потом среди них обозначились холмы и овраги. Гартралийское болото остались позади.

Глава 6

Следы человеческой деятельности обнаружились почти сразу. Не знаю, что пытался выкопать здесь какой–то криворукий умник, но в результате он получил длинный пруд, с лягушками (оранжевыми такими). Метров через сто ошибки были учтены, и по дну укрепленной плетеными фашинами мелиоративной канавы зажурчал ручеек желтоватой воды. Еще километр он собирал в себя такие же искусственные притоки, пока не превратился в нормальную речку с каменистым дном, осокой и пескарями, а потом отвернул в сторону от дороги и затерялся в холмах

Ли Хан, целый день просидевший в обнимку с подаренной книжкой, ожил и заозирался. Мы тоже начали оглядываться — где–то здесь должны быть люди. Увидев на тракте развилку, Рурк, не колеблясь, свернул, и грузовики бодро поскакали сквозь кусты и холмы по раздолбанной грунтовке. Путь оказался весьма извилистым, точнее, я пешком быстрее бы дошел: дорога сначала устремлялась куда–то вдаль в поисках брода через худосочную речку, потом задумчиво извивалась по холмам в противоположном направлении, а потом еще и ветвилась. Пока горе–водитель чесал затылок, решая, какое направление испробовать первым, Макс успел смотаться вперед и уверенно вывел нас к большой деревне, от которой до тракта было если не рукой подать, то не более пятнадцати минут ходу. Видеть наше приближение местные, допустим, не могли, но слышали наверняка. И они сделали самую естественную, с их точки зрения, вещь — вышли посмотреть, что там происходит.

Вопрос "Кто мог додуматься ТАК проложить дорогу?" отпал сам собой — всех жителей этой деревни можно было смело записывать в родню Ли Хану. Белые! Рурк вдавил в пол педаль тормоза, и грузовик замер метрах в пятидесяти от околицы.

Его замешательство было мне хорошо понятно: любой черный из Ингерники хотя бы раз столкнулся с истерикой белого и, если это эпическое явление впечатляло его не достаточно, наставники добавляли ему от себя. Обычно, к пятнадцати годам у будущего боевого мага формировалось убеждение, что предсказать подобное невозможно, предотвратить — тем более. Если рядом появился белый, значит, пятьдесят на пятьдесят — либо хлопнется в обморок, либо — нет. Я со своей ненормальной семьей просто исключение, подтверждающее правило. Удивительно ли, что Рурк смотрел вперед так, словно Шороха увидел?

Армейские эксперты повылазили из машин и собрались вокруг командира.

— А может, свалим отсюда? — неожиданно предложил Шаграт.

Но момент, когда можно было смыться, сохраняя достоинство, оказался упущен — к нам вышел парламентер. Я проморгался: передо мной стоял настоящий сказочный волшебник, с посохом, в длиннополой мантии и остроконечном колпаке, покрытом загадочными рунами. То, что суковатую палку он явно выломал где–то сам, а знаки на грубую ткань, за неимением серебра, были нанесены белыми нитками, практически не портило впечатление. А уж с каким достоинством он держался! Сразу стало ясно, что встретить нас вышел самый уважаемый человек деревни.

Питер старательно проговорил формулу са–ориотского приветствия, Ли Хан что–то радостно и многословно добавил от себя. Волшебник величественно кивнул:

— Я тоже рад тебя видеть, мой друг, — по ингернийски он говорил с тягучим, старомодным выговором. — Но будет лучше, если мы станем общаться на том языке, который понятен всем присутствующим. Добрые путники, прошу вас, заходите в нашу деревню и будьте нашими гостями! Меня зовут Тай'Олаш, я имею честь быть здешним старостой.

На меня повеяло чем–то родным и домашним. Оцените: вы живете в глуши, вдруг к вашему дому с неясными намерениями выходит дюжина мрачных личностей, к тому же — иностранцев из враждебного государства, и вы радостно приглашаете их зайти. Я-то, глядя на Ли Хана, почти поверил, что нормальных белых в И'Са—Орио'Те не водится!

И черные маги вошли в деревню.

Именно вошли, потому что въехать в нее на грузовиках, может, и получилось бы, а вот обратно — только проломиться. Проходы между хижинами оказались узковаты даже для телег. Впрочем, ни телег, ни скотины жители, как быстро выяснилось, не имели вовсе. Если бы я увидел такое дома, то с ходу бы припечатал — нищета, но белые имеют своеобразный взгляд на действительность, не исключено, что с их точки зрения тут было довольно уютно.

По деревне поднималась волна суеты, напоминающей не то — пожар, не то — праздник. Гостей принимали на большой открытой веранде (по местному климату — самое то), подозреваю, что местные использовали ее для коллективных посиделок, по крайней мере, столы и стулья ни откуда нести не пришлось. Мебель здесь была занятная — сплетенная из лозы, и

крыша из той же лозы и тростника. Затейливо, спору нет, но не унесет ли этот навес первым же сильным ветром? Впрочем, тогда вся деревня на крыло встанет — разного рода плетенки были тут основным строительным материалом. Они могли быть плотными, почти монолитными, и ажурно–невесомыми, из травы, тростника, каких–то корней и ивовых прутьев, в общем, отсутствие нормальных стройматериалов местные обходили, как могли. Однако чудес не бывает — возведенные из подобной фигни дома напоминали корзины по размеру, форме и свойствам. Самым фундаментальным строением оказался сарай из саманного кирпича, но, видимо, поддерживать его в хорошем состоянии оказывалось слишком сложно — крыша здания покосилась, стены местами оказались размыты дождем.

Гостям первым делом предложили напитки и беседу. Из напитков тут имелось то ли недоделанное вино, то ли — фруктовый квас (кисленький, прохладный и почти без градусов), а темы для разговора варьировались от "легка ли была

ваша дорога?" до "как вам у нас понравилось?". О, болота были бесподобны! А горы — просто нет слов.

Все это время вокруг шныряли местные жители и смотрели на нас круглыми глазами, как арангенские крестьяне на паровоз. Между прочим, далеко не всякий черный спокойно перенесет такое пристальное внимание! Но армейские эксперты держались пучком, только у Шаграта на лице отражалась работа какой–то мысли. К счастью, до того, как бойцы решили присоединиться к затеянному Питером обмену любезностями, подоспело угощение.

Набежали белые с глиняными и деревянными мисками, горшками и даже одним медным котелком. Набор блюд полностью соответствовал вкусам "ботвы" — овощное, крупяное, сладкое. Скотину на мясо, как я понял, они не держали, деревья отказывались плодоносить на болотах, а долго что–то хранить не позволял климат. Зато свежеподжаренные оладьи можно было обильно поливать медом, что все и делали.

Ридзер встретил появление блюд с кислой улыбкой. Нет, он был вовсе не против фаршированной тыквы, но предвидел скандал и мысленно смирился с его неизбежностью. А я был полон оптимизма: с Ли Ханом ведь получилось? И с Тай'Олашем получится! Боевые маги дружно налегли на домашнюю пищу — проблемы белых не могли испортить им аппетит. Обстановка сразу разрядилась.

Через полчаса селяне могли насладиться зрелищем дюжины сыто рыгающих колдунов.

По мановению руки Тай'Олаша его подданные уволокли опустевшие тарелки, а староста стал велеречиво интересоваться,

торопимся ли мы в путь или планируем немного задержатся.

— Да, неплохо было бы отдохнуть денек — другой, — брякнул наш капитан.

Я дернул Ридзера за рукав:

— Посмотри по сторонам. Ты уверен, что ребятам стоит тут останавливаться?

Капитан вспомнил, где находится, и проникся: местные были не просто белыми, но еще и придурковатыми, компания боевых магов — как раз то, что нужно таким для окончательного выноса мозгов. Но и ночевать в грузовиках, находясь рядом с жильем, обидно до невозможности.

Тай'Олаш заметил наши колебания и благостно кивнул:

— Если вам будет удобно, вы могли бы остановиться на ферме вдовы Рафа. Эта почтенная женщина… нас недавно покинула, но дом еще стоит. Я распоряжусь принести туда циновки и одеяла.

Ферма Рафа оказалась неровным плетеным забором, поверх которого был водружен натуральный стог. Шириной строение было метра три, зато очень длинное, подковообразное. От выгородки для скота его отличало только наличие ондоли, выстроенной каким–то умельцем из глины и камней (причем забавно так — вдоль). Окон не было, а смысл в них, если стены на просвет видны? Соответственно, преград для всяческих кровососущих насекомых тоже не существовало.

Черные немедленно принялись осваивать помещение, делить углы и таскать взад–вперед плетеные коврики. Это увлекательное мероприятие должно было растянуться часа на два. Я решительно выложил вещи на край холодной по летнему времени ондоли и намекнул, что знаки, отвращающие комаров, поставлю только когда вернусь (пока бойцам Ридзера что–то от меня надо, за свое место можно не опасаться). Теперь можно было, пока светло, пройтись по округе, посмотреть, не найдется ли здесь чего полезного.

Прибежал Макс, благоразумно не появлявшийся днем в деревне, и стал меня куда–то звать. Пошел следом — пес–зомби плохого не посоветует.

Воздух пах травами и немного дымом, дневная жара спала, зато к ней добавилась влажность — дыхание близких болот. В кустах переругивались местное подобие ворон и какие–то неизвестные птички. Шумели кронами молодые тополя (или что там бывает такое длинное с зеленоватой корой?). Я глядел на эту идиллию и пытался понять, почему эти жерди нельзя было пустить на постройку домов. Определенно, белым нравилось жить в корзинках, другого объяснения нет.

Что привлекло внимание Макса я понял раньше, чем увидел — где–то впереди, среди высушенных солнцем холмов, в наглую поселился и жировал какой–то нежить, оставалось только имя ему дать (а вариантов, на самом деле, было немного). Неверно говорить, будто потусторонние твари в нашем мире — редкие гости, просто большинство из них, не получив надежного убежища, живет ровно до рассвета. Тем опаснее исключения, для истребления которых вмешательство человека обязательно — далеко не всегда можно гарантировать, что их вовремя обнаружат. Мне когда–то пришлось попотеть из–за стремительно растущей Ведьминой Плеши, а здесь все оказалось еще банальнее — Са—Орио навестила Пегая Соломка.

Этот нежить гнездится в плотной дернине и внутри стеблей, поэтому для солнечного света практически неуязвим. Начинается все с одной–единственной былинки, покрытой неровными ржавыми пятнами с почти незаметной желтой каймой. Чем гуще становятся завалы мертвой травы, тем сильнее эта сволочь. Созревшая тварь способна поражать любое живое существо, до которого дотронется — деревья, животные, птицы словно высыхают изнутри. Самое неприятное, что невнимательный крестьянин может срезать и сметать в скирду порыжевшие стебли, и тогда запасы фуража за считанные дни превращаются в смертельную ловушку.

А вот если бы белые держали скотину, пастухи в два счета заметили бы опасность по странному поведению скота, и угрозу можно было бы устранить ведром крутого рассола.

Все, иду скандалить.

Путь от очага поражения до деревни занял меньше десяти минут, то есть, практически вплотную (и это я еще по тропинкам шел!). Макс благоразумно отстал, дабы не смущать своим видом слабонервных. Искать представителей власти не пришлось — под навесом мирно беседовали староста, Ли Хан и Питер, ради такого дела рискнувший бросить своих подопечных на произвол судьбы (я бы тоже нашего нанимателя одного не оставил — мутный он тип).

Ну, сейчас я эту компанию взбодрю — мало не покажется.

— Уважаемый, что ж это вы нам целый день мозги парили, а про нежить не сказали?

— Нежить? — встрепенулся куратор.

— Угу. Пегая Соломка, совершенно запущенный случай.

На лице Тай'Олаша не дрогнул ни один мускул и благостная улыбка его не покинула. Что сказать? В образ сказочного волшебника он вжился плотно (так и до дурдома не далеко).

— Нам все равно нечем заплатить вам за изгнание, — пожал

плечами староста. — К чему портить вечер бесполезным разговором?

Я фыркнул. Ну, нельзя же быть такими олухами! Настроение они не хотели портить. Да через неделю нежить их отсюда выживет нафиг! При таком отношении пусть сами изгоняют свою тварь, как хотят, я умываю руки.

Ушел на ферму, расстелил постель, забрался в нее и отвернулся к стенке. Пролежал полчаса и даже успел задремать (На сытый–то желудок!), когда мой отдых грубо прервали сердитым сопением. Нехотя выглянул из под одеяла — надо мной навис хмурый Риздер, успевший о чем–то переговорить с куратором.

— Пойдем, покажешь свою пакость.

Я вздохнул, потянулся, демонстрируя, как устал и измучен, а потом пошел показывать капитану Пегую Соломку, потому что черные и нежити — естественные враги. Если с тварью можно что–то сделать, пусть это будет сделано! Тем более что идти не далеко.

Теперь перепутать нежить с чем–то еще было невозможно — солнце еще не успело коснуться горизонта, но в глубокой тени пораженные потусторонней заразой растения начали едва заметно светиться.

— Здоровая, — озвучил капитан свое наблюдение.

Да уж, не маленькая! Тварь зародилась в тенистой ложбине между холмов, пожрала кусты и осоку, а теперь взбиралась на склоны. Ее путь был отмечен пожелтевшей растительностью, выглядящей совсем как живая. Но я-то знал, что под ороговевшей оболочкой — только серый прах. Теоретически, вычистить Соломку могли затяжные (недели на две) дожди, но тут таких еще полгода не предполагалось.

— Придется изгонять, — резюмировал Ридзер.

Я вежливо промолчал. В конце концов, капитан у нас — он и именно его ребятам придется переписаться в белые ради сотни забравшихся в болото чудиков. Ридзер мое молчание заметил:

— Предлагаешь оставить эту дрянь за спиной? А потом возвращаться назад той же дорогой?

Ну, если так вопрос сформулировать…

— Нет, хочу напомнить, что простое изгнание в данном случае не поможет, — я припомнил лекцию по нежити, устроенную в Кевинахари в редстонском университете, и подивился, какая польза может быть от нашего НЗАМИПС даже тут, в И'Са—Орио'Те. — Видишь, у зоны поражения неровные края? Это метастазы третьего порядка. Если мы просто долбанем по ядру, то получим вместо одного крупного очага десять

поменьше, и все придется повторять снова и снова, до победного конца. Мы тут месяц проторчим.

Именно эта особенность делала Пегую Соломку таким мерзопакостным явлением.

— Что предлагаешь? — капитан, наконец–то, оценил масштабы предстоящей работы, и они его не порадовали.

— Многоконтурный Знак.

Ридзер присвистнул.

— Не владею, — через силу признался он.

— Пофиг. Я — владею. Смотри: центральную часть заключаем в периметр, а расползающиеся отростки направляем в пентаграммы. Думаю, пяти штук хватит. В момент активации я соединяю потоки, и нежитя из ядра тупо выкачивает на изгоняющие плетения средней силы. Быстро, чисто, никакого риска.

— Ты, вообще–то, понял, что периметр и пентаграмма — разнородные структуры?

Это он, как бы, намекает, что я могу бросать понты в таком важном деле?

— Дядя, я — некромант, ведущий Круга. Для меня подобное вообще не труд!

Ридзер уважительно поднял бровь.

— Ну–ну. А если не сработает?

Я пожал плечами:

— Сверну все оперативным проклятьем.

Рухнувший Круг мне в свое время укротить удалось, но не стоит объяснять капитану все последствия сорвавшегося ритуала для некроманта–неудачника — не поймет. Боевик!

Мой план Ридзер принял подозрительно быстро. Кажется, идея присвоить алхимику почетное звание паровоза все еще витала в умах. И что характерно: как перед девками деревенскими выделываться, так он — капитан, а как перед нежитью, так — Тангор, командуй! Где его жажда лидерства, где настоящая черномагическая гордость? Такое впечатление, что они сговорились меня в белые переписать. Ненавижу!!!

Подготовка к ритуалу заняла два часа, за это время я успел так себя накачать, что хоть свисток вставляй. Наблюдая за мной, куратор

приобрел вид ангельски кроткий, а Ли Хан разрывался между интересом к творимому колдовству и рефлекторными попытками спрятаться от моего хмурого взгляда (Ну, куда этот сморчок лезет?!!). Надо ли говорить, что у Пегой Соломки не осталось шансов?

Армейские эксперты начали ритуал ровно и дружно,

способности к импровизации у них не было вообще, зато готовности гнуть свое — до затылка. Это позволяло рассматривать их как своего рода амулеты и вообще не заботиться о стабильности этой части плетения. Мои расчеты сработали с алхимической точностью: нежить, лишенный всякого подобия соображения, делал именно то, что прописано в его природе — утекал от агрессивного давления по самому легкому пути, попадая в пентаграммы–ловушки, как сметана на сковородку. Через какие–то двадцать минут чудовище, по свойствам приближающееся к карантинному феномену, было разнесено буквально в пыль — завершающий аккорд проклятья (не молния, так, легкий хлопок) разметал мелкую травяную сечку. Я первым протоптался по очагу поражения, надменно попирая прах врага. Хорошо!

Ридзер немедленно вспомнил, что он — капитан, и возглавил толпу своих подчиненных, отправившихся на ферму праздновать победу (проще выражаясь — пьянствовать). Крепких напитков у белых не было, только пресловутый квас, но превращать брагу в самогон — одно из первых проклятий, которым черный маг учится самостоятельно. Я задержался, по привычке уничтожая следы своего колдовства — затирая линии, собирая огарки свечей (у людей вечно какие–то претензии к черным магам, лучше не давать им пищу для размышлений). Мусор был торжественно вручен Ли Хану, очень удачно подошедшему ко мне с каким–то вопросом.

— Гм, — белый попытался найти философский смысл в мешке с хламом.

— Пойди, в печку брось, — посоветовал я и поспешил следом за бойцами Ридзера (а то ведь все съедят без меня, прорвы ненасытные!).

Ли Хан догнал меня шагов через двадцать, сдержанно сопя от возмущения. А что он хотел? Здесь ему не цирк, работать должен каждый!

— Никогда не видел, чтобы нежитей изгоняли таким замысловатым способом, — как бы между прочим сообщил белый.

— Естественно! — принялся растолковывать я. — По настоящему умелые маги в чистильщики не идут, они находят себе занятие поинтересней, чем фомам хвоста крутить. Приемы соответствуют уровню образования.

Если подумать, то те проблемы, от которых стонет И'Са—Орио'Т, в Ингернике решаются выпускниками профессиональных училищ, которым до уровня редстонского университета, как нам до Кунг—Харна пешком. Да что там училища! На протяжении двух лет своей незаконной практики я выносил все, что

встречалось на моем пути, при помощи примитивного Адского Огня и толики здравомыслия.

Я сбавил шаг, пораженный внезапной мыслью: а занимался ли изгнанием нежити кто–нибудь по–настоящему одаренный и образованный? Не двести лет назад (что тогда могли знать о магии!), а сейчас? И, если нет, то какое отношение имеют бесконечные труды по демонологии к реальности? Это же просто байки чистильщиков, рассказанные за рюмкой чая!

Я поднял глаза на белого, решившего постоять со мной за компанию.

— Слышь, а у вас кто–нибудь изучением нежитей занимается?

— Их нужно не изучать, а истреблять, — нахмурился Ли Хан.

— Понятно…

Вот чем я прославлю свое имя! Потому что глушитель к мотоциклу — не звучит, те амулеты против летучего яда до сих пор засекречены, а правду про возникновение черной магии у меня никто не узнает даже под страхом смерти. А вот эпохальный вклад в искусство изгнания нежити — то, что к имени черного пристанет естественно и непринужденно.

Фундаментальный труд писать не хотелось — лень. Тут нужно будет выяснять и анализировать все, что было сделано до меня, классифицировать, набирать статистику. К Шороху такую славу! Моим целям лучше подходило создание нового (естественно — именного) заклинания, а лучше целого метода ворожбы. Кого бы мне изгнать… Пока напрашивался только белый.

Подумав, я решил начать со статьи по внешнему управлению печатями Духовного Патроната. Очень актуальная тема! Заодно место застолблю. Но сегодня, сегодня — есть и спать. Сложная ворожба отнимает много сил, а утренние оладьи меня уже покинули.

Во сне я вновь переживал события дня, но как–то не правильно — слишком четко. Нормальные сны не бывают настолько правдоподобными. Ну, точно! Шорох пробрался ко мне в голову и украдкой перебирал последние воспоминания.

"Да ты совсем оборзел, тварь проклятая! Я что, теперь и ночью от тебя отдохнуть не могу? А ну, брысь отсюда!"

Нежить тихо испарился, оставив после себя нечто укоризненное.

И это — монстр, именем которого Румол грязно матерится! Хотя, если посмотреть на вещи шире, то Шорох действительно всем черным — папа, ведь создание этого чудовища положило начало нашему миру, каков он есть. Но только — тс-с! Говорить

об этом не стоит — не поймут-с, потому что обычно от встретивших Шороха людей (и магов) остается только скелет в бурой пене. Подобное не располагает к выражению благодарности. Наши с Шорохом взаимоотношения за три года прошли все стадии от бешеной вражды до взаимовыгодного сосуществования, но это — редчайшее исключение, все так говорят.

Но сесть себе на шею я ему не позволю.

Глава 7

Плату за ритуал мы с деревни, все–таки, взяли — медом. Три здоровые деревянные баклаги заняли законное место между мешками с овсом и коробками с тушенкой. Тай'Олаш пытался всучить нам медоносные ульи, утверждая, что в выпасе насекомых нет ничего сложного, но от них удалось отпихаться.

Армейские эксперты плотно позавтракали, восстанавливая силы после сложного ритуала, и милостиво согласились подождать немного еще, пока восхищенные нашим бескорыстием жители наберут нам в дорогу хорошо хранящейся еды. Про бескорыстие — это не шутка: для того, чтобы выселить Пегую Соломку силами имперских изгоняющих, местным пришлось бы продаться в рабство всей деревней. Ридзер, когда про такое услышал, чуть на пчел не согласился — тех, по крайней мере, можно на дороге забыть.

Компания тихо мающегося похмельем Шаграта надоела мне через пять минут и я решил пройтись по деревне, так сказать, насладиться экзотикой. Может, что полезное найду. Староста проводил меня добрым, ласковым взглядом, но покидать насиженное место не стал. Интересно, чем он недоволен? Или прячет что–то ценное?

Выйдя из поля зрения теплой компании, я принялся шерстить деревню вдоль и поперек, не гнушаясь сканирующих проклятий. Присутствие белых меня не смущало — со мной не забалуют. Пару раз улыбнуться, пробормотать что–нибудь невнятно–успокаивающее, типа "киса–киса" и — дело в шляпе. Если бы селяне могли понять, что я ищу — сами бы вынесли.

Через четверть часа безрезультатных поисков мое внимание привлек навес с вениками из сохнущих трав. Нет ли там каких редкостей? Я подошел, присмотрелся и припух: в аккуратные пучки оказалась связана невзрачная травка с поэтичным названием "перо ангела". В списке растений, запрещенных в Ингернике к выращиванию и продаже, она шла не то пятой, не то — шестой, причем, черная конопля в том перечне вообще не упоминалась. Попадись мне в Михандрове такая штука, и приезд "чистильщиков" можно было бы организовать одним телефонным звонком — государство очень трепетно относится к своей монополии на сильнодействующие зелья. Я укаткой оторвал от пучка лист, огляделся, обнаружил благосклонно наблюдающего за мной белого и осмелел.

— Это — что? — знание са–ориотского языка потихоньку расползалось в отряде, то есть, задать местному вопрос я уже мог,

а вот понять ответ — еще нет.

Селянин что–то пробубнил, заметил непонимание и дополнил слова жестами — показал на свой рот, вынул оттуда зеленую жвачку и продемонстрировал мне. Я где стоял чуть не сел. Да ни фига ж себе сюрпризы! А если они эту штуку в качестве приправы в кашу напихали?

Ухватив листок двумя пальцами и стараясь лишний раз его не тереть, я рванул на поиски Тай'Олаша. Все нужные мне лица по–прежнему торчали под навесом и пили чай, надеюсь, настоянный не на "перьях ангела" (дружелюбно беседующие белые — с одной стороны, обожравшиеся до поросячьего визга черные — с другой, и Питер посередине). Я нацелился на старосту и вытянул руку с листком в обвиняющем жесте:

— Видел? Видел это?

Тот невозмутимо кивнул.

— Твои его жевали!!!

— Я знаю.

— Зачем вообще нужно совать в рот такую дрянь?!!

— Рапош подавляет развитие дара.

Это сбило меня с продолжения заготовленной речи. М-да, теперь я знаю, какой компонент зелья–блокиратора является ключевым. Так, попробуем еще раз:

— Мужик, а ты в курсе, что длительное применение таких препаратов по мозгам бьет? Стоит чуть–чуть переборщить, и Источник больше не отзовется!

У черных — точно, не знаю как это на белых действует.

— В этом весь смысл, — вежливо разъяснил Тай'Олаш. — Подавить развитие дара означает — сделать обращение к Источнику невозможным.

У Ли Хана аж чашка из рук выпала.

Я честно попытался обдумать слова старосты и пришел к выводу, что черная натура опять искажает восприятие мира. Не мог же он сейчас сказать, что они тут волшебников кастрируют? Это даже для И'Са—Орио'Та чересчур.

— Ты… гасишь в детях способность к магии? — Ли Хан медленно поднимался из–за стола.

А, так я все правильно понял!

Улыбка Тай'Олаша стала немного напряженной:

— Друг мой, я два раза назвал вещи своими именами. Мне нужно повторить третий раз лично для тебя?

— Да какой я тебе друг?!! — взвился Ли Хан. Куда подевался робкий белый, передо мной стоял лев, грива — дыбом, в глазах — молнии! — Да ты представляешь, какой вред психике это наносит? Да за такое сжигать надо!!! Что ж ты, мерзавец, тут

творишь?!!

Но и Тай'Олаш оказался не прост. С лица старосты ушла улыбка, он стал словно изваяние из мрамора — холоден и невозмутим, и угрозы мага его, похоже, не пугали.

— Ты слишком долго не был дома, Ли. Здесь дар — гарантия пожизненного рабства, и не только для одаренного. С некоторых пор печати, для пущей надежности, налагаются на всех родственников волшебника. Слугам императора толковать о причинении вреда психике бесполезно, они, как стервятники, набрасываются

на любого, в ком заметят хотя бы искру таланта, отрывают детей от родителей, разлучают близких. То, что нас оставили в покое, оплачено этим, — Тай'Олаш продемонстрировал всем мятый листочек.

И Ли Хан сломался. Белый на глазах начал превращаться в глубокого старика, у него затряслись руки, взгляд стал жалким и бессмысленным.

— Но как же… Ведь это — дар божий, свет души. Как можно от него отказаться? Как они смогут после этого жить?

Староста, кажется, устыдился своей резкости, но взять слова назад не мог.

— Я никого не уговариваю, — мягко пояснил он. — Просто объясняю, какой будет эффект. В двенадцать лет человек уже способен делать сознательный выбор, у нас все честно.

До Ризdера и остальных стал доходить смысл сказанного и рожи у них при этом стали такие… Ну, вот, вроде, сидишь за столом, улыбаешься шуткам, и вдруг выясняется, что кругом — психи и все всерьез.

Я вздохнул. Ладно, разборки са–ориотцев нас не касаются, но Ли Хан сейчас дубу даст, а нам до Кунг—Харна с его бериллами еще месяц ехать. Эмпатов по рукой нет, Питер — специалист по черным, не по белым, значит, ситуацию опять придется спасать алхимику. Я обошел стол, добрался до Ли Хана, взял его за руку и напустил в голос те интонации, с которыми утешал Лючика, разбившего в кровь коленки.

— Ну–ну, чего это мы расклеились? Все живы, здоровы, никто не пропал. А насчет души, — я не удержался и закатил глаза. — Можно подумать, что у пастырей с ней было бы лучше.

Тай'Олаш, следивший за моими манипуляциями со смешанными чувствами, не удержался и кивнул:

— Ты успел посмотреть, во что они превращают наших детей?

Ли Хан отрицательно покачал головой.

— Каждый императорский пастырь должен владеть Лунным Причастием, за свою жизнь ему придется наложить его на тысячи

людей, качественно, быстро и не думая о последствиях. Большинство вынуждено постоянно сопровождать изгоняющих в рейдах, присутствовать при темной ворожбе и терпеть выходки колдунов, которых их собственные магические узы доводят до невменяемости. Но больше всего не везет тем, кому приходится иметь дело с еретиками… Выдержать такое давление удается не многим. Да, после двадцати лет службы пастырю разрешается уйти на покой, но большинство отставников умирает в течение полугода… по разным причинам. Хуже то, что некоторые… втягиваются. Они начинают мыслить фразами из Уложения и наслаждаться тем, что делают, понимаешь? Именно такие остаются на службе и определяют политику по отношению ко всем одаренным. Ты все еще считаешь, что мы слишком от много отказались?

Пока Ли Хан пытался честно обдумать вопрос, Пит решил уточнить на всякий случай:

— Но вы ведь знаете, что происходит сейчас в Са—Орио? Империя погружается в хаос, преданные императору силы отступили на юг.

— И что это меняет? — пожал плечами Тай'Олаш.

Шаграт одними губами произнес "олух".

Я не выдержал и объяснил в лоб:

— То, что у вас есть время набрать силы. А потом либо отправить вербовщиков к Шороху, либо по–настоящему слинять, да хоть бы и в Ингернику. Морская блокада не будет длиться вечно!

— Если за это время в деревню попадет хотя бы один вербовщик, последствия будут ужасны.

— Сам подумай, кто сюда может попасть? Мосты разрушены, дороги — почти не проходимы. Наберешь пару–тройку учеников, любого подозрительного чужака притравите по–тихому и — в болото. Но лучше сначала расчленить.

Последняя фраза заставила Тай'Олаши поперхнуться, а вот Ли Хана отпустило, он покачал головой и отобрал у меня руку.

— Какой советчик, такой и совет.

— Что я не так сказал?

— В том–то и беда, что все верно, — вздохнул белый. — Это — проблема монопоселений: взгляд на события получается слишком односторонний, что плохо сказывается на свободе выбора. Решения становятся стереотипны, начиная с мелочей и кончая общей стратегией.

Тай'Олаш дернул бровью:

— Ты признаешь, что точка зрения черных — полезна?

— Иногда она просто безальтернативна.

Я, с достоинством, вернулся на свое место (естественно, остававшееся незанятым) и унес с собой залежавшиеся на этой стороне стола оладьи. Пусть не думают, что судьба посторонних придурков имеет ко мне какое–то отношение.

За оладьи пришлось драться — Ридзер немедленно попытался запустить руку в тарелку. И не потому, что голоден — инстинкты требовали от него демонстрировать свое главенство за столом. Ишь ты, отец народов! Тайком показал ему дулю.

Ли Хан встал из–за стола и вежливо откланялся, а проходя мимо меня не удержался от шпильки:

— Учтите, я знаю, что вы руководствовались не состраданием! — веско припечатал он.

— Сам понял, что сказал?

И кому. Сострадательный черный — анекдот в двух словах. Единственное чувство, которое должны вызывать у нас чужие беды — неприкрытое злорадство. Допустим, мое тяжелое детство и белое воспитание сглаживают внешние проявления характера, но в душе я такой же, как все.

Тай'Олаш проводил Ли Хана насмешливым взглядом.

— Всю жизнь я прибывал в убеждении, — сообщил он мне. — Что сильный колдун подобен разрушительной стихии, не способной самостоятельно удерживать себя в границах разумного. Сегодня мне было явлено доказательство, что человеческая природа волшебника первична, главное — суметь к ней воззвать. Как жаль, что у нас нет шанса выстроить общество, подобное ингернийскому!

— Это еще почему?

— Последние сильные маги империи погибли во время мятежа в Орри, а их дети оказались слабыми. На смену поколению завоевателей так никто и не пришел. Вырождение, повсеместно — вырождение…

Я покосился на Тай'Олаша. Просветить его, что ли, в реальное положение вещей?

У нас в отряде состоял армейский эксперт Гирджен, по прозвищу Кошкин Сын (я его настоящее имя только из ведомости узнал). Нет, с глазами у него все в порядке и с зубами тоже, просто маг был невероятно блудлив. Более того, Гирджен представлял собой довольно необычное для черных явление — искусного соблазнителя. Он не пропускал ни одной свободной женщины (и не свободной — тоже), за что в свое время и пострадал на гражданке. Что такое бабы в нем находили? Не красавчик, однозначно, в плане характера я вообще молчу (черный — это диагноз), тем не менее, в любом месте, где мы задерживались больше, чем на сутки, Кошкин находил себе

пассию. Даже среди черноголовых (я бы побрезговал). Так что, если талант к магии определяет кровь, то всплеск природных способностей са–ориотцам обеспечен.

Белые опять засуетились, стаскивая к веранде кульки, мешки и бутылки. Бойцы Ридзера поняли, что цирк окончен, и стали нехотя выбираться из кресел. Тут оказалось, что Ли Хан, этот образец доброты и человеколюбия, задрал хвост и угреб куда–то, а тащить продукты к грузовикам придется бессердечным черным. Рурк вызвался было сбегать за грузовиком, но вспомнил, сколько придется ехать и признал, что на своих двоих будет быстрее. Ох уж мне эти криворукие строители! Хотя, если рассматривать дорогу как фортификационное сооружение, выходит самое то. Может, не такие уж они и наивные, эти белые маги?

Глава 8

— Туда ли мы идем? — упрямо нудил Ана'Рассе. — С чего вы вообще взяли, что по этому пути можно кого–то догнать? Следы машин шли дальше!

— Чужеземец — талле, и Тай'Амиши — талле, — с удивительной выдержкой и терпением разъяснял Т'Ахиме. — Не задолго до того, как закрылись тракты, к Тай'Амиши приезжал другой талле. Они громко ругались, пастырь поминал "глупцов, собравшихся в Акуваре". Чужеземец спрашивал у людей, куда уехал Тай'Амиши. Акуваре упоминалась несколько раз.

— К тому же, — с усмешкой добавлял Су'Хамат. — В любом другом случае нам их все равно не догнать. А так — императорская дорога в Акувару раз в десять длиннее короткого пути.

И ведь понимал же Су'Никар, что торная дорога не зря такая длинная.

Кто и когда проложил короткую тропу через береговой хребет, история умалчивала. В народе она прозывалась Три Головы и была известна тем, что императорские курьеры, везущие срочные депеши из портового Меронге в Тусуан, ехали по ней непременно втроем и каждый — со своей копией сообщения. Только так можно было гарантировать, что послание достигнет адресата. Смельчаков, ступивших на этот путь, поджидали длинные осыпи, время от времени обретающие невероятную подвижность, внезапные порывы шквалистого ветра, способного заморозить плохо экипированного человека насмерть, банальные обвалы и лавины, узкие трещины и густой туман, а также ночные гости — останки тех, кто прошел тут раньше.

Ступая на Три Головы, Су'Никар напомнил себе, что он гораздо ценнее курьера–печатного, а значит, торопиться не стоит. Изгоняющий категорически запретил подчиненным погонять коней и по каждому подозрительному участку пути бил проклятьями (пусть то, что плохо держится, упадет вниз!). Благодаря принятым мерам, отряд потерял только лошадь — скотина неожиданно взбрыкнула, оступилась и заскользила к краю обрыва, увлекая за собой одного из учеников. Су'Никар проклятьем обрезал упряжь и крепко приморозил парня штанами к камню (чтобы вытянуть его обратно на тропу, за веревку пришлось тянуть втроем). Ана'Рассе долго сердито распекал самозваного спасателя. Да, по уму, вытаскивать надо было лошадь, как большую ценность, но именно за этого ученика (своего племянника) просил Сай'Коси — наставник и покровитель

Су'Никара. От выполнения таких негласных обязательств зависело будущее тусуанского изгоняющего, его влияние и положение в общине. Ради сохранения расположения Сай'Коси, Су'Никара готов был вести Наместника в расходы. Правда, свое наказание неуклюжий болван все–таки получил: до самого вечера ему пришлось пешком бежать за лошадьми — останавливаться, чтобы перераспределить поклажу, отряд не стал. Одолев последний участок тропы — природную лестницу с озорным названием Незевайка, отряд перешел от пронизывающего ветра вершин к влажному зною равнины. Расслабляться было рано: слева от дороги дышала нереальной жутью Таллейская топь — сердце Акувары.

Лошади нервно стригли ушами и норовили шарахнуться в кусты. Манили путников блуждающие огни, призрачные рати жгли холодные костры, и под поверхностью воды блуждали тени танцующей нечисти.

Долина имела репутацию вотчины демонопоклонников. Правда, ни одного человека, сумевшего получить выгоду от заигрывания с потусторонним, Су'Никар не знал и в реальность заговора чернокнижников не верил. Да, сжигают пастыри пару раз в год на потеху толпе каких–то сумасшедших, что с того? У черноголовых и то больше шансов накликать ночного гостя. Но факт оставался фактом: пройти через Акувару по старому тракту удавалось только очень сильным отрядам (чужаки попадали под такое определение), обычные люди пропадали там без следа. Такой порядок вещей сохранялся дольше, чем жил любой из изгоняющих — со времен второй династии императоров, провозгласивших И'Са—Орио'Т от моря до моря.

Ученики шепотом переговаривались, споря, удалось ли кому–то из них разглядеть шпили болотной крепости, пересказывали друг другу байки про драконов и осквернённые реликвии. Что произошло здесь на самом деле, знал разве что хранитель императорской библиотеки — даже для одаренных вторая династия закончилась слишком давно. Праздник победы над западными еретиками был одним из самых шумных и любимых в народе. Отмечать его полагалось всем в обязательном порядке, но вот кто кого победил, и в чем состояло их разногласие, Су'Никар сказать не брался.

На перекрестке некогда оживленных трактов возвышалась ступа — традиционный памятник, возведенный как раз в честь той давней победы. Спеченная огнем в единый монолит, ажурная башня из кирпича–сырца когда–то впечатляла путников замысловатостью орнамента. Но годы и солнце обгрызли выступающие части узора, и теперь сооружение выглядело как

торчащий из земли гриб. Впрочем, смотреть на него все равно было не кому.

Су'Никар тщательно обследовал землю — характерных следов колес на ней не оказалось.

— Ну, и зачем мы тащились сюда? — опять заныл Ана'Рассе. — Я сразу подозревал, что чужаки поехали в другую сторону.

— Ха! — Су'Хамат вгляделся в окаймляющие топь холмы. — Скорее, не стали нестись по горам сломя голову.

— Доедем до края топей, — постановил Су'Никар. — Не найдем следов, значит, не судьба.

Оббивать подковы о камни не стали, и вообще — вдруг чужаки выскочат на них лоб в лоб? Отряд отъехал от тракта на сто локтей и двинулся параллельно (насколько местность позволяла). Обрамлявшие болотную низменность холмы поросли ивняком и прочей дурной порослью — ни срубить, ни сжечь. Время от времени Су'Никар давал команду остановиться и прислушаться — он резонно полагал, что услышать машины они смогут раньше, чем увидеть. От перекрестка они успели удалиться лиги на три, прежде чем поиски драматически завершились.

Су'Никар выехал на широкую поляну и проехал по ней локтей двадцать прежде, чем до него дошло, где он находится. Лошадь всхрапнула, почувствовав резко натянувшийся повод. Изгоняющий лихорадочно пытался вспомнить нужные формулы и прикинуть масштаб приложенных тут сил…

— Это что, Смерть Травы? — удивленно спросил С'Анишу.

"Быстро соображает, хороший изгоняющий вырастет"

— Вчера была, — хмуро отозвался Су'Хамат, уже ползающий по земле в поисках следов ворожбы. — Спорим, что я знаю, кто тут отметился?

— Так, это, на такой площади, — С'Лахим, очевидно, считал в уме лучше Су'Никара. — Как же они ритуал–то завершили?

Смерть Травы был единственным ночным гостем, от участия в изгнании которого имперский маг мог отказаться, теоретически, естественно (Су'Никар не знал в Тусуане никого, кто воспользовался бы этой привилегией). Суть даже не в том, что нежить жрал силу как не в себя. Долгий ритуал требовал предельной сосредоточенности и самоотдачи, и слабые колдуны не выдерживали — теряли контроль, упускали плетение и гибли. Отдача била по ведущему ритуал, как правило — самому умелому в группе, в результате, на следующем этапе многоступенчатой ворожбы шанс выжить становился еще меньше.

— Как — не знаю, — распрямился Су'Хамат. — Какая–то сволочь все линии стерла. Но ритуал был разовым.

— Но так ведь не бывает, — брякнул С'Анишу и по необычным, скулящим ноткам в его голосе Су'Никар понял, что драться с чужаками его отряд не будет.

Черными овладел естественный заменитель страха — благоговение. Са–ориотские изгоняющие легко впадали в это состояние — их слишком долго учили подчиняться, а укротители из Тусуана вообще славились своими умениями. Если мучителю нельзя возразить, его надо полюбить и все простится! Жить под занесенным мечом Уложения и мыслить иначе попросту не получалось. Теперь этот обычай играл против Наместника: если светозарный Анатари'Шарп мог наказать и даже убить (угрозы понятные и привычные), то мощь иноземных рыцарей в сознании изгоняющих не помещалась. Увидев чужаков во плоти, они попытаются заслужить расположение новых кумиров, а прежнего вожака, не задумываясь, подставят под удар. Какая уж тут схватка!

Су'Никар обменялся с Су'Хаматом понимающими взглядами.

"Рассчитывать можно только на себя"

— Всем оставаться на месте! — Су'Никар вылез из седла и принялся выгружать из переметных сумок колдовские принадлежности. — След свежий, они не могут быть далеко. Мы с Су'Хаматом пойдем на разведку. И что б ни шагу отсюда!

Молодые изгоняющие понятливо покивали, но топтаться на останках ночного гостя все же не рискнули — в сторону отошли.

— Господин, — Су'Никар окликнул Ана'Рассе. — Возможно, нам придется прибегнуть к силе. Прошу, пошлите с нами пастыря!

По чести сказать, возглавить вылазку должен был лидер отряда, лично. Но Ана'Рассе под боком был Су'Никару нафиг не нужен, а вот в отсутствии пастыря ворожить изгоняющий не мог — тот же Су'Хамат его потом и зарежет, чтобы своих не подставлял. Не ясно, что подумал про себя предводитель, но Т'Ахиме он с ними отпустил.

Для начала, Су'Никар вернулся к тракту (пешком и под прикрытием зелени) и обнаружил, что от завершения зимних дождей по нему никто не ездил. Но ведь не примерещился же ему ночной гость? Разведчики двинулись вдоль обочины. Далеко идти не пришлось — в какой–то полусотне локтей обнаружился стиснутый кустами перекресток. В колеях узкой проселочной дороги отчетливо проступал знакомый до боли рисунок. Су'Никар беззвучно оскалился и заложил по холмам большой крюк, надеясь подобраться к противнику с тыла, а Су'Хамат просто держал нос по ветру.

Богиня судьбы посмотрела на них из недоступных горних

высей, усмехнулась и подарила давно желаемую встречу.

Су'Хамат характерным жестом прикоснулся к ноздрям. Су'Никар принюхался — в воздухе витал едва уловимый запах свежего хлеба. У изгоняющего даже живот свело. Ну, естественно, чужаки не стали ночевать в чистом поле, а нашли деревню побогаче и теперь обирают ее жителей! Сам Су'Никар, по крайней мере, так и поступил бы. Изгоняющие переглянулись и устремились на запах.

Интуиция заставила изгоняющего замереть раньше, чем разум осознал угрозу. По едва заметной тропинке между холмами двигалась забавная процессия: первым шагал невысокий юноша, нежно обнимающий корзину свежих лепешек. За ним, гуськом следовало шестеро крепких мужчин разных возрастов, изрядно нагруженных кульками, мешками и бутылями. Все семеро несли во внешности неизгладимую печать черного Источника, и выглядели чрезвычайно довольными собой. Су'Никар испытал острое желание лечь плашмя и лежать тихо–тихо, пока не уйдут. К счастью, выйдя на дорогу, чужаки повернули в противоположную от них сторону.

— Да-а, — шепотом проговорил Су'Хамат. — У кого–то из них шестой уровень точно есть.

— Восьмой, — вежливо поправил его незнакомый голос. — Это я гарантирую. Хотя юноша может оказаться не так прост.

Су'Никар медленно обернулся. Рядом с ним, бесшумно приблизившись, стоял незнакомый пастырь. И как–то сразу стало ясно, что такому пять сотен черноголовых — на один зуб, а на сдерживающие амулеты Ана'Рассе он чихать хотел.

"Все по описанию: высокий, белые волосы, неопределенного возраста, внешность народности талле".

— М-да? — Су'Никар понесло — молча уступить незнакомцу не позволяла взбудораженная черная натура. — И что же делают такие могучие колдуны в нашей дикой провинции?

— Я попросил их меня проводить, — доверительно сообщил пастырь. — Мой друг живет в Харанских горах, добраться туда без посторонней помощи я бы не смог.

— И они согласились, — хмыкнул изгоняющий.

— За достойную плату, — мягко поправил пастырь, и Су'Никара прошиб холодный пот. Он нисколько не сомневался, что этот высокий старик может играть на опутывающих любого изгоняющего заклятьях, как на цимбалах.

Су'Хамат, тем временем, потихонечку отползал за куст.

— Не беспокойтесь, уважаемые, я ни в коей мере не желаю подвергнуть сомнению волю ваших правителей, не важно, императору или наместнику вы подчиняетесь, а эти славные сыны

Ингерники применяют свою мощь только к врагам всего сущего, пускай образцом человеколюбия их и не назовешь. Более того, недавно я принял обет Поиска Истины и старательно удерживаюсь от любого вмешательства в существующий баланс сил…

Тут даже Су'Хамату поплохело. Обет странствующего монаха! Если Т'Ахиме готов был падать в обморок при упоминании о темных рыцарях, то у изгоняющего вызывала дрожь мысль о светлорожденных жрецах. Те еще звери! Темный рыцарь убьет, так уж убьет, ну, бывает, помучает немного. Жрецы, с ласковой улыбкой, превратят человека в послушную куклу, согласную со всем, готовую прежних друзей руками рвать, ножом резать. Печать могут наложить на любого, даже взрослого: вот так живешь, живешь, и — в печатные. Счастье еще, что после волнений в провинции Орри своих сил лишилась не только темная, но и светлая общины И'Са—Орио'Та: пытаясь укротить обезумевшую чернь пастыри–талле полегли почти все. Тогда сердце страны выгорело дотла. Откуда же выбрался этот ублюдок?

Колебания изгоняющего от жреца не ускользнули.

— Повторяю, нет причин бояться. Я обязуюсь не обращать свою силу вовне, но за спутников своих поручиться не могу.

— Так–таки не можешь? — Су'Никар искал пути отступления. Если они с Су'Хаматом рванут в разные стороны…

— Не могу. Да будет вам известно, что черные маги старше шестого уровня внешнему контролю не поддаются, а отягощенные печатями выше этого уровня не поднимаются

— необходимость подчинять и подчиняться входят в непреодолимое противоречие. Я уже не говорю про некромантов, которые постороннее вмешательство могут переварить так же, как чужую личность… — жрец заглянул в пустые глаза собеседников и закончил речь коротко: — Я говорю правду, верьте мне.

— Верим, — легко согласился Су'Никар. — Так мы пойдем?

— Кончено, конечно.

— А как же я?!! — сквозь кусты, исцарапанный и всклокоченный, лез Т'Ахиме. — Я!

В глазах жреца засветились боль и сочувствие.

— Что случилось, мальчик? Тебя обидели?

— Заберите меня! Пожалуйста, заберите!

Жрец скорбно покачал головой.

— Это не так просто. Мне предстоит очень трудный путь, понимаешь? Если ты последуешь за мной, тебе придется изменить все свои взгляды, пройти через множество испытаний…

— Я готов. Пожалуйста!

— Как тебя зовут?

— Ахиме Нацу, господин.

Тут Су'Никар заметил движение Су'Хамата и, в свою очередь, рванул через кусты напролом. Гадские колючки ему чуть всю шкуру не сняли!!! Но, несмотря на боль от царапин, душа Су'Никара пела, он и сам готов был пуститься в пляс от радости. Чудо–то какое — от жреца пастырем откупились!

Осталось Ана'Рассе мозги запудрить и от батогов по возвращении в Тусуан отвертеться. Ну да не беда, науку придумывать оправдания имперские черные впитывали с молоком матери. Тут важно было первое впечатление и с ним был полный порядок: после рывка через кусты изгоняющие выглядели так, словно побывали в когтях у тигра.

Когда растрепанные и исцарапанные разведчики вывалились на поляну, глаза округлились у всех.

— Этот сволочной Т'Ахиме нас предал! — в лоб заявил Су'Никар и Су'Хамат мелко закивал, поддерживая командира. — Мы напоролись на жреца–талле, и этот гад попытался нас ему сдать!

— Сбежали просто чудом, — поддакнул Су'Хамат.

— Нужно уходить отсюда! Как можно быстрее.

— Постой–постой, — лицо Ана'Рассе быстро бледнело. — Какой еще жрец?!! Рассказывай по порядку!

Первый уровень критического восприятия удалось проломить без проблем, и Су'Никар почувствовал себя увереннее.

— Мы нашли следы грузовиков, там дальше, на перекресте. Решили отследить лагерь чужаков точнее…

— Мы их видели, — бесцеремонно влез в разговор Су'Хамат.

— Семерых из них, — поправил подчиненного Су'Никар. — Это — что–то! Восьмой уровень, минимум, и с ними — некромант. И рожи у всех такие… Такие…

— Наетые, — пришел Су'Хамат на помощь командиру.

— Зверские! — не согласился Су'Никар. — И вот, пока мы следили, куда они свернут, к нам и подкрался жрец.

— Т'Ахиме его на нас вывел, — дополнил Су'Хамат героическую картину.

— Почему решили, что — жрец? — подозрительность еще не оставила Ана'Рассе.

— Он сказал, что принял обет Поиска Истины.

Воцарилась тишина, каждый член отряда переживал новость по–своему.

— Вы с ним говорили?!! — всполошился Ана'Рассе.

— У нас не было выбора, — Су'Никар поджал губы. — Он над нами глумился! Сказал, что ему плевать на волю Наместника или

Императора. И что чужаки — не образец человеколюбия. Пока они обращают свою силу против врагов всего сущего, но в будущем он за это не поручится.

— И лучше будет к ним не лезть, — подтвердил Су'Хамат.

— Потом Т'Ахиме стал уговаривать жреца взять его с собой, чуть на коленях перед ним не ползал! Ну, мы не стали зевать и рванули в разные стороны. Так и ускользнули.

Взгляд Ана'Рассе забегал:

— Мы ведь должны остановить… принять бой…

Су'Хамат скептически скривился.

— А что ты сделаешь с этим? — Су'Никар наподдал пальцем в "хранитель".

Амулет висел на шее изгоняющего с того самого дня, как плети учителей заставили его прикоснуться к силе. Ни снять эту штуку, ни забыть про нее Су'Никар не мог. До тех пор, пока пастырь не остановит действие волшебства, даже прикасаться к Источнику было рискованно: засекут — изувечат.

— Ну, ведь само по себе это ворожбе не мешает… — начал было Ана'Рассе.

— Я что–то не понял, — посуровел Су'Никар. — Или вы подвергаете сомнению Уложение, почтеннейший?

Нахальный человек отшатнулся:

— Нет–нет, ты не так понял!

— В таком случае, что вы нам прикажете?

— Мы возвращаемся в Тусуан! Нужно предупредить Наместника об угрозе, как можно быстрее.

— И никакой ворожбы, пока нового пастыря не найдем! — Су'Никар зыркнул на учеников. А то поймут что–нибудь не так, дурни! Да, остановить проклятье как таковое "хранитель" не мог (это сделало бы его слишком неизбирательным), просто делал смертный приговор отсроченным — первый же пастырь, обнаруживший, что изгоняющий пытался ворожить без присмотра, обязан будет привести его в исполнение. Проще думать про себя, что амулет убивает!

Все понятливо покивали.

Как ни странно разочарования Су'Никар не испытывал — выяснение отношений с чужаками, пусть несколько опосредованное, все–таки состоялось. Изгоняющий доподлинно установил, что они имеют право гулять по Са—Орио сколько захотят — священное право сильного, а, если Анатари'Шарп чем–то недоволен, он может сразиться с ними сам. Там такие звери — жрецом не проймешь! Останки изгнанного гостя, чай, все видели…

Часть 3.

Проехав по одной и той же дороге, обычный человек перечислит все гостиницы и пивные, белый вспомнит живущих в окрестностях птиц и место, где растут редкие колокольчики, а черный расскажет, как в единственной на три лиги луже застряла телега с навозом и будет долго над этим смеяться.

Глава 9

Произошло типичное до ломоты в зубах событие — сердобольный белый приволок в дом какую–то дрянь. Дрянь выглядела как битый жизнью бродяга лет двадцати, невероятно грязный, оборванный, завшивленный и голодный. Мы, черные, работали в поте лица, перетаскивая из деревни наготовленную нам в дорогу провизию, а этот нахлебника приволок! Причем, явно — припадочного: вылупился на нас и замер, как сурок над норкой. Что ж за напасть такая…

Ли Хан представил это чудо как своего ученика.

— Не пущу!

— Но…

— Никаких "но"! Иди и мой его, где хочешь. Одежду я, так и быть, проклятьями почищу. К нашим вещам он в таком виде близко не подойдет — потом не будешь знать, от чего чешешься.

Ридзер, стоявший к новоявленному ученику ближе всего, только гадливо морщился. Пит, оценивший размеры бедствия, предложил подобрать бродяге другую одежду, или у местных купить. Мысль здравая: грязь–то я убрать смогу, но как он собирается сшить вместе все эти лоскутья — не представляю.

Ли Хан проникся и обещал устранить замечания в течение часа. Провозился три. В результате, наш новый попутчик стал похож на ошпаренного поросенка — такой же розовый и лысый, а отъезд пришлось перенести на следующее утро. Признаюсь, когда ведущий к деревне белых перекресток скрылся из виду, не я один вздохнул спокойно. "Ботва", она и в И'Са—Орио'Те — "ботва"! Чем дальше от них, тем спокойнее.

На нового попутчика бойцы Ридзера по началу отреагировали привычно, то есть, никак. А почему, в сущности, ингернийских армейских экспертов должно волновать, есть ли у са–ориотского белого ученик? Но уже на следующий день парень, представленный обществу как Ахиме, придумал способ отличиться.

Первый приступ я сумел купировать, встав с утра пораньше и обнаружив, что Ахиме кашеварит вместо дежурящего по отряду Яркса. Он просто не понял, на что подписался! Вежливо, но твердо, отобрав у белого ложку, я, под разочарованным взглядом мага–тунеядца, отбуксировал его к учителю ("отбуксировал" — не преувеличение: под моей рукой Ахиме обмяк, как большая тряпичная кукла, и, кажется, вообще перестал осознавать, что с ним делают). Ли Хан, не меньше моего удивленный выходкой ученика, попробовал возмущаться:

— Мальчик хотел помочь! Что в этом плохого?

Предки, дайте мне сил!

— Если он хочет помочь, — попытался растолковать я. — Пусть попросит Ридзера поставить себя в график дежурства, а не нарушает установленную очередь. Иначе завтра на него повесят всю повседневную работу, включая стирку портянок Шаграта, причем, отказаться от этой чести он уже не сможет. Улавливаешь?

Ли Хан суть сказанного, может, и уловил, но дело было сделано — Ахиме заинтересовались, а интерес двенадцати скучающих колдунов даже для обычного человека — штука крайне неприятная. Са–ориотца рассмотрели со всех сторон и нашли забавным (все равно, что приговор подписали). Не удачное время Ли Хан выбрал, чтобы принимать учеников, тем более — слабоумных! И компанию не подходящую.

Маскировать свои недостатки Ахиме не умел. То есть, я понимаю, что белым свойственно теряться в незнакомой обстановке, приобретать вид эдакой трогательной беспомощности. Но не до такой же степени! Любое неожиданное или необычное явление погружало Ахиме в прострацию, а необычным для него сейчас было все. Понимания со стороны черных такое поведение не находило. Браймер, например, оказавшегося на его пути белого переставлял как мебель. Румол повадился, проходя мимо, дружески хлопать Ахиме по плечу, погружая того минут на пять в паралич сознания. И даже Ридзер, столкнувшись с парнем у походного умывальника, не удержался и громко заявил "Бу!".

Естественно, Ли Хан пытался что–то сделать, разъяснить, научить. Забавно было наблюдать, как у вежливого и немного нудного белого в голосе прорезаются повелительные нотки, а жесты и мимика приобретают наглядность и выразительность. Только ведь не в коня корм — парень оказался тупым до упора. Все это можно было бы не замечать, если бы не смутное ощущение, что, потерпев неудачу, незадачливый учитель собирается подпихнуть слабоумного алхимику.

Естественно, я это так не оставил.

— Уважаемый, кто из нас ученика взял — вы или я? Вот и держите при себе этого припадочного!

Старый прохиндей вдруг приобрел вид трепетно–почтительный:

— Я восхищен вашей проницательностью, мастер Тангор! Могу ли я просить вас помочь этому бедному юноше? Только вы способны это сделать! В детстве он получил сильную эмоциональную травму и теперь в присутствии незнакомых

черных робеет. Ему нужно немного практики…

— А мне–то что с того?

— Я не останусь в долгу.

— Ты и так должен.

— Возможно, есть что–то, что не входит в первоначальное соглашение…

— Например?

— Я мог бы обучить вас местному наречию.

— Зафиг?

— Уверен, такой предприимчивый молодой человек, как вы, пожелает получить в Кунг—Харне дополнительную прибыль. Это проще будет сделать, если у вас будет возможность объясниться с местными жителями.

— Я подумаю.

Мысль хорошая, но, если я сейчас впишусь за белого, бойцы Ридзера мне это до конца дней вспоминать будут. Еще и дразнилку какую–нибудь придумают, типа "мамочка-Тангор". Оно мне надо? Лишняя жадность до добра не доводит.

События развивались своим чередом. Мы, не спеша, преодолели холмы, некогда защищавшие Гартралу от горячих ветров с запада, покинули тракт и двинулись по предгорьям, форсируя многочисленные речки, по летнему времени имевшие вид небольших ручьев. Присутствие человека в этих местах почти не ощущалось, а селений, подобных деревне белых, не встречалось вообще. Один раз мы издалека заметили какое–то скотоводческое кочевье, но вид грузовиков привел местных в неописуемую панику, а преследовать их куратор запретил.

Офонаревшие от безделья Румол и Шаграт выкурили из гнезда гоула (тварь поменьше, чем та троица, что я завалил под Редстоном, но все равно — приличную), повязали магией и приволокли в лагерь, то ли — хвалиться, то ли — белого пугать. Пит даже не нашелся, что сказать по этому поводу. Придурков наградили почетной обязанностью мыть грязную посуду ближайшие две недели, а своего ученика Ли Хан два дня приводил в чувство, отпаивая какими–то травами. Вид у парня стал откровенно затравленный.

Сдохнет у Ли Хана ученик, зуб даю. Что, в таком случае, напишет о нас в своем отчете куратор? Ну и потом — слаб я, не могу оставить белого в беде. Проклятое воспитание…

Долго медлить с решением черным не свойственно, но для благотворительности следовало найти приемлемое обоснование. На очередном привале, когда весь отряд собрался вокруг походного котла, я громко окликнул белого:

— Хан, ты, помнится, говорил, что можешь пару уроков са–

ориотского дать? Я, в принципе, с вашим наречием знаком, мне просто, как бы, разговорной практики не хватает.

На физиономиях жующих овсянку колдунов отразился охвативший их скепсис. Я обвел банду Ридзера пристальным взглядом — черных надо ставить на место сразу.

— Да я — алхимик, выпускник Редстонского Университета! Нам этот са–ориотский два семестра преподавали. Мне на нем лопотать выучиться — как два пальца показать!

— Я готов давать уроки всем желающим, совершенно безвозмездно, — встрял Ли Хан, сообразивший, наконец, в чем дело.

Армейские эксперты многозначительно промолчали — полиглотов среди черных всегда было немного. Питер пожал плечами и изрек:

— Дело хорошее, мастер Тангор. Если можно, я тоже поучаствую.

Вот и отлично! После такого начала никто не сможет заподозрить меня в недостаточной суровости.

И стало у Ли Хана три ученика.

Теперь каждый день я тратил целый час драгоценного стояночного времени на уроки чудной иноземной речи, а в пути, как бы, закреплял навыки в компании Ахиме. Этого белого пришлось натурально приручать. Во–первых, он очень нервно реагировал на любое прикосновение, словно его побить могли (а может, и били). Всякое громкое слово или сказанная с угрожающей интонацией фраза тоже принимались им на свой счет. Во–вторых, у него начисто отсутствовали характерные для белых общительность и любознательность, сам он не улыбался, а чужие улыбки его откровенно пугали. Но самое главное — совершенно увечный язык тела. Каждый человек посылает окружающим невербальные знаки, показывающие, как следует к нему относиться и чего от него ожидать, иногда поворот головы и положение рук могут сказать больше, чем полчаса обмена любезностями. Особенно это важно для черных, которые впустую молоть языком не любят. Предки оборони вас выглядеть вызывающе в присутствии боевого мага! Питер, например, старательно демонстрировал всем уверенность в себе и невозмутимость (его, наверняка, специально натаскивали на то, как надо вести себя с подопечными). Ли Хан был дружелюбно–нейтрален и неуловим, как тень. А вот его ученик… Вся фигура Ахиме — опущенный взгляд, ссутуленные плечи, руки, постоянно прижатые к животу — буквально кричали "Я — жертва!" Следовало ли удивляться, что с ним вообще никто не считался?

Если все это — последствия детской травмы, то я не

понимаю, как он вырасти–то смог — здоровье одаренных сильно зависит от их душевного состояния. Наверное, в Са—Орио обитает какая–то особо живучая разновидность белых, другого объяснения нет.

Для начала, пришлось заставить его выучить имена всех ридзерских охламонов. Так, по крайней мере, зверский вопль: "Румол, верни панаму!!!" перестал вызывать у него смятение чувств. На привалах я ходил, взяв его за руку, тыкал пальцем в предметы, требовал их назвать, а потом долго и упорно отрабатывал произношение. Нет, мне вовсе не улыбалось изображать клоуна, но, занятый произнесением простых фраз, Ахиме перестал шарахаться от занимающихся своими делами колдунов. Вторым плюсом этих спектаклей стало то, что бойцы Ридзера приучались воспринимать белого как человека, а не как вешалку ходячую (без этого он все равно бы у нас не прижился). Попытки прятаться мне за спину я решительно пресекал, хохмить в моем присутствии никто не решался, а дальше и Питер в дело втянулся. Кстати, обучение получилось двухсторонним: Ахиме впитывал незнакомый ему ингернийский язык гораздо быстрее, чем я — халтурно изученный "со словарем" са–ориотский. Мог ли черный позволить превзойти себя?!! Ли Хан довольно щурился и усложнял уроки. Все счастливы.

Кроме куратора. Как оказалось, Питер все время думал про себя какие–то мысли и однажды решил ими со мной поделиться:

— Мастер Тангор, вам наш добрый наниматель никого не напоминает?

— Ась?

— Я-то по началу ничего такого не заметил, а сейчас он поправился, щетина отросла… Ничего знакомого? Может, в газетах мелькало.

Я только пожал плечами: мне и так–то помоги предки человека по изображению узнать, а если он еще и внешность изменить пытался…

И вот что характерно: пока мы говорили, рядом никого не было, но на следующий день Ли Хан оказался гладко выбрит. Я долго думал, потом поймал белого кота и долго задумчиво смотрел ему в глаза. Скотина отреагировала на экзекуцию парадоксально — начала урчать и ласкаться. Оно мне надо — белая шерсть на черных штанах?

За две недели мы проехали почти половину пути и встали перед необходимостью переправиться через реку Окток (один из притоков Тималао). Казалось бы, фигня вопрос — Ли Хан пометил на карте брод, которым пользовались все местные. Вот тут–то нас и обломало.

Вы представьте себе: внутренние районы Са—Орио, полупустыни, редкие оазисы, население сосредоточено в долинах рек. И — моросящий дождь, типично краухардская погода. Местные почвы, по началу казавшиеся каменными, на поверку оказались смесью песка и пыли. Они охотно принимали воду, набухали и превращались в податливое тесто, которое с чавканьем хватало меня за сапоги. Единственной надежной поверхностью на всем обозримом пространстве стала узкая лента очередного имперского тракта, на который мы успели выбраться буквально чудом.

Дорога вела туда, куда нужно ей, а не нам — на северо–восток, к самой труднопроходимой и безлюдной части Понтиакских гор. Ехали наобум, в надежде найти брод или хотя бы укрытие от дождя. Запасы продовольствия понемногу таяли, Ридзер ввел жесткую экономию масла, и овсянку теперь приходилось есть холодную и полусырую. Не я один думал о том, чтобы развернуться и отправиться в ближайший город ниже по течению (не так далеко, на самом деле), хотя Ли Хан этого и не рекомендовал.

— Города в среднем течении Тималао — традиционный оплот власти императора, — убеждал нас белый. — Даже сейчас тамошние жители могут напасть на чужаков, оказывая своему владыке воображаемую услугу.

Дождь продолжал моросить (кто мне скажет, откуда его столько?!!), с высокого южного берега реки открывался прекрасный вид на равнину, успевшую зазеленеть и кое–где расцвести. Окток (обязанный в это время года превратиться в чахлый ручей) радовал глаз мутными бурунами. Одежда отсырела, тенты грузовиков отсырели, одеяла отсырели так, что даже Браймеру надоело их все время сушить. А спать нам (черным!) приходилось чуть ли не вповалку. Я вспоминал, как обещал себе после Арангена никогда не мотаться по сельской местности, и от досады готов был головой об руль биться.

Раздражение копилось, даже вышколенные армейские эксперты начали цапаться друг с другом, и Питер с трудом удерживал ситуацию под контролем. Ли Хан не отпускал Ахиме от себя ни на шаг. Все это должно было закончиться плохо — дракой, а может и убийством. Вместо этого, милостью Короля, спасать чужую карму пришлось алхимику.

В этот раз я ехал вторым, старательно выдерживая дистанцию с впереди идущим грузовиком и стараясь не замечать, как мокрая рубашка липнет к телу. Огибая очередной холм, дорога вывернула к берегу реки, но ощущения простора не появилось — перспективу скрадывала пелена дождя. Солнце мы не видели уже

неделю, висящая в воздухе морось, в отличие от краухардских туманов, совсем не приносила прохлады. Глаза, несмотря на сооруженную из полотенца повязку, заливал пот. Вот в таком вот положении колдуны и изобретают всяческие неснимаемые проклятья.

Внезапно мир покачнулся, горло сдавило ощущение близкой опасности. Я заглушил мотор и до предела напряг чувства. Выглянувший из передней машины капитан издал предостерегающий крик — сразу за капотом моего грузовика разверзлась метровой ширины трещина.

— Тангор! — рявкнул Ридзер. — Вылезай оттуда, Шорох твой папа!

— Поцелуй Короля! — обложил я его в ответ. — Морозьте грунт! Сейчас весь склон вниз поедет!!!

Реальность задрожала от дюжины прозвучавших одновременно проклятий. Ситуация стабилизировалась, но до благополучной ей было еще далеко.

— Так, все, лезьте в тот грузовик и катитесь нафиг!

— А ты?

— Мы не можем потерять топливный реактор! Постараюсь удержать машину, не получится — съеду на берег и попробую найти подъем выше по течению. Главное, лебедку не потеряйте!

Риздер внял и отвалил. Грузовик

молниеносно разгрузили (в первую очередь за счет топлива и золота), бойцы перебрались в головную машину и убрались нафиг с опасного склона, не опускаясь до пошлого пожелания удачи. Плевать, без него обойдусь.

В принципе, чтобы угробить черного мага, нужно что–то более серьезное, чем пара камней. Но я вырос в Краухарде и представлял себе, что такое оползень — тысячи тонн ожившего грунта, неудержимой волной катящегося вниз. Тут никакие щиты не помогут, грузовик завяжет бантиком, а от хрупкого человеческого тела уцелеет разве что позвоночник. Единственный способ сохранить ценное оборудование — взять процесс под контроль и, если уж обвал неизбежен, провести его так, чтобы оказаться наверху.

Зомби басовито брехнул в кузове, стараясь поддержать хозяина морально. Я расслабился и закрыл глаза, пытаясь прочувствовать грунт под машиной — искательской практики у меня последнее время было до затылка. Да, нас кувыркнет. Если не вмешаться прямо сейчас, весь склон свернется рулончиком, в середине которого меня и похоронит.

Врешь, не возьмешь!

Чертить пентаграммы было негде и некогда, пришлось

воспользоваться оперативным проклятьем, сложив его наподобие того знака, которым защищают подшипники мощных турбин. Земля дрогнула и поддалась, треть склона, подобно гигантским салазкам, устремилась вниз. От меня больше ничего не зависело, оставалось только громко материть эти холмы, реку и криворуких са–ориотцев, умудрившихся проложить дорогу, но позабывших про дренаж. В голове не вовремя обозначился Шорох, осознал происходящее и испарился без следа. У, собака страшная!

Путь вниз занял секунд двадцать, грузовик все еще стоял на колесах, но расслабляться было рано — гигантская масса грунта запрудила поток. Ни о каком "выше по течению" речи не шло — вода мгновенно закрыла берега и продолжала прибывать. Вцепившись в руль и лихорадочно орудуя педалями сцепления и газа, я гнал грузовик по телу оползня, как по мосту. За пределами промороженного участка грунта мы едва не завязли, а, ухнув в воду в двадцати метрах от противоположного берега, едва не заглохли, но армейские алхимики постарались на славу, и движок так просто было не убить (это вам не И'Са—Орио'Т, у нас умеют вещи делать!!!). Отчаянно чадя и завывая, грузовик вскарабкался на пологий каменистый берег, проломил кусты и выкатился на заросшее густым бурьяном плато. Позади и внизу безумствовала река, сражаясь с неожиданной преградой.

Я заглушил двигатель и позволил себе на минутку перевести дух. Работа только начиналась: если грязную воду затянуло в движок, все придется перебирать и чистить, прямо сейчас. Мы не можем себе позволить потерять транспорт так далеко от моря! А если Рурк перенес коробку с ключами в другой грузовик, я из него из живого зомби сделаю.

— Все в порядке? — произнес над ухом спокойный голос.

Я аж подпрыгнул, больно саданувшись коленкой, хорошо хоть, проклятьем вслепую не ударил. С черными так нельзя!

В кабину заглядывал Ли Хан. Я даже не сразу понял, как он здесь оказался.

— Ты что творишь?!!

— Мне надо с вами поговорить.

— Я спрашиваю, почему ты остался в машине?!!

Ли гордо вздернул подбородок.

— Я был уверен, что вы справитесь с ситуацией, а мне надо поговорить с вами наедине.

Ну, что тут скажешь? Псих! Или — белый, что в данном случае равнозначно.

Я вылез из кабины, попытавшись с ходу оценить ущерб. Задние скаты в жирной глине по самое днище (где только нацеплялась?) — придется ломом оббивать, но это армейский

грузовик выдержит. Хуже, что волна жидкой грязи захлестнула радиатор, а управляющие двигателем проклятья очень чувствительны к свойствам среды. Кроме того, лучше подстраховаться, заменить все фильтры и масло. Короче, без детального осмотра я не сдвинусь ни на метр.

А тут еще этот… Ли Хан терпеливо ждал начала разговора.

— Чего тебе?

— Я хотел бы с вами поговорить.

— Это я понял. О чем?

— О вашей семье. Не звали ли вашего отца, случайно, Тодером?

— Его не звали, он сам приходил. А вы что, знакомы были?

— Встречались.

А сам такой спокойный–спокойный, хотя, по–хорошему, после такой передряги должен нервы годами лечить. К слову о нестандартных белых: у меня в кровниках два года ходила целая секта подобных маньяков. Типы, гордо именовавшие себя Искусниками, имели на черных (всех черных!) большой зуб, но пару месяцев назад их наши власти сильно обломали. Я вложил в это дело свою скромную лепту. Не может ли оказаться так, что кому–то из них неймется до сих пор? Вот, например, рубашечка у него по фасону явно не местная.

Макс бесшумно занял позицию за спиной Ли Хана.

— У тебя папа что, денег занял?

— Причем тут это?

— Больше сотни не отдам! И никаких процентов.

Белый едва не сплюнул.

— Не путайте меня, молодой человек! Не нужно мне от вас никаких денег.

— Тогда зачем наедине?

— Затем, — глубоко вздохнул Ли. — Что удержать разговор на нужной теме очень трудно, а в присутствии ваших компаньонов — просто невозможно. Я хочу обсудить ваше мировоззрение!

— О!

Это — песец. Белого повело на философию — спасайся, кто может. Если не заткнуть его фонтан сейчас, он начнет доставать меня в присутствии банды Ридзера, а дальше либо сам заработает душевное расстройство (не смотря ни на что), либо меня до него доведет. А безумный некромант — это страшно, господа! Практически, нужно спасать человечество.

— Хорошо, мы поговорим, но через полчаса — нужно закончит тут, пока все не засохло. А ты пойди, кашу завари. Примус, вроде, должен был остаться.

Вот так! За едой и разговор пойдет проще.

Возня с механизмами, как всегда, подействовала на меня умиротворяюще, особенно порадовало то, что движку ничего не угрожало. Я за пару минут вытянул всю воду плетением и продул двигательный отсек. На всякий случай, обновил заклинания, почистил масло, смазку заменил. Хорошая, все–таки, штука — армейская машинерия, легко использовать, просто чинить. Овсянка в исполнении Ли Хана тоже оказалась ничего себе.

— Слышь, ты когда говорил о мировоззрении, серьезно полагал, что оно у меня есть?

— Мировоззрение всегда есть, — веско обронил белый. — Просто оно не всегда сформулировано.

— Как же ты тогда собираешься его узнать?

— Методом прямого наблюдения и наводящих вопросов.

— А почему именно у меня?

— Потому что вы — первый некромант, которого я смог так долго наблюдать в естественной среде.

— Ты только учти там себе, что я — алхимик!

— Вы не хотите разговаривать?

— Почему? — я облизал ложку. — Можно поболтать часок, а потом — на боковую.

— Алхимик, это для вас важно?

— Да! Я вообще изначально не собирался обретение проходить.

— Жалеете?

— Как можно жалеть о том, что научился ходить? К тому же, будущее — в синтезе магии и алхимии. Так я нахожусь на острие прогресса!

И, к слову говоря, уже успел сделать в него свой вклад.

— А некромантия?

Я поморщился.

— А некромантом меня назначило начальство, за мой уникальный природный талант.

— Жалеете?

— Вот уж нет! Такие интересные навыки приобрел, да и древние эпохи … Но об этом говорить не могу — я клятву давал и бумажку подписывал.

И не известно еще, что более сурово.

— А в Са—Орио зачем отправились?

Я пожал плечами.

— Деньги нужны — башню строить буду. К тому же, идеи есть всякие… Ты, например, знаешь, что раньше у людей были летающие устройства тяжелее воздуха?

— Слышал о таком.

— От кого?

Белый неопределенно повел плечами.

— Приедем в Кунг—Харн, я вам фрески покажу, очень древние.

— Как эти штуки выглядят, я и сам знаю! Мне бы от них хоть кусок… Ну, или кость пилота.

Белого передернуло.

— Как вы можете о подобном даже думать?

— А что такого? — искренне удивился я. — Мертвым не больно, а живым — интересно.

— Откуда вы знаете, что не больно?

Я ткнул пальцем и Макс, почувствовав мое настроение, подошел приласкаться. Ли Хан смотрел на мохнатого монстра со смесью гадливости и сочувствия.

— Кстати, у меня и человеческий зомби был, и тоже не жаловался.

Ли все–таки плюнул.

— Зачем надо было это делать?!!

— Само получилось, причем, оба раза. Честно! С Максом был выбор — убивать его или спасать, а с Мистером Флапом спасать нужно было меня. Между прочим, нормальный мужик оказался этот зомби, белому нашему нравился.

— Белому?!!

— Ну, магистру природной магии, если их можно за белых считать.

Потому что это очень уж своеобразная это дисциплина. Ли Хан недоверчиво переваривал услышанное.

— Честно! Они грядки вместе пололи. Йохан еще сказал, что в зомби есть душа.

— Как он это определил? — прищурился Ли.

— Пес его знает! Увижу в следующий раз — спрошу.

Помолчали.

— Так как насчет мировоззрения?

Ли вздохнул.

— Пока проблемы с мировоззрением есть только у меня.

Макс сочувственно положил ему на колено лапу. Ли подумал и не стал ее сбрасывать.

— Во времена моей молодости учили, что черная магия — суть порождение Дьявола, — между делом сообщил он.

— Это утверждение противоречит современному естествознанию.

— И много естествознание понимает в проявлениях тьмы?

— Мало, но я надеюсь исправить это упущение.

— Скромно, — усмехнулся Ли.

— Должен же это кто–то сделать!

Не говоря уже о том, что знание придется скорее не открывать, а восстанавливать, значит, есть шанс найти достаточно информированного мертвеца… Да, я — черный до глубины души и не против сдать экзамен со шпаргалкой.

Ли поколебался, а потом протянул руку и почесал Максу уши. Пес–зомби одобрительно вильнул хвостом.

— Он не воспринимается как животное.

— А он больше не животное. Насколько я понимаю, поднятие зомби — двухсторонний процесс. Теперь во мне есть что–то от него, а в нем — что–то от меня.

Обмен сущностями — самая сложная для понимания часть некромантии, если раньше на этот счет и существовала теория, то теперь она утрачена.

— Грядет смена эпох, — глубокомысленно заключил Ли. — Старые истины сменятся новыми.

Как это типично!

— Скажи честно, — прищурился я. — Ты — Искусник?

Белый чопорно поджал губы:

— Задавать такие вопросы — неприлично!

Что было бы проще — сказать "нет"? Зря я его кашу ел.

— Будешь хулиганить -

я за себя не отвечаю!

— Не волнуйтесь, молодой человек, с моей стороны вам решительно ничего не угрожает.

Это он что, намекает, что я чего–то боюсь?!!

Белый кот вспрыгнул хозяину на плечи (с противоположной от Макса стороны) и потребовал внимания. Ли Хан изящно свернул откровенный разговор. Именно тогда, когда мне стало интересно! Ну, точно, Искусник.

Я демонстративно обновил на зомби реанимирующее проклятье и начал располагаться ко сну. Тут–то и обнаружилось, что счастье — есть. После двух месяцев непрерывного общения компания двенадцати боевых магов опротивела мне по самое не могу. Это только армейские эксперты друг дугу не надоедают (психи потому что), а я — нормальный черный, со мной так нельзя! Теперь же весь грузовик оказался в моем распоряжении. О, да…

Я расстелил матрас и вольготно раскинулся, заняв половину кузова.

Ну, уж теперь–то отдохну! А бойцы Ридзера пускай спят сидя.

Глава 10

Утром дождь кончился. Нет слов. Просто нет слов.

Я, по привычке, проснулся с рассветом и повалялся еще с полчаса, борясь с невыносимым желанием послать всех к Шороху, а потом природа взяла свое. Ли Хан дожидался меня снаружи, хорошо хоть будить не пытался. Я, не торопясь, потянулся, отлучился в бурьян, ополоснул лицо водой, накапавшей с тента в два ведра. Полотенце потерявший терпение белый вручил мне лично.

— Ну, чего тебе опять?

— Необходимо проложить маршрут…

— Угу.

— … выбрать место для переправы…

— А вот это — вряд ли.

- ???

— Сам подумай: мы искали брод, чтобы переправиться на эту сторону. Зачем нам обратно?

— Но остальные — там!

— Это уже их проблемы. Думаешь, они за нами не следили?

Да они, небось, ставки делали, сволочи армейские!

Ли Хан, наконец, включил мозги, обдумал ситуацию и констатировал очевидное:

— Мы не назначили место встречи.

— Ну, так давай назначим! Подумай, какое место им будет просто найти, учитывая способности Питера к языку и неспособность Ахиме к географии.

В этом и заключена пикантность ситуации, с которой предстоит столкнуться Ридзеру: нашего куратора местные смогут понять, только если очень захотят, а белый, даже если расхрабрится настолько, чтобы с кем–то поговорить, вряд ли сможет внятно указать направление.

— Гм, — Ли Хан задумался. — Нужно место, название которого многие знают, и чтобы через него проходил тракт. Придется ориентироваться на крупный город.

— Сам думай. Я вообще не помню, какие ориентиры на карте Ридзера указаны, кроме реки и гор.

И то, что вон за тем хребтом начинается Тусуанская долина, я знал совершенно точно.

— Из того, что указано на карте, — озабоченно поджал губы белый. — Напрашивается только Арх–харам. Со стороны гор это вообще первый город, местным дальше него и ездить–то не полагается. Две из трех проходящих там дорог имеют сугубо

военное значение, что тоже хорошо — меньше шансов, что о нас пойдут слухи. Учтите, попутчиков не избежать! Наместник способен поддерживать дороги вокруг Тусуана в нужном состоянии, по крайней мере, для местных перевозок. Не пойму только, как вы собираетесь дать знать о своем выборе остальным? Предупреждаю, ворожить тут будет плохой идеей!

— Не дурак, знаю! — поморщился я. Гнездо близко! В Ингернике подходы к сосредоточию власти были бы утыканы амулетами инструментального контроля, как Краухард — поганками, а у меня нет ни малейшего желания выяснять в одиночку на что способны местные изгоняющие. — Мы пошлем гонца.

Я похлопал Макса по холке и зомби подобрался, выражая готовность бежать хоть сейчас.

— Оригинальная идея, — поднял брови белый. — Но как далеко вы сможете его контролировать?

— Я вообще не буду его контролировать. Дадим Ридзеру пару дней поплутать, потом Макс пробежится вдоль реки, найдет след переправы, вручит сообщение и вместе со всеми поедет к нам. Единственное, обновить реанимирующие проклятья Ридзер без меня, скорее всего, не сможет, так что, больше чем на две недели нам лучше не разлучаться.

Кажется, мысль о бегающем на свободе зомби белого не порадовала. Да ну нафиг! Я этому прохиндею доверяю меньше, чем Максу.

— Что у нас на завтрак?

— Овсянка, мастер Тангор, — с серьезным видом сообщил белый. — Если хотите, в кашу можно добавить тушенки, но осталось ее всего пол–ящика.

Я подогрел овсянку (плевать на расход масла, реактор–то у меня!), в одно рыло употребил целую банку тушенки и устроился на капоте грузовика загорать. Кто бы знал, как мне не хватало тишины! Сухой шелест бурьяна, монотонное бормотание реки и ни одного черного от горизонта до горизонта…

Где–то через час мой отдых нарушило вежливое покашливание. Около кабины стоял Ли Хан и недовольно разглядывал мои босые пятки. Как же он мне надоел…

— Чего тебе, старче?

— Мы ехать–то собираемся?

То есть, он все это время сидел в кузове и ждал начала движения?

— Мы же, вроде, договорились, что пара дней у нас есть. Раньше Ридзер никак не сможет сюда перебраться — завал воду поднял.

— За это время мы могли бы, по крайней мере, выехать к какому–нибудь жилью.

Предки, дайте мне терпения! Раньше он доставал всех равномерно, а теперь будет цепляться только ко мне.

— Мужик, ты учти: мы не на вездеходе едем. Не брали мы вездеход! Нас заверяли, что в империи есть дороги, а клиенты черных магов в чистом поле не селятся. К тому же, грузовик теперь один и без лебедки — застрянем, будем на месте торчать, как памятник имени себя.

— И вы предлагаете…

— Дождаться, когда грязь подсохнет! Нас уверяли, что в это время года главной проблемой Са—Орио является засуха.

— В принципе, так оно и есть, — белый с подозрением прищурился на затянувшую небо хмарь. — Подобное явление совершенно ненормально.

— Ты еще скажи, что можешь погоду предсказать — вместе посмеемся.

— Предсказать не могу, но тенденцию вижу. У этой облачности нет предпосылок!

— Сам понял, что сказал?

Ли Хан потер переносицу (он приобрел привычку делать это всякий раз, когда мы разговаривали больше пары минут к ряду).

— Молодой человек, я совершенно точно знаю, что говорю. Более того, если обратиться к истории и вспомнить наиболее характерные признаки магических катаклизмов, то странные погодные явления идут в списке первой строкой, — голос белого стал размеренным, воображение так и рисовало ему мантию преподавателя и шапочку с кисточкой. — Однако принято считать, что подобные события инспирируются мощными однократными воздействиями — внимание! — нарушающими гармонию слоев тонкого плана. Помните, вы спрашивали о причинах, делающих возможности белых магов ограниченными? Подумайте вот над чем: пастыри производят неестественные изменения, незначительные по отдельности, но повторяющиеся сотни тысяч раз на протяжении десятков лет…

— Интегральное воздействие? — догадался я. — А может отдача от однородных заклинаний суммироваться?

— Этого, молодой человек, никто не проверял, по крайней мере, в таких масштабах. Однако вопрос сложнее: что именно суммируется? Истощение слоев, используемых при построении заклинания, или реакция тонкого плана на воздействие — знаменитый откат?

— А не пофиг?

— Нет!!! Только выявив природу явления мы можем

установить его причину и предсказать последствия! Критически важно знать, является ли происходящее результатом разумного воздействия, или это какой–то иной, параллельно развивающийся процесс.

Да, в теории магии он шурупит, прямо как на лекции побывал.

— Клево. Но молодым меня при Ридзере больше не называй — поссоримся.

Белый мученически вздохнул. А кто меня пожалеет?

В этот день мы никуда не поехали. За ночь вода промыла в теле оползня извилистый проход, и сильно уменьшившийся в объеме Окток бодро зажурчал в новоявленном ущелье. Я осмотрел реку, полюбовался на пласт жирной желтой глины, обнажившийся на противоположном берегу, открыл спрятанную в укромном уголке грузовика фляжку с самогоном…

Подошел Ли Хан и звонко хлопнул в ладоши:

— Ну что ж, продолжим урок?

Я чуть глотком не подавился.

— Чего?

Белый укоризненно покачал головой:

— Молодой человек, вы уже забыли свое обещание в два счета научиться са–ориотскому?

Я бы, может, это обещание и забыл бы (с наслаждением), а вот ридзерские бойцы мне его еще припомнят.

— Может, завтра?

— Как скажете, — огорченно вздохнул Ли Хан. — Но учтите: занятия языком требуют постоянной практики. Стоит прерваться на день, и предыдущий урок придется повторять по новой. Впустую потраченное время…

Э, нет, заниматься одной и той же фигней дважды я был не согласен! К тому же, полагаться в переговорах с местными только на Ли Хана было бы верхом легкомыслия. Фляжку пришлось вернуть в тайник.

— Ладно. Только давай в этот раз выберем какую–нибудь практическую тему. Как, например, по вашему будет: "Только за деньги"?

Песчаная почва сохла почти так же быстро, как намокала, совершая обратную метаморфозу из пластичного теста в несокрушимый монолит. Следы колес, пропахавших грязь на берегу, превратились в монументальные свидетельства торжества алхимии над природой. Наверное, они так и останутся тут на века, если снова дождь не пойдет.

Утром следующего дня в небе засияло солнце, и я занялся всем тем, что откладывал из–за плохой погоды. Например —

стиркой. Из–за близости Тусуана полностью полагаться на магию было рискованно, так что в дело пошло вонючее серое мыло. Ничего, жил же я как–то двадцать лет без чистящих проклятий! Правда, из постиранных в луже рубашек пришлось выбивать белесую пыль и они слегка попахивали, но носить их было можно.

А после полудня мы рискнули тронуться в путь, чтобы хоты бы немного проехать до заката.

Ли Хан тихой сапой протырился в кабину и ехал теперь рядом со мной, такой покладистый и скромный, но (по глазам вижу) очень довольный собой. Решил, что с черным справился! Ну–ну. Я те устрою путешествие с комфортом. Ты у меня Ридзера встретишь как родного, а Питера вообще облобызаешь, лишь бы в другой грузовик пустил!

Пустыня сохла и парила, из кузова потихоньку выветривался запах плесени и грязных носков. Среди чистого поля мы уткнулись в остатки каменной изгороди и, держась вдоль

нее, выехали к проселочной дороге, едва обозначенной на земле (подозреваю, что по ней не ездили, а гоняли скот). Люди! С равной вероятностью они могут встретить нас хлебом–солью или попытаться избить. Надо быть готовым ко всему, особенно сейчас, когда я не могу позволить себе бить магией по площадям, опасаясь нарваться на визит обитателей Тусуанской долины. Впрочем, в резерве остается зомби, да и алхимических штучек у меня сейчас в достатке. Я специально остановился на полчаса и вдумчиво перебрал свой арсенал, заставив Ли Хана нервничать и заламывать руки (наверное, склонность все принимать на свой счет — какая–то особая черта белых, с которой в Ингернике мне сталкивался не приходилось). По самым скромным прикидкам, одолеть меня сейчас мог только взвод тяжело вооруженных штурмовиков, поэтому к первому за долгое время жилью я приближался в настроении спокойном и даже приподнятом.

Над форпостом цивилизации висел запах хлева

Это селение строилось обычными людьми и чем–то неуловимо напоминало самые старые здания ингернийского города Михандрова (только у нас камни плотнее подгоняли друг к другу): линии, проведенные на глаз, качество кладки, меняющееся несколько раз по высоте одного строения, калитки и ставни из тонкомерной древесины, никогда не знавшей рубанка. Но в Михандрове все это было тщательно сохраняемым наследством старины, а тут — сутью жизни. Реалии прошлого века: примитивное существование без водопровода и электричества, с удобствами в ведре и рукомойником на веревочке. То, о чем наша "ботва" предпочитает романтично грезить, находясь на безопасном расстоянии, то, что забивает

хлопотами по хозяйству весь день без остатка, заставляет женщин стариться к тридцати, а детей в двенадцать — считаться взрослыми.

Вот почему черные предпочитают жить в городах.

Будь моя воля, мы проехали бы это убожество не останавливаясь, но Ли Хан хотел уточнить наше местонахождение. Сосредоточие здешней власти он нашел необычайно быстро и в ответ на мой полный подозрения взгляд только плечами пожал:

— Что вы удивляетесь? Все поселения империи построены по единой планировке, записанной в Уложении и зависящей от размера и значимости объекта. Эти требования стараются соблюдать даже в глуши.

Подивившись очередному маразму, я подрулил к домику старосты — халупе, отличающейся от остальных цветастой тряпкой, навешанной на дверь. Ли Хан пошел здороваться, а мне вылезать было лениво. Плевать на уважение, мы здесь все равно долго не задержимся. Ну, сколько там времени нужно, чтобы спросить дорогу? Пять минут, десять? Белый не возвращался полчаса. Более того, к дому подтягивались какие–то людишки, они входили внутрь, а обратно не появлялись. Залетающий в кабину ветерок наполнился ароматом свежего хлеба…

Так дело не пойдет! Я решительно спрыгнул на землю, активировал оберег на дверце и пошел выяснять, что за новый цирк придумал этот клоун.

Глава 11

— Не стоит ли пригласить к столу вашего спутника, досточтимый?

— Не беспокойтесь, уважаемый! Мой благородный друг должен позаботиться о нашем транспортном средстве, но, будьте уверены, к столу он успеет вовремя.

Сама мысль о необходимости тащиться на улицу и упрашивать вредного некроманта не оскорблять пренебрежением жителей деревни вызывала у белого тошноту. Перед глазами так и вставала скептическая физиономия колдуна, произносящего сакраментальное: "Нафиг?" И ведь нельзя сказать, что он будет полностью неправ — даже белые не пытаются налаживать дружеские отношения с каждым встречным. А главное, какой смысл унижаться, когда через пару минут природа все сделает сама?

— Дайте отдых ногам, окажите честь нашему дому, не побрезгуйте скромным угощением! — соловьем заливался староста. — На закате племянники пригонят стадо — устроим настоящее застолье!

Старейшины, успевшие рассесться вдоль низкого стола на подушках, разложенных расторопной хозяйкой, солидно покивали. Судя по той скорости, с которой собрались уважаемые жители деревни, местным что–то было очень нужно от гостей, а опыт предостерегал мага принимать на себя непонятные обязательства. Что–то наигранное чудилось ему в веселости старосты, горький привкус отчаяния исходил от молчаливо суетящихся женщин. К счастью, замысловатый этикет внутренних долин не считал любопытство оскорблением.

— Ваше гостеприимство радует мое сердце и дарит прохладу душе! Видно, счастливый ветер привел меня к порогу этого дома. Однако, что за тень я вижу в углу? Не навестили ли вас до меня иные гости?

Староста не удержал лицо — его улыбка выцвела, бремя забот опустило уголки губ, по другому уложило складки на лбу.

— Ах, досточтимый, как ясен ваш взор, как проницателен ум, как мудры речи! Что скрывать, именно гости нас и навестили, ночные. Загнила вода в колодцах! А как не загнить, если отвращающие знаки два года не обновлялись? Младший мой ездил в Арх–харам за изгоняющим, денег предлагал — побили да выгнали! Нет нынче в Арх–хараме порчей тронутых, совсем чисты мы стали, только проку с того нет… — староста привычно сотворил оберегающий знак, старейшины забормотали

благочестивые молитвы.

— Так разве я…

— Нет, нет, досточтимый! — замахал староста на гостя руками. — Не позвольте нашим горестям омрачить ваш путь. Нынче вечером собирался мой зять скакать в Тусуан, нести весть храму. Только вот лошади у нас слабые, подумалось мне, что ваш железный возок обгонит их как стоячих. Не возьметесь ли вы доставить письмо? Наша благодарность будет щедрой! Не смотрите на то, что нет богатых узоров на этих дверях — не держится под степным ветром ни стекло, ни позолота. Другим живем: в наших краях выделывают лучшую сальчу в империи! Мой старший за патент купца платит, до самого побережья ездит, только что в столице не был. Нам есть, чем заплатить, нашлось бы — кому!

Осознание сути происходящего навалилось на белого душным облаком.

"Отказать и вызвать оправданные подозрения. Согласиться и оказаться перед необходимостью предстать именно перед теми, с кем встречаться не следует. Взять послание и ничего не сделать, оставив этих людей безнадежно ждать помощи"

Хладнокровно выбрать между своей и чужой жизнью, когда–то это получалось у него легко. Все ушло, но выбор — остался. Словно какое–то проклятье преследовало его (или это он сам нес в себе порчу?), стоило ему прикоснуться к чьей–то жизни, как она обращалась в тлен. Может, те боги, которых он искренне почитал в юности, и впрямь прогневались на него. Заслужит ли он когда–нибудь их прощение?

И как ответ на вопрос — скрипнула дверь. Почти не наклонившись под каменной притолокой, во двор шагнул потерявший терпение некромант. Черный хмуро оглядел рассевшийся вокруг стола народ и почти без акцента произнес традиционную приветственную фразу. Дочь хозяина немедленно поспешила к новому гостю с принадлежностями для омовения — медным тазиком и кувшином драгоценной воды. Юноша с солидной неторопливостью ополоснул ладони, лицо, утерся вышитым полотенцем и занял единственное свободное место за столом, словно всегда тут сидел. В руки ему хозяйка немедленно вложила пиалу, наполнила ее ароматным чаем. Черный отправил в рот горсть изюма и подобрел. А из расположенной за домом кухни уже спешили женщины с блюдами скороспелых лепешек, мисками нарезанной ломтями брынзы, плошками перетертого с маслом и зеленью чеснока.

— Ваше горе режет мне сердце, уважаемый! — воспрянул духом Ли Хан. — Но зачем же ехать далеко, зачем тратить время?

Есть и другие способы справиться с бедой. Если, скажем так, не слишком буквально воспринимать некие строки Уложения…

И белый ступил на путь тонкий, как весенний лед. Уговорить местных нарушить закон — полдела. А вот как заставить черного работать?

Пришел я вовремя и, если бы не пристальное внимание са–ориотцев, высказал бы белому все, что о нем думаю. Сижу, понимаешь, жду его, а он тут обжирается!!! И интриги какие–то разводит.

Напряженно вслушиваясь в лопотание местных, я смог разобрать несколько знакомых оборотов, кажется, дело было в том, что четыре из пяти колодцев деревни заселили Черные Пряди. Последствия неожиданных дождей скоро исчезнут, на носу — сухой сезон, а колодцы солью не засыплешь — пить–то из них потом как?

Не пойду — не хочу. Хватит с меня и Пегой Соломки! Только настроился отдохнуть, свободы вкусил и — опять работать? У нас с Ридзером договоренность была: за мной — искательство и грузовики, за ним — харчи и нежити. Я этих тварей в бытность студентом столько изгнал — "чистильщику" на две жизни хватит. Пускай утрутся! Топлива до Арх–харама хватит, овсянки тоже, а на крайний случай у Ли Хана какие–то деньги есть (я точно знаю — я его сундучок проклятьем проверил). Потом подтянутся остальные, подвезут золото, да и работу можно будет размазать на двенадцать рыл.

Наконец, Ли Хан вспомнил, что лично ему подвиг изгнания Черных Прядей по–любому не светит, и повернулся ко мне.

— Уважаемый, вы ведь поняли, в чем дело? — заговорщицки понизил голос он. — Жители деревни попали в затруднительное положение. Эту возможность нельзя упустить!

Ну–ну. Возможность чего я так должен бояться упустить? Приложить силы для общей пользы? Нафиг!

— Деньги у них есть? — в лоб спросил я. Моя работа им обойдется очень дорого!

— Деньги у них, что удивительно, есть. Все даже лучше! — просиял белый. — Эта скотоводческая община производит на продажу колбасу и копчености. Особенно сальчу — деликатес, достойный стола Наместника. Представьте себе: вяленная говядина, пряности и совсем чуть–чуть жира, все это измельчается, плотно прессуется, коптится в дыме степных трав, а потом нарезается тонкими, полупрозрачными пластинками, полностью сохраняющими аромат продукта… — Ли Хан причмокнул с видом заправского гурмана.

Я чуть слюной не захлебнулся. С черными так нельзя! После

месяца, прожитого на каше и консервах, мысль о копченом мясе парализовала мою способность здраво рассуждать. В конце концов, Черные Пряди — достаточно простая для изгнания нежить…

— Расценки я выставил такие же, как и ваш уважаемый друг–капитан, — не встретив возражений продолжил белый. И тут же с невинным видом поинтересовался: — Так мне сказать, чтобы резали барашка? Пока шашлычок промаринуется, то да се…

— Будет готово — зови. Почистить я за сегодня успею, а отвращающие знаки — завтра наложу.

И знаете что? Шашлык из молодого барашка, да со свежей зеленью, да под виноградное вино, да после четырех часов интенсивной ворожбы… Неописуемо!

У скотоводов мы задержались почти на два дня — спасенные от разорения жители деревни закатили праздник, на котором я узнал об обычаях Са—Орио много нового и интересного. Например, то, что овсянка — для нищих, а уважаемые граждане империи едят плов и непременно — на курдючном сале. И то, как на самом деле должен выглядеть пирожок с сыром — это горячее, воздушное, пропитанное маслом чудо, особую пикантность которому придает разлитый сверху яичный желток. А еще то, что кухня Краухарда, определенно, испытала на себе заморское влияние, иначе невозможно объяснить нашу общую трогательную любовь к перцу. Если бы не необходимость спешить на встречу с Ридзером, я бы тут неделю отъедался. Увы! На рассвете третьего дня, когда похмельем, кажется, маялись даже куры, я неторопливо вырулил на тракт и затарахтел в сторону Арх–харама.

Праздновать са–ориотцы умели и любили, было бы — что, а избавление деревни от потусторонней напасти выглядело более чем достойным поводом. Если в первый день гуляния получились несколько стихийными, то уже во второй торжества приобрели должный лоск. Было все: песни, от торжественно–религиозных до хамских простонародных, зажигательные пляски, подношения богам и, конечно, самая любимая народом часть — демонстрация благополучия и достатка, сиречь — застолье.

Утром все выглядело чинно: богато одетые старейшины, торжественный вынос статуи божества–покровителя, благочестивые молитвы. Но, стоило дневной жаре пойти на спад, на улицу вынесли столы, скамейки, бубны, дудки и понеслось.

Деревенские красавицы кружились в вихре юбок, лент, восхищения поклонников и зависти подруг. Солидные мужи стройным хором воспевали достоинства этой земли и ее обитателей, а молодежь сочиняла что–то непотребное на

мелодию величания пророков, перемежая куплеты взрывами хохота. Хозяйки не спали всю ночь, стремясь перещеголять друг друга в разнообразии блюд и количестве закусок. Судьей негласного спора был выбран приезжий черный, мужественно пытавшийся перепробовать все. Количество съестного, умещавшегося в желудке худощавого колдуна, вызывало у знатоков восхищение.

Среди шумной толпы тенью бродил высокий седоволосый старик, а может и не старик и даже не седоволосый. Он отвечал на приветствия, улыбался вместе со всеми, но уже через минуту куда–то исчезал и о нем тут же забывали. Мысли белого одолевали не праздничные, и делиться ими с кем–либо он не спешил. Легко дать себе слово не вмешиваться в естественный ход событий, и совсем другое — отвернуться от жизни реальных людей, разговаривающих с тобой, занимающихся своими делами. Как быть, если надвигающуюся беду видишь только ты? Это некромант разговор о магических катастрофах забыл едва ли не быстрее, чем тот окончился, а белый игнорировать угрозу всему живому не мог, так что, нерешенный вопрос преследовал его днем и ночью. В итоге он схитрил, пошел на компромисс — обещал себе ничего не предпринимать, но причину бедствия установить.

С утра Ли Хан прогулялся вокруг деревни, провел кое–какие исследования и полюбовался на классический для внутренних районов Са—Орио пейзаж: синее небо, желтая земля, белое солнце. Источник появления гекатомб воды, обрушившихся на пустыню, никак себя не проявлял. Затем белый провел аккуратный и ненавязчивый опрос свидетелей. Да, места малолюдные, но изменить погоду в целом регионе не мог случайный чих, если бы где–нибудь в верховьях Октока проводился мощный ритуал или затевалось масштабное строительство, скотоводы должны были знать об этом хотя бы на уровне слухов. Увы, ничего, выходящего за рамки обыденности, степнякам на глаза не попадалось.

Позже состоялся разговор со старостой, собеседником приятным и информированным. Тот вообще не мог припомнить никаких связанных с волшебством проблем, если не считать таковыми истощения черной крови.

— Раньше–то вербовщики из нашего селения каждый год одного–двух ребятишек забирали, мальчишек — в обучение, девчонок — в жены изгоняющим. Все по Уложению! Некоторых даже видели потом. При отце моем еще так было, а вот лет двадцать назад — как отрезало.

— Перестали рождаться?

— Почему перестали? — пьяно удивился староста. — Рождаются! Мрут только быстро. Только–только в пору входят, голос крови слышать начинают, глядишь, уже и в покрова их завернули. Нынешние изгоняющие сплошь — чужаки. А что с чужаков взять?

Действительно, что? Личные связи всегда помогали обойти острые углы, оставляемые Уложением. По закону все жизненные блага изгоняющие получали из рук императора, и было тех благ не мало, но с работой они у черных никак не ассоциировались. В отсутствии положительного стимула (в простейшем случае — взятки) работоспособность команд изгоняющих поддерживалась исключительно репрессиями. Результат подобного подхода красовался у Ахиме на руках и спине — озверевший от непрерывного давления колдуны срывались на всех, кто не способен был ответить, а молодой пастырь еще не готов был ради спасения собственной жизни запугивать и убивать.

— А вот дед мой рассказывал, что им и звать никого не приходилось, — сонно пробормотал в кружку староста. — Сами приезжали.

Белый молча покивал. Хорошо, что некромант не знает, в каком состоянии находится имперская система инструментального контроля! Мысль о безнаказанности плохо сказывается на поведении черных. Об этом тоже рассказал Ахиме. Работа по ремонту и обновлению бесчисленного множества разбросанных в глуши амулетов никогда не считалась престижной и хорошо вознаграждаемой. Естественно, что рутину, необходимую для обеспечения безопасности страны, глухо ненавидели. Пока изгоняющих имелось с избытком, на деле это не отражалось, а теперь следящие системы надежно работали только в городах. Понять, сколько амулетов украдено или сломалось, а сколько колдуны испортили, дабы избежать нудной работы, не было никакой возможности.

— Так выпьем же за то, чтобы все перемены происходили к лучшему! — безапелляционно заявил староста и белый вынужден был поддержать тост.

Этот разговор задал новое направление исследований — здоровье населения. Известно, что слабые магические потенциалы в первую очередь отражаются на растущих организмах! Белый походил в толпе, понаблюдал за молодежью, и обнаружил, что не одаренные дети никаких пороков развития не имели, если не считать таковым отсутствие чувства самосохранения — детвора осаждала подвыпившего колдуна, требуя фокусов. Некромант, слишком отяжелевший от количества съеденного, чтобы ругаться, пошел по пути наименьшего сопротивления — вынимал из ведра

с водой шарики льда и раздавал желающим. Юных степняков, слышавших о существовании снега только из сказок, окаменевшая влага приводила в восторг. Дети носились по деревне и с воодушевлением совали ледышки друг другу за шиворот.

А вот единственный ребенок с признаками черного источника в играх не участвовал. И шансов вырасти (даже при вмешательстве хорошего целителя) тоже не имел. Поколебавшись, белый предложил родителям свои услуги и заварил для малыша рапош. Наблюдая, как сильно и быстро действует зелье, он осознавал, что своих колдунов в этой деревне уже не будет: видимо, что–то ушло из проклятой крови, что–то, позволяющее черным без вреда для себя переносить смертоносное соседство потустороннего. Игра случая, когда–то подарившая людям волшебство, теперь отняла его. Вздохнув, Ли Хан отдал обнадеженным родителям весь запас снадобья, хранившегося совершенно для другой цели.

Вечером выяснилось, что за будущее степняков переживать рано — хитроумный староста все предусмотрел (скотоводы, они разбираются в вопросах крови лучше прочих). К молодому колдуну отнеслись как к породистому быку, по случаю прибившемуся к стаду, и использовали соответствующе. На отдых юношу сопровождали две молодые, симпатичные вдовушки, намерения которых двойному толкованию не подлежали. И жилье некроманту дали отдельное.

Ли Хан вздохнул, и решил списать все на специфическое гостеприимство, требующее разделить с гостем дом, еду и жену. В любом случае, к причинам катастрофы весь этот блуд не имел никакого отношения. Возможно, по прибытии в Арх–харам отыщутся какие–то концы, если он найдет кого–нибудь, способного ответить на его вопросы.

Глава 12

В день, когда закончился дождь, их отряд вышел на берег Тималао, и в ту же ночь стал еще меньше — предал Су'Хамат. Проклятый старик все рассчитал точно — ночью Су'Никара разбудил шум, к тому моменту как он проснулся и принес свет, о происшедшем свидетельствовали только избитый ученик и раненный в плечо С'Анишу. А мог и в горло стрелу схлопотать! Оказалось, что в вещах Су'Хамат возит разобранный арбалет, как раз для таких случаев, когда убить надо, а светить Источником не хочется.

Пока добились внятного ответа от ученика, пока поймали разбежавшихся лошадей (которых этот ученик и охранял), пока оседлали… Предатель–изгоняющий растворился в ночи. Даже если бы Су'Никар решился пойти против Уложения, догнать беглеца ему было не по силам.

Ана'Рассе первым взвесил все возможности и своей волей запретил преследовать колдуна, очевидно, находящегося под властью иноземного пастыря. Вместо этого он послал С'Лахима в ближайшее селение за лекарем, чем, вероятно, спас С'Анишу жизнь (Су'Никар потащил бы раненного в деревню, чем, вероятно, добил бы). Целителю, оказавшемуся бывшим пастырем, в уплату за лечение пришлось отдать последнюю запасную лошадь — мерзавец ласково объяснил, что теперь император не платит ему за труд, а изготовление лекарств денег требует. Спорить с человеком, способным разом отправить всех изгоняющих к праотцам, Ана'Рассе не позволил, а на попытку возражать ответил Су'Никару просто:

— Времена сейчас сложные, а места тут дикие. Оно тебе надо, проверять его на лояльность?

И Су'Никар вынужден был согласиться, потому что, случить что, об их судьбе до Тусуана даже вести не дойдет. Когда через три дня они отправились в путь снова без пастыря, это уже никого не удивило.

Именно здесь, на цветущих берегах Тималао Су'Никар осознал то, что заставило Су'Хамата действовать: империя рушилась. Государственная машина, еще недавно казавшаяся незыблемым монолитом, рассыпалась на глазах, авторитет закона превращался в подкрепленную одной только привычкой фикцию. Су'Хамата это заставило рвануть навстречу свободе (наверное, он много лет вынашивал свой план), а вот Су'Никару хотелось как можно быстрее вернуться в Тусуан. Там был его дом, место, в которое он возвращался раз за разом и куда надеялся привести

молодую жену. Там жил Сай'Коси — старый наставник, которого изгоняющий до сих пор подсознательно считал старшим. Там можно было добиться ответов на вопросы, даже если знающие правду не горят желанием отвечать.

Подчиненные чувствовали перемены, ученики перестали цапаться друг с другом, младшие изгоняющие выполняли команды без тени сопротивления, все стали спокойнее и целеустремленнее — сообщество черных замкнулось в свою, обусловленную исключительно внутренними соображениями иерархию. Это был правильный порядок вещей, чтобы установить его Су'Никару не приходилось напрягаться. В Тусуан возвращался черный маг, желающий найти себе сильного вожака или самому стать таким.

Ана'Рассе произошедшие перемены не замечал, либо воспринимал как должное. Как ни странно, теперь он действительно выполнял обязанности лидера, более того — в условиях, когда правила перестали существовать, только хитроумие человека могло проложить отряду путь. Чиновник где–то добывал фураж для лошадей и продукты для бесполезных теперь изгоняющих, находил ночлег и узнавал короткую дорогу. Впрочем, так и так их путь лежал через Суроби–хуссо — город–порт в среднем течении Тималао. Там Ана'Рассе надеялся нанять самоходную баржу, которая доставит их в верховья реки гораздо быстрее, чем уставшие лошади. Су'Никар подозревал, что животных придется отдать в уплату за проезд, а значит, последние километры до цели им предстоит пройти пешком. Такое возвращение не способствует поднятию авторитета!

Город встретил отряд сдержанной суетой и пустыми бараками: сотни печатных, занимавшихся работами в порту, то ли — перебили, то ли — перевели куда–то. Отряд вытянулся цепочкой по краю дороги, а мимо катились окутанные вонючим чадом автомобили, с неумолимым упорством продвигались запряженные волами повозки, звенел вычурный двухэтажный трамвай — скорее символ статуса Суроби–хуссо, чем средство передвижения (в него бесплатно пускали всех, кроме печатных). Пропахшие потом и лошадьми, износившиеся в дальней дороге изгоняющие впадали из картины условного благополучия, чем привлекали осторожное внимание.

Ученики вертели головами, разглядывая новый для них город, Су'Никар тоже посматривал по сторонам, сравнивая увиденное с прежними впечатлениями. Подивиться было чему: толпа пестрела нарядами, но все они были вариациями фасонов и цветов, закрепленных за Суроби–хуссо Уложением. Не было красных и оранжевых башлыков выходцев из Тусуанской долины,

разноцветных круглых шапочек жителей прибрежных городов, полосатых халатов степняков–скотоводов, не говоря уже о причудливых нарядах обитателей имперского юга. Из–за этого чуткому к скрытым знакам са–ориотцу все люди казались на одно лицо. В Суроби–хуссо, городе, живущем за счет торговли и перевозок, совсем не осталось приезжих. Су'Никар списал это на разрушение мостов — две из семи уничтоженных по приказу императора переправ находились именно здесь. Оставалось радоваться, что все необходимое можно найти по эту сторону реки.

Улицы сливались в проспекты. Впереди над ребристыми крышами замаячил высокий шпиль Башни Часов и мрачный, без единого окна цилиндр Башни Уложения (достопримечательность любого крупного города). Где–то там должна была находиться канцелярия Наместника, но, не доезжая до административного центра, отряд свернул, проехал длинной улицей, двумя переулками и выбрался к большому зданию, не очень характерному для задворков императорских служб — слишком много гнутых арок и лакированного дерева. Сто (а хоть бы и пятьдесят) лет назад это было круто, а теперь напоминало балаган, и вывеска имелась соответствующая — большие, радужно переливающиеся буквы, гласящие, что за ними находится "Школа Темного Истока" (если по–человечески, то — казармы для приезжих изгоняющих).

В детстве Су'Никару казалось, что за этим фасадом скрывается некий волшебный мир, полный восхитительных открытий (родственников–черных, способных прочистить малолетке мозги, у него не было). На самом же деле размер букв и цвет отделки были прописаны в отдельной главе Уложения, и мастера старательно воспроизводили их раз от раза, не вкладывая в свою работу особого смысла. Хвала императору, что рацион учеников там тоже был записан!

Позже Су'Никар недоумевал: зачем придавать привлекательный вид тому, что официально считается результатом порчи человеческой природы? Приемлемого ответа на этот вопрос Уложение не давало, поэтому в душе Су'Никара навсегда поселилась тень некоего сомнения. Эта тень заставила его мягко уклониться от общего сбора, на котором объявили имена тех, кто отправится на дальний юг — то были еще одни "ворота к счастью" и изгоняющий им оправданно не доверял. Правда, размеры некоторых гостей, увиденных на побережье, заставляли Су'Никара подозревать, что он сглупил. Ну, да ладно! Чтобы черный — испугался?

Казарма встретила их тишиной и пустотой, только двое

печатных что–то неутомимо скребли и чистили. Су'Никар первым делом прошел на кухню (с холодными печами, зато надраенную до блеска) и обнаружил, что в кладовой остались лишь самые непритязательные продукты — мука и немного солонины. Этим вечером голодные ученики сметут все, что ни окажется на столе, а завтра зададут закономерный вопрос: "Где положенные по Уложению пайки?" Отсутствие того, что они уже мысленно назвали своим, делает черных крайне раздражительными.

Наверное, Ана'Рассе навестили похожие мысли, потому что после ужина он строго–настрого запретил изгоняющим покидать здание и ушел, а уже в самых сумерках — вернулся, ведя за собой тройку нагруженных провизией печатных. Пока воодушевленные ученики затаскивали продукты на кухню, лидер отряда отозвал Су'Никара в сторону:

— Харчи не экономь, за сегодня и завтра постарайся привести своих в форму. Придется поработать!

— Зачем? — попытался упереться Су'Никар.

— Ты есть хочешь? — в упор спросил чиновник. — А до дома ехать в седле? Тогда благодари предков, что местные изгоняющие зашиваются! Твоим придется попотеть, зато до самых порогов доплывем с комфортом.

— Так если у них есть пастыри…

— … то это ничего не меняет. Сам знаешь: чтобы задействовать клятвы подчинения, нужно приблизиться к человеку с амулетом Уложения в руках. Местные меня за одну такую попытку убьют — я даже с секретарем в канцелярии разговаривал только через курьера. Телохранители у него, тля! Понанимали каких–то диких уродов, оружие им роздали, Уложения не боятся. Хорошо еще, что с Наместником ссориться не хотят…

Значит, Суроби–хуссо уже затронули происходящие изменения, и дело тут не в цвете одежд: город переставал быть императорским, власти начинали сами решать, какая часть Уложения им подходит, а какая — нет. Тем больше поводов быстрее уехать! Су'Никар подумал, и своей волей разрешил подчиненным разорить склад при Школе, взяв все, что можно хоть как–то применить.

И наступил краткий миг блаженства: сытые изгоняющие грелись около растопленного печатными камина, изголодавшиеся лошади отяжелели от овса, одежда снова была чистой и новой, ни от кого не пахло. За витражными окнами сиял огнями город, доносились звуки автомобильных гудков и трамвайных трелей. Закроешь глаза и можно представить, что ничего вокруг не изменилось… Но если так, то в казарме должно было проживать

шестеро изгоняющих и трое пастырей — постоянный гарнизон, да и Ана'Рассе не упустил бы возможности заночевать в гостинице. У местных можно было бы узнать новости, раздобыть самогон… Ничего не значащие мелочи превратили бы Су'Никара из опасного чужака в гостя Суроби–хуссо, если и не заботящегося о благе города, то хотя бы не воспринимающего его как поле боя. Без всего этого отряд изгоняющих вел себя словно банда, по случаю захватившая пустующий дом. Ана'Рассе пресекал попытки что–то ломать и портить, но ощущение, что имущество Школы отдано им на разграбление, Су'Никара не оставляло.

На рассвете третьего дня Ана'Рассе поднял ворчащую свору черных на ноги и погнал сразу к причалам, грузиться на баржу. Чиновник нервничал и постоянно оглядывался, а Су'Никар отчаянно зевал — короткой передышки хватило для того, чтобы расслабиться, но не для того, чтобы отдохнуть, настроение было мерзким, желание решать проблемы горожан отсутствовало напрочь.

Долгожданной баржей оказалась крохотная, неухоженная посудина, долгое время простоявшая полузатопленной (полоска облупленной краски тянулась через корпус наискосок). Каким волшебством ее заставили двигаться и долго ли она пробудет самоходной, этого Су'Никар сказать не мог — паровая машина отчаянно гремела и тряслась, чад из проржавевшей трубы клубами опускался на пристань, то и дело превращая день в ночь.

Убедившись, что лошадей устроили подобающим образом, лидер собрал отряд для раздачи ценных указаний:

— Уговор такой: разрешение на отплытие дадут только после выполнения работы (весь экипаж — печатные, они без команды шагу не сделают). Пастырь будет ждать вас на месте, место покажет он, — чиновник указал пальцем на человека в форме городской стражи, топчущегося на берегу. — Зачистить придется четыре стандартных пакгауза, по Уложению, пятерых изгоняющих для этого достаточно. С'Анишу останется со мной вещи караулить. И поосторожней там! Ничего из рук у горожан не

брать, к чужому имуществу — не прикасаться. А ты — учеников далеко не отпускай.

Но Су'Никар последнюю фразу пропустил мимо ушей. В самом деле, что может случиться с учениками?

Изгоняющие взвалили на себя мешки с рабочим инструментом (опытный колдун чужим амулетам не доверяет) и зашагали вслед за провожатым, сдержанно матеря экономных горожан, не удосужившихся прислать за ними хотя бы пролетку. Су'Никар шел размеренно, в том темпе, который мог поддерживать целый день, и уделял равное внимание

сгрудившимся вдоль набережной лачугам и пустой на всем видимом протяжении реке. Контраст с прежним бурлением жизни был поразительный, и изгоняющий заподозрил, что император не только тракты распорядился закрыть, но и речной флот с Тималао увел (хотя, зачем на юге баржи, неспособные выходить в море — непонятно).

Дорога виляла, стражник на все вопросы отмалчивался, но Су'Никар уже догадался, какая работа их ждет: склады императорских поставщиков — четыре пакгауза с собственным причалом, возведенные с размахом, без экономии на размерах пожарных проездов или качестве материалов. Других достойных объектов в этой части берега не было, а мелкие сараи частников в случае заражения полагалось сжигать целиком.

Он угадал.

Бывшая императорская собственность выглядела жалко. Раньше — образцовые, сейчас добротные строения стояли с облупленной, изгвазданной бурыми пятнами штукатуркой, сорванными ставнями, продырявленными крышами. Ветер бросил в лицо удушливый смрад, хорошо знакомый изгоняющему по странствиям — смесь запахов дерьма и стухшей крови, любимый аромат смерти. Су'Никар внезапно понял, куда делись печатные из бараков: городские власти не стали жечь набитые не вывезенными ценностями склады или рисковать одаренными для того чтобы снять с пакгаузов магическую защиту. Не нужные больше грузчики, докеры и носильщики вручную сбивали печати со стен и ворот, разряжая на себя охранные амулеты. Когда дело было сделано, оставшиеся в живых похоронили мертвых, город избавился от нахлебников и получил хранящиеся в пакгаузах товары практически неповрежденными. Если бы не нежити, заселившие помещения в отсутствии людей, настроения властей ничто бы не омрачало.

— Ждите здесь, — буркнул стражник и умчался куда–то тяжелой рысью.

Изгоняющие нашли тень и устроились в ней, прихлебывая из фляжек холодный чай и проверяя амуницию. Солнышко припекало и вонь разложения становилась совсем уж невыносимой (может, из–за нее местные и уступили работу приезжим). Ученики выкопали в грязи оторванную кисть руки и принялись пугать ею друг друга. Су'Никар прикрикнул на охламонов и велел выкинуть дрянь в реку (а то извозятся, провоняют, а потом спи рядом с ними). Представители городских властей появились еще минут через пятнадцать, вчетвером — помимо знакомого стражника, смердящий могильник решились посетить складской сторож, чиновник средних лет и

долгожданный пастырь.

— Почему прохлаждаетесь?!! — набросился на них чиновник, пряча лицо в смоченной уксусом тряпке.

— Мы не прохлаждаемся, — сурово пресек его Су'Никар. — А готовимся к решительному рывку!

Делать какие–то телодвижения в отсутствии пастыря изгоняющий не видел смысла.

Чиновник сердито мотнул головой, но тон сбавил и без лишнего апломба обозначил фронт работ — прогнать гостей, восстановить отвращающие знаки (ничего экстремального). Следуя правилам, Су'Никар проговорил вслух полученные указания и дождался в ответ ясного и недвусмысленного "да" (а то будут потом всякие козлы блеять: "Я не то хотел, я не так сказал!"). Интересоваться именем и должностью человека он принципиально не стал: раз это сделка, а не следование Уложению, то и этикет соблюдать ни к чему. Если подобное отношение и задело чиновника, изгоняющий этого не заметил (могли бы и предупредить, что повязки потребуются!).

— Действуйте, господа, действуйте, — напутствовал их горожанин.

Почему бы и нет, когда возможность есть? Дело–то знакомое!

Изгоняющий пресек попытку учеников форсить и организовал работу в стиле, обычно свойственном Су'Хамату — скучно, последовательно и без огонька. Хитрый старик всегда действовал так, когда что–то не понимал или в чем–то сомневался. Цепочка ритуалов заняла вдвое больше времени, чем могла бы, зато была предельно безопасной и минимально разрушительной. Парочка фом, почти созревший гуль и что–то, пытавшееся стать, кажется, кровавым туманом, покинули этот мир без резких возражений, точно по Уложению. Подзабытое ощущение близости Источника взбодрило Су'Никара и привело в настроение агрессивное и боевое.

Но нежити быстро кончились, а запал остался.

Чиновник отправился принимать работу, тяжело сопя сквозь ткань и тыкая повсюду амулетом на длинной ручке (Вот бы он навернулся на той склизкой дряни, что осталась от чьих–то кишок!). Складской сторож бдел с багром в руках — то ли изгоняющим не доверял, то ли нежитей опасался. Городской пастырь выудил откуда–то из–под одежды нефритовые четки и выглядел утомленным, словно сам гостей гонял. Белый Су'Никару не понравился — бледный какой–то, вялый, словно слизень. Травками он, что ли, балуется? Изгоняющий прослужил достаточно, чтобы понять: нестандартный маг — всегда проблема. Вспомнить того же Ахиме (что б его заезжие колдуны

раком перли). Ну, да ладно! Блоки с хранителей этот торчок снимал уверенно (амулеты Су'Никар первым делом проверил), а что еще от пастыря требуется?

Изгоняющий собрал учеников в кучу и встал так, чтобы краем глаза следить за чужаками. Наступал самый ответственный и напряженный момент сделки: признание работы выполненной и ее оплата. Как правило, именно в это время заказчики склонны были вспоминать, что не оговорили нечто критически важное. Раньше Су'Никар всегда был спокоен — за его спиной стоял авторитет Уложения и мощь репрессивного аппарата империи, а сейчас ему предстояло обо всем позаботиться самому. Впрочем, неизвестно еще, кто больше рискует! Ведь теперь между черной натурой Су'Никара и людьми стоял только укуренный пастырь.

Чиновник вернулся, бледный, как утопленник, с трудом подавляющий рвотные позывы, и помахал рукой, призывая отойти подальше, на ветерок.

— Хорошая работа, — сообщил он изгоняющему. — Быстрая, аккуратная.

Су'Никар неопределенно повел плечом — мнение случайного человека его интересовало слабо.

— С такими–то способностями, не надоело по дорогам мотаться?

Су'Никар снова промолчал. Да, комфорта в полевой работе не много, травматизм большой, зато начальство — далеко, ошибки — не на виду, а если еще и лидер отряда попадется понимающий… Большинство изгоняющих старались избегать постоянной должности до последнего. Но какое дело человеку подобных нюансов?

— Конечно, в Тусуан сейчас столько народу набилось, что нормально не устроишься, как бы голодать не пришлось. Другое дело — вольный город. Все лучшее — еда, девочки. Разве не чуешь, как времена изменились? По–прежнему уже не бывать. Раньше все было по воле императора и где теперь тот император? Сейчас вот Наместник… волю свою изъявляет, издалека.

Направление мысли чиновника Су'Никар, конечно же, угадывал, не укрылось от него и то, что вопрос взаимных обязательств человек изящно обошел. С хранителем на шее и топором Уложения — над головой, изгоняющий окажется в полной зависимости от чиновников, которые даже стопочку за работу поднести не сочли нужным. Какой смысл в таких переменах? Су'Никар не нравился этот человек и не нравился новый Суроби–хуссо — город, построенный не одаренными и не для одаренных. Если бы связываться с горожанами стоило, агитировать новичка явился бы здешний вожак. Не могли же тут

за такой короткий срок угробить всех черных?

Умника следовало отшить:

— Наш долг ясен — мы обязаны вернуться в Тусуан для отчета по нашей миссии. Если в Суроби–хуссо не хватает изгоняющих, вам следует обратиться в канцелярию Наместника.

Фальшивая улыбка на лице человека угасла, а взгляд стал холодно–расчетливым:

— Жаль, я думал, мы договоримся. Значит, так, городу нужны изгоняющие и город их получит, по–хорошему или по–плохому. Сказано в Уложении: на пять сотен домов — один второго класса, два — первого, вынь да положь! Раз никто не вызвался, я сам назначу.

Смотрел Су'Никар на чиновника, поэтому не понял, как в руках стражника оказался пороховой пистоль — штука против изгоняющего совершенно бесполезная, с одной поправкой — если можно колдовать. Пастырь предостерегающе покачал головой, значит, одобрять их действие он не собирается, а при попытке ослушаться может и вовсе активировать хранитель, причем, по Уложению будет прав — кто там чего перед дракой говорил, это ведь в амулете не записано.

С'Лахим бессильно сжал кулаки.

Чиновник снисходительно помахал рукой (он уже чувствовал себя победителем):

— Да ты не дергайся, тебя никто на аркане не тащит! Я нашему главному помощника обещал, помоложе да пошустрей. Поделишься учениками, все равно их никто не считает, и ступай себе с миром. Эй, ты, иди ко мне!

Указанный чиновником парень растерянно уставился на Су'Никара. Нет, он не был протеже Сай'Коси, но оставаться в городе, где черных воруют, словно скот, желанием не горел. Притихший С'Лахим ждал решения вожака, пастырь меланхолично перебирал в руках четки, стражник едва сдерживал ухмылку.

И тут Су'Никар показал, то умеет учиться на чужом примере. Пускай достать арбалет ему было неоткуда (да и не шибко владел колдун этими машинками), но вот метательными ножами он запасся в таком количестве, что на ходу едва ли не звенел. А бросать железо в цель выросший в трущобах шпаненок Никариши научился гораздо раньше, чем ворожить.

Первый нож вонзился в грудь пастырю, второй — в плечо стражника с пистолем (простыли навыки — в шею целил). Придурок даже оружие вскинуть не успел! И кто ему лекарь? Ладно — один против пятерых вышел, но что б еще и курки не взвести…

— Да что ж ты творишь?!! — завизжал чиновник.

— Показать медленнее? — оскалился Су'Никар, вытягивая из–за пояса третий нож.

— Да я тебя… — задохнулся человек, вспомнивший, что угрожать черному — дело дохлое.

— Что

ты — мне, толкователь Уложения? — двинулся на противника Су'Никар. — Может, до Тусуана прокатимся, расскажешь там, что нового в законах вычитал, вербовщик недоделанный?

В первый раз за свою карьеру изгоняющий чувствовал себя вершителем правосудия. Приятно! То, что силы не равны — это все ведьма по костям гадала: сообразительные ученики уже вооружались, кто чем мог, а С'Лахим вынул из рук опешившего сторожа багор.

— Значит так: идем на пирс, ты даешь команду отчаливать. И без глупостей! Пастыря у тебя теперь нет.

Изгоняющий пристроил в рукаве пистоль нахального стражника и покинул склад не заботясь, живы ли раненные им люди. Какое дело Су'Никару до дураков, забывших, для чего писаны строки Уложения? Изгоняющий не нуждался в законах для защиты своих интересов, а чужие его не интересовали в принципе. И, если пастырь в Суроби–хуссо был только один, это тоже не его проблемы!

Собравшихся на пристани речников их появление… скажем так: немного удивило. Су'Никар заставил чиновника дать команду на отплытие, и, не беспокоясь о свидетелях, оглушил ставшего бесполезным человека: жаловаться Наместнику этот жулик не будет, а печатным все равно, что стало с их прежним начальником. Пусть радуется, что не зарезали!

Ана'Рассе рванулся было им навстречу, но тут же шарахнулся прочь и спрятал лицо в ладонях:

— Все в порядке? — сдавленно прогундосил он.

— Валим отсюда! Я отступника зарезал. Пес знает, сколько у них тут пастырей…

Равнодушные к проблемам закона и порядка, печатные отвязали швартовочные канаты и баржа, тяжело пыхтя и кутаясь дымом, поползла в сторону обозначенного буйками фарватера.

Историю про попытку похищения ученика Ана'Рассе выслушал без удивления, словно чего–то подобного ожидал, и предложил ни с кем не обсуждать происшедшее:

— Что они там с Уложением мутят, это пусть Наместник разбирается. Наше дело маленькое! Меня там не было, никакого пастыря я не видел, мне вообще сказали, что их в Суроби нет. Вы

Уложения не нарушали — хранители чистые. Что еще нужно?

— Как скажете, господин, — покладисто кивнул изгоняющий (его возможность многомесячного разбирательства тоже не радовала).

Баржа, не спеша, плыла вверх по течению Тималао, погони не было, причин останавливаться на мелких пристанях — тоже. Впереди отряд ждал Северный порог, а за ним — Тусуанская равнина.

Глава 13

Я крутил баранку, ведя грузовик по дорогам Са—Орио, далеко не всегда подходящим для такого большого транспортного средства, и размышлял над парадоксом: жители районов, удаленных от моря (среды, антагонистичной всему потустороннему), чувствовали себя увереннее, чем обитатели побережья. Зачем им черные маги, спрашивается? Наша сила тут не нужна, это очевидно, а пытаться перезанять мозгов у армейских экспертов — дело дохлое. Им бы самим кто одолжил!

Двигаясь непрерывно до самого заката, мы обогнали два фургона и двухколесную тележку, влекомую ослом, по меркам побережья — целую толпу. Поселков печатных нам не попадалось — Ли Хан сказал, что зачарованных рабов селят на более плодородные почвы, чтобы увеличить доход, а здесь живут люди гордые, свободные… но очень бедные. И — не пуганные: появление грузовика ни разу не обратило кого–либо в бегство. Пастухи и подпаски приветственно махали нам в след, возницы фургонов, не спеша, съезжали к обочине и потом бурно обсуждали обогнавшее их чудо. Никому и в голову не приходило, что нечто враждебное могло бы путешествовать столь открыто. Меня подмывало спросить у са–ориотцев, что они думают об Ингернике и ее боевых магах, а Ли Хан отговаривал, умоляя пожалеть хрупкую психику селян.

Когда вечерний сумрак окутал землю, пришло время выпускать Макса. Я обновил в последний раз реанимирующие проклятья, проверил, надежно ли привязано послание и отправил мохнатого гонца в путь. Сразу стало как–то… пустовато. Нет, черные отлично переносят одиночество, но меня–то как раз ожидала компания — белый и кот. Уж лучше зомби!

И сразу — наглядный пример: из–за развешанных в кузове деликатесов грузовик пах, как бакалейная лавка, а Ли Хан вечером овсянку сварил.

— Издеваешься?

— Надо израсходовать продукт! Завтра рис сделаю.

— Отлично!

Тут главное — не вспугнуть. Пусть делает! Моих–то кулинарных талантов больше, чем на овсянку, все равно не хватит, а мешать полученные от скотоводов вкусности с надоевшей крупой казалось мне кощунственным. Ну, брынзы покрошить — еще туда–сюда, а как быть с сальчей? Это ведь не просто сыровяленая колбаса, ударом которой можно убить как дубинкой! Каким–то хитрым трюком (от объяснения которого мне

селяне уклонились) каменной твердости говядина превращается в мелкозернистую массу, тонкие ломтики которой просвечивают насквозь. Зубам они оказывают ровно такое сопротивление, какое необходимо, чтобы кусочек можно было со вкусом пожевать. Шорох, навязчивый как зараза, не смог найти в своей бездонной памяти точного аналога моим ощущениям. Причем, хранится это чудо до года, если не мочить. Почему его в Ингернику не возят?

Скоро выяснилось, что хитрый белый все предусмотрел: на следующий день мы увидели первый за все путешествие постоялый двор — солидное и ухоженное строение. На его стенах красовались вполне рабочие отвращающие знаки, буйная южная зелень взбиралась по стенам до самой крыши и с этого ковра тут и там свисали полупрозрачные виноградные гроздья. Ли Хан не стал жаться, снял нам две отдельные комнаты и заплатил прачке за то, чтобы привести наши вещи и постельные принадлежности в цивилизованное состояние. На ужин подавали острый салат и лепешки с сырной начинкой, которые при укусе сначала тянулись, как мягкий каучук, а потом наполняли рот нежно–сливочным вкусом, отлично подходящим под местный травяной чай. Кажется, Са—Орио начинает мне нравиться.

Ли Хан преобразился. Куда девался замызганный оборванец, спасенный нами от разбойников или терпеливый наставник полоумного Ахиме? Миру предстал солидный мужчина средних лет, полный неторопливого достоинства, общительный без навязчивости и в меру самодовольный. С первого взгляда обозвать его белым язык не поворачивался. Здешнему хозяину он представился купцом из портового города Миронге, недавно открывшим лавку в Тусуане. Это разом объясняло и наше появление здесь, и странный транспорт, и глупые вопросы о дороге на Арх–харам. Ну, заблудились приезжие, с кем не бывает! Мои странности и невнятная речь тоже оказались списаны на чудаковатость приморских жителей. Хорошо! Общение с местными стало исключительно тесным и непосредственным. Не заслоненные спинами армейских экспертов, не искаженные магией, са–ориотцы оказались жизнерадостными людьми, полными кипучей энергии, не такими крикливыми, как все виденные мною каштадарцы, и очень увлекающимися. Своими делами они занимались непременно в компании по двое–трое, а часто еще и с песней. По началу вид трезвого человека, идущего по дороге и горланящего в свое удовольствие, вызывал у меня замешательство, но я быстро привык. Экзотика, разница культур!

А когда до города остался день пути, Ли Хан вызвал меня на разговор.

— Нам надо договориться, как себя вести. Я буду

поддерживать образ купца — моих возможностей хватит, чтобы обмануть амулеты Уложения, а вот с вами будут трудности…

— Что не так?

До сих пор никаких проблем с местными у нас не было.

— То, что Уложение очень строго регламентирует место жительства и перемещения черных, не говоря уже о применении ими магии, и в Арх–хараме будет, кому за этим проследить. По закону, вам вообще не полагается появляться в городе без специального разрешения Наместника. А уж если узнают, что вы — некромант… Вам придется убить всех печатных, проживающих в окрестностях, потому что власти натравят их на вас, не задумываясь.

Драка со смертоубийством мне была совершенно ни к чему — куратор узнает, в дело запишет, даже если со смягчающими обстоятельствами, все равно — пятно.

— Что предлагаешь?

Ли Хан глубоко вздохнул:

— Нужно попытаться выдать вас за простого человека.

Я фыркнул. Хорошо хоть не в белые записал (мне одного сеанса такой клоунады хватило по уши). Нет, я могу, правда! Я один раз себя два месяца за природника выдавал. У меня с тех пор на голубые штаны непереносимость.

— Ну, допустим, попытаться можно. А как ты себе это представляешь? — помнится, Йохан утверждал, что люди распознают мое притворство ничуть не хуже эмпатов.

Ли Хан от моей уступчивости несколько опешил:

— Будете помощником купца и водителем.

— Какие возможны проверки? — потому что в Ингернике мне пришлось подделывать паспорт, причем, таким путем, какой реализуем только и только для белых. Сомневаюсь, что в империи к идентификации граждан относятся менее серьезно.

— Основным документом путешественников является подорожная, я ее еще в Михори выправил, человек–слуга в нее уже вписан. При въезде в город будет инструментальный контроль на наличие активных печатей и артефактов, — принялся перечислять Ли Хан. — Потом — визит чиновника, проверяющего разрешение на право возить с собой все это добро. Чиновника я беру на себя — на манипуляции с сознанием меня хватит, а местные следящие амулеты грубоваты, это я еще в Михори понял. То есть, рутинные проверки мы пройдем легко, однако останется масса непредсказуемых факторов: добровольные осведомители среди граждан, излишне наблюдательные чиновники, вербовщики, в конце концов. Их специально натаскивают распознавать прячущихся магов, а

Наместник повелел доставить в Тусуан всех черных, не зависимо от их силы, даже тех, кому раньше удавалось избежать призыва. За выявление потенциальных изгоняющих положена крупная премия…

— А если по делу? — какая мне, в сущности, разница, как здесь люди с ума сходят.

Белый мученически вздохнул:

— Не призывайте Источник. Почаще улыбайтесь. Старайтесь быть предельно вежливыми, со всеми, вплоть до полотеров. Смотрите внимательно, где люди ходят, и не забирайтесь в места, которые они избегают.

— Это еще почему? — такого совета мне еще не давали.

— Потому, что обычные люди воспринимают мир иначе, чем маги.

Принципиально иначе! Компенсировать это нельзя, можно только выбрать какого–нибудь человека в качестве эталона, и подражать ему.

Я посмотрел на Ли Хана пристально, с укоризной. Белый не сразу отошел от новообретенной борзости, но чувство самосохранения его еще не оставило:

— Сейчас объясню! Простым смертным недоступны мощные природные силы, поэтому на первый план для них выходят отношения с себе подобными. Это находит отражение во всех аспектах культуры, для того, чтобы отличить друга от врага, используются изощреннейшие приемы. Ребенок с детства учится распознавать ложь и манипуляции, обнаруживать опасность на самой ранней стадии. Как ни прискорбно, волшебники на такое не способны — присутствие Источника, не важно, черного или белого, заслоняет от них часть реальности. В вашей ситуации важно то, что черные не замечают косвенных признаков угрозы.

Я хмыкнул. Что–то в этом есть! Находит объяснение то, как Четвертушка в кабаках неприятности буквально жопой чуял.

— Да, и не забудьте про различия в этикете! — строго добавил Ли Хан. — В Са—Орио во время общения принято улыбаться, не обнажая зубов, отношение к собеседнику и тема разговора не имеют никакого значения. Кивки приветствия и согласия выполняются не головой, а всей верхней половиной тела. Понаблюдайте завтра за мной!

Что–то он раскомандовался. Думает, что я без зомби ему по шее не накостыляю? Накостыляю, еще как! Но в качестве консультанта он мне еще пригодится — когда еще Ридзер до Арх–харана доедет.

— Ты, вот что, — я нацелил на белого палец. — Денег дай! А еще лучше — положи то, что в деревне получил, в нычку под

бочками. И, да, Ридзеру о нашем заработке можно не говорить.

Ли Хан оскорбленно вздернул подбородок, но права качать не стал и демонстративно выложил позвякивающие мешочки в тайник, сделанный специально для таких случаев.

Зря он морду кривит: мы в большой город едем. Обчистят в момент!

Причем, не обязательно — воры. Первыми облегчить наш кошелек попытались городские власти. Это надо было видеть: Са—Орио, полдень, жара такая, что плевок на лету высыхает, а шлагбаум на дороге караулят мужики, запакованные в стеганные шелковые мундиры. Я так понимаю, их тут утром ставят, а вечером увозят запеченные тушки. Единственной защитой служивых от жары был низкий каменный домик без дверей. Естественно, к путникам, вынуждающим их вылезать на солнцепек, стражники относились без понимания.

За въезд грузовика в город от нас потребовали по четыре чего–то там за колесо. Следуя своей роли, Ли Хан ринулся торговаться и, в результате, мы заплатили по десять за голову. Офигеть, какая экономия! Зато теперь у нас были бумажки об уплате въездной пошлины, которые мы могли использовать вместо документов. Знали бы служивые, кому их выдают!

Взмыленный Ли Хан забрался в оборудованную охлаждающими печатями кабину и кивнул мне, мол, трогай. Я выговорил что–то вроде "ахи–хахи" (местный аналог "да, сэр!") и медленно тронулся вперед, напряженно всматриваясь в дорогу перед капотом. Люди–то — пусть, люди убегут, а вот придавить курицу тут можно в легкую.

Против ожидания, город не начинался ни сразу за шлагбаумом, ни через километр — предместья Арх–харана оказались застроены казармами печатных.

Или фермами? Или конюшнями? Как вообще называют тут обиталища говорящих кукол? Плоские крыши, белые стены — выстроенные ровными рядами и лишенные всякой индивидуальности дома, населенные людьми в одинаковых робах. Сказать, используются ли здания или стоят пустыми, не представлялось возможным — ни занавесок, ни палисадников, ни играющих детей перед ними не было. Скорее всего, причиной безлюдности служила дневная жара, но воображение нашептывало другое: передо мною — не человеческое жилье, а инструментальный ящик. И на заднем плане ажурным контуром труб топорщился смысл существования этого магического непотребства — первая увиденная мною в И'Са—Орио-Те фабрика.

М-м, как интересно.

— А что там производят? — растеребил я белого.

Ли Хан нехотя оторвался от размышлений:

— Арх–харам известен своим хрусталем и цветными стеклами. Здесь варят уникальные по свойствам составы, равные которым в Ингернике могут изготовить только при помощи волшебства.

— Стекло, здесь? — я обвел взглядом почти лишенное растительности пространство. Волшебство волшебством, но угля такое производство требует не меряно.

— Главный ресурс внутренних долин — солнце. Сила его лучей используется для самых разнообразных целей — стекловарения, металлургии, производства фарфора, — белый проводил взглядом пролетку, в которой рядком сидел полдюжины печатных со счастливыми улыбками на лицах (Чего гадать? Мозги сварились!). — А судоходная часть Тималао обеспечивает дешевую доставку сырья и вывоз к морю готовых товаров.

— Ловко!

Интересно, почему у нас так не делают? Впрочем, знаю: у нас для подобного подходят только Полисант (край дикой магии) и окрестности Хо—Карга, знаменитого своей Серой Чумой. Экономия дров того не стоит.

Значит, магию заменяют алхимией. Наверняка, са–ориотцы придумали для этого массу уникальных приемов. Я должен это видеть!

— Наняться к ним можно?

— Даже подходить не вздумайте — убьют! Там работают только потомственные мастера, из поколения в поколение передающие свои секреты, и печатные, физически неспособные о чем–либо рассказать.

— А кто же ведет новые разработки?

— Что нового можно придумать в изготовлении хрусталя?

Ну, я бы мог рассказать ему про оптические стекла, под производство которых в керпанских лабораториях отдан целый корпус, но не стал. В конце концов, что может понимать белый в тонкостях алхимии? В современном мире эксклюзивность продукта зависит только от величины заинтересованности в нем конкурентов. Если они там бирюльки на люстры делают, то к ним всерьез просто никто не подъезжал! Надо посмотреть.

За кварталом печатных дорога поворачивала и я, улучив момент, бросил в сторону фабрики хищный взгляд. Увы! Цеха стояли в низине, от тракта были видны только их лишенные окон стены с огромными иероглифами (Интересно, что там написано? Освежить в памяти са–ориотскую письменность у меня повода

пока не было). Ни приспособлений для сбора солнечного света, ни намеков на то, как его удается так ловко использовать, разглядеть не удавалось.

Дорога еще раз свернула и из тракта, традиционно проложенного по насыпи, превратилась в обычную улицу. Арх–харам обступил нас — первый на нашем пути город, над которым власти империи сохранили контроль.

Вот теперь–то я поверил, что в И'Са—Орио-Те есть цивилизация.

Улицы четко разделились на проезжую часть и тротуары, покрылись плотно подогнанной гранитной плиткой и украсились ливневыми стоками (в полупустыне, гм). Вдоль поребрика встали электрические фонари, прячущие внутри не привычные мне прозрачные шары, а матовые изогнутые трубки (Интересно, как они будут светить… Разбить, что ли, парочку? Нет, не оценят са–ориотцы мой познавательный порыв). И как неоспоримое доказательство высокого уровня развития — дорожная разметка. Тут даже знаки пешеходного перехода были! Но, по моему, на них никто не обращал внимания.

Ли Хан уверенно указывал путь туда, где, по его мнению, располагался торговый квартал. Дорогу приходилось делить с автомобилями (почему–то, только белого и бежевого цвета) и небольшими грузовичками (исключительно зелеными). Местная машинерия на меня впечатления не произвела. Армейский грузовик плыл среди этого алхимического безобразия, как океанский лайнер в окружении рыбачьих баркасов. Скотину в центральную часть города вообще не пускали, подозреваю, по той же причине, что и в Хо—Карге — навоз.

— А ничего так городишко, — сообщил я Ли Хану.

Белый в ответ пихнул меня локтем и сказал по са–ориотски:

— Следите за языком, молодой человек! Даже когда мы наедине.

Да я слежу, слежу, а нафига пихаться–то?

Район обитания торговцев безошибочно опознавался по обилию заборов и охраны. Естественно! Чтобы торгаши оставили свое добро без присмотра? На меня пахнуло знакомым ощущением близости мощного колдовства — это на защиту от нежити у са–ориотцев денег не хватало, а склады от воров заговорить — только в путь. На оградах и по углам крыш красовались вполне приличные печати, недавно обновленные, и от проникновения посторонних, и от пожара, и от удара молнии (может, я чего–то не понимаю в здешнем климате?). То есть, черные в городе есть. И что–то мне подсказывает, что встречаться нам не стоит.

Тем временем Ли Хан выбрал место для нашего проживания — белое здание с несимметричной колоннадой, расположенное на третьей линии от проспекта. Со всех сторон его удачно заслоняли либо особняки каких–то торговых обществ, либо склады, напичканные волшебством (белый логично предполагал, что рыбу будет проще спрятать в море).

Остановились, по–быстрому отряхнули пыль, вошли.

Ну, что сказать? Миленько. Основным отделочным материалом холла было стекло, и не какие–то там дутые пузыри, а литой массив: балясины и перила — прозрачные как слеза, ступени — матово синие, на стенах — глянцевая плитка с молочно–белыми и бирюзовыми разводами. Дабы не утомлять гостя обилием блестящих поверхностей, путь на второй этаж устилала ковровая дорожка, заставившая меня резко вспомнить столичную квартиру Хемалиса (не забыть узнать, где в Са—Орио делают ковры!).

Из странного: обувь при входе в заведение требовалось снимать.

Ли Хан дождался появления местной разновидности портье и не спеша (явно с прицелом на мое слабое владение са–ориотским) начал договариваться о двух смежных номерах, непременно — с ванной.

Я подождал немного, убедился, что кое–чего этот умник все–таки не учел, а потом дернул его за рукав.

— Вава'Хан, куда грузовик ставить? — по улице сновала какая–то мелкая шантрапа, не внушавшая мне доверия.

— О! — и белый снова погрузился в переговоры.

Показывать место для стоянки послали служку — пацаненка лет двенадцати (между прочим — печатного). Вид глухо рокочущей металлической громады вызвал у него неудержимый восторг и обильное словоизвержение. Хладнокровно проигнорировав

все непонятное, я ухватился за единственную знакомую фразу:

— Какие еще "ниви ло" за "тики"? — что–то вроде тридцати километров в час. — Да он "на'отра ло" в день по тракту как нечего делать проезжает!

Ловко загнав грузовик на очерченную цветной мозаикой площадку (между штабелем плетеных коробок и фургоном без лошади), я оставил пацана офигевать от сознания такой громадной цифры (лишь бы в кабину не лез). Вот когда начинаешь соглашаться с Ли Ханом, что учиться следует усердней! Мог бы сейчас подобрать слова, малец бы у меня машину бесплатно вымыл. А так — все сам, все сам…

Теперь следовало убедиться, что белый не забыл еще чего–нибудь важное, проверить, не собирается ли тутошний повар отравить постояльцев, и заняться восстановлением подорванных путешествием сил. Проще говоря: отправляться жрать и спать.

рх–харам большой город, спокойный, безопасный. Благополучием в тяжелые времена он обязан близостью к Тусуанской долине и предприимчивостью своего главы.

Мудрый Ана'Кармар никогда не полагался полностью на строки Уложения, и, не теряя уважения к почтенной гильдии купцов, лично занимался поставками в город дешевого овса и риса (основной пищи печатных и бедноты). Пускай ходили в народе байки о том, сколько глава наваривает на каждом мешке червивой крупы, теперь старые связи позволяли не переживать из–за прекращения судоходства по Тималао. Товары из низовий реки и с побережья стали недоступны, а Тусуан–то — вот он где!

Связи с долиной преследовали и другую важную цель. Некогда Ана'Кармар не пожалел сил, чтобы прикормить в городе парочку сильных изгоняющих. Даже сейчас, когда Наместник собрал всех черных под свою руку, колдуны нет–нет да и находили возможность заглянуть в свою бывшую вотчину. Поскольку съесть сильно больше обычного человека одаренные были не в состоянии, такой подход выходил гораздо дешевле, чем подкуп чиновников, и действовал надежнее.

А теперь по улицам мирного города степенно расхаживал приезжий купец, и не какой–то там лоточник, а почтенный вава — делец, имеющий лавки как минимум в двух городах империи. Радовал глаз вышивкой дорогой, хотя и немного старомодный халат, ручейком текли между пальцев четки паломника, уважаемый гражданин, не спеша, знакомился с городом, заводил знакомства.

Удерживать образ белому удавалось с трудом — слишком много нехарактерных вопросов приходилось задавать, слишком необычные для торговца сведения его интересовали. Партии сальчи (проданной тайком от черного) и редких зелий, заготовленных в дороге, было недостаточно для подтверждения статуса. Какое дело купцу до магии, изменения законов, регулирующих ее применение, количества печатных, амулетов, ценах на услуги целителей и все это — за последние двадцать лет? (Еще хороший вопрос: "Не было ли в вашей семье уродов?") К сбору подобных сведений надо было приступать после установления дружеских контактов, уточнения легенды и выяснения круга информированных лиц. Но что делать? Времени в обрез! Со дня на день в город прибудет дюжина диких черных (наглых и самоуверенных до тошноты), и конструктивное

общение с горожанами станет невозможным. Конечно, са–ориотцы не настолько безумны, чтобы пытаться своими силами задержать подразделение боевых магов Ингерники (по сути — маленькую армию), но человек, сопровождающий чужаков в путешествии, мгновенно превратится из потенциального партнера во врага.

Белый кожей чувствовал, что выглядит до ужаса неестественным, но остановиться не мог. Смешно: он привык снисходительно относиться к людям, неспособным поставить свою магию под контроль, и вот теперь сам оказался в плену белой натуры — неудержимой жажды объяснения и понимания. Это ведь так естественно — рационализировать, всему находить причину, оправдание, светлую сторону, путь к спасению (пусть не имея возможности по нему пройти). Для белого такой подход — едва ли не единственный способ выжить. Вот только злая реальность отказывалась идти ему на встречу — найти объяснения происходящему не получалось.

Хотя оно точно было!!!

А тут еще некромант на руках… Колдун, едва способный связать пару слов по са–ориотски, никаких комплексов от своей ограниченности не испытывал. И не так, чтобы сильно ошибался: деньги ушлые арх–харамцы готовы были принимать хоть от ледяного дракона. В первый же день занятый обследованием города белый обнаружил черного в забегаловке на центральном проспекте (предприимчивый юноша уверенно объяснял подавальщику, какие именно соусы он желает увидеть на столе). Вот, чем ему кухня в гостинице не понравилась? Оказалось — порции маленькие, а мясо — старое.

Терпеливо дождавшись вечера, белый попытался стращать колдуна разоблачением и всеобщей обструкцией. Тщетно!

— Все — фигня! — отметал возражения некромант. — Город большой, люди к чужакам привычные, акцентом никого не удивишь. Я улыбаюсь, хожу только по тротуарам. Алхимические термины на всех языках звучат приблизительно одинаково, если кто пристанет, начну ему втирать про "оло фан махо махину" и дело с концом!

Белый ощутил подступающую мигрень и начал привычно массировать переносицу. Ну, вот, какими доводами можно утихомирить этого отморозка? А ведь у куратора получалось…

— Уважаемый, дело не в том, примут ли вас простые са–ориотцы. Осознайте: тут есть люди, основная работа которых — охота на одаренных. И поверьте, у них есть все необходимое, чтобы справиться самым решительно настроенным колдуном! Опыт истребления волшебников в И'Са—Орио-Те богатый, хотите

приключений — сходите на главную площадь, там есть такое обнесенное столбиками место, на котором ежегодно сжигают двух–трех человек за незаконные магические промыслы. Но если в вас осталась хоть толика здравомыслия, постарайтесь не выходить из номера. Это — весьма дорогое заведение, можно надеяться, что всякая шваль вроде вербовщиков или имперских ищеек здесь не появляется. Если заявится кто–то, кроме обслуги, не открывайте, не общайтесь. Еду можно заказать с кухни. То, что слугу оставляют сидеть с вещами хозяина, ни у кого не вызовет вопросов.

— А вот это зря, — не моргнув глазом заявил черный. — Если я начну прятаться, тогда нас точно в чем–то заподозрят. Мужик, у нас весь товар — в фургоне, что тут охранять? Тот, кто в такое время по дорогам ездит — по любому подозрителен, но общительных чудаков хотя бы сразу вязать не станут, а потом Ридзер приедет и плевать я тогда на всех хотел!

И белый отступил, потрясенный проницательностью молодого некроманта. Ибо, по сути, кто они, отправившиеся в путь по закрытым трактам с точки зрения со–ориотца? Безумцы! Значит, и вести себя следует подобно безумным.

Тут на Ли Хана снизошло вдохновение. Он отбросил осторожность, стал играть раскованней, общаться свободней. За интересующие его сведения он стал предлагать деньги. Последствия не замедлили себя ждать: с любопытным гостем решили познакомиться.

По тому, кого для этого выбрали, можно было с уверенностью сказать: со статусом чужака общество еще не определилось. Приезжий купец получил приглашение на ужин от скромного ва, но притом — владельца арх–харамской стекольной фабрики, основы благосостояния города. Что поделать, если придуманная в махровые времена табель о рангах не отражала истинного положения дел!

В Арх–хараме уважаемый Ва'Бабачи имел репутацию волшебного джина (может все, а живет в старой лампе), правда, исполнения желаний от него мог добиться только градоправитель. Гостей купец принимал в усадьбе, стыдливо прикидывающейся городским кварталом — Уложение не поощряло младших чинов к излишней роскоши. Не имея возможности поразить окружающих блеском одежд, Ва'Бабачи будоражил умы диковинными придумками: в его владениях можно было найти парк с фонтанами, купальню на сорок душ, гараж и зверинец, но подлинной жемчужиной фабриканта являлся особняк с каменными стенами такой толщины, какие не прогревались даже в самый солнечный день. По слухам, он

скрывал в себе совершенно немыслимые сокровища, но побывать внутри удавалось немногим.

Приглашение вручил невозмутимый печатный в халате простого фасона, однако пошитом из лучшего шелка (изящный способ заявить о себе, не нарушая приличий). Тот же печатный приехал за гостем в ослепительно–белом лимузине, больше напоминающем самоходную карету — большие колеса, потолок в человеческий рост и (о чудо!) тепловой насос на крыше.

Ва'Бабачи встретил гостя в холле особняка, отделанном продукцией его собственной фабрики — стеклом всех цветов и форм. Запрет на украшательство не по чину он обошел так же изящно, как проблему с одеждой для слуг — сделал в отделке упор на рельефные изразцы и натуралистичные изображения вьющихся растений (отход от канонов на грани фола). Да, здесь не было мрамора и дорогих драпировок, но фигуры из полупрозрачного стекла выглядели нереально красиво, а мозаика так точно копировала по цвету бархат, что обманутые чувства то и дело ловили в воздухе запах старых портьер. Но главным ударом оказывалась сухая пещерная прохлада, которая, после зноя улицы, обрушивалась на вошедшего, словно благословенный зимний дождь.

Фабрикант не торопил озирающегося гостя, пряча самодовольную улыбку в коротко стриженых усах. Должно быть, приветствовать новичков ему нравилось. Слова восхищения срывались с уст Ли Хана сами собой. Обмениваясь любезностями, они перешли в гостиную и белый не мог не отметить, что к вопросам своей безопасности хозяин тоже относился очень серьезно — в доме не было совершенно темных углов, на зачарованных светильниках и отвращающих печатях не экономили. В узкие окна лился отраженный солнечный свет, лишенный первородного жара, но для нежитей все равно невыносимый.

Дотошно соблюдя замысловатые правила са–ориотского этикета, фабрикант выставил из комнаты всех слуг, лично разлил по чашкам чай и перешел к делу.

— Разговор с вами ласкает мой слух и веселит сердце, — начал Ва'Бабачи издалека. — В последнее время трудно найти интересного собеседника — Арх–харам никто не посещает.

— Да, — не стал отпираться Ли Хан. — После решения нашего светозарного императора путешествия по Са—Орио стали опасны… но возможны. Умелый и сильный духом странник не нуждается в готовых маршрутах.

— Достойная цель заслуживает приложения усилий, — отозвался купец. — Однако слишком многие на пути находят

лишь смерть и забвение. Смутные времена — скудное время, — Ва'Бабачи тяжело вздохнул.

Белый принял предельно глубокомысленный вид:

— Смутные времена, уважаемый, в равной мере могут принести смерть, разорение, а также внезапное обогащение и взлет! Ибо сказано в писании: первые люди были равны между собой, на сословия и ранги они разделились позже.

Если фабрикант не поймет такой намек, то разговаривать с ним не о чем.

— На все воля небес! — провозгласил Ва'Бабачи, пряча интерес за чашкой чая. — Как же вы собираетесь угадать, кому улыбнется удача, а кому суждено быть низвергнутым в прах?

— Высшая воля непостижима,

— вежливо согласился Ли Хан. — А вот люди — предсказуемы. Что мешает нам попытаться проследить за ними и установить закономерности?

— Ах, почтеннейший, простому купцу не понять столь мудрые речи!

Фальшивый вава вздохнул и огорошил собеседника:

— В И'Са—Орио-Те наблюдается острый дефицит магии, не только черной, любой. А где дефицит, там и прибыль! Уложение — священно, но его нормы иногда пересматривались, могут пересматриваться и впредь. Если это произойдет, магия станет самым востребованным товаром. Важно угадать, на какие изменения решатся власти, возможно, сподвигнуть светлорожденных на определенные формулировки (презренное золото не раз решало судьбы мира). Я пробовал оценить объем рынка…

— Почтеннейший, слова ваши манят, как звезды, и как звезды далеки, — скептически отозвался собеседник и продемонстрировал неплохие способности к аналитике. — Наместник ныне взял всех изгоняющих под свою руку, а бывшие пастыри и так при деле. На этот рынок просто не втиснуться постороннему!

— Ну, колдуны, они ведь не только в Тусуане живут…

— О чем это вы? — насторожился торговец.

И белый решил идти ва–банк.

— Слышали ли вы, что Ингерника высаживает на нашем побережье команды боевых магов? За некоторое количество золота они готовы на все, даже на путешествие вглубь континента. Важно четко обозначить цель и обеспечить сопровождение…

— Золото!!! Всем нужно золото! — фабрикант звонко хлопнул себя по ляжке. — А где его взять, когда торговли нету?

Мастеровые полгода работают на склад!

— Больше воображения, уважаемый! Допустим, рынок юга империи для вас потерян, но морская блокада не будет вечной. Поверьте, ваши изделия найдут спрос в Ингернике и прибыль окажется весьма неплохой, даже с учетом взяток пограничниками. А если организовать надежный обмен товар–золото–маги–товар, внутренним долинам обеспечено процветание!

В глазах арх–харамца появился деловой прищур и МЫСЛЬ.

— Ах, какое неожиданное решение, какой тонкий расчет. Ваша деловая хватка, почтеннейший, меня восхищает! Надо полагать, что выходы на заморскую таможню у вас уже есть?

Ли Хан скромно потупил взор. Самое смешное, что знакомства среди контрабандистов у него действительно были. А что? Он вполне способен сделать состояние на посредничестве между са–ориотцами и ингернийскими армейскими экспертами. Чем–то это сутенерство напоминает.

Куда делась его решимость исполнять обеты?

Впрочем, ничегошеньки его болтовня не изменила: тусуанский Наместник не позволит конкурентам орудовать у себя под боком. Тогда откуда это закладывающее уши ощущение падения вверх? И не видно, ничего не видно… Что ж за проклятье такое! Пока его особый талант никак себя не проявлял, было проще. А так нестандартность реакции попеременно вызывала раздражение, недоумение и дикое любопытство. Ведь должна же быть какая–то причина…

Безумные идеи неожиданно нашли понимание и на белого посыпались знаки высочайшего благоволения. Для начала, ему организовали посещение городского архива (дело совершенно немыслимое и незаконное). Пролистывая за день десятки томов, с невероятной скоростью запоминая и анализируя, он постигал закономерности, но не мог обнаружить их источник. По всему выходило, что начало катаклизма он видел собственными глазами, но даже тени тревоги в нем тогда не шевельнулось: более пятидесяти лет назад падение уровня обитавших в империи черных магов стало столь значительным, что в Уложение внесли поправку — сняли ограничение на силу изгоняющих первого ранга (временно, конечно). До этого, если укрощающие ошибались и на ритуал Обретения попадал слишком слабый маг, беднягу прогоняли через Оковы Избавления и отправляли восвояси.

Итак, пятьдесят лет назад империя стала принимать на службу всех, кто сумел открыть в себе черный Источник. К тому же времени относилась и первая из новейших катастроф — стремительный мор, охвативший печатное население Акувары.

Это был последний удар, поставивший крест на попытках заселить некогда плодородную долину, и обезлюдившие земли поглотила Таллейская топь.

Не прошло двух десятков лет, как император пошел дальше, вычеркнув из Уложения упоминание о предельном сроке службы для черных. Попрание свобод вызвало глухое недовольство изгоняющих и, как следствие, их излишнюю активность во время волнений в Орри.

Забавно, но спусковым крючком бунта стала очередная правка Уложения — "разъяснение о неприкосновенности плоти", поставившее крест на индустрии насекомых–трубочистов. Предполагалось, видимо, что после введения запрета ряды служилых колдунов пополнятся разорившимися заклинателями. Однако черные с имперского юга, потерявшие небольшой, но независимый от изгоняющих источник дохода, отказались смиренно приносить свой дар на алтарь отечества, и понеслась душа в рай. Из архива далекого Арх–харама описание тех событий читалось, как страшная сказка. Конечно, основную массу восставших составляли бедняки из низкорожденных, протестующие против практики наложения печатей на должников, но без участия черных они не смогли бы нанести государству такой ущерб. Неужели пара сотен годового дохода стала причиной, по которой циничные и эгоистичные колдуны пускались в самоубийственные рейды, резали собственных учеников и сами гибли, чтобы последним смертным проклятьем выжечь мозги жрецам–талле? Даже интересно, что сказал бы по этому поводу некромант. Белый слышал, что тогда лишились головы сильнейшие боевые маги империи, и Школа Темного Истока, кое–как державшаяся на стариках, начала стремительно деградировать.

Но почему?!! Очевидно, что источник перемен отнесен во времени еще дальше. Если процесс был непрерывным, если поддавался экстраполяции, если белый все правильно уловил, маховик катастрофических изменений был запущен не ранее двухсот и не позднее ста пятидесяти лет назад. Увы! Славного города Арх–харама тогда попросту не существовало, а значит, и записи вести было некому.

Неутомимый исследователь боком выбрался из–за полок, пыль на которых никто не тревожил десятки лет. И обнаружил, что его ждут двое плечистых стражников в мундирах официальных городских цветов — белого и бежевого. Позволить себе послать такой эскорт мог только один человек в городе — его управитель.

— Прохладного вам дня, уважаемый, — нейтрально

поздоровался один из них. — Наш господин приглашает вас разделить с ним благодатный вечерний час и насладиться незабываемым ароматом чая, выращенного на горных плантациях Тусуана. Просим вас!

Отказа предложение не подразумевало.

Ли Хан чинно уселся на заднее сидение бежевого лимузина (один из стражников вежливо придержал ему дверь) и постарался насладиться поездкой. Ему не в первый раз было общаться с большими начальниками, а конкретно в этом городе он не совершил ничего, за что следовало каяться. Главное — быстро сообразить, что от него хотят, и насколько информирован собеседник, дальше он сумеет убедительно соврать на любую тему. Моральные принципы у белого были очень гибкие…

Лимузин катил по покрытым брусчаткой улицам почти не раскачиваясь, что заставляло заподозрить в его конструкции какое–то волшебство. Гостя везли в Императорский квартал — обиталище высших чиновников и светлорожденных.

Такое место было в каждом городе Са—Орио — широкая улица, по одной стороне которой теснились вплотную друг к другу доходные дома, а по другой — словно ураган прошел. Привыкший к плотной городской застройке глаз не сразу замечал за ажурной оградой невысокие белые здания, почти неразличимые среди пальм и кипарисов. Издали они напоминали домики землепашцев, однако подобраться к ним достаточно близко, чтобы оценить высоту колонн и богатство рельефного орнамента на стенах, удавалось немногим.

Формально, роскошные особняки считались казенным жильем, хотя некоторые переходили в одной семье из рук в руки поколениями. Это объясняло некоторую однообразность архитектуры и излишнюю строгость в следовании правилам (ни один сад не содержал травы или водолюбивых растений, ни один декор не выходил за рамки геометрического орнамента) — предметом гордости служило само проживание в Императорском квартале. Но, подъезжая к резиденции светлорожденного Ана'Кармара, белый не мог избавиться от мысли, что некромант назвал бы такую архитектуру "будкой на пустыре" (или как–то иначе, не менее обидно).

Нарушать внешние каноны градоправитель не пожелал, а вот в оформлении интерьера особняка ограничен не был. Ли Хан одернул свой скромный халат и порадовался, что, копаясь в пыльном архиве, не успел сильно испачкаться. Стражники встали у дверей, домашний слуга поклонился гостю и проводил в кабинет, где изволил работать его хозяин (визит обещал стать деловым и неформальным).

Градоправитель с первого взгляда вызвал у белого симпатию. Счастлив народ, которому всевышний посылает таких вождей в годину испытаний! Властный без надменности, умный без цинизма — почти идеальный правитель. Хотелось бы знать, почему Император бросил его здесь.

Белый поймал взгляд самовластного хозяина города и низко поклонился. Ана'Кармар указал ему на стул (Удивительный демократизм!).

— Мне доложили о вашем интересе к архивам, уважаемый, — без всяких околичностей начал чиновник. — Из чего я сделал вывод, что вы не чужды магии.

— Теоретической, в основном, — с готовностью кивнул Ли Хан и почти не соврал (последнее время ему хорошо давалась только теория).

— Этого достаточно, — отозвался градоправитель. — Уважаемый, мне хотелось бы понять, что ожидать от будущего. Светлых жрецов и темных рыцарей в моем распоряжении нет, ответить на вопросы, касающиеся магической подоплеки происходящего, мне некому. Но я не верю в то, что наш правитель — трус или дурак. Что–то заставило его сделать то, что он сделал.

— Вы имеете в виду, бросить подвластный ему народ и территории на произвол судьбы, забрать все средства передвижения и вывезти всех более–менее сильных одаренных? — понятливо улыбнулся белый.

— Вот именно.

Ли Хан вспомнил дождь в пустыне, Смерть Травы, выросшую до жутких размеров, по уверению Тай'Олаш, буквально за два дня, глубоко вздохнул и констатировал:

-

Они ожидают появления карантинных феноменов и знают, что не смогут организовать отпор. Жителей Тималао списали.

Ана'Кармар спокойно кивнул.

— Как вы думаете, можем ли мы что–то предпринять на этот счет?

Белый серьезно задумался:

— При доле везения, удержать нежить под контролем можно и без помощи изгоняющих. Но вот карантинные феномены… Осмотрите местность и продумайте, какие элементы рельефа можно использовать в качестве барьеров против наиболее распространенных чудовищ. Приготовьте плавсредства: если проблема возникнет на левом берегу, вы сможете найти убежище на правом. Запаситесь солью. Организуйте регулярный осмотр всех сколько–нибудь пригодных для заселения нежитью мест,

уничтожьте брошенные строения. Действуйте максимально решительно! Разбейте запасы продовольствия не несколько частей и храните в разных секторах. А дальше — на все воля творца!

Градоправитель тонко улыбнулся:

— Подозреваю, что мы читали одни и те же книги.

— Тут сложно придумать что–то новое, — Ли Хан не смог удержаться в рамках приличия и принялся растирать переносицу. Голова казалась тяжелой, как чугунный шар. — Если бы я только мог понять причину…

— Думаете, у происходящего есть причина? — без улыбки спросил Ана'Кармар.

— Есть и причина, и движущая сила. Я посещал Ингернику, Каштадар, Бурунгу — нигде нет такой кошмарной ситуации, как в И'Са—Орио-Те. Взрывообразному распространению нежитей способствует дисгармония в тонких планах. Такое состояние должно что–то создавать и поддерживать.

— Возможно, светлорожденные советники императора совершенно точно знают, в чем тут дело.

— Не исключено. Но, если так, я буду верить в то, что они заблуждаются!

— Не уверен, что это может помочь, но я готов предоставить вам возможность исследовать мой личный архив. Наше семейство ведет свою историю с начала второй династии и всегда пользовалось уважением.

— Буду очень рад.

Визит в архив должен был состояться через два дня (градоначальник, по–видимому, собирался сначала почистить его от каких–то компрометирующих документов). Судьба распорядилась иначе: накануне, ближе к вечеру белого отыскал посыльный от Ана'Кармара с устным сообщением — чиновник хотел бы знать, не встречал ли его добрый друг в странствиях двух машин с колдунами из Ингерники. Ответа давать не требовалось. Казалось бы, ходят слухи и плевать, но вопрос был передан печатным, посреди улицы, на словах… В общем, это больше напоминало предупреждение.

В гостиницу Ли Хан возвращаться не стал. Он не обманывался: даже в прежние времена отразить внезапное, хорошо спланированное нападение ему было бы нелегко. Са–ориотцы хорошо набили руку в расправах над магами, недаром же Тай'Олаш предпочел вообще отринуть дар, нежели сопротивляться. В ловушку вербовщиков мог попасть любой… Вот только искать свою жертву доблестные охотники будут до скончания веков — умение изящно уклоняться от нежелательных

встреч сидело у Ли Хана в крови.

Чего не скажешь о молодом некроманте: насколько белый знал черных, опасность тот заметит, только получив удар по голове. Решение идти на помощь колдуну пришло совершенно естественно (Ли Хан и не заметил, когда черный превратился просто в еще одного неприятного компаньона). Где его сейчас носит? Днем черный в номере не сидел, значит, есть шанс перехватить его до того, как он угодит в засаду.

Окутавшись легчайшими иллюзиями (почти не меняющими внешность, но не позволяющими узнать), белый поспешил в сторону гостиницы. Долго искать не пришлось — некромант изволил ужинать. Белый увидел юношу сидящим на открытой веранде корчмы, но тут же отвернулся и с независимым видом прошел мимо — дверь заведения сторожили двое незнакомцев, один из которых гражданский халат умудрился надеть поверх шаровар от формы изгоняющего. Что тут скажешь? — Типичный черный, хамоватый и ненаблюдательный, которому вообще не полагается быть в городе. Казалось бы, причем тут вербовщики.

Ли Хан сделал широкий круг по торговому кварталу и вышел в переулок как раз напротив корчмы. Происходящее на веранде белый видел отлично, а вот от выхода из заведения его положение не просматривалось. Чтобы привлечь внимание некроманта, ему достаточно было одного взгляда, но юноша упорно продолжал глядеть в тарелку и жрать, жрать, жрать… Похвальная сосредоточенность, при других обстоятельствах.

Что–то подсказывало белому, что ждать окончания трапезы вербовщики не станут. И точно — не успел некромант приступить к десерту, как нервно улыбающийся и косящий глазом хозяин поднес гостю чашку какого–то напитка, явно не заказанного черным заранее. И этот… непрошибаемый идиот, не задумываясь, выхлебал подозрительную бурду! Результат не замедлил себя ждать: минуты не прошло, как некромант начал клевать носом, а потом безвольно откинулся на подушки. Вербовщики явились тот час же, взяли свою жертву под руки и, как добрые друзья, повели прочь из заведения. Большинство горожан, наверняка, вообще не поняли, что происходит. Белый крякнул от досады и едва не выругался вслух. Ну, и что теперь делать?

Во–первых, не торопиться с выводами — он не знает, в каком статусе задержали мальчишку. Брали живым, значит, хотят, как минимум, допросить. В походных условиях сделать это правильно практически нереально, с большой долей вероятности — пленника отсюда увезут. Во–вторых, нужна помощь — не в его нынешнем состоянии ходить в лобовую атаку на амулетчиков. Итак, план готов: надо определить, откуда прибыли вербовщики и

что они собираются делать с пленником, потом — постараться перехватить оставшихся черных на подъезде к городу, чтобы они не вляпались в ловушку, и лишь затем общими силами — нападать. Эх, староват он для таких предприятий!

— А зачем это делать? — сказал прямо в уши уверенный голос и Ли Хан замер на мгновение, прежде чем понял, что голос — его. — Зачем тебе ждать этих глупцов? Самая опасная часть пути пройдена, теперь добраться до Кунг—Харна ты сможешь сам.

Белый сделал вид, что заинтересовался содержимым посудной лавки, и украдкой вытер со лба резко выступивший пот.

Сюрприз был неприятным. Ли Хан проработал эмпатом не один десяток лет и хорошо знал, что белый, слышащий голоса — готовый клиент дурдома. Сам он немедленно прописал бы такому пациенту блокиратор и успокоительные. Неужели — все?

Древний маг посмотрел на стекло витрины и отразившийся в нем старик печально улыбнулся в ответ.

Но он не чувствовал в себе упадка сил, обычно сопровождающего увядание! И характерных признаков психоза, вроде, не наблюдалось. Ли Хан еще раз глянул на свое отражение и обнаружил там незнакомца с колючим взглядом и жестокой складкой на лбу.

У-у, как все запущено! Прежде он поостерегся бы связываться с таким буйным типом.

"Ты ведь принял обет Поиска Истины, обещал ни во что не вмешиваться, — снисходительно поучало белого его альтер–эго. — Вот и ступай себе. Предоставь тронутых порчей их судьбе!"

Так, собраться, дышать ровно. Что он сам советовал пациентам в таких случаях? Разобраться в своих чувствах, определить причину дискомфорта, сформулировать суть расхождения между галлюцинацией и реальностью. В общем, рационализировать, как всегда. Итак…

"Я не хочу уходить"

"С каких это пор ты начал подчиняться рефлексами?"

"Не все порывы души объясняются влиянием Источника"

"Вот мы и разобрались, кто тут больной! Чтобы не заблудиться в своих мозгах, следует руководствоваться логикой, а не чувствами"

Утверждение, несомненно, истинное, однако, неполное. Логика опирается на предпосылки, а ошибиться в них проще всего. Мотивы, фундаментальное движение воли — всегда вне логики. Разобраться в них без помощи независимого свидетеля нелегко, но придется. Итак, слово глюкам!

"Глюк — это твое нынешнее благородство. Вспомни себя! Ты

всегда ставил цель и двигался к ней, неуклонно и без колебаний. Ты приехал Са—Орио, чтобы найти последнюю ячейку таллейского братства. Тебе нужно в Кунг—Харн! Иди!!!"

Вперед, без колебаний — головой в стену. Недавно ему было наглядно продемонстрировано, что никакого могущества не хватит, чтобы достичь некоторых целей. Да и правильно ли он определяет эту самую цель? Если бы сомнения не появились, не потребовалось бы и обетов.

"Найти братство надо, но почему прямо сейчас? Нет никакой спешки, ничья жизнь от этого не зависит"

"Откуда ты знаешь?"

"Теперь — ниоткуда, — признал Ли Хан. — Зато я знаю конкретных людей, чья жизнь гарантировано под угрозой! Нелепо игнорировать непосредственно наблюдаемое ради гипотетически возможного"

Но убежденности не появилось.

"Возможно, из–за этой задержки погибнет гораздо больше людей!"

"Возможно, завтра небо упадет на землю!"

Некоторое время воображаемые противники сердито молчали.

"Ну, хорошо, с логикой все ясно. Сосредоточимся на чувствах — бежать, спасать. Когда разбойники вырезали беженцев из Миронге, ты ведь не полез никого спасать — под телегой отсиделся. Что изменилось?"

"Степень риска и ожидаемый результат. Я же не собираюсь врываться к вербовщикам с посохом наперевес! Тогда спасти кого–то было не в моей власти, а теперь — шанс есть. Потянуть время, подтянуть силы…"

"И все эти манипуляции — ради чего?"

Ли Хан почти успокоился. Как водится, в рассуждениях сумасшедшего обнаруживалась масса недостатков, демонстрирующих ущербность его позиции. Вопрос, кто нормален, больше не стоял:

"Во–первых, это я затащил мальчика в этот город, да и вглубь Са—Орио тоже, а значит — уже нарушил принцип невмешательства и несу за это некоторую ответственность. Во–вторых, скажем прямо: в текущей ситуации черные представляют большую ценность, чем я. В третьих, если некроманта убью (а его убьют!) ситуация выйдет из–под контроля: боевики озвереют, будет множество жертв и куратор ничего не сможет с этим сделать. Не очень удачный момент, чтобы начинать созерцать, верно?"

"Просто уходи. Объяснения найдутся позже"

Вот еще! Белый не удержался и показал отражению кукиш. Какие бы тайники его души не персонифицировал данный феномен, центральной частью личности он не является и решение принимать не ему. Убегать сейчас глупо и не рационально: от помощи

колдунам он ничего не потеряет, а лишившись союзников — ничего не приобретет. Это не говоря о моральной стороне вопроса: белому приходилось выступать в разных ипостасях, но мелким жуликом он никогда не был и трусости за собой не замечал.

"Тьфу на тебя, чокнутый! Когда объяснений нет, остается только сделать выбор и нести за него ответственность. Я выбираю — остаться человеком!"

Альтер–эго многообещающе усмехнулось и растаяло.

Глава 14

Попав в имперский город (большой, не пострадавший от беспорядков) я испытал то чувство, которое у Шороха вызывалось видом новых кулинарных шедевров: ингредиенты те же, но один маленький нюанс и — вкус совершенно другой. В Са—Орио в качестве редкой специей выступало Уложение. Результат надо было видеть.

Само пресловутое Уложение я не читал и читать не собирался (мне же по нему не жить), но кое–какие его положения со слов Ли Хана усвоил. Например, про планировку поселений. Если то, что я видел — общепринятый имперский стандарт, задуман он для того, чтобы обеспечить комфорт наибольшему числу горожан. Каждый клочок города хотя бы на несколько часов в день оказывался в тени, и только южные стены домов приносились в жертву беспощадному солнцу (на них даже окон не делали). А ведь Арх–харам — относительно северный для империи город! Надо полагать, для дальнего юга соблюдение архитектурных правил — вопрос жизни и смерти.

Попадались и мелочи, например, отсутствие каминных труб (хотя по ночам тут не всегда жарко) или ливневых стоков (интересно, как они обходились во время того ненормального дождя?). Отделка зданий выглядела однообразно убого, но люди есть люди и никакой закон не может помешать им выпендриваться: во всех домах ставни оказались разных цветов, а первые этажи (которые непременно занимал магазин) украшали маркизы из узорчатой ткани, от чего аскетичное каменное пространство немедленно превращалось в карнавал.

И всюду — стекло, оно было главной арх–харамской фишкой. Хрустальные колокольчики красовались на каждой двери, разноцветные висюльки — на любом окне, подставки и вазочки, даже вывески — все старались делать из стекла. Даже в самой задрипаной булочной или овощной лавке имелась зеркальная витрина таких размеров, какие в Редстоне ставили только в модных ателье. При всем этом на прилавках лежали товары, в основном, кустарного производства. А вот перевозкой грузов и пассажиров занимались автомобили — малолитражки с двигателями на спирту — от крохотных, на два пассажира таратаек до небольших крытых фургонов. Так что, количество моторного транспорта на душу населения тут оказывалось даже выше, чем в ингернийской столице.

Я тихо офигевал от окружающих меня контрастов, но не мог отрицать: город выглядит солидно, аккуратно и упорядоченно.

Меня даже обида взяла: нам обещали разоренную страну, табуны гулей, а тут по сравнению с Арангеном практически рай (с поправкой на климат). Это что же получается, магия вроде как и не нужна?!!

От душевной травмы меня спас визит на ближний рынок, точнее, вид ведущей к нему Привозной улицы. Это был реальный хлев. На всем пространстве широкого, на четыре полосы проспекта ревела и мычала скотина. Также, как Арх–харам был чист, его привоз был грязен: мостовая на несколько кварталов была засыпана травяной сечкой, впитывающей нечистоты и сохнущей прямо в них. Сновало множество печатных, собирающих навоз в замызганные корзины, а благоразумные горожане старались не ступать мимо тротуара. Непрерывная колонна телег тянулась к рынку, грузилась–разгружалась, а потом заворачивала прочь из города. Городские автомобильчики проделывали то же самое на специальном пятачке, сквозного движения в город и из города не было.

И никого, кроме меня, происходящее не удивляло! Наступив на горло черномагической гордости, я пошел задавать вопросы белому.

— Скотина в городе? — задумчиво протянул Ли Хан, занятый своими мыслями. — Ну, если горожанам удается соблюдать требования к чистоте улиц… Хотя я бы не рискнул.

В общем, выяснилось, что основной причиной использования автомобилей оказалось вездесущее Уложение: извозчикам проще было обзавестись мопедом на четырех колесах, чем платить городу за уборку навоза. Бесплатно скотине разрешалось находиться только на той самой Привозной улице, являющейся продолжением пронизывающих город трактов (и запах, который там висел, однозначно доказывал мудрость предков). Но для тех, кто проживал за городской чертой, смысла переводить ценный продукт не было — скотоводам сено для быков обходилось дешевле, чем топливное масло, а крестьянам–печатным вообще никто ничего сложнее мотыги не доверял.

Открывшаяся истина привела меня в состояние, близкое к шоку. Ну, не может автомобилестроение развиваться узким сектором, завязанным исключительно на проблему навоза!!! Ладно сельское хозяйство, а как же крупнотоннажные перевозки, скоростной транспорт? Оказалось — никак. Все, что не могло поместиться на телегу, возилось по реке.

И тут я понял, что никогда не стану жить в И'Са—Орио-Те, даже под угрозой возвращения на службу в НЗАМИПС. Черный маг мог бы на подобные несуразности наплевать, но алхимик во мне восставал против глубинного варварства империи.

Да, варварства! Я воспринимал свое Искусство как великую силу, превосходящую по преобразующей способности даже магию, а в И'Са—Орио-Те она напоминала экзотический цветок, для выращивания которого прилагалась масса усилий, но он все равно отказывается цвести за пределами горшка. Что–то во внутреннем укладе империи обрекало ее на прозябание и меня, по хорошему, не интересовало — что.

Как только мое самоуважение было восстановлено, я снова пришел в чудное расположение духа.

И тут же почувствовал к себе определенный интерес. То есть, поймите правильно: чтобы пробиться через обычный для черного барьер безразличия, незнакомцу надо сделать нечто поистине неординарное. И он смог! Для начала, он умудрился за день попасться мне на глаза раз пять (но это я заметил разве что краем сознания). Потом попытался завязать знакомства среди персонала гостиницы, но при моем появлении сиганул к дверям, как перепуганный заяц. Естественно, я был немного удивлен: вроде, тут ни у кого не было причин подозревать во мне боевого мага. Или — были? Помнится, Ли Хан что–то про ищеек говорил…

— Это кто? — окликнул я гостиничного служку.

— Мастер Шу'Кириш! — с готовностью откликнулся тот. — Он чинит машины. Если вам нужна его помощь, я дам ему знать.

— Позже.

Те, кто чинит машины, обычно ведут себя солидней. Спрашивается, если у него есть повод меня пугаться, то — какой? Каждый судит об окружающих по себе, поэтому первой мне на ум пришла попытка свинтить запчасти. И встанем мы тут аки памятник… Преступление требовалось предотвратить.

Пока жуликоватый мастер искал способ пробраться на задний двор гостиницы, я прятал по тайникам все, что представляло хоть какой–нибудь интерес, включая легкомысленно оставленный в замке охранный амулет (вдруг этот деятель решит увести всю машину целиком?). Однако надо помнить, что армейские грузовики не предназначены для противостояния ворам, об их сохранности следует беспокоиться экипажу.

И началась тихая охота. Я наблюдал за перемещениями врага из благословенной гостиничной прохлады (в этом было мое преимущество — персонал из печатных на меня не реагировал). Пройти на задний двор насквозь через здание мастеру Шу'Киришу не удалось и он принялся шастать по переулкам, пытаясь оценить высоту стен. Ничего не выйдет. Я уже задавался мыслью о надежности охраны (за свое имущество в грузовике переживал), поэтому мог сказать: без помощи изнутри попасть в гостиницу невозможно. Шанс появлялся, если открывали задние

ворота, когда это происходит, можно было тупо спросить.

— Утром мусорщики вывозят отходы, — сообщил удивленный служка. Должно быть, такими вопросами жильцы гостиницы его еще не озадачивали.

Сразу вываливать окружающим свои подозрения я не стал — мерзавец отмажется. Доказательств–то никаких! Придется брать его на горячем — не посажу, так попугаю. Призывать на помощь магию я не решался, с другой стороны, са–ориотец тоже профессиональным вором не был, так что, силы у нас равны.

Как и ожидалось, за забор жулик проник вместе с мусорщиками (не я один тут умею пудрить мозги печатным). Пока туповатые рабочие грузили корзины с отбросами на свою таратайку и сливали кувшины с помоями в бак, он бочком–бочком протиснулся к стоянке, убедился, что его маневры остались никем (кроме меня) незамеченными и попытаться забраться под капот грузовика.

Сработала сигналка (ну, та самая, свето–шумовая). Индифферентные ко всему печатные так и замерли с бачком в руках. Я отловил мечущегося в панике нарушителя у ворот и в ультимативной форме потребовал объяснений. Деморализованный са–ориотец не долго отпирался и признал, что явился с целью алхимического шпионажа (типа "посмотреть"), потому что продукция инегрнийского автопрома ему еще ни разу в руки не попадала. И всего–то.

Чтобы черный упустил возможность повыпендриваться? Да не бывать такому!

Я лично подвел его к грузовику и поднял капот, просто чтобы полюбоваться на тоскливую зависть в глазах: движок такой мощности он видел в первый и, подозреваю, последний раз в жизни. А подвеска? А тормоза? Про управляющие проклятья даже упоминать не стоит — в Са—Орио бытовая магия оставалась заоблачно дорогой. Мы побазарили с мастером Шу'Киришем о пресловутой "оло фан махо махине" и недостаток моего словарного запаса его ничуть не смутил. Попутно выяснилось, что после устроенного императором разорения, во всем Арх–хараме осталась только одна ремонтная мастерская, старшим мастером которой он и является. Теперь ее не слишком–то разбирающихся в алхимии работников таскают попеременно в доки, гаражи и на электростанцию, от чего у самого Шу'Кириша появляется желание бежать, куда глаза глядят, пока в городе не сломалось что–то по–настоящему большое.

Ох, беда, беда, огорчение. Да если бы не скорый приезд Ридзера, я бы местную казну уполовинил бы, мамой клянусь! А золота в Арх–хараме всяко больше, чем в Крумлихе.

Даже не знаю, смогут ли бериллы Ли Хана компенсировать мне такие потери.

Мы замутили небольшое совместное предприятие (я согласился взглянуть на местный аттракцион — попытку строительства парового буксира в замен угнанных имперскими властями), обсудили возможность увеличения мощности здешней электростанции (я бы на месте Шу'Кириша за такое не брался). Да, черные не общительны, но маг–частник, не умеющий охмурять клиентов, в профессии на долго не задерживается. Утвердив за собой репутацию великого мастера, обойденного вниманием императора чисто по небрежности, я окончательно успокоился и заскучал.

Прямо скажем: с развлечениями в Арх–хараме было туговато. Шу'Кириш мог предложить только визит в храм (тут–то меня и скрутят) или азартные игры, смысла которых я никогда не понимал. Вот скажите мне, в чем прелесть: ставить деньги на то, чтобы добиться победы не силой, не умом и даже не магией, а по случайному стечению обстоятельств? Это как же себя надо не уважать–то… Возможно, в городе были другие интересные места и способы провести время с огоньком, но мне оставались доступны только дурманящие средства и улица красных фонарей. К незнакомым зельям я относился подозрительно, к местной медицине — тоже, поэтому рисковать здоровьем в любой форме не желал. Единственным объектом моего неудовлетворенного интереса оставалась фабрика. Как же мне туда попасть?

Нет, я помнил страшилку, рассказанную Ли Ханом, но неприятные мысли не способны долго удержаться у черного в голове. За неделю арх–харамцы уверенно перешли в категорию привычного и не опасного, а вот продукция единственного на весь город производства, наоборот, вызывала все больший интерес. И главное — как?!! Дымящих труб не видно, запахов не чувствуется, не то, что угля, дров на приготовление пищи не хватает — кизяками пользуются (в городе!), газогенераторов я в Са—Орио ни разу не встречал — нечистоты льются прямо в реку, и вдруг — зеркальное стекло метр на два. Надо посмотреть. Тут, как на зло, Ли Хан нашел себе в городе какое–то занятие и удерживать в узде черную натуру стало совершенно невозможно.

Нет, я не сдался сразу: решил начать с малого — пройтись утром по холодку до фабричных ворот (скажу: гуляю, где хочу!). А чтобы не выделяться из толпы рабочих так, чисто случайно, надел очень похожие на их робы костюм (даже покупать ничего не пришлось — просто рубаху в штаны не заправил).

Небо только–только начало сереть, когда я покинул городские кварталы, пустые и тихие (нормальные люди так рано

не встают!). Навстречу мне по дороге текла человеческая река, дышащая, шаркающая и покашливающая — рабочие отправлялись в путь еще до света, полностью полагаясь на установленные вдоль тракта отвращающие знаки. На повороте к фабрике я присоединился к молчаливому движению, это было не сложно — хотя людей не останавливала темнота, пугающая в нашем мире все живое, от обочин они явно старались держаться подальше.

По мере приближения к фабрике толпа становилась бодрей и оживленней. Словно до этого момента са–ориотцы спали на ходу, а теперь просыпались, начинали обмениваться приветствиями, шутками, смысл которых от меня ускользал. Еще немного, и я начну выделяться из толпы.

А ведь их здесь не меньше тысячи.

Слова Ли Хана о нападении печатных приобретали совсем другой смысл: если вспомнить, то Балдурс Кровавый погиб вовсе не от удара магии — на встречу с предками колдуна спровадили возмущенные его поведением соотечественники. Когда люди достаточно злы (или начисто лишены чувства самосохранения) у них есть все шансы посадить боевого мага на вилы, невзирая на сопротивление. В том, что печатных можно заставить атаковать день и ночь, буквально погребая противника под трупами, я ни секунды не сомневался.

М-да, придется пересмотреть линию поведения. Поймите правильно: черные ничего не боятся, но глупо подставляться — не наш стиль. Что там бубнил Ли Хан на последнем привале? Улыбаться, кланяться, идти вместе со всеми. Да без проблем! Прикинусь добрым и пьяным — беспроигрышное сочетание. Фиг меня кто–нибудь распознает! Остановят, скажу, что заблудился — баню искал.

Изо всех сил изображая счастливое отупение, я дошел почти до самых ворот, где толпа рабочих делилась на четыре рукава и втягивалась внутрь фабрики через узкие проходные. Рядом с каждой стоял плечистый охранник, который магией не пользовался, вопросы не задавал, предъявлять ничего не требовал, но очень внимательно рассматривал входящих. Я резко вырулил из толпы, прислонился к заборчику справа от ворот и погрузился в размышления о несправедливости бытия.

Теперь мне были видны лица входивших, все до одного — веселые и оживленные. На работу, как на праздник, буквально. Нет, мне моя работа тоже иногда нравится, но когда столько народу пребывает в одинаковом настроении — в этом есть что–то ненормальное. Здешние обитатели не были совсем уж на одно лицо, но общее настроение роднило их, как механическая улыбка — черноголовых с побережья. Забавное это место, И'Са—Орио-Т.

Попытка ломиться прочь от ворот, словно лосось против течения, выглядела бы глупо и подозрительно. Почти сорок минут (именно столько времени потребовалось рабочим, чтобы войти на фабрику) я стоял как памятник, делал вид, что все хорошо и пытался понять, как работает местная система безопасности. Никто из входивших на охрану не реагировал, та, в свою очередь, никого не дергала, и могло сложиться впечатление, что парни в униформе поставлены здесь просто для солидности. Но я-то видел, как мечется у охранника взгляд, перебегая с человека на человека. Похоже, эти типы знали всех, работающих на фабрике, в лицо. Вот ведь засада…

Напор толпы ослаб и я поспешил в город, надеясь укрыться в тени до того, как солнце начнет припекать.

Неудача скорее разозлила меня, чем обескуражила. Черных нельзя дразнить! Настроение испортилось, улыбаться и кланяться стало почти невыносимо, и на следующее утро я снова поперся к фабрике, надеясь найти в ее охране хоть какой–нибудь изъян. Фига! Забор у предприятия был как у банка (но гораздо длиннее), охрана бдела, а решившись на силовой прорыв я рисковал подвергнуться нападению всех работников разом — то еще развлечение. Ненавижу.

Пока перспективней всего выглядела идея прикинуться одним из работяг. Я пристально разглядывал проходящих мимо, в надежде найти кого–то, хотя бы отдаленно напоминающего меня. В Са—Ориоте, человека с внешностью ингернийского черного. Ага, ага. У них даже разрез глаз другой!

Следующей мыслью было найти принцип, по которому управляют всеми, кто здесь находится. И охрана, и рабочие считались печатными, носили на рукавах такие характерные значки, но явных управляющих структур, как черноголовые с побережья, не имели. Более того, я бы их вообще от обычных людей отличить не смог. То ли волшебство здесь особо совершенное, то ли мне надо завязывать с белой магией — не мой профиль.

На третий день рабочие стали обращать на меня внимание и даже охранники как–то нехорошо заинтересовались. Проклятье! Пришлось срочно срываться с места и переться под любопытными взглядами толпы, каждый человек в которой, конечно, уступит дорогу сердитому дядьке, но не упустит возможности обсудить это с соседями вслух.

Впрочем, через пару сотен метров голоса стали тише, взгляды равнодушнее, а на повороте к тракту я, с удивлением, обнаружил, что различаю вибрации магии. Однако. Выходит, что работа на фабрике не подводит их под заклятье, а освобождает от него? Не

может такого быть! Какой смысл контролировать жизнь людей за пределами рабочего места? Не могут же они быть настолько повернуты на секретности…

Я отошел в сторону и сделал вид, что завязываю шнурки. Впрочем, с таким же успехом можно было бегать с рулеткой и вымерять форму черепа проходящих мимо — они ни на что не реагировали. Типичные печатные в са–ориотском понимании — говорящие механизмы (а может, и не говорящие). А главное — смысл?!! Организовать быт ничуть не проще, чем хорошее производство. Там столько возни… Логичнее было бы позволить рабочим самим заботиться о себе и только на фабрике требовать неукоснительного соблюдения правил. Что давала са–ориотцам используемая схема, я не улавливал.

Разбуженная тень Мессины Фаулер отнеслось к происходящему с долей брезгливости. Сама не чуждая искусству управления, покойница полагала, что тут печатным прививают условный рефлекс, как крысам в лабиринте. Эти люди жили работой, или, правильнее сказать, им не давали возможности жить где–то еще. Тонкое воздействие ненавязчиво угнетало их сознание за пределами фабрики, делая приход на нее самым ярким впечатлением дня. Пару лет повторения, и вот они уже с нетерпением ждут начала работы, просто чтобы ощутить полноту возможностей. Вот такое вот стимулирование персонала. При этом четких управляющих структур я не различал, а значит, и вмешаться не мог. Ох уж мне эти белые, понапридумывают всякого… Как мне теперь туда попасть?!!

Пользуясь безразличием печатных, я плюнул под ноги и высказал все, что думаю о них и их начальстве, сочным краухардским жаргоном. Никакого удовольствия не получил — они же не обижаются. Теперь, следуя черномагической логике, мне следовало развернуться и уйти, горя презрением к этим недостойным людишкам.

Но на фабрику я, тем не менее, не попал. М-да.

День был окончательно испорчен. Борясь с оправданным чувством неудовлетворенности, я поплелся в город, тихо матеря всех, кто виноват в моей неудаче (са–ориотцев — за то, что слишком умные, Ли Хана — за то, что приволок меня сюда и Ридзера — за то, что Шорох знает где болтается). Не знаю, влияют ли на здоровье мысленные проклятья некроманта, но икаться им должно было здорово.

От знакомства с моим раздражением Арх–харам спас Шу'Кириш. Сначала раздалось бодрое тарахтение — мне навстречу мчался один из городских автомобильчиков. Внезапно, он остановился, из кабины выкатился почтенный мастер–

механикус и затарахтел не хуже мотора. При этом он хватал меня за одежду и тянул за собой. Я даже обалдел от такого напора. Общий смысл его слов можно было сформулировать

как: "Поможите чем можите!" Мужик был в панике.

— Ша! — гордо заявил я, стряхивая с себя цепкие пальчики. — Объясни толком, что происходит?

В ответ — очередной поток сознания с рефреном: "Все пропадает!" И что характерно: жестикуляция мастера явно была обращена туда, откуда я только что ушел. Даже интересно, что могло вызвать такой кипеж.

— Ладно, поехали.

Меня усадили в автомобиль и с ветерком промчали мимо всех этих печатных, проходной и охраны, прямо в распахнутые ворота. Хорошо! Ну, здравствуй, стекольная фабрика.

Первое впечатление: я попал на карьер, тут не изготавливают стекло, а песок для него добывают. Впрочем, может и добывали, но теперь образовавшиеся ямы использовали для чего–то другого — вглубь провалов вели хорошо оборудованные лестницы, сновали рабочие, в двух местах я заметил рельсы для вагонеток. Желание заглянуть вниз боролось во мне с благоразумием (машина ехала быстро). Ничего, это от меня не уйдет!

Таратайка остановилась перед гигантским провалом, ко дну которого вели удобная лестница и что–то вроде элеватора. Шу'Кириша тут же начали зазывать вниз и я, наконец, удовлетворил свое любопытство.

Весь склон (искусственный или природный) служит опорой для солнечного коллектора (никаких дорогостоящих металлических конструкций, сваи в землю и — привет). Тут тебе и поверхность нужной формы и защита от ветра, что для тонких, гнутых и, как выяснилось, стеклянных зеркал — очень актуально. Меня изначально мучил вопрос: как такой поток световой энергии удается сконцентрировать на земле? Не лупой же! Ну, я понимаю, котел парогенератора снизу подогреть, но стекловаренная печь — не кастрюлька. Решение оказалось естественным — рефлектор. Четыре сектора зеркал отправляли лучи в поднятые на колоннах отражатели, а уж они концентрировали свет на поверхности расплава.

Впрочем, возможности помедитировать над глубиной алхимической мысли мне не дали.

На дне котлована было людно (или печатно?), короче, народ суетился вовсю. Там стояла по истине огромная ванная печь, похоже, использовавшаяся для варки того самого зеркального стекла (это я удачно зашел). Одного дня для цикла ее работы (как и ожидалось) не хватало, поэтому на ночь ее накрывали

колпаком. Ну, то есть, как колпаком: по двум чугунным направляющим на множестве колесиков каталась длинная железная рама, с опорой на которую был собран огнеупорный свод. Дабы не позволить всему этому безобразию разъехаться в стороны, чуть выше кромки ванны каркас был усилен железными шпильками в руку толщиной. И вот, вся эта фигня — застряла.

Размеры надвигающейся на са–ориотцев задницы я осознал влет: немного остывшая за ночь, поверхность стекла все равно дышала жаром, голый металл нависал прямо над рабочей зоной. Ситуацию усугубляли солнечные нагреватели — они уже начали ловить первые рассветные лучики и отправлять их на не предназначенную для такого обращения поверхность. Пройдет совсем немного времени, железо прогреется, гигантская шпилька ослабнет и держащийся за счет своего веса свод ухнет вниз. Мне не надо было объяснять, сколько займет перекладка такой конструкции заново, даже если фасонный огнеупор удастся сохранить.

Естественно, опасность нагрева для железа осознавали даже печатные — какой–то Шорохом тронутый диверсант уже бежал к пышущей жаром печи с ведром воды.

— Стоять!!! — рявкнул я, отчетливо представив, как поведет себя в воде перегретый камень. — Шихтой присыпайте, шихтой!

Молотый песок, по крайней мере, не ударит паром им в морду, да и свечение расплавленного стекла на время ослабит.

Источник всех бед располагался в приямке, окутанный паром и матюгами. Никаких цепей и веревок: по направляющим крышку перемещал реечная передача, приводимая в действие паровым двигателем (интересно, чем его топят?). Две зубчатые планки жестко крепились по бокам рамы, снизу к ним подходил вал с шестеренками, а его, в свою очередь, соединял с двигателем редуктор, причем, все это хозяйство располагалось ниже уровня земли, чтобы не мешать зеркалам. Конструкция исправно работала множество лет, а сегодня утром, едва крышка начала движение, у привода срезало предохранительные шпонки. Их заменили сразу же, но запускать агрегат не решились и правильно — в следующий раз могло бы свернуть уже крепления. Проблема была не в двигателе и не в крышке (чему там ломаться–то?), дубу дал редуктор.

Для начала я убедился, что у здешней машинерии есть блокировка, потом отвел выхлопы пара в сторону при помощи какой–то дерюги, и только потом полез в яму осматривать механизм. В отличие от са–ориотцев, мне не нужно было на ощупь в темноте выяснять, какое из колес заклинило — я сжульничал, в смысле, воспользовался магией, и теперь

отчетливо видел трещину, ставшую причиной поломки. Для вида постучав молоточком по металлу, я попытался родить гениальный план.

Да не особо он выписывается. Менять колесо (даже если прямо сейчас принесут другое) — работа на несколько часов, печь такого не выдержит. Не факт, что заклинившие детали вообще удастся так просто разнять. Презрев напряженное сопение окружающих, я еще пять минут лазил вокруг редуктора, стараясь уяснить себе его конструкцию. Шанс спасти печь существовал — проектировали устройство так, чтобы нагрузки на всех его частях были, по возможности, симметричны, то есть, усилие от маховика паровой машины распределялось на две стороны и вращало два набора идентичных зубчатых колес. Логически рассуждая, половина механизма могла тянуть рабочий вал ничуть не хуже целого. Ну, или его скрутит, изогнет и поломает. Я прищурился и, задумчиво поигрывая молотком, прикинул возможный вес крышки и усилия в редукторе. Хорошая сталь выдержала бы, а чугун — как повезет. Впрочем, если ничего не делать, печь так и так пойдет в распыл. Решено.

— Снимаем это и это! — я ткнул пальцем в шестерни, примыкающие к заклинившей паре.

Просто не вероятно, на что способны правильно мотивированные люди, если ими есть, кому руководить! Фабричные рабочие довольно умело выбили шпонки, обильно смазали ось и вывели аварийные шестеренки из соприкосновения с движущимися частями механизма. В полчаса мы, конечно, не уложились. За это время какой–то герой успел накрыть самые уязвимые части конструкции мокрыми соломенными матами, но они уже высохли и начинали дымиться. Решено было запускать.

Под неусыпным контролем целой толпы добровольных помощников, с рукой на рычаге сброса пара, крышка печи медленно поползла в рабочее положение. Звук от редуктора шел не хороший — оси скрипели, что–то звонко пощелкивало — но материал выдержал. Проверять сохранность механизма я не полез — слишком уж близко нависала пышущая жаром крышка, но добрый совет са–ориотцам дал:

— Если не сможете перебрать редуктор за день, — а положение у конструкции очень уж неудобное. — Готовьтесь делать "козла". Реверс запускать не советую — вал горбом встанет, — тут Шу'Кириш солидно покивал. — Эти штуки можно направить вверх? — я указал на отражатели (знать бы еще, как их тут называют).

Фабричный алхимик что–то невнятно промямлил (секрет фирмы выдавать не захотел). Да не вопрос! Можно подумать, у

меня со зрением проблемы. Но консультации, в таком случае, закончены.

Условно–благополучное разрешение проблемы решили отметить: рабочих прогнали работать, а уважаемые люди (включая двух мастеров–печатных) укрылись от солнца в просторной пещере, выкопанной для удобства управляющего фабрикой. Я выхлебал целый кувшин фруктовой воды, вдумчиво перепробовал все закуски (в основном — орехи и сладости), с удовольствием присоединился к дегустации какого–то безумно дорогого напитка, который слуга разнес гостям на лакированном подносе в крохотных хрустальных стопочках. Звучали тосты и прозрачные намеки на возможность сменить место работы. В ответ я хвалил контору Шу'Кириша и туманно рассуждал на тему связывающих меня обязательств (са–ориотцам такое должно быть близко). Душевно посидели.

Едва спала полуденная жара, как я засобирался в город — мой желудок настойчиво требовал чего–то более серьезного, чем орешки. Выделенный управляющим автомобиль закинул меня к гостинице, а Шу'Кириш остался пахать — сменное колесо только–только подвезли (об оплате мы решили поговорить завтра). Я постоял около знакомого подъезда, покачался на носках и понял, что не в форме. Меня охватило странное, никогда прежде не испытанное состоянии: все вокруг казалось солнечным и красивым, при этом сосредоточиться на каких–либо подробностях не получалось, мысли вились вокруг вещей бессмысленных и не практичных, даже вечерний зной начал доставлять удовольствие. Надышался я, что ли, чего–то на фабрике? Или выпил что–то не то. С са–ориотцев станется! Не будем забывать: здешним зельеварам удалось посрамить даже магистра Тиранидоса, а это уже о многом говорит. Но отравление обычно сопровождается отсутствием аппетита, а я был голоден как волк.

Решено: иду ужинать и — на боковую. К утру мозги проветрятся и я снова стану черным и злым.

Глава 15

Давно, давно он не участвовал в боевых операциях лично! Гнетущая смесь ощущений риска, неизвестности и близости конфликта заставляла нервы звенеть.

Гостинице Ли Хан пробирался в полном напряжении чувств, изящно жонглируя случайными образами — посыльный, охранник, печатный–мусорщик. В голове бился вопрос: "Жив ли некромант?" К сожалению, узнать это становилось возможно только подобравшись вплотную.

Личина печатного оказалась удачнее всего — белый почти не ощущал на себе чьего–то внимания и в то же время мог позволить просочиться вовне капельки магии. На заднем дворе гостиницы, между корзинами мусора и кувшинами помоев, он отыскал самый чистый угол и устроился там, постаравшись отстраниться от омерзительных запахов. В ход пошел белый вариант искательства — чувство ауры живых существ. Золотой клад в стене таким образом не найдешь, зато уловить эмоции и намерения стоящих по ту сторону препятствия можно в легкую. И это тоже нужно! Хотя молодой колдун, наверняка, нашел бы, что возразить по этому поводу.

В гостинице обреталось не так уж много народу (вместе с прислугой

— пятнадцать человек). Не различить среди них черного было невозможно — аура юноши светилась искренним возмущением, при этом ни боли, ни другого дискомфорта он не испытывал. Меры против возможного колдовства вербовщики, кажется, приняли, но их противника переполняло мстительное предвкушение — покончить с опасным пленником сразу са–ориотцы не догадались, теперь он собирался выждать и в самый неожиданный момент нанести ответный удар.

"Умный мальчик! Это поразительно, насколько некоторые эмпаты недооценивают черных мастеров"

Итак, время для маневра, определенно, оставалось. Однако прежде чем отправляться навстречу капитану Ридзеру, следовало установить, в куда именно потащат вербовщики живую бомбу. Тусуанская долина большая, дорог в ней много, не факт, что похитителей удастся догнать до развилки. Первая важная веха — переправа: выше порогов Тималао проще перейти, чем переехать — очень уж каменистое у нее русло. Какую сторону реки выберут вербовщики? Промахнувшись с направлением, можно потерять на бессмысленные блуждания несколько дней (если на полупустом тракте вообще удастся найти свидетелей).

И белый решился рискнуть питомцем.

Благовоспитанный, домашний Филиас предавался пороку — шастал по помойкам. В ответ на тихий, почти не слышный для человеческого уха свист хозяина, кот словно материализовался из воздуха, принялся топтаться по ногам и урчать, требуя внимания. Маг сосредоточился и прикрыл глаза, формулируя внутри себя нужный образ действий и упрощая его до тех простых реакций, которыми оперирует сознание животного. Движение–ожидание, запах тины, монотонный грохот воды (белый хорошо помнил, какое впечатление произвели на него пороги), качка, переход через воду либо — удаляющийся шум, ожидание.

Кот ласково выгнулся под рукой хозяина, привычно принимая в себя новый навык, а скорее — инстинкт, возникший в маленькой головенке уже полностью готовым к применению. Подобно всем кошкам, Филиас руководствовался в жизни исключительно собственными желаниями, фокус был в том, чтобы научить его правильно желать (с этим у белого проблем не возникало). Кот мурлыкнул, последний раз потерся о штаны и не спеша, стараясь оставаться в тени, стал пробираться к подъезду гостиницы.

Все, теперь за исполнение задуманного можно было не опасаться. Найдут, заметят? Ну и что! Люди редко интересуются, чем заняты кошки. Поглядят, умилятся, покискискают, испытывая необъяснимую зависть к грациозному, абсолютно самодостаточному существу, а потом, с пылом бескорыстного служения, нальют в блюдце молока. Филиас снисходительно примет знаки восхищения, а затем без сожалений уйдет туда, куда тянется его маленькая кошачья душа. Там, за гремящими день и ночь порогами, они снова встретятся, и зверь поведает человеку, поехали ли вверенные его наблюдению люди прямо, либо повернули на облюбованный многими поколениями путешественников брод. Когда потрепанный фургончик вербовщиков отъезжал от гостиницы, с собой он увез еще одного неучтенного пассажира.

Ли Хан перевел дух — пока все шло по плану. Теперь оставалось перехватить боевых магов до того, как они появятся в городе и испортят всю диспозицию.

Покинуть Арх–харам не составляло труда: город был лишен крепостных стен. Но далеко ли ты уйдешь пешком по пустыне? А тракты все под надзором. Впрочем, для путешествия оставалась еще ночь — время кошмаров и потусторонних гостей. Запасливый белый имел при себе парочку отвращающих амулетов, но на ездовых животных они были не рассчитаны. Еще раз усмехнувшись воспоминанию о колдуне–алхимике, Ли Хан украл

у какого–то зажиточного горожанина велосипед (так хотя бы ни в чем не повинную животину губить не приходилось). Он, конечно, оставил взамен похищенного имущества деньги, но самого факта кражи это не отменяло. Во мраке южной ночи, непроницаемом для не вооруженных магией глаз, по восточному тракту покатило нечто высокое, ритмично поскрипывающее и дребезжащее, не иначе — какой–то новый монстр. Если кто–то из са–ориотцев и заметил странное явление, выяснять его природу он поостерегся.

Сильно напрягаться белый не стал — объехал стороной таможенный пост и, не спеша, покатил по тракту, оставляя по сторонам купы колючего кустарника и изъеденные ветром холмы. Черные, конечно, презирают запреты, но не настолько, чтобы тащиться по буеракам, когда в нужном направлении ведет удобная и наезженная дорога. Либо сегодня Ли Хан найдет стоянку колдунов, либо завтра колдуны сами проедут мимо его стоянки.

Расчет оказался верен. На рассвете, когда он уже начал задумываться, где найти убежище от дневной жары, из сумрака с жутковатой грацией вынырнуло лохматое нечто и басовито сказало "Гаф". Белый остановил велосипед, мертвый пес подошел здороваться.

— Хороший мальчик, умный мальчик! — белый никогда не подозревал, что будет так радоваться появлению зомби. — Ты приведи их сюда, а то я устал очень.

Монстр бесшумно растворился среди теней.

Закатывать велосипед в кусты белый не стал — слишком уж явственно дышали жутью предрассветные пески. Никакие амулеты не помогут, если вступить в логово голодного фомы, а в том, что нежити в Са—Орио способны созревать просто стремительно, Ли Хан уже убедился. Вместо этого он устроился на обочине, утолил жажду из предусмотрительно захваченной с собой тыквы и постарался спланировать предстоящий разговор в конструктивном ключе.

Знакомый рев мотора раздался буквально через полчаса.

Машина приближалась слишком быстро и Ли Хан, скрепя сердце, решился сойти с тракта, чтобы случайно под колеса не угодить. Плеснув фонтанами гравия, грузовик замер прямо напротив белого, из кузова горохом посыпались люди… нет, боевые маги в состоянии, близком к одержимости. Они явно брали его в кольцо и мысли о благородстве и взаимопомощи стали казаться уже не такими очевидными.

Но первым до него добрался молодой белый и повис на шее с радостным криком:

— Учитель!!!

Держался бывший пастырь бодрячком, но порадоваться за ученика белый не успел. Капитан Ридзер подошел, решительным движением отодрал Ахиме от объекта обожания и в свою очередь сгреб Ли Хана за воротник.

— Где Тангор?

Причем, совершенно непонятно, беспокоится ли маг о некроманте или хочет избить того до полусмерти.

— Э-э…

Капитан потянул воротник на себя, явно намереваясь перехватить белого за шею, но тут героический куратор с самоубийственной решимостью втиснулся между колдуном и его жертвой.

— Спокойно, спокойно! Ты мешаешь ему говорить. И время зря тратишь.

Капитан титаническим усилием взял себя в руки:

— Рассказывай!

Да хорошо бы рассказать, только все подготовленные фразы куда–то разом подевались. Ли Хан попытался сформулировать суть:

— Тангор попал в беду.

— Ну, и куда вляпался этот прохиндей?

— Он ни в чем не виноват! — господь всемогущий, за кого он заступается? — В городе были вербовщики.

— Кто? Что? — суетился вокруг Ахиме, пытаясь принять участие в разговоре. Присутствие сердитых черных его ничуть не смущало.

Белый повторил слово по са–ориотски.

— Ох! — всплеснул руками бывший пастырь — Беда! Бежать!!!

Капитан поймал его за плечо и удержал на месте:

— Не мельтеши! А ты давай, объясни все толком.

— Вербовщики в Са—Орио — это такие люди, которые ищут одаренных и доставляют их в специальные школы. Мнение самих одаренных при этом не учитывается, поэтому готовят вербовщиков так, что скрутить они могут даже ангела господня. У Тангора не было шансов!

— А ты почему здесь? — прищурился капитан.

— Меня предупредили союзники, — и тут же, предупреждая взрыв возмущения: — А я — не успел!

— Ладно, что случилось, то случилось, — примирительно помахал рукой куратор. — Вам просто не следовало соваться в город.

— Город был безопасен! — запротестовал Ли Хан. — И власти держались лояльно. Карты спутал проклятый донос! Но кто мог

ожидать, что из Тусуана на нас придет ориентировка?

Откровенно говоря, такой возможности он не рассматривал вообще.

— Какая еще ориентировка? — насторожился куратор.

— Долина Тималао хорошо обжита, — ушел от прямого ответа белый. — Все блага цивилизации тут есть, в том числе, и телеграф.

Он не стал акцентировать внимание на том, что побережье, где черные особенно хорошо отметились, таких благ не имело (империя вообще не считала нужным окультуривать узкую полоску суши, долго служившую излюбленной целью для пиратских набегов). Скорее всего, донос настрочили великодушно отпущенные им изгоняющие или их надсмотрщик. За такую оплошность от армейских экспертов можно крепко огрести и не посмотрят ведь, что белый.

— Ты видел, что произошло? — приступил к расспросам куратор.

И Ли Хан приступил к изложению своей маленькой истории, выбирая максимально нейтральные формулировки (если некроманта спасут, им ведь еще вместе ехать и ехать!). Капитан морщился, куратор мрачнел и в конце задал один единственный вопрос:

— Что с ним могут сделать?

— Его доставят в одну из тусуанских школ и попытаются разбудить Источник.

— Но Тангор — уже маг, — резонно заметил Ридзер.

— Да! И если они поймут это, то убьют его без колебаний. По закону, лишенный ограничивающих печатей боевой маг не имеет права на существование, понимаете? К счастью, по моему настоянию Томас не демонстрировал тут свои навыки. Он умный и хорошо контролирует себя, у него есть шанс их обмануть, но мы должны освободить его как можно быстрее!

— Освободить, отправившись в Тусуан? — нахмурился куратор.

— Именно, именно!

Ахиме от такого известия счастливым не выглядел.

— И нам придется вступить в конфликт с регулярной армией? — гнул свое куратор.

— Лучше, конечно, перехватить похитителей по дороге, — согласился Ли. — Хотя у них приличная фора. Не беспокойтесь! У черных есть одна полезная черта — они не вступают в бой с заведомо более сильным противником. Стоит вашим бойцам продемонстрировать силу, и са–ориотские изгоняющие обратятся в бегство. Мы уже пересекались с одной группой — тем хватило

только посмотреть.

— И почем я об этом узнаю последним? — поморщился куратор. — Это у них вы… одолжили ученика?

— Не хотел вас беспокоить! — вывернулся Ли Хан. — Все кончилось, не начавшись.

-

Ну, что, вы едете или остаетесь? — окликнул их Ридзер.

— Едем, едем, — заторопился белый.

Ахиме ломанулся вперед в порыве дурного энтузиазма (разве что по головам не пошел). Колдуны отнеслись к выходке белого стоически, его даже подсадили в кузов, чтобы залез, наконец, и перестал мешаться — свою робость бывший пастырь успешно преодолел, а калечить соратников у армейских экспертов принято не было. Ли Хан подумал и пошел к кабине, радом с которой Рурк получал последние указания от своего начальства.

— Я покажу, как объехать посты и выбраться на тракт с другой стороны города! — сообщил белый.

— Что значит — в объехать? — прищурился капитан. — А грузовик наш где? Без топливного реактора мы далеко не уедем — масло на донышке плещется. Ну, и полчаса на осмотр города у нас точно найдется. Вперед!

Белый попытался представить все возможные последствия столкновения армейских экспертов со стражей, горожанами, печатными, религиозными фанатиками, уличными попрошайками… И решил смотреть на вещи философски. В конце концов, люди умирают постоянно, это естественный процесс и ничего тут не поделаешь. Не впервой! Он, со своей стороны, сделает все возможное, чтобы минимизировать жертвы (сугубо из уважения к Ана'Кармару, конечно). В этот момент путешествия Ли Хан занял как никогда созерцательную позицию, просто потому, что от него ничего не зависело.

Путь, на который у белого ушло полночи, грузовик проехал за четверть часа. Опорный пункт стражи возник на фоне быстро бледнеющего неба как призрак. Увы, спать, как все уважающие себя сторожа, са–ориотцы не пожелали, напротив, всем нарядом топтались вокруг убежища, полировали спинами шлагбаум и что–то курили — то ли смена должна была вот–вот подойти, то ли размяться после ночи захотелось. По утреннему холодку что ж не погулять? Не обратить внимания на прущий по тракту грузовик служивые не могли. Впрочем, задержать его голыми руками — тоже.

Рурк остановился вплотную к шлагбауму, продемонстрировав, что у его машины есть не только мощный мотор, но и хорошие тормоза.

Прежде, чем белый сумел что–нибудь сделать или объяснить, капитан Ридзер полез наружу, весь такой суровый и блестящий (светящиеся нашивки — непременная принадлежность мундира армейского эксперта), небрежным жестом кастуя на плащ чистящее проклятье. Теоретически, знать, как выглядит ингернийская военная форма, стражники не могли, но, видимо, ориентировка про колдунов на машине до них тоже дошла и свое отношение к возможной встрече они выработать успели. В общем, разглядев гостей, доблестные стражи порядка разразились предостерегающими криками и канули в рассветную мглу. Отвязанный капитаном шлагбаум печально уставился в небо. Рурк пожал плечами и газанул с места.

Грузовик мчался вперед, взлетая на ухабах и отчаянно грохоча. Все мольбы белого об осторожности и внимательности черные воспринимали как птичьи трели — привычно и бессмысленно. Казалось, колдуны собираются пробить к своей цели прямой тоннель, но тут из темноты возник первый дорожный знак и Рурк неожиданно вспомнил о правилах — Ли Хан чуть не протаранил стекло лбом. Впрочем, радоваться было рано — сами са–ориотцы о том, что означают линии разметки, вспоминали от случая к случаю.

Утреннюю тишину взрезало оглушительное бибиканье — спокойно тащиться за тележками утренних развозчиков и терпеть пешеходов, снующих через дорогу взад–вперед, Рурк не желал. Обнаружив за спиной взревывающий и напирающий грузовик, прочие участники уличного движения жались к поребрику и спешили куда–нибудь свернуть. Нельзя сказать, что так ехать получалось быстрее, но веселее — это точно. Теперь пропустить визит колдунов в Арх–харам мог только слепоглухонемой инвалид, начисто лишенный любопытства.

Ли Хан указывал путь, зажатый между матерящим горожан водителем и капитаном, втиснувшимся в кабину за компанию. Шаграт висел на подножке, делая вид, что контролирует путь, и мешая обзору. Остальные не отставали: подняли края тента и теперь высовывались оттуда, подавая Рурку советы. То, что грузовик ехал прямо и никого не задавил, было воистину чудом господним. В конце концов, белый просто перестал смотреть по сторонам, чтобы не огорчаться.

Торговый квартал отнесся к агрессивным гостям со смирением праведника (баррикад на улицах не наблюдалось), и Ли Хан поймал себя на мысли, что присутствие колдунов настраивает его на воинственный лад — хотелось творить справедливость и сеять отмщение (не иначе — наведенный психоз). Злосчастную гостиницу нашли легко, ее владельца,

получившего в награду за донос грузовик, все равно не работающий без охранного амулета, быстро поймали и прежде, чем успел вмешаться куратор, избили. Выражать недовольство происшедшим в присутствии капитана Ридзера бедняга не решался (как бы хуже не вышло), зато на все вопросы отвечал искренне и без утайки (осторожно прижимая к свежему фингалу медный черпак).

"Да, донес. Господь с вами, какие нынче деньги! А вот наказание за укрывательство по–прежнему действует. Да и не думал, что так обернется — мало ли, у кого заморский грузовик есть, не такие чудеса видели. С господина купца не убыло бы, а простому человеку — спокойно".

Впрочем, самооправдания доносчика белого интересовали слабо, а вот куда именно увезли некроманта уточнить не удавалось. Нужно было искать других свидетелей.

— Это принципиально? — хмурился Ридзер.

— Да! В Тусуане несколько мест, куда могут доставить заключенного.

— Буф! — напомнил о себе пес–зомби.

— При всем уважении, — немедленно отреагировал белый на нового оппонента. — У похитителей двенадцать часов форы. Одно дело, если они отправятся в резиденцию Наместника, другое — в представительство Школы Темного Истока или в один из питомников. Я не знаю, какие там сейчас порядки. Филиас поможет понять, по какому берегу нам ехать, но дальше тракт ветвится! Жизненно важно выбрать правильное направление — много времени на поиски местные власти нам не дадут. Помним, помним — Наместник стянул в Тусуан все доступные ему силы. Там квартирует целая армия!!!

Мысль о том, что в поисках хозяина придется полагаться на кота, псу–зомби явно не понравилась.

Ингернийцы остались упаковывать брошенные некромантом вещи (книги и алхимические инструменты вербовщиков не заинтересовали), а Ли Хан, здраво рассудив, что в такой работе его помощь не требуется, решил занятья делами более возвышенными. Например, с учеником поговорить. Праздно размышляя, не удастся ли вернуть хозяину похищенный велосипед, белый спустился к подъезду и обомлел: грузовика перед заведением не было, десять черных (и один белый) отправились гулять по Арх–хараму. Первым делом Ли Хан рванул на стоянку, чтобы убедиться, что Рурк по–прежнему копается под капотом побывавшей трофеем машины, и услышать равнодушное:

— Пес их разберет! Вроде, Ахиме обещал Браймеру рынок показать.

Какой из рынков — центральный, привозный или скотный, естественно, уточнить не удалось. Забыв об осторожности, белый рысью помчался к проспекту, пытаясь уловить на слух басовитый рев двигателя и мысленно понося предприимчивых колдунов. А, впрочем, на что он рассчитывал? В первый раз случилось то же самое.

На проспекте было подозрительно мало горожан и очень–очень много крепких мужчин–печатных в форме, правда не имперской, а городских цветов — предупрежденный постовыми градоправитель выгнал из казарм всех городских стражников. Белый в шоке огляделся — никаких намеков на то, куда свернули полоумные ингернийцы, видно не было. Два бело–бежевых стражника дружно указали ему вверх по улице. Ли Хан благодарно кивнул и помчался вдогон за грузовиком, презрев приличия и высоко подобрав полы халата.

Грузовик обнаружился перед поворотом к центральному рынку, пустой. Очевидно, дальше интересы пассажиров вошли в непримиримое противоречие и они отправились пешком каждый к своей цели. Естественно, по одному, естественно, не оглядываясь… Если бы вербовщики не поспешили уехать из города, их добычей могло бы стать целое подразделение ингернийской армии!

Ли Хан присел на подножку грузовика и вытер с лица пот. Чтобы не потеряться самому, проще было дождаться уцелевших у машины. Мимо спешили самые ранние прохожие: отправленные за продуктами кухарки, помощники купцов и мелкие чиновники. На улице, ведущей к рынку, четко прослеживались две цепочки обывателей: обеспокоенные появлением иноземцев спешили прочь, а любопытные — стремились попасть к месту действия и поглядеть на диковинку. Причем, каждый из этих горожан мог через полчаса явиться на городской телеграф и отстучать в Тусуан сообщение об иностранном вторжении. И тогда на въезде в долину их будут ждать отряды боевых магов и толпы гвардейцев–печатных — вообще ничем не защищенных от магии людей. Под ударами ингернийских армейских экспертов они падут, как спелые колосья, и воды Тималао окрасятся алым.

"За спасение одного будет заплачено жизнями сотен!" — шевельнулся в душе внутренний голос, и белый, с неожиданной для себя экспрессией, послал его… вдаль.

Если тусуанский Наместник пожелает истребить своих подданных — кто ему лекарь? Из всех потенциальных жертв некромант казался белому (тьфу ты, грех какой!) наиболее невинной. Кроме того, возможность переговоров еще никто не отменял, а гонор императорского масштаба в стране, прямым

ходом катящейся в ад — неуместен. Вон, местный градоправитель как–то обошелся без эпической битвы. Кстати говоря…

По противоположной стороне улицы, облаченный в богатый цивильный халат, в компании со слугой, прикрывающим хозяина от солнца вышитым зонтиком, прогуливался лично Ана'Кармар (а значит, и охрана градоправителя обреталась поблизости). Ли Хан вздохнул и отправился здороваться:

— Доброго дня, досточтимый! Примите мои искренние уверения в самых лучших намерениях. Эти чужеземцы — мирные путники. Я сознаю, что их поведение может показаться непочтительным, но будьте снисходительны — они представители иной культуры, просто незнакомые с обычаями Са—Ориота!

— Не спешите посыпать голову пеплом — они еще ничего не сделали, — тепло посоветовал белому чиновник.

(В лавке напротив Шаграт пытался купить водку, Ахиме одновременно успокаивал продавца и торговался. Добычу — полдюжины бутылей рисового самогона — сложили в большую корзину и в четыре руки поволокли к грузовику.) — К тому же, я считаю полезным загодя знакомиться с теми, с кем собираюсь вести дела.

Белый понял, что бездумно брошенная фраза о наемниках из Ингерники обретает плоть — если Ана'Кармар не сочтет чужаков слишком опасными, наверняка, пошлет кого–то для налаживания деловых контактов (что б такой опытный босс, да не имел выхода на контрабандистов!).

— Теперь вы сможете убедиться, что интересы этих людей просты и незамысловаты, — вздохнул белый, наблюдая, как довольный Румол несет к грузовику связки копченых кур. — А бессмысленное разрушение им не свойственно. Подобрав подходящие аргументы, их всегда можно склонить к взаимовыгодному сотрудничеству.

— Не испытываю в этом ни малейшего сомнения, — отозвался Ана'Кармар. — Поверьте, для того, чтобы разбираться в людях, не обязательно быть магом. Если солдаты, попав в чужой город, идут на рынок и платят за товар деньги, с этими солдатами можно иметь дело!

И тут, словно задавшись целью опровергнуть слова чиновника, из ближайшего переулка вынырнул колдун с путаным кошачьим именем и принялся пересчитывать содержимое шелкового кошелька.

— Откуда взял? — сурово окликнул его Ли Хан.

Колдун лишь отмахнулся:

— Да тут печати на каждом доме — целковый за обновление

без торга отдают. Эх, я бы за неделю здесь такие деньги поднял! — тут взгляд черного упал на лавку, торгующую мылом и притираниями. Маг прищурился, незаметно почесался и пошел на цель.

— А вы не хотели бы обновить амулеты? — обреченно поинтересовался белый у градоправителя.

— Мне кажется, что ваши друзья слишком спешат, чтобы заниматься столь масштабным делом с должной ответственностью. К тому же, утром молния ударила в здание телеграфа, и мне нужно лично проконтролировать ход восстановительных работ.

— О! — понятливо кивнул белый. — И сколько продлиться ремонт?

— Два дня, не больше. Кстати, вы в курсе, что школа изгоняющих в Гратте расформирована?

— Да что вы говорите!

— Да, да, все укрощающие вывезены на юг. Ну, не буду вас задерживать.

И мудрый градоправитель (да продлят небеса годы его жизни!), не спеша, удалился вниз по улице.

Вовремя! К месту сбора стали стягиваться колдуны, хвалящиеся друг перед другом покупками. В целом, приобретения разделялись на два вида: блестящее и съедобное. Сувениры из арх–харамского стекла отправлялись в личное имущество, а корзины с едой подвергались немедленному разорению. Глядя на черных, с упоением жующих экзотические деликатесы, белый пожалел, что не нашел времени купить орехов в меду. Козинаки тут совершенно особенные…

От гостиницы подтянулся грузовик с отставшими. Разговор белого с чиновником от куратора не укрылся (вот ведь глазастый!).

— Что, знакомых встретили? — подозрительно прищурился он.

— Я уточнял наш маршрут! — огрызнулся Ли Хан. — Теперь точно известно, что в Гратту нам не нужно. Кроме того, я получил уверения, что в ближайшие два дня в городе не будет работать телеграф, а значит, к нашему появлению в Тусуане не успеют подготовиться. Но ехать придется быстро! Все готовы?!!

— Не, — помотал головой Рурк. — Капитан бабе цацки покупает!

Белый спрятал лицо в ладонях.

Ридзер изволил явиться через полтора часа, довольный, как слон. В руках он нес пирамиду коробочек, обернутых расписной рисовой бумагой и перевязанных шелковыми лентами. Образу

сурового боевого мага такие приобретения решительно не соответствовали. Сосредоточенно упаковав добычу в походный сундучок, колдун удовлетворенно хмыкнул и огляделся:

— Ну, что, кого ждем?

— Никого, — вздохнул Ли Хан.

Рурк вжал в пол педаль газа. Ощущение падения вверх усиливалось. Дар, упрямо молчавший полгода, настойчиво давал о себе знать.

И — не видно, ничего не видно.

Глава 16

Наверное, я — единственный черный маг, которого люди похищали больше одного раза в жизни. В смысле, настоящие колдуны либо героически гибнут, либо навсегда отбивают у окружающих желание заниматься чем–то подобным. А вот я на рекорд пошел: это был третий (третий!!!) раз. Даже не знаю, считать это проклятьем или показателем популярности.

Обстоятельств не помню: вот я ужинаю в трактире, а вот уже погружаюсь в пушистое розовое облаком, плавно переходящее в глухую черноту. Из забытья меня вырвал запах нашатыря, словно выключатель: вот ты здесь и сразу — уже там. На первый взгляд, я находился в своей гостинице, но чужой комнате и люди вокруг толкались какие–то незнакомые. И, судя по неприятному, но знакомому холодку в груди, магия была мне недоступна.

— А-чу хо–ха? — задал я вполне логичный в данной ситуации вопрос и попытался прокашляться.

Растолкавший меня хмырь разразился водопадом фраз на непонятном наречии. Спрашивается, зачем я с Ли Ханом са–ориотский учил, если теперь ни слова не понимаю?

— А-чу? — без всякой надежды уточнил я.

И этот гад врезал мне ногой по ребрам!

— Во–чу?!! — вырвалось у меня совершенно естественно.

Кандидат в покойники плюнул на пол и отошел. Ничего–ничего, мужик, я тебя уже запомнил!

На место одного идиота подошли еще двое. Меня подняли, усадили и стали рассматривать со всех сторон.

— Похоже, заморского наречия он не знает… — заговорил один из похитителей на понятном мне языке.

"Ах, так это был ингернийский! Ни в жизнь бы не догадался"

— … да и на порченного не похож.

Тронутыми порчей в И'Са—Орио-Те именовали черных.

"Да, да, детка! Я — не порченный. Только оковы с меня сними".

Но чувство самосохранения этих людей еще не покинуло.

— С этим пускай укрощающие разбираются, — отозвался второй. — Оно нам надо, инициированного на руки получить?

Подход разумный, но все равно не понятно, почему они до сих пор живые.

— Говорю же — Дархут облажался! — горячился первый. — По ориентировке грузовиков должно быть два, а с пастырем — полтора десятка сопровождающих. Где они?

— Но пастырь–то налицо! — резонно возразили ему. — И

машина не наша.

— Амулеты у Дархута тоже не наши, но это ничего не доказывает.

Логического решения противоречие не имело, и оба спорщика сосредоточились на мне.

— Говори, где пастырь?

— Не знаю! — честно ответил я, мысленно пообещав дать Ли Хану пизды.

— Как звать?

— Томша.

— Откуда родом?

— Из Миронге.

— Чем занимаешься?

— Вожу машину.

— Где твоя пайза?

— У хозяина Ли!

С этого момента я все вопросы без колебания переводил на белого. Зачем приехали? — Хозяин знает! Куда направляетесь? — У хозяина спроси! И при этом я непрерывно улыбался и кланялся, что сидя делать было не так–то просто. А какой выбор? Они рассматривают меня в упор! Стоит мне остановиться или хотя бы нахмурить брови, как моя видовая принадлежность станет очевидна любому, кто не слеп. Фиг им! Я не черный, я не черный! Я просто дурак, раз с Искусником связался. Куда слиняла эта хитрожопая сволочь?!! Надо надеяться, что он хотя бы Ридзера предупредит о том, что со мной произошло.

Не найдя способа прищучить Ли Хана и не сумев завести трофейный грузовик (ключ у хозяина Ли!), са–ориотцы решили довольствоваться тем, что есть — мной. Ко входу в гостиницу подкатила жестяная таратайка (убогий уродец с все тем же двигателем на спирту), вербовщик и его охрана (четыре человека и черный) уселись в нее сами, загрузили меня и надыбанные из номера белого вещи, а потом с легким сердцем отправились в путь.

Естественно, первым делом я попытался установить, куда мы едем.

— Мы держим путь в тусуанскую Школу Темного Истока! — немного высокопарно объявил один из охранников. — Волею светозарного Анатари'Шарпа ты избран для служения народу империи. Радуйся!

Надо ли говорить, что счастья от возможности послужить тусуанскому Наместнику я не испытывал? Наоборот, меня мучило подозрение, что мы друг другу не понравимся. В голове не вовремя обозначился встревоженный Шорох.

"Уйди, собака, без тебя тошно! Все равно не поможешь ничем — светло тут, да и отвращающие знаки у них в порядке"

На прощание монстр испустил сложную эмоцию, которую по–человечески можно было сформулировать: "И как ты умудряешься все время влипать в истории?"

А что — я? Я ни в чем не виноват! Это все Искусник гадит.

Ладно, будем рассуждать логически: что можно сделать в такой ситуации? — Убить всех. А что, вариант хороший.

По идее, оковы должны были перекрывать мне доступ к магии наглухо (в Ингернике так и было бы), но сделаны артефакты оказались халтурно, эксплуатировались без понимания, поэтому что–то через печати, все же, сочилось. Про то, чтобы незаметно призвать Источник, речи не шло, а вот на обследование окружающего остатков моего дара хватало. Всю ночь я вдумчиво медитировал, изучая многокомпонентное проклятье на оковах, и нашел–таки в нем уязвимость, но просто так снять эту халубурду, находясь ее воздействием, оказалось невозможно. Чтобы сохранить контроль над потоками, следовало провести полноценный ритуал, с вычерчиванием пентаграммы, дюжиной хрустальных шариков и свечами как минимум двух цветов (думаю, черные и зеленые подошли бы). Кто ж мне такое позволит? А при попытке действовать нахрапом (удачной попытке) меня настигнет неизвестной силы откат, после которого Источник окажется на какое–то время недоступен. То есть, эти идиотские оковы я мог разбить на раз, но вот прибить одновременно всех охранников… На них тупо могла оказаться какая–то неучтенная мной защита, и тогда меня самым пошлым образом зарежут.

Но они ведь не смогут держать пленника в наручниках вечно? В какой–то момент им придется их снять, и тогда… А пока лучше не давать даже намека на мою реальную силу. Нет, я не боялся (это — никогда), но по опыту знал, что игра мышцами без возможности их применить выглядит глупо. Зато потом можно будет сделать вид, что я сидел в засаде, весь из себя загадочный и непредсказуемый — бешенных отморозков даже черные сторонятся.

Алхимик решил — алхимик сделал.

Вы думаете, что притворяться оказалось просто? Если бы! Эти кретины словно сговорились меня довести.

Черный постоянно что–то жевал и не делился

(Сволочь!). Скучающие охранники бились об заклад, какой у меня будет уровень после Обретения Силы — первый или второй. Первый или второй!!! Да первый — это вообще не маг, так, деревенский знахарь с Источником, а второму большая часть

классических заклинаний недоступна — контроля не хватает. Про оперативные проклятья я вообще молчу — только пентаграммы, только жонглирование четырьмя сотнями колдовских ингредиентов и молитва всем святым. Что хуже — маги низких рангов почти не растут в силе. Естественное ограничение в характеристиках канала! То, что достается им во время Обретения — практически и есть их потолок.

Предки, дайте мне терпения! Я же сейчас наплюю на конспирацию и попробую открыть им глаза на реальность.

До Тусуана казенная развалюха добиралась два дня, а ночевать меня всякий раз оставляли в кузове (холодно!), еды вообще не давали, только кружку воды и благочестивые поучения. Ненавижу!!! На третье утро я созрел для того, чтобы идти на прорыв, но тут мы приехали в вотчину тусуанских черных и новые впечатления на время приглушили раздражение.

Это надо было видеть.

Тусуанская долина — река, прихотливо извивающаяся в каменном ложе, зеленые террасы полей, уходящие в туманную даль, редкие клочки дикого кустарника в верхней части склонов, пейзане с корзинами роются в рядках жопой вверх. Лепота! И вдруг вы видите нечто, до боли напоминающее кучу строительного мусора, сваленную на крохотном пяточке земли до высоты четвертого этажа (у нас на городских свалках делают что–то подобное). Вокруг кучи копошатся черные точки, словно разворошенный муравейник. Полное впечатление, что все рухнуло, а обездоленные жители спасается бегством.

Вот это и есть поселение черных в понимании са–ориотцев!

Водитель громко бибикнул и прибавил газу (зря, не с его тормозами лихачить!). Некоторое время склон и кабина загораживали обзор, а потом город са–ориотских черных возник впереди, как удар под дых.

Как увеличить вместимость поселения, не раздвигая его границ? Правильно, заполнить по объему!

Я видел Финкаун, где дороги строят в три уровня, я видел Хо—Карг, где в старых кварталах дома стоят даже плотнее, но я нигде не видел, чтобы строили настолько… без балды. Чтобы строения, вытягиваясь вверх, налезали друг на друга ПО ОЧЕРЕДИ, превращая улицу в подобие расчески. Чтобы первый этаж был деревянный, а второй — из кирпича. Чтобы черепичную крышу ремонтировали дранкой. Чтобы стены красили вообще не задумываясь, как канареечно желтый сочетается с бежевым, а оранжевый — с салатовым, и, естественно, не заморачиваясь таким понятием как "колер". Разница цвета позволяла отчетливо проследить, где у маляров кончилось одно ведро краски и

началось другое.

От такого зрелища я припух и на некоторое время утратил способность адекватно реагировать на происходящее. За это время меня успели высадить из драндулета (не снимая оков), поставили перед капотом и попытались задавить. Я, с наслаждением, потянулся, подпрыгнул и несколько метров проехал на бампере, а потом меня согнали и заставили идти пешком, подгоняя гудками и руганью.

Оказалось, запланировано некое шествие, или своеобразное знакомство новичка с местным обществом.

На единственной проезжей улице селения быстро собиралась возбужденная толпа. Честно, я не сразу понял, что она встречает меня. Маразм! Чтобы черный интересовался другим черным? У нас в Краухарде на такую встречу принципиально никто не пришел бы (а вот потом, потихоньку, постарались бы выяснить, что за перец приперся и на что он рассчитывает). Здесь же все высыпали наружу, глазеют, пихаются (!) друг с другом.

Наивного паренька из глухой деревни прямые взгляды и агрессивное внимание, вероятно, привели бы в смятение, но выпускнику редстонского университета все было нипочем — два–три доклада перед аудиторией в сотню нахальных студентов и тебе сам Шорох не брат. И потом, мне на мнение этих придурков плевать — я среди них жить не собирался, а вот посмотреть на то, как устроились са–ориотские черные, стоило.

Первой бросалась в глаза нищета. Не оборванная одежда и голодный вид, нет, а тот неуловимый налет неустроенности, который отличает трущобы от места жительства добропорядочных граждан. Устойчивый запах кухонного чада и прокисших тряпок, штукатурка на домах, обновленная пятнами, ремонт, произведенный посредством заплаток и подпорок. Облупленные стулья занимали место скамеек, а кастрюли претворялись цветочными горшками — вещи, доживающие второй, а то и третий срок. Сомневаюсь, что тут никто не сумел бы сколотить скамейку, скорее, у людей отсутствовал образец для подражания, о котором так поэтично толковал Ли Хан, а свойства черной натуры не позволяли изобрести его самостоятельно.

Про образец, это я о том, что обычных людей мне на глаза не попадалось. Дикость! Как это тут все не поубивали друг друга? Они же черные! Нам только дай волю — каждый будет жить в собственной башне, чтобы ни одной живой души в пределах видимости. А тут плотность населения выше, чем в казарме армейских экспертов. Раздражение от присутствия себе подобных выливалось у са–ориотцев в строительство заборов — их городили в немыслимых количествах, почти вокруг каждого дома,

а в некоторых случаях — поперек крыльца. То есть, оцените: дверь открывается, а дальше каждый спускается по своей половине ступенек.

В центре городка красовалось что–то вроде ратуши (облупленное здание вполне ингернийского вида) и привычный по Са—Орио фонтан без статуи, словно остатки божественного замысла. Окунуться в фонтан мне не дали и к попытке напиться отнеслись без понимания, но тут я уперся и похитители решили не позориться. К подобной поблажке зрители отнеслись как к личному оскорблению и часть негодования толпы обрушилась на моих сопровождающих. На представителей власти! (Или я чего–то не понимаю?) В Ингернике Ридзер мог бы выйти к своим в одной фуражке и подчиненные приняли бы странности начальства в благоговейном молчании — субординация и еще раз субординация. Нет, я понимаю, что необходимость подчиняться принимается черными с трудом (сам такой), но боевой маг, не принимающий безоговорочно авторитет властей, опасен для общества. Как са–ориотцы собираются держать в узде всю эту публику?

Чем больше я смотрел вокруг, тем больше убеждался, что попал в компанию ненормальных.

И что характерно: патология, похоже, была врожденной и наблюдалась уже у детей, которые бесились в толпе, словно бесхвостые мартышки (если припомнить, этот диковинный зверь где–то в Са—Орио и живет). Они пронзительно вопили, прыгали, беспорядочно размахивали руками и толкали друг друга. В Краухарде ребенка за такое поведение выдрали бы и заперли дома на неделю — черную натуру нужно приучаться держать в узде смолоду. Здесь на это никто не обращал внимания. Я представил себе моральные качества тутошних обитателей и меня передернуло. Жесть, как она есть! О цивилизованной дискуссии можно забыть, только самые простые доводы, только опора на инстинкты. И вообще, зря я столько ждал: вряд ли они умеют обращаться со сложными амулетами.

Естественно, кто–то решил отличиться: тощий хмырь вылез из толпы и принялся трясти перед моим лицом фигней, напоминающей ублюдка от сношения блюдца, стразов и макраме, в общем, такой оплетенный разноцветными шнурками диск с аппликацией. Стекляшки по его краю ритмично меняли цвет с белого на голубой и, по моему, ни на что большее этой побрякушки не хватало. Я метко харкнул в убогий амулет — волшебство не пережило столкновения с солоноватой жидкостью (Да, мистер Ракшат и таким способам нас тоже учил! Я два месяца тренировался прежде, чем началось получаться). Потом

мы всласть повалялись по земле, тузя друг друга, мне почти удалось придушить противника оковами, но тут вмешались похитители и растащили нас. Причем, взгрели только меня. Несправедливо!!!

Последнюю сотню метров до окраины мы проделали под возмущенный рев толпы, как–то незаметно отодвинувшейся за пределы моей досягаемости. Инстинкт сработал! Чуют, собаки, что медведь пришел.

Город черных закончился так же резко, как начался, разве что воняло с этой стороны сильнее. Вербовщики загнали свой фургончик в сарай и дальше пошли пешком, но не потому, что в этом имелся какой–то сакральный смысл, просто дорога дальше была такая, какую может одолеть только мощный армейский грузовик, а их таратайка продержалась бы до первой колдобины. Мы лавировали между ям, камней и промоин. Долго шагать в оковах было нелегко и я снова начал злиться.

Это хорошо — к врагу надо относиться серьезно. Следует сосредоточиться и настроиться на боевой лад (излишне самоуверенные колдуны умирают быстро и мучительно!). Кто знает, какие сюрпризы они подготовили? Сейчас я увижу здешнюю школу черных магов, а там…

Там, ага. Видно, придется пропадать — черномагическая суровость сделала мне ручкой.

Какой следующий по популярности после посоха и колпака стереотип относительно волшебников? Ну, конечно же, черепа! И тут они присутствовали в ассортименте. Кладбище — не кладбище, погост — не погост, в общем, дорогу к здешней школе кто–то неизвестный решил декорировать разобранными человеческими костяками. В начале этот кто–то пытался сымитировать крепостную стену, потом энтузиазм был утрачен и четкие линии превратились в неаккуратные завалы. Позднее мода, должно быть, изменилась, и разрозненные останки стали выкладывать в форме ступенчатой пирамиды, но и ее не закончили. Конвоир оглянулся, чтобы посмотреть, какое впечатление на меня произвел подобный вид, нахмурился и дернул за веревку, принуждая шагать быстрее. А что мне нужно было изобразить, шок и трепет? Я не настолько хороший актер. Эта дрянь воняла! Похоже, что черепа даже не удосужились выварить. Где красота и изящества, присущее коллекции моих предков–некромантов? Где полированная кость, драгоценная инкрустация и памятные надписи для благодарных потомков? Такое впечатление, что са–ориотцы забыли, для чего черным магам нужны человеческие останки и хранили мертвечину по привычке. Тьфу, надругательство над ремеслом!

После такого зрелища

Школа Темного Истока уже не могла разочаровать — бараки, просто каменные бараки под тростниковыми крышами. Нежилые (за исключением крайнего левого). Отдельно — домик для руководства.

Мы прошли в большие ворота, когда–то покрытые красным лаком (он даже сохранился кое–где), и за нашими спинами сомкнулась магия — защитный периметр, первое сколько–нибудь сложное колдовство, увиденное мной в Са—Орио. Причем, если я правильно понял назначение вон тех вон шипастых висюлек на столбах, рабочей стороной он обращен вовнутрь, что делает его ключевые элементы недостижимыми для персонала школы. То есть, выйти отсюда мы могли только при помощи извне.

Оригинально. Ну, понимаю — подневольные ученики, а остальные здесь на каких правах? Пофиг. Нет такой стационарной защиты, которую не смог бы свернуть умелый маг (если не в лоб, так при помощи ритуала).

Вокруг снова начала собираться толпа, для разнообразия — в форме. Ну, как толпа — два десятка мужиков, все — старше меня, все — с признаками богатой магической практики (есть что–то в опытных колдунах такое… пронзительное). На меня они смотрели, как на дойную корову, купленную соседом по случаю — скептически (дождемся ли молока?). Ну–ну. Дайте срок, я вам таких сливок навешаю, на всю жизнь запомните! Но глубины своего попадалова они пока не понимали.

Я рассчитывал на обед, но местные решили сэкономить. В чем–то это логично: зачем переводить продукты на того, что через четверть часа может откинуть копыта? Ритуал Обретения Силы было решено провести немедленно.

Никакой страховки, никакого формирующего знака (любой степени извращенности) у са–ориотцев не имелось. Все по старинке: обращение к черному Источнику обеспечивалось приливом отрицательных эмоций. Для ритуала был приспособлен даже не полигон, а скорее — арена: скамейки для зрителей, полог от солнца, шелуха от орехов. Амулетная защита до уровня чуть выше головы (с ходу предложу три способа ее обойти, даже не пробивая), натыканные по периметру столбики, зачарованные на что–то несложное. Страна непуганых идиотов… На что они рассчитывают, на что?!! Они ведь работают с молодыми черными, не один год. Неужели никто из безбашенных малолеток не научил их уважению к Силе?

И тут на меня снизошли удивительная легкость и спокойствие, истина открылась мне во всей ее неприглядной полноте. Все просто: в И'Са—Орио-Те не было боевых магов,

только чистильщики. Все эти их ужасные колдуны (порченные — очень точная характеристика) по меркам Ингерники — мелкая шелупонь.

И первая же их ошибка станет для них последней.

Появились новые действующие лица: полуголый толстяк, на фоне местных — великан (но все равно ниже Ридзера на полголовы) и молодцеватый щеголь в жалком подобии парадной формы все того же капитана. То есть, я понимал, какое впечатление они пытались произвести (для черного — невероятная прозорливость!), но, раз увидев моего прежнего начальника Сатала (что б он издох!) и его креатуру Фатуна, подобное нельзя было воспринимать иначе, нежели как клоунаду.

Толстяк два раза сильно ударил меня под дых. Было не столько больно, сколько непонятно: это у них что, такой метод пробуждения Источника или доказательства собственной крутизны? В любом случае мимо. Толстяк убедился, что разогнуться сразу я не смогу, вытолкнул на огороженный амулетными столбиками пятачок и… снял с меня оковы. Причем, далеко убегать после этого не стал, а пристроился в первых рядах зрителей. Самоубийца, не достойный видеть солнца!

Урод в отглаженном мундире ухмыльнулся и снял с пояса кнут. Я многообещающе улыбнулся в ответ и призвал Источник. Впервые за много дней волна потусторонней энергии хлынула в жилы, растеклась по телу и ударила в голову, разом разбудив во мне все худшие качества боевого мага — нетерпимость, злопамятность, кровожадность. Я едва не забыл, насколько это здорово!

Вот теперь–то мы похохочем.

С лица изменились все. Зелень в исполнении смуглых са–ориотцев выглядела так забавно, что я на секунду отвлекся, и мои жертвы стали стремительно разбегаться.

— А ну, стоять!

Кто б меня послушал… Два часа я носился по лагерю за этими сумасшедшими, пока не загнал всех в отхожую яму. Почитай две дюжины обнаглевших ничтожеств забились в нужник, и сидели там тихо, не булькая. Легкость одержанной победы давила на мозги и требовала продолжить веселье. Не знаю, чем это кончилось бы для моих обидчиков, но в живых остались бы немногие. Са–ориотцам повезло — пока я придумывал, как достать их из дерьма, не испачкавшись (от наплыва страждущих смердящая жижа вышла из берегов), периметр с треском распался и в лагерь, пердя моторами, вкатились знакомые грузовики. Причем, что характерно: заехали они в него с другой стороны, чем я — откуда–то сверху по склону.

Правильно: возьмем местных в клещи и ка–а–ак…

Увы, к злобному веселью мои соотечественники присоединяться не пожелали.

— Что ты наделал? — подступил ко мне Ли Хан.

— Почему — я?!!

Из нужника высовывали головы самые отчаянные засранцы.

— Жертвы есть? — деловито уточнил Ридзер.

— Сам смотри, я туда не полезу.

Будто у меня других дел нет! Вот, например, мой зомби без ухода и присмотра совсем поскучнел, сальчу какие–то сволочи всю сперли. Да пусть она им поперек горла встанет!

И еще — надо осмотреться насчет трофеев. А то скажут: "Тангор в Тусуане был и ничего не взял" — несолидно.

Первым делом осмотрел подозрительные столбики вокруг арены, оказалось — самые примитивные поглотители, какие я только встречал. Мне, конечно, в наших училищах для "чистильщиков" бывать не приходилось, но сомневаюсь, что даже там позволяют себе такую халтуру. А са–ориотцы этим мага собирались удержать! Жертвы деградации.

Мою возню с амулетами прервал Ридзер.

— Ты бы еще вшей ловить сел! — рыкнул он. — Живо в машину и ходу отсюда! Сейчас они подтянут из города основные силы…

— Ха! — я демонстративно развалился на скамейке и закинул ногу за ногу. — Мужик, то, что ты видишь — лучшее, что у них есть! Поверь мне, я их городишко уже осмотрел, — только не надо объяснять, в каком качестве. — Можешь спокойно ссать им на головы, ничего, кроме вони, в ответ мы не получим.

Ридзер вспомнил опущенную в сортир публику и не смог сохранить суровый вид. Примитивный юмор — наше все!

— Как же они тебя, такого крутого, заломали?

Ответ на этот вопрос я заранее обдумал со всей возможной тщательностью.

— Да я сначала просто припух от их наглости. А потом меня такое зло взяло, — кстати, истинная правда, — что до смерти захотелось узнать, кто тут такой умный!

Я кивнул на цепочку смердящих фигур, целеустремленно уползающих в чертополох. Приятного им путешествия! У меня после знакомства с этим растением до сих пор шрамы не сошли.

— Ну, и на вещички рассчитывал, — я скользнул взглядом по бесполезным поглотителям. — Тут они меня обломали.

Ли Хан закончил инспекцию лагеря, не нашел никаких трупов и вернулся назад, почему–то недовольный. Перепуганный Ахиме наступал ему на пятки, но в обморок не падал (прогресс!).

Я помахал белым рукой.

— Кэп, тут нет колодца, — подошедший Рурк приветствовал меня небрежным кивком. — Что делать будем?

— Я знаю, где найти воду! Но сначала…

Обыск лагеря изгоняющих был сделан быстро, но профессионально. Сняли с ворот медные светильники (понравилась форма), выломали из стен заготовки под печати, все равно не используемые по назначению, где–то откопали шесть штук фарфоровых ваз весьма изысканной формы (подозреваю — рукомойники), Шаграт вынес из домика местного начальства цветные коврики, в кабинете главного босса отыскался халтурно замаскированный сейф. Монеты, письма, свитки с печатями, какие–то бляхи — все отправилось в мешок. Я повертел в руках и добавил в кучу три книги с черепами и костями на обложках (содержимое — выдеру, а переплет использую под дневники). Сваленным в кучу останкам устроили крематорий (есть в боевой магии проклятья, от которых даже кости горят как трут). Серьезно обсудили возможность снести все это убожество до основания, но тут из города приперся какой–то унылый тип и стал раскладывать в пыли на дороге золотые монеты, цепочкой, уводящей вдаль (как бы намекая). Дождались, когда размер выкупа перевалит за третью сотню, и собрали все.

Ли Хан, наблюдавший за творящимся шабашем с омерзением, тщетно пытался испортить нам настроение:

— Почему вы решили, что власти не смогут призвать вас к порядку силой? Вот вы тут безобразничаете, а они там — готовятся!

— Забей и забудь! Сильных черных тут не может быть в принципе, — я потыкал пальцем. — Смотри, они живут в КАЗАРМЕ! А до обучения допускают только самых ПОСЛУШНЫХ!!! И еще удивляются, что у них уровень выше четвертого не поднимается — все, кто сильнее, дохнут еще на обретении. Потому что вот, — я указал на догорающий погост. — Черные, конечно, одиночки, но люди же! Даже мы не можем спокойно относиться к смерти себе подобных, иначе не существовали бы до сих пор. Здешняя система идеальна для того, чтобы выкосить носителей черного Источника, не допуская бунта. Возможно, у них получилось бы, но нежити успеют первыми.

— Возможно, черные должны…

— А нежити тебе что–нибудь должны? Так пойди и стребуй!

— И что вы предлагаете сделать?

— А почему мы должны что–то делать? Тьфу на них! Мы едем в Кунг—Харн!!!

За бериллами, и заберем их все до единого, ничего не

оставим!

Мы демонстративно проехали по убогому прибежищу са–ориотских колдунов, вызывающе ревя моторами и походя снеся несколько заборов (грузовики не вписывались в поворот). Городишко словно вымер, ни одного желающего оскорбить нас взглядом, тем паче — возмутиться, нам не встретилось. Мы долили в радиаторы воды из фонтана на центральной площади, от души плюнули в него и уехали с сознанием выполненного долга.

Глава 17

Не так Су'Никар представлял себе возвращение в Тусуан, не так. Он, конечно, не ожидал цветов и песен, но полагал, что за недостачу лошадей Ана'Расе будет отчитываться сам. Вместо этого лидер отряда, задрав хвост, умчался на доклад к Наместнику и все хозяйственные хлопоты легли на плечи Су'Никара.

Хлопоты, а еще — новый пастырь, таскающийся за отрядом хвостиком, но при любой попытке заговорить шарахающийся прочь. Видать, решил, что ужасные колдуны его коллегу съели. И видят боги, если Су'Никар сегодня не пожрет нормально, так и произойдет.

Последние метры пути давались мучительно — все в горку, да в горку. Лареш, единственное в Тусуане поселение черных, манил впереди, однако именно сейчас слабость была недопустима: стоит позволить подчиненным улизнуть с вещами, и считай, что подарил — все, что удается донести до дому, черный считает своим законным трофеем. А за утрату объясняться кому?!! Су'Никар рыкнул на обнаглевшую молодежь и твердой рукой повел отряд к хранилищам, сдавать скотину и амуницию. И вот только там, слушая краем уха привычно бухтящего хозяйствующего, Су'Никар начал понимать — с городом что–то не так.

Сквозь пелену раздражения и усталости просачивались мелкие странности, отклонения от привычного хода вещей. Например, то, что в конюшне практически нет взрослых, тем не менее, оставленные без присмотра ученики гребут и скребут как очумелые (готовятся, что ли, к чему?). Внезапно припомнилось, что стражники на въезде в город караулили шлагбаум впятером, причем, именно караулили, а не кемарили в тенечке. Да и барыг, всегда первыми вылезающих навстречу возвращающимся отрядам, видно не было. Когда хозяйствующий спокойно, без воплей и разбирательства, расписался за утрату двух лошадей и шлепнул на приходный лист замысловатую печать, Су'Никара охватило легкое беспокойство.

Где все? Ночных гостей изгоняющий не чувствовал, а другого повода бросить работу на подмастерий не видел. И не поймешь: то ли Наместник всех со службы отпустил, то ли всеобщую мобилизацию объявили. А может (есть в мире место чуду!) проверяющие с юга приехали?

Нервозность командира передавалась отряду — подчиненные крутили головами, ученики уже вовсю шушукались с конюхами

(им можно — статусом они не рискуют), а вот вожаку требовалось отреагировать на вызов вне зависимости от обстоятельств (продемонстрировать, так сказать, уверенность в себе).

Су'Никар нахмурился. Что могло всех так торкнуть? В голову лезли предположения, все как одно — безумные. Стараясь выиграть время, изгоняющий вышел на улицу и напряг память, пытаясь воскресить в уме проделанный путь, любые встреченные на дороге странности. Что–то ведь бросилось ему в глаза… На повороте — широкий след, смятая большим полукругом трава, обтрепанные ветки разросшихся у дороги кустарников… Довольно высоко, надо сказать, обтрепанные, выше, чем от телеги.

Су'Никар прикинул время, возможный маршрут, время и поймал за шиворот ближайшего конюха (запечатанного малолетку, из безнадежных):

— Тут на днях два больших грузовика не проезжали?

Мальчишка лихорадочно закивал, потрясенный его проницательностью. Су'Никар брезгливо оттолкнул мелкого.

— Что–то мне уже домой не хочется, — С'Анишу погладил раненное плечо.

Су'Никар расправил плечи:

— А вот я — пойду!

И пошел, потому что бегать от неприятностей недостойно изгоняющего. Кроме того (следует посмотреть правде в лицо) податься им все равно больше некуда.

Хранилище амуниции было последним зданием на его пути, построенным с оглядкой на Уложение (и двойной защитой — без нее никак, когда рядом живет такая гопота). Миновав добротные ворота, дорога вздыбливалась подобием брусчатки, а дальше, за невидимой линией несуществующей ограды, начинался разноцветный хаос построек, в которых только наметанный взгляд изгоняющего мог признать человеческое жилье.

Стражники у шлагбаума поглядывали на вновь прибывших с заговорщицким видом. Су'Никар скрипнул зубами и ни о чем не спросил: пошло любопытничать — недостойно боевого командира. Лареш — это вам не Крумлих и даже не Суроби–хуссо, тут параграфами Уложения не отделаешься. В городе практиковался свой, совершенно непонятный для посторонних этикет, ревниво хранились традиции, для обычного са–ориотца выглядящие как подсудная ересь. Каждый из почти тысячи обитавших в Лареше черных точно знал, что может себе позволить, когда и по отношению к кому, причем, никакой связи с Уложением это знание не имело. Нельзя сказать, что пастыри ни о чем не догадывались, но… Последний случай "боевого

безумия" среди местных случился десять лет назад, несмотря на обилие полудиких новичков и общие для всей империи сложности (своего рода достижение!). Наверное, поэтому Лареш и не трогали.

Существовал ли при закладке тусуанского питомника какой–либо план, никто доподлинно не знал, но, по прошествии множества лет, нескольких пожаров и одного землетрясения, всякие следы разумного замысла поселение черных покинули. Главная улица лихим зигзагом распихивала дома, в стороны от нее разбегались переулки и лестницы, про которые невозможно было сказать, кончаются ли они тупиком или пронзают город насквозь. На весь Лареш приходилось три официальных почтовых адреса, поэтому вывесками и нумерацией домов никто не заморачивался. Говорите, не удобно? Кому? Свои дорогу и так знают, а чужим скидок не полагается. Зато изгоняющие в форме (любой степени затасканности) чувствовали себя в Лареше хозяевами жизни и имели уважение.

Су'Никар быстро научился принимать здешние порядки как нечто само собой разумеющееся, но сегодня шел по знакомым улицам, словно по проклятым руинам — упругим скользящим шагом. Лареш гудел, как опрокинутый медведем улей, однако уловить, что в ритме городской жизни что–то изменилось, могли далеко не все.

Тут всегда гомонили, почем зря, любой разговор на взгляд непосвященного напоминал ссору, голоса никто не понижал, а споры и выяснения отношений не то, чтобы ежеминутно вспыхивали — они не на секунду не прекращались. Откуда постороннему знать, что яростные перебранки протекают по раз и на всегда установленным правилам, словно рыцарские турниры? Сейчас для Су'Никара было очевидно: по–настоящему ссорящихся людей на улице нет, вообще. Нынче тусуанским изгоняющим было не до иерархии: общество людей, незнакомых с концепцией страха, пыталось выработать реакцию на ужас и моральный террор. Горожане (черные, естественно, все — черные!) тусовались группами, объединяясь по каким–то не проявлявшимся доселе признакам, и обсуждали на все лады одно–единственное происшествие. Потому что ингернийцы не просто заглянули в Тусуан на огонек (Су'Никар еще на побережье понял, что такой исход — дело времени), а заявились с претензиями и миндальничать с подданными Наместника не стали. В бодром темпе, не заморачиваясь получением разрешения или хотя бы разведкой, приехали, взяли все, что могли, и отчалили, в буквальном смысле плюнув обществу в душу. Настоящие колдуны!

Но главное повод, повод!!! Су'Никар просто не верил своим ушам: сначала повязать мага, а потом от него же и огрести!

Погоня и возмездие не обсуждались — бесстрашие бесстрашием, а вот сумасшедшими волшебники не бывают (в смысле, одновременно — живыми и сумасшедшими). Пережитое потрясение уверенно трансформировалось в поиск виноватых (кто припер сюда эту сволочь?!!) и признание за чужаками права на виру (раз уж деньги все равно уплачены…). Тем более, что потери были, в основном, статусные: агрессоры помяли заборы у Су'Яги и Су'Рижу, раздавили любимую скамейку Сай'Хирка (почтенный ветеран пребывал в трауре), и, неожиданно, превратили в героя дня С'Пачика, артефактора–недоучку, который умудрился получить от грозного чужака в глаз, дать сдачи и уцелеть. А вот положение укрощающих (традиционно — весьма прочное) серьезно пошатнулось…

Су'Никар остановился перед осквернённым питьевым фонтаном и покачал головой (трехсотведерный бассейн вычерпали и почистили, наверное, в первый раз от основания города). Вот ведь незадача! Положенный по Уложению отпуск он собирался провести, честно оплевывая потолок, а теперь придется потратить его на выяснение всех произошедших в городе изменений. С непроницаемым лицом он проследовал в свою квартиру и с удовлетворением отметил, что в такой узкий переулок грузовик точно не протиснется. Стоило двери захлопнуться за спиной, как все правила с шорохом вылетели у изгоняющего из головы. Он пинком отправил под кровать не разобранный вещмешок и, с наслаждением, растянулся на ней поверх одеяла (первое, что делает черный, вышедший из ученичества и получивший право на собственное жилье). Двигаться не хотелось.

Сходить, что ли, пожрать? — Надо переодеваться. А прежде, чем переодеваться — мыться, это на полчаса. Не охота. Су'Никар пошарил в тумбочке на предмет харчей и ожидаемо ничего не нашел (сам же перед походом все выкинул). Купить в лавке сухарей? — Все равно — мыться, переодеваться… Как трудно жить…

По дневному времени, в доме было на удивление тихо. За стеной не выяснял отношений с тещей и женой мастер–артефактор, этажом выше не бесились отпрыски Су'Кримча, которых давно пора было сдать в ученики, под окном не трындели старухи (особая каста — никогда не знавшие вкуса Силы, но при том способные загнать в гроб хоть темного рыцаря, только подойди). Су'Никар скрепя сердце признал, что визит иноземцев подействовал на горожан оздоравливающе: всякая

мелкая шобла, слишком слабая, чтобы работать, но отсутствием гонора не страдающая, резко осознала свое место в жизни. Давно пора было вправить паразитам мозги!

Под окном раздалось жизнерадостное посвистывание, нарочито громкое и настойчивое. Су'Никар выждал, чтобы убедиться — пришелец не собирается долбить в дверь уважаемого человека, и лишь затем пошел открывать. На ступеньках топтался посыльный — растрепанный мальчишка с диковатым взглядом (типичный ученик). Держась подальше от непредсказуемого взрослого и старательно глядя в бок, он сообщил:

— Я тут мимо проходил и случайно услышал, что господин Сай'Коси ждет вас вечером на ужин.

Естественно,

старик лично послал его за бывшим учеником, но прямо требовать что–то от другого изгоняющего считалось неприличным, и в ход шли такие вот намеки и оговорки.

— Вот как, — Су'Никаром принял утомленный вид и попытался решить, стоит ли бежать к старому наставнику по первому зову. Нет ли в такой поспешности скрытого оскорбления?

— Да, — вздохнул мальчишка и выдал сокровенное: — А ма Коси утку жарит, с черносливом.

Рот Су'Никара мгновенно наполнился слюной. Жена Сай'Коси удивительно хорошо готовила (особенно — для женщины из черных, которым простые ремесла обычно не даются), и хитрый старик бессовестно пользовался этим, чтобы удержать рядом повзрослевших учеников (слова, подкрепленные утиным бедрышком, действуют на черных лучше, чем просто слова).

— Утка — это серьезно, — кивнул Су'Никар, и мальчишка, правильно поняв намек, испарился.

Ну, вот, теперь волей–неволей придется отправляться в душ — явиться к наставнику в затрапезном виде изгоняющему не позволяла гордость. Вечером, когда каждое движение уже не заставляло неудержимо потеть, а холод с гор еще не вынуждал ежиться, он отправился за обещанной уткой.

Сай'Коси жил в доме у фонтана — опытный наставник, регулярно выпускающий в жизнь умелых изгоняющих (а не поставляющий кости на кладбище), мог позволить себе занять лучшее в Ларе́ше жилье. Блюдо риса и закуски уже ждали на столе. Ма Коси с независимым видом (черная!) поставила перед мужчинами тарелки с мясом (чтобы не устраивать вокруг еды возню, утка была предусмотрительно разделена на равные части).

Сначала поели. Су'Никар старательно подавлял желание засунуть свою порцию в рот целиком — походная жизнь портит

манеры. Сай'Коси невозмутимо жевал, но между делом, наверняка, оценивал произошедшие в бывшем ученике изменения. А они были! Су'Никар чувствовал себя… больше. Не в плане Силы — той не прибавилось — а в плане готовности ее применять. Это прямо противоречило духу Уложения, почитавшему высшей добродетелью повиновение и порядок, гарантировало в будущем большие неприятности, но прямо сейчас Су'Никару было хорошо.

Когда руки были отмыты от жирного и заняты чашками с чаем, Сай'Коси подал голос:

— Ну, и что вы там сотворили с вашим пастырем?

Су'Никар мысленно внес в свой рассказ поправку — о происшедшем с Т'Ахиме наставнику, наверняка, рассказал племянник. Но есть вещи, которые ученик заметить не мог, просто в силу возрастного скудоумия.

— Едем мы, значит, по береговому тракту, — начал издалека Су'Никар. — И вдруг видим следы. От грузовиков.

Если бы не привитая еще в учениках привычка отчитываться за каждый шаг, Су'Никар предпочел бы забыть все, как дурной сон. Ходил, понимаешь, заяц кабана травить — волк добычу отбил. В роли упомянутого ушастого и ощущал себя изгоняющий. Пастырю никогда не понять его чувств! Отряд отправился в опасный и ответственный поход, в итоге, цель — смылась, гостей гости же и прибрали, три недели гнались за уродами, только чтобы сказать: "Привет!". Всех достижений — учеников сберегли. Никогда еще он не выглядел настолько по–идиотски. А если Наместник завтра же не отправит в Суроби–хуссо карательную экспедицию, злые языки запишут Су'Никара в ревнители и хранители Уложения. К еретикам в пекло такую честь!

— Не печалься, — тонко усмехнулся старый наставник. — Тут теперь есть кое–кто, вляпавшийся гораздо глубже. Поверь, о тебе даже не вспомнят.

И рассказал. Спокойно так, без проклятий и божбы, словно ту самую байку о незадачливом зайце.

Су'Никар слушал, как зачарованный. Он догадывался, что иноземцы способны на страшное, но чтобы так…Нужно принести жертву богам! Не сбеги молодой пастырь так вовремя, с Ана'Рассе сталось бы погнать подчиненных в бой. Что, в таком случае, ждало бы отряд? — Смерть и увечья — в лучшем случае, потому что рассказ об унижении укрощающих заставлял естество Су'Никара болезненно содрогаться. Он бы такого не пережил! Да и где там было прятаться? Разве что в болото прыгнуть…

А вот Лареш смиренно принял на себя всю ярость оскорбленного чужеземца. Ну, и кто этих ослов гнал в колючки?

Теперь Су'Никар мог спокойно забыть про неудачный поход, тихо злорадствовать и лицемерно сочувствовать потерпевшим.

— Да как можно не распознать мага восьмого уровня?!! — искренне недоумевал он. — У меня от одного взгляда на них все волосы дыбом встали!

— Только народу об этом не брякни, — хмыкнул Сай'Коси. — Мигом запишут в ловцы.

Су'Никара передернуло.

— Заметь, я не говорю, то ты обладаешь какими–то особыми талантами, — невозмутимо продолжал наставник. — Ограничители на полигоне тоже ничего не замерили (они теперь так и стоят там, как новые, но даже на файерболы не реагируют). Есть теория, что магов с таким уровнем контроля мы не способны воспринимать адекватно.

— Либо это — особое свойство некромантов, — припомнил Су'Никар слухи, ходившие по Крумлиху, и мутные объяснения заморского жреца. — Понятно теперь, почему светлорожденные их так боятся!

— Ты наблюдал проявления его силы? — жадно подался вперед Сай'Коси.

Су'Никар покачал головой:

— Он следы ворожбы за собою подтирал — ничего не разберешь.

Тогда изгоняющий решил, что чужаки прячутся от властей, но теперь он понимал, что некромант поступал так чисто из вредности (не желал выдавать профессиональные секреты). Какое жмотство!

Сай'Коси пожал плечами и перевернул чашку на блюдце, намекая гостю, что рассчитывать больше не на что. Не беда! Су'Никар сыт, репутация его вне опасности. Можно отправляться домой и спокойно почивать на лаврах.

Изгоняющий шел по Ларешу с высоко поднятой головой и гордо расправленными плечам. Ничто так не поднимает настроение черному, как чужие неприятности! Да, он тоже не смог одолеть иноземцев (а кто бы смог?), но у него, по крайней мере, хватило ума не подставляться. Су'Никар уверился, что удача на его стороне и до самого утра спал сном младенца.

А потом в его дверь постучали.

Изгоняющий прислушался к царящей на улице тишине и не стал посылать визитера в поле лесом. Напротив, накинул почти чистый мундир, пробежал пальцами по воротнику и пуговицам и лишь затем выглянул наружу.

На пороге стоял человек неопределенного возраста, в аккуратной длинополой мантии, с доброй, но слегка

отстраненной улыбкой на губах и тусклыми, как у снулой рыбы глазами — типичный пастырь. Тишина на улице стала понятной.

— Прохладного дня, уважаемый! — белый отвесил вежливый поклон, чем окончательно испортил Су'Никару настроение (в Лареше имперские порядки были негласным табу).

— Ну, допустим, еще только утро, — Су'Никар решил быть грубым. — А у меня отпуск на три дня.

— Требования Уложения священны, — отозвался пастырь (издевается он что ли?). — Но я смиренно прошу уделить мне минуту вашего драгоценного времени. — И снова поклон.

За подобные расшаркивания в Лареше принято было безжалостно гнобить. Су'Никар быстро огляделся. На улице — ни души, но, наверняка, все слушают и смотрят. Присутствие постороннего человека (тем более — неприкасаемого) вызовет множество вопросов, а общество и так взбудоражено… Нужно что–то делать.

Жизнерадостно оскалившись, изгоняющий грудью оттеснил посетителя и захлопнул за собой дверь (пускать чужака в свое жилище он не собирался в любом случае).

— Минутку — уделю. Только не здесь.

Было в Лареше место, негласно считавшееся нейтральной территорией и использовавшееся для разного рода неудобных встреч. Выглядело оно как харчевня, да, в сущности, и являлось ей. Именно туда Су'Никар и поволок своего неожиданного визитера, без лишних церемоний ухватив за рукав. Пастырь держался с достоинством и к грубому обращению относился стоически — видно, сильно припекло. Немногочисленные из–за раннего времени прохожие провожали их недобрыми взглядами. В харчевню изгоняющий ворвался как вестник смерти.

Подавальщик, привычный к странным посетителям, увидев пастыря поморщился, но ничего не сказал. Су'Никар выбрал столик, предназначенный для нейтрального общения — нарочито открытый со всех сторон, одинаково неудобный для обоих беседующих. На столе почти мгновенно появились чашки с дешевым зеленым чаем — условия игры были соблюдены. Су'Никар немного расслабился.

— Ну, что молчишь? Твоя минута уже пошла.

Пастырь глубоко вздохнул:

— Вчера до меня дошло известие о недостойном поведении пастыря первой ступени Т'Ахиме Нацу. Поскольку по роду службы мне не доступно право задавать вопросы, я счел возможным навестить вас, свидетеля происшедшего, как частное лицо, и испросить милости рассеять мое невежество…

— Тебе–то что до этого подонка?

— Дело в том, что я занимался обучением Ахиме Нацу и его судьба мне не безразлична.

Су'Никар только хмыкнул. Еще один наставник на его голову! Боится, небось, что Наместник ему хвоста накрутит за такое обучение.

— Смотреть надо лучше за учениками!

Пастырь спорить не стал, его взгляд, устремленный на изгоняющего, стал внимательным и цепким:

— Могу ли я надеяться узнать обстоятельства происшедшего?

Су'Никар припомнил, что они наплели Ана'Рассе и фыркнул:

— Рассказ нашего лидера слышал? Так вот, все — правда, разве что на коленях Ахиме не ползал, это Су'Хамат приврал.

— То есть, его уход был добровольным?

— Еще как!

— Что они друг другу говорили?

— А что могут говорить друг другу пастыри? — пожал плечами черный. — "Сю–сю–сю, маленький, тебя обидели?" — "Папочка, возьми меня на ручки!"

Взгляд пастыря снова стал рыбьим, но Су'Никар за собой никакой вины не чувствовал.

— Можно ли сказать, что он бежал, спасаясь от непереносимого давления, или им двигало идейное неприятие службы? Возможно, он думал таким образом расширить границы своего мастерства?

Секунду Су'Никар размышлял над возможностью демонстративно поперхнуться чаем, а потом все же проглотил напиток.

— Я похож на жреца? Откуда мне знать, кто и что думает!

Пастырь скорбно поджал губы, соглашаясь, что ждать проницательности от черного бессмысленно.

— Насколько я понимаю, Лареш навестила та самая группа, к которой примкнул Ахиме. Что говорят свидетели, как изменилось положение отступника?

Су'Никар поймал себя на том, что вчера, даже обсуждая дезертирство

пастыря, он не сподобился уточнить, был ли Ахиме с чужаками. Послать его, что ли, к Сай'Коси? Нет, такой жест будет выглядеть наушничеством и неспособностью самостоятельно решать проблемы.

— Бат, — окликнул Су'Никар подавальщика, со скрипом протиравшего идеально чистый бокал. — Ты чужаков видел?

— Ну, допустим, видел, — Бат тоже был черным, запечатанным еще в учениках из–за нестабильности канала (впрочем, на его характере недоступность Источника не

сказалось).

Изгоняющий метнул к стойке мелкую серебряную монету (чтобы требовать ответов бесплатно, его статуса считалось недостаточно).

— Ахиме с ними был?

— Ну, допустим, был.

Су'Никар демонстративно протянул ладонь, пастырь послушно вложил в нее два серебряных кругляшка и пристал уже к Бату:

— И как он вам показался?

— Сытый, наглый, лысый. Деньги в щелочку показывал.

Брови Су'Никар удивленно поползли вверх. Ладно деньги (показать не значит — отдать), а вот то, что предателя обрили… Из–за какого–то мутного суеверия, пастыри никогда не стригли волос, отращивая длинные лохмы и собирая их в хвосты и косички. Круто же жрец взял Ахиме в оборот!

— Гм. А деньги зачем?

— Не знаю, не выяснял. Я дверь закрыл и засов накинул.

Что, на взгляд Су'Никара было правильной позицией: пустить–то легко, выгнать — намного сложнее. А уж делиться с чужаками едой… да хоть бы и за деньги!

— В докладах упоминается некий жрец–талле, вы его видели?

Бат поджал губы и снова принялся полировать несчастный бокал. Причину молчания пастырь понял достаточно быстро, извлек откуда–то из глубины мантии еще одну монетку и неуклюже бросил ее в сторону стойки.

— Жреца, значит, — удовлетворенно хмыкнул Бат (еще бы, за один разговор — такие деньги!). — Видел, как не видеть. Только он от грузовиков далеко не отходил. Стоял там, бухтел что–то по–своему. За делом Ахиме присматривал.

— Доверял, значит, — вздохнул пастырь.

— А может, кота упустить боялся.

— Какого кота?

— Белого такого, пушистого, замызганного только.

— Вот как.

И пастырь погрузился в размышления, прихлебывая остывающий чай и не обращая внимания на хмурые взгляды (Бат хотел побыстрее избавиться от нежеланного посетителя, а у Су'Никара на вечер были планы). Но вот он, наконец, перевернул чашку и встал, отвесив хозяевам очередной изысканный поклон.

— Спасибо, уважаемые! Да продлятся ваши дни в свете.

Бата аж передернуло.

Су'Никар проследил за пастырем в пресловутую щелочку и пожаловался:

— Ты смотри, к Сай'Коси идет. Нафиг было меня дергать, если он все равно к старику собирался?

— Свидетелей опрашивал? — предположил Бат.

— Ты вообще знаешь, кто он такой?

— В первый раз вижу.

Су'Никар смачно плюнул пастырю на следы и выкинул из головы неприятного визитера.

Глава 18

Черные не любят гостей, неприступная, одиноко стоящая башня — вот их ответ гостеприимству. Но…Уложение! Должность наставника в Школе Темного Истока требовала от Сай'Коси принимать в своем доме посторонних и не всегда — учеников. В качестве компромисса, для этих целей была приспособлена гостиная — шикарная (по меркам Лареша) веранда два на полтора метра. Вряд ли Тай'Мапаи смог оценить такие нюансы.

Почтенный и тоже наставник, но только светлой стороны, пастырь приперся в дом изгоняющего без приглашения и даже без предупреждения. И это — после всех его разглагольствований о нормах и воспитании! Сай'Коси припомнил ему каждый нравоучительный пассаж, коих за четверть века общения наслушался немало. Через двадцать минут безуспешных попыток наладить диалог, Тай'Мапаи смирился с тем, что ничего, кроме цитат из Уложения, не услышит и отвалил. Ха!

Сай'Коси отметил маленькую победу большим глотком вишневой настойки (гостю ее не предлагали) и задумался. О гармонии, если так можно выразиться. Что вообще происходит в Тусуане?

Вчера, когда известие о визите ингернийцев разбиралось при дворе у Наместника (сохранить инцидент в тайне не получилось), злоключения изгоняющих вызывали у чиновников только ехидные усмешки. Причем, тот же Тай'Мапаи не счел нужным остановить травлю, хотя понимал, как плохо сказывается подобное на работоспособности черных. Впору решить, что чужаки действовали со светлорожденными заодно! Прошли всего лишь сутки, и вот старший пастырь мечется по Ларешу, нарываясь на любезности, а Наместник шлет в Школу высокую проверку (будто без надзирателей здесь скучно было!).

Так что же изменилось?

Сай'Коси видел две новости, придавшие происходящему новое звучание — жрец и некромант. Первый отличился тем, что увел у светлорожденных пастыря, причем, надежно увел — даже вернувшись в Тусуан Ахиме не испытал желания остаться. Вчера отступника не опознали (большинство свидетелей не знали негодяя в лицо), а сегодня Тай'Мапаи оказался поставлен перед фактом. Некромант же… просто был. И присутствие в Тусуане проклятого (так близко — руку протянуть) будило в Сай'Коси полузабытые, но такие пленительные для черного чувства — восторг от первого прикосновения к Силе, недолгое, но от этого не менее яркое ощущение победы и торжества. Порочные

влечения, которые укротители выбивали из учеников, не жалея сил (впрочем, укрощающие в этот раз больше всех и получили). Сильные боевики, конечно, впечатляют, но полностью укладываются в картину реальности, а вот носитель запрещенного таланта, живой, здоровый и успешный, неизбежно приводил са–ориотцев к простой мысли: "Почему ему — можно, а нам — нет?" Не этого ли светлорожденные боятся?

Сай'Коси собрал беспокойные мысли в клубок и спрятал в дальнем уголке сознания, словно подушкой накрыл. Об этом он подумает завтра. А сегодня Лареш ожидает испытание пострашнее сердитых чужаков — налет банды проверяющих. Шесть часов подряд старшие маги Школы вынуждены будут вести себя в точном соответствии с Уложением, а потом еще сутки — успокаивать нервы, отводя душу на подчиненных. В итоге, дыбом окажутся поставлены все. Светлорожденные и на дольше бы задержались, но Лареш до сих пор официально считался питомником, вследствие чего, ни постоялого двора, ни даже средств не представительские нужды не имел. Может, и стоило накрыть проверяющим поляну (глядишь, добрее бы стали), но делиться с чужаками добытыми в обход Уложения припасами никто не собирался. Так и жили.

Изгоняющий кликнул жену и начал облачаться в парадную форму, пошитую в точном соответствии с правилами — из плотной черной ткани (при сегодняшней жаре) с серебряным шитьем (плюс два кило к весу). Разыгравшийся с утра радикулит (наследие походной жизни) обещал сделать день совершенно незабываемым. Но его слабости конкуренты не увидят.

Время он подгадал правильно — едва последняя шпилька встала на свое место, по улицам пронеслась весть: "Внизу показался караван из пяти автомобилей!" Удобно, все–таки, когда дорога на виду. Теперь следовало отметиться в компании вождей, обязанных лицом к лицу встречать приближающиеся неприятности. Благо идти недалеко: с карниза за харчевней Бата (если знать, куда идти) открывался прекрасный вид на окрестности, там–то все и собрались.

Против обыкновения, никто не ругался. Полдюжины колдунов вместе и без скандала! Наверное, съели что–то не то. Пять маленьких красных точек ползли по склону медленно и печально (раньше, чем через полчаса, не доберутся). Старшие маги города наблюдали за приближением гостей без удовольствия, но с интересом. Глава боевиков, Сай'Чатах успел поспорить с Сай'Тарки, старшим артефактором — заглохнут или не заглохнут (колонна останавливалась дважды). Сай'Воргун (нынешний директор Школы) брюзжал и пытался поучать самого

младшего в компании — главу стражевиков (тот ожидаемо не слушал).

Старший укрощающий, Сай'Шарг держался в стороне и выглядел помятым, мундир с чужого плеча был ему маловат. А кто гнал кретина на полигон в парадной форме? Хотел ученикам пример групповой работы показать? Показал, чо. Так третий день всей группой и квасят. Теперь из–за этой жертвы иноземной агрессии Сай'Коси не может сосредоточиться на предстоящей встрече. Мерзавец мог бы проявить понимание и не мозолить глаза уважаемым людям! А лучше взять пример со своих учеников и уйти в запой.

Изгоняющий фыркнул и решил перебраться к пресловутому фонтану (надо же, скоро простая вода будет вызывать у него нездоровые ассоциации). Следом потянулись остальные. Расположенные в тени скамейки заняли широко, свободно (укрощающему места не осталось). Тот спорить не стал и устроился на ступенях администрации Школы (Правильно! Грязнее не станет). Настроение установилось подходящее моменту — тоскливо раздраженное.

Еще немного и начнется цирк, а все они там будут клоуны. В меру таланта и сил, темные мастера Лареша будут убеждать чиновников, что ничего такого не подумали и ничего такого не хотели, потому что светлорожденным не интересны нужды подданных, они просто желают убедиться, что тронутые порчей знают свое место. Надо улучить момент и обозвать иноземцев дикарями, глядишь, быстрее дело пойдет.

Следовало выпить утром побольше, для бодрости. Или совсем не пить.

Все, пора вставать.

Сай'Коси привычно вогнал себя в состояние идиотического благодушия, не умея впадать в которое изгоняющий не имел шансов заполучить в Тусуане приличную должность (вот Никар — умный мальчик, но мастером ему не стать). Под бодрое тарахтение моторов, на площадь выруливали ярко–алые автомобили кортежа, два — с личными гербами светлоражденных, остальные — казенные (Проклятье! Глава надзирателей здесь. И мастер–хозяйствующий. Хорошо, что Сай'Тарки настоял на приведении в порядок общественных зданий! Всем бы такую интуицию). Место на дорожке было тик в тик, для того, чтобы выставить повозки в надлежащем моменту порядке, последнему из водителей пришлось сдавать задом.

Все шло своим чередом, и тут Сай'Коси неожиданно поймал себя на мысли, что нарядные, словно лакированные игрушки автомобили кортежа выглядят просто глупо. На память

приходили совсем другие машины, те, за которыми старый изгоняющий самым пошлым образом подглядывал в замочную скважину. Огромные, пропыленные и исцарапанные, окутанные облаком черной магии с крыши до колес, одним

лишь звуком своих моторов заставляющие стекла дрожать. Они преодолевали крутые склоны тусуанских гор одним могучим рывком, лавируя по старому серпантину на такой скорости, с какой Сай'Коси и верхом бы ехать поостерегся. Вот настоящий транспорт для колдунов! На ветхих дорогах Лареша они оставили прокопанные колесами борозды, которые местные жители стыдливо пытались затереть башмаками. Куда там! Мелкие камни вырвали и выбросило, булыжники покрупнее сдвинуло с мест, казалось, даже плиты мостовой пытались разбежаться с пути иноземных машин.

Изгоняющий сморгнул несвоевременные мысли. Хотя… По меньшей мере трое из присутствующих прямо сейчас делали то же сравнение. Значит, огребут. В том, что касается оскорбленного самолюбия, светлорожденные дадут черным приличную фору.

Заглохли моторы, щелкнули замки. Первыми наружу вылезли гвардейцы–печатные, испытывающие к изгоняющим оправданное недоверие. Зачарованные доспехи сверкали полированным металлом, алые плащи сливались по цвету с покрытием автомобилей… если бы не пыль, легшая тонким слоем на эмаль (обновлять поддерживающие чистоту заклинания ради визита в Лареш чиновники не стали). Выставленные с равным интервалом люди и повозки чем–то неуловимо напоминали карусель…

Сай'Коси мученически вздохнул.

Тем временем водители–печатные распахнули дверцы, выпуская наружу своих драгоценных пассажиров. Утомленные дорогой люди разминали конечности, неторопливо поправляли смявшиеся одежды и вообще всячески затягивали церемонию приветствия. Сай'Коси, которому традиционный поклон давался с трудом, считал цыплят и мысленно поносил несвоевременную хворь (нужное положение спина принимать отказывалась). А ведь это только начало…

Сегодня повторявшаяся бесчисленное множество раз церемония звучала особенно странно, начиная с пожелания благ скоту и полям (коих в Лареше никогда не было) и заканивая восхвалением щедрости Императора (учитывая все то, что он устроил). Сознание двоилось: одна его часть повторяла заученные фразы, а вторая пыталась осознать смысл необычного состава комиссии — впервые за много лет проверяющие приволокли с собой колдуна. И не кого–то там, а Сайк'Малута — единственного на всю долину изгоняющего четвертого ранга. Такой же, как у

Сай'Коси, мундир, только с золотым шитьем, холодным углем проступал на фоне одежд, пламенеющих красным и оранжевым — официальными цветами Тусуана. И только когда к колдуну бочком пристроился опоздавший Тай'Мапаи (блеклый, словно бумажный пепел), изгоняющего осенило:

"Проверяют. Боятся. Не иноземцев — нас!"

Сай'Коси с трудом успел превратить презрительную гримасу в благостную улыбку. У-у, как не хорошо все получается! За неуважение придется платить, не деньгами, так унизительными повинностями. Сами не заметят — пастырь подскажет. Ввести в заблуждение Тай'Мапаи ни у кого из изгоняющих не получится по определению. Шепнет, как есть — шепнет!

Но пастырь не демонстрировал ни тени осуждения, продолжая любезно улыбаться кому–то за спиной Сай'Коси. Нет там никого! Чего добивается этот старый хрен? Или своими мыслями так занят, что и не видит вокруг никого? С пастырями подобное случается. Если так, неспособный следить за своей харей Сай'Чатах практически ничем не рискует: понять, что такой улыбкой только блядей привечать, визитеры, может, и поймут, но спишут все на общеизвестную странноватость изгоняющих. А то, что Сай'Шарг забывает кланяться… Глава укрощающих теперь — опущенный, пусть светлорожденные делают с ним, что хотят.

Нудная церемония закончилась. Гостям предложили отведать чаю. Нет, не потому, что люди с дороги захотят пить (хотя, и это тоже), просто никаких других напитков в учебном заведении иметь не полагалось, а официально Лареш считался питомником… ну и так далее.

На низком, покрытом линялым бархатом столе разместился казенный фарфоровый сервиз и чайники с дрянным зеленым чаем (найти такой в Тусуане было не легко, но хозяйствующим как–то удавалось). Надзирающий держал обесцветившуюся за бесчисленные годы чашечку двумя пальцами и пить не решался, а вот мастер–хозяйствующий выхлебал целый чайник (кстати, луженый у мужика желудок, проверено опытом). Сай'Воргун затянул избитую песню о том, что денег недостаточно, поселение растет, а место под городскую ратушу размечено еще при его отце. Вот если бы Лареш официально признали городом, позволили расшириться, расселить переполненные казармы и общежития… Гости слушали совершенно равнодушно.

Сай'Коси не вмешивался. Он так полагал, что если за двести лет шесть предыдущих Наместников ничего не сделали по этому поводу, то и теперь ничего не случится. Наверное, уже и смысла нет…

— Сначала мы бы хотели оценить нанесенный Школе ущерб,

— благодушно заметил мастер–хозяйствующий, перевернув чашку.

"Анан'Кассик", — вспомнил изгоняющий имя румяного толстячка. — "Кстати, надо ему что–то сунуть на лапу! Нам у него еще этот самый ущерб списывать"

Намеку хозяйствующего изгоняющие вняли, вылезли из–за стола и повели проверяющих к разоренной части Школы.

Когда–то это было довольно оживленное место: полигон, казармы для учеников (которым до обретения звания жить в Ларе́ше запрещалось), тюрьма для приговоренных, лаборатория артефакторов. В общем, закладывалась тусуанская Школа Темного Истока с запасом и прицелом на будущие свершения. Потом кипучая деятельность постепенно затихала, поставленные старыми мастерами знаки иссякали, инвентарь изнашивался, замысловатые рассеиватели простаивали без дела. Уже на памяти Сай'Коси часть старых артефактов вывезли в метрополию (что наводило на мысли), а ученикам позволили жить в городе — слишком мало их стало, чтобы возиться с постоянным надзором. Да и простых людей, которым они могли бы причинить вред, в Ларе́ше к тому времени почти не осталось…

Изгоняющие привычно лавировали по дороге, выбирая относительно ровные участки и стараясь избегать засыпанных щебнем ям. Денег для капитального ремонта мощения из гранитных плит в полную пядь толщиной, по Уложению не полагалось — такое обязано служить веками. Если бы еще его не тырили для разных хозяйственных нужд… Стоит отвернуться, глядь — кто–то себе уже камин отгрохал! Право разводить огонь в доме являлось привилегией, следовательно, получали его только заслуженные изгоняющие. Отобрать пропажу у сильного колдуна, как правило, уже успевшего приступить к обработке камня, не представлялось возможным, проще дыру заделать чем–нибудь.

Надзиратель, старавшийся идти ровно, навернулся два раза и пришел в негодование:

— Неужели нельзя привести дорогу в порядок! — возмущался он.

Сай'Воргун сокрушенно всплеснул руками, а Сай'Коси поморщился. Может, объяснить надзирателю: то, что он видит — предел способности обитателей Ларе́ша к созидательному труду? Бессмысленно требовать аккуратной работы от изгоняющих, у которых руки, как известно, не в том месте к мундиру приставлены.

"Вот иноземный некромант, тот, пожалуй, взял и сплавил бы дорогу отсюда до самого Михори, попутно украсив ее фигурными столбиками"

Сай'Коси подивился, с какой настойчивостью чужаки лезут ему на ум. Впрочем, он ведь за два дня так и не удосужился осмотреть разрушенную часть Школы. Вот результат!

Посмотреть было на что, даже бывалые чиновники слегка притихли: периметр — в клочья, в стенах — проломы, сейф — вскрыт, дорога — перекопана, выложенная вдоль нее костяница испепелена в прямом смысле этого слова. Сай'Коси вдруг примстилось, что похороненные здесь предки покинули рай, ад, чистилище (или где там пребывали их грешные души) и ушли по своим делам, бросив разочаровавших их потомков на произвол судьбы. Свидетельство проживания в Ларешe поколений изгоняющих исчезло без следа, и старый наставник неожиданно почувствовал себя неуверенно.

"Знали, куда бить, собаки заморские!"

Сайк'Малут, сохраняя достоинство, прошелся по разоренному полигону, потер в ладонях обломки печатей, ковырнул сапогом костяной пепел. Ларешские колдуны терпеливо сносили близость чужого Источника (чего не сделаешь ради спокойной старости), и только Сай'Шарг не утерпел:

— Что мы должны были сделать? Что?!! — попытался воззвать он к совести коллеги. — Он как открылся, все мои проклятья разом перебило, одной сырой Силой. А он ЭТО безо всяких знаков направлял, и ОНО СЛУШАЛОСЬ!!!

Сайк'Малут брезгливо покосился на укротителя: что именно тот сделал, среди изгоняющих знали абсолютно все. Увы, слушали Сай'Шарга не только черные.

— Что сделать, что сделать… — злобно процедил надзиратель. — Похоже, это становится новой традицией! В прошлом году за морем перебили шеститысячный экспедиционный корпус, и бригадный генерал Каруб бился лбом об пол: "Мы ничего не могли сделать!". Зимой на траверзе Миронге сожгли восемь фрегатов, так бортовые заклинатели первыми в воду попрыгали. Теперь какие–то банды колесят по побережью, и опять — ничего невозможно предпринять!

Сайк'Малут играл желваками, похоже, это был плевок на его следы.

— А тут вас было две дюжины на одного и чем дело кончилось, напомнить? Толпа печатных имела больше шансов на успех!

Тут даже Сай'Коси, не имевший прямого отношения к делу, обиделся: всем известно, что при разнице больше двух уровней количество противников роли не играет. Была бы у укрощающих пентаграмма, полдня на подготовку, может, они и отбились бы (и то не обязательно). А так…

— Изгоняющим, не входящим в личную гвардию Императора, владеть оперативными проклятьями запрещено! — не выдержал Сай'Шарг, но его правильные, в общем–то, возражения были подобны гласу вопиющего в пустыне.

— А какую технику вы использовали, в таком случае? И использовали ли вы хоть что–то? Пока я вижу только разворованное имущество, а на вас — ни царапины! Притом, что ваша братия считается самой беспокойной частью населения и не устает напоминать об этом всем остальным.

Сай'Коси могучим усилием подавил желание влезть в разговор — не хватало еще под надзор попасть, на старости лет. И все равно, не правильно обвинять в недостаточной свирепости укротителя, чья суть, уникальный талант — в умении верно оценить возможности

противника и тщательно дозировать свою силу. Боевик вроде Сай'Чатаха любого ученика на месте прибьет, а Сай'Шарг вытягивал самых слабых, приводил к повиновению самых беспокойных. Запечатанных неудачников в его карьере не было! Естественно, что последствия противостояния он осознал немного раньше, чем начал действовать. Если подумать… в чем таком мужик виноват?!

Сай'Шарг промолчал. Это все, на что хватало теперь его выдержки — укротителя заметно потряхивало.

"Сорвется, как есть — сорвется"

Сай'Коси украдкой бросил взгляд по сторонам и неожиданно заметил, что Сайк'Малут тоже краем глаза следит за укротителем. И встал он так занимательно — за пределами поля зрения, чтобы не смущать…

— Кстати, ваш затрапезный вид имеет какое–то оправдание, или я опять что–то не понимаю в магии? — не унимался надзиратель.

"А ведь он Шарга провоцирует!" — понял Сай'Коси. — "И ничем не рискует: от первого удара его прикроет Малут, а дальше пастырь приведет приговор в исполнение. Отличное напоминание о судьбе отступников! "

Бледный как утопленник Тай'Мапаи пялился в землю остекленевшим взглядом — от хладнокровно спланированного убийства его заранее мутило.

Усилием воли Сай'Коси устранился от конфликта, почти перестал слышать произносимые слова, так устранялся от непереносимой усталости после сложной ворожбы или от боли, причиняемой растревоженными узами (в обычном состоянии все это пастырское творчество обязано быть пассивным, а ведь поди ж ты!). Он не позволит сделать из себя поучительный пример для

остальных! И не важно, что там задумали светлорожденные.

Надзиратель продолжал изощряться, Сай'Шарг упорно молчал.

И это молчание распространялось среди изгоняющих, как проказа. Сайк'Малут, лучше понимающий расклад сил, напряженно щурился — один против пяти? С пастырем, готовым хлопнуться в обморок, в качестве балласта.

А Сай'Коси был спокоен: Сай'Шарг уже доказал, что чувство самосохранения у него берет верх в любых обстоятельствах. Вот если бы укротителя удалось заранее раздразнить… Но устраивать для светлорожденных кровавый цирк изгоняющий не собирался: неожиданно для себя он обнаружил, что принадлежность Сай'Шарга Ларешу важнее, чем хорошие отношения с надзирателями. Если хотят, пусть переступят через священное для них Уложение открыто, в присутствии Тай'Мапаи. Сай'Коси всегда хотел узнать, как выглядит взбунтовавшийся пастырь.

Воображение надзирателя кончилось раньше, чем выдержка Сай'Шарга. Возможно, Сай'Коси показалось, но хозяйствующий облегченно вздохнул (кто бы не принял решение преподать изгоняющим урок, Анан'Кассик эту затею не поддерживал). Сохраняя внешнее благолепие чиновники вернулись к машинам.

Укрощающий отстал и пропал куда–то, на что изгоняющие вежливо не отреагировали. Надо надзирателю — пусть сам его выкликает.

Сай'Коси задним числом попытался решить для себя, чью сторону бы принял, если бы Сай'Шарг додумался дать обидчику в глаз (никакой магии, тупо кулаком по морде). Впятером они успели бы славно навалять надзирателю прежде, чем подоспели бы гвардейцы. И потом, что — гвардейцы? Печатные, конечно, мужики крепкие, но их били бы уже всем Ларешем.

Надо умерить фантазию — попорченные нервы Сай'Шарга не стоят таких неприятностей.

Сайк'Малут подумал немного, приотстал от светлорожденных и завязал с ларешскими изгоняющими непринужденный разговор (Правильно! Работать вместе им еще долго, а удар в спину и не таких мастеров носом в землю клал).

— Я слышал, эти сволочи вам еще и казну уполовинили?

Ну, да, тактичный черный маг — просто сказочное чудовище.

— А я должен был ждать, когда они от школы головешки оставят? — огрызнулся задерганный проверяющими Сай'Воргун. — Там одних пособий на полтыщи монет, склад с продовольствием…

— Не рычи! — Сайк'Малут примирительно поднял руку. — У тебя тут одна дюжина резвилась, а у меня на побережье каждый

день по две высаживается. Лезут всюду, словно очумевшие кабаны, тырят как дышат, цены сбивают, никого не слушают. Я теперь дальше Михори не езжу. Смысл? Куда не сунешься — мастеру уже заплачено.

— И как работа? — равнодушно поинтересовался Сай'Коси.

— Не будем об этом! — поморщился колдун. — Единственный способ их отшить — все зачистить под ноль, чтобы они даже фомы в подвале найти не сумели. А Наместник (да продлятся его годы) нормальных бойцов за пределы Тусуана не отпускает, всю работу на себе ученики тащат.

Сай'Коси поморщился — новость была не из приятных. Не важно, что заставляло Наместника грести под себя черных, словно зерно в амбар. Против ночных гостей лучше всего помогала профилактика, с которой последнее время в империи дела обстояли… не очень. Судя по всему, светозарный Анатари'Шарп либо не имел, либо не слушал своих черных советников, а значит, с логической неизбежностью, рано или поздно изгоняющие будут загнаны в ситуацию противостояния с чем–то очень крупным, запущенным и требующим для изгнания множества жертв.

И это тоже следовало принять во внимание…

Проверяющие шли по главной улице Ларешa, волей–неволей повторяя путь иноземных машин (кстати, никто так и не выяснил, как они сумели забраться на склон выше Школы). Сай'Коси гадал, замечает ли надзиратель тревожные признаки, как замечал их он, или мог бы замечать Тай'Мапаи, если бы не затея с укрощающим, сильно выбившая пастыря из колеи. Если для любого другого города признаком неприятностей стали бы суета и хаос, то здесь им выступало неожиданное воцарение порядка. В Ларешe было ненормально тихо и чисто, никто не пытался, презрев Уложение, выносить стулья и столы на улицу, застигнутые врасплох жители проходили мимо молча гуськом по одному. Сай'Коси досадливо поджал губы: проверяющие явились очень не вовремя — ларешские обыватели были сыты по горло всякими агрессивными чужаками. Если в первом случае инстинкты сработали верно, то во втором могли дать сбой… но не при Сайк'Малуте. Очень продуманно светлорожлденные подобрали себе компанию.

Проводы с трудом удалось превратить в официальный ритуал — усталость и раздражение давили на мозги абсолютно всем. Изгоняющие недружно кланялись, Сай'Воргун от нетерпения подпрыгивал на месте, готовый силой распихать гостей по машинам. Чиновники, кряхтя, усаживались в прохладное нутро автомобилей, печатные, успевшие до блеска надраить алую эмаль (а воду, небось, в фонтане брали!), с почтением поправляли

складки пропитавшихся потом одежд, выполняли какие–то несложные пожелания хозяев. Сайк'Малут, с независимым видом, сел в казенную таратайку, рядом с которой уже топтался пастырь.

А ведь обратно магам придется ехать вместе. Ха! Настроение Сай'Коси тут же улучшилось.

Моторы завелись и кортеж отчалил. Никто даже не пытался скрыть облегчения.

Лареш живыми и здоровыми покидали люди, бросившие вызов черным магам, подвергшие сомнению их силу и навыки, высмеивавшие их, выставлявшие дураками, покушавшиеся на жизнь и… уверенные, что это ничего не изменит?

— Что делать будем, старик? — окликнул изгоняющего Сай'Чатах (некоторым образом, публичное признание старшинства!).

Но Сай'Коси не слышал его. Чувства, задавленные волевым усилием, оживали и удушливая, нечеловеческая ярость поднималась в душе, словно восстающий из бездны дэв. Сейчас изгоняющий прикидывал, что вполне мог пробить щиты Сайк'Малута (давнего ученика, слишком много возомнившего о себе). Да и с этого места до машин может достать в легкую… Однако действовать, поддаваясь сиюминутному порыву, не станет даже затравленный всеми Сай'Шарг.

— Сейчас я пойду спать, — объявил Сай'Коси, не задумываясь, как выглядит со стороны такое заявление. — Да, спать.

Завтра с утра он сядет у злополучного фонтана, в прохладе и тишине, воскресит в памяти былые времена и забытые чувства. Терпеливо рассмотрит все обстоятельства и трепетно переберет доводы. Они развернутся и лягут на обновленную картину мира широким, смертоносным веером. И тогда Сай'Коси совершит нечто.

Нечто ужасное.

Глава 19

Старый Сай'Коси решил отпраздновать юбилей. Какой именно, он сказать то ли постеснялся, то ли не придумал. Су'Никар был приглашен, и это наполняло его сердце оправданной гордостью. В такой компании и напиться не грех! Весь Лареш знал, что в харчевне Бата соберутся наставники Школы (признанные авторитеты), негласные лидеры магических направлений, а также кое–кто из молодой поросли (ранней, но борзой). И, чем бы ни обернулась эта встреча, кормить там будут хорошо.

В назначенный час к харчевне начали подтягиваться гости. Су'Никар с непроницаемым видом пропустил вперед наставников, позвякивающего амулетами старичка Сай'Гьяпе, а вот нахального Су'Джочу ловко оттеснил плечом — командиры боевых отрядов не имели друг перед другом статусных преимуществ. В просторном зале витали соблазнительные ароматы, но на столе пока стояли только чашки и чай. Непривычно добродушные изгоняющие рассаживались по местам, самые предусмотрительные ослабляли пояса.

Старший укрощающий вошел последним и примостился у дверей. Всегда бодрый и образцово аккуратный, Сай'Шарг выглядел тенью самого себя — изможденным болезненным призраком. Неистующий некромант не нанес ему физических увечий, но достоинство мага было растоптано — способ, которым жертвы спасли себе жизнь, оказался едва ли не хуже смерти. Что говорить, если даже сдержанный Су'Никар при встрече с укрощающим тянул ноздрями воздух, ожидая почувствовать некий запашок? Унять же нахальных и невоспитанных учеников было просто невозможно. За спиной Сай'Шарга черные смеялись в голос, а ведь здоровье мага сильно зависит от его душевного состояния. Удавить всех шутников несчастный не мог, значит, ему оставалось только удавиться самому.

Сесть на полагающуюся ему подушечку укрощающий не решился — нашел себе скамейку в углу.

Сай'Коси вышел к гостям в цивильном халате, проследил, как Бат запирает двери, и, наконец, обозначил истинную цель встречи:

— Уважаемые, — без лишних околичностей начал маг. — Жрать будете позже. Сейчас надо решить, что делать. Еще немного, и все мы дружно отправимся под нож.

Н-да, привлечь внимание у старика получилось. Наставники напряглись, Су'Джочу перестал ерзать и превратился в слух

(похоже, для него такая постановка вопроса стала новостью).

— Кто был в комиссии, тот знает: Наместник не высылает группы зачистки за пределы Тусуана. А наша долина — не остров! От нашествия ночных гостей мы не гарантированы. Побережье прикрыто иноземцами. А вот за тех тварей, что отожрутся на ничейной земле, нам придется платить жизнью. Все на это готовы?

Готовы — не готовы, но Су'Никар предпочитал о подобном не думать, особенно в свете того, что недавно видел. Какой смысл портить себе остаток жизни? Судя по всему, большинство поступало так же.

— Нечего на цимбалах играть, — буркнул Сай'Чатах. — Предлагай, что хотел!

Про музыку он зря упомянул — Сай'Коси ею действительно увлекался, более того, имел слух и некоторый талант.

— Тут у нас на днях один господин гостил, — улыбка старика стала благостной, голос ласково зажурчал. — Всех вас видел, кое с кем даже пообщался. Молодой, красивый. Силы неописуемой! Стая за ним такая, что никакой бог не поможет, что светлый, что темный. А грузовики его помните? Не машины, птицы небесные! Ох, и чудесный же был господин! Одна беда (не дайте соврать), кажется, из проклятых? Всем бы такие проклятья.

Су'Никар аж пот прошиб.

Ну, вот, зачем говорить гадости уважаемым людям? За прошедшие несколько дней упоминание некроманта стало в Ларешe табу — общество не нашло другого способа смириться с унижением. Допустим, для разной пузатой мелочи, никогда в жизни гостя не видавшей, подобное было нормальным состоянием души — голос черной натуры они и прежде успешно игнорировали. А вот практикующие изгоняющие не могли позволить себе компромисс — прикосновение к Источнику требовало полного соответствия образу колдуна, не только внешнего, но и внутреннего. Какое тут соответствие, когда ты оплеван с ног до головы?!!

Сай'Коси сунул палку в осиное гнездо и теперь, с наслаждением, шуровал там.

— А вот Наместник наш знакомиться с господином не пожелал (ая–яй!), следом никого не послал и сам не поехал, — не унимался старик.

Да! И это ничуть не упрощало ситуацию — авторитет вождя должен быть абсолютен. Всю сознательную жизнь над изгоняющими нависала необоримая мощь Империи и непререкаемый авторитет Уложения. И где они? Последние полгода об империи уже никто не вспоминал. Наместник не

сомневался в своем праве требовать повиновения, но примеров стальной воли не демонстрировал, чиновники грелись в лучах чужой силы. Визит некроманта убедительно доказал, что Уложение — для неудачников… Су'Никар обнаружил, что последним оплотом власти в Тусуане остались пастыри. Белые — вожаки?!! К еретикам в пекло такие порядки!

Сай'Коси убедился, что все приглашенные прочувствовали унизительность своего положения и закруглил речь:

— Я вот что думаю: может нам рискнуть поближе познакомиться?

— В смысле, всем по шее получить? — хихикнул Су'Джочу.

Сай'Коси покосился на него с состраданием:

— В смысле, подойти с подарочком. Куда он там направлялся, не уточняли?

— В Кунг—Харн, — невольно отозвался Су'Никар и с опасением зыркнул на старших наставников.

С теми явно происходило что–то не то: Сай'Чатах словил озарение (или вспомнил, где заначку зарыл), Сай'Тарки задумчиво прихлебывал чай, Сай'Шарг грыз ногти с совершенно безумным видом.

— Ну, ладно, чужой — крут, — согласился Су'Джочу. — Но нам–то что делать?

Сай'Коси воздел очи горе:

— Валить отсюда. Для начала, в Кунг—Харн, а там видно будет.

Сказанная в лоб истина привела черных в замешательство — все уткнулись в чашки.

— Умеешь же ты, старый, кошку перцем накормить, — пробормотал Сай'Воргун.

— За церемониями — к пастырям! Я еще со вчера этикетом сыт по уши. Решайтесь на что–то или освободите стол!

Устрой Сай'Коси свой юбилей неделю назад, через минут духу изгоняющих рядом не было бы. А теперь… Выражением лица Су'Джочу в точности повторил Чатаха. Су'Никар закатил глаза. Неужели этот дурень не понимал, что выходов из сложившейся ситуации три — смирение, бунт и бегство? Су'Никар потратил на размышления об этом целый день и теперь мог аргументировано раскритиковать предложение старика.

— Наставник, — предельно почтительно начал он. — К чему пустые разговоры? Меченому жеребцу никогда не гулять свободно. Мы можем лишь сменить одного господина на другого, не обязательно более достойного. Куда бы мы не направились — в Кунг—Харн, Суроби–хуссо или Миронге, узы приведут нас в повиновение.

Сай'Чатах поморщился, но возражать не стал — Су'Никар еще очень мягко обозначил проблему. Во всей разоренной империи не найдется места, где они не наткнулись бы на пастыря, бывшего или настоящего. Рано или поздно беглецов снова взнуздают и запрягут, только кормить станут еще хуже

— Узы, — задумчиво протянул Сай'Коси, словно в первый раз услышал это слово. — А вот тут у нас человек, очень хорошо разбирающийся в магии пастырей. Правда, мастер Сай'Шарг? Чего вы там прячетесь, садитесь к столу!

Вот так, одним словом, старик проломил окружавшую укрощающего стену отчуждения, с каждым днем становившуюся все непреодолимей: никто не желал первым подойти к опозоренному, чтобы самому не стать мишенью насмешек, а отсутствие общения еще раз подчеркивало глубину позора. Сильный и умелый маг оказался в положении приблудившегося черноголового! И вдруг Сай'Коси сделал шаг… Не веря своему счастью, укрощающий отклеился от скамейки и вернулся в круг наставников, встретивших его с умеренным раздражением.

— Узы, значит, — Сай'Шарг с усилием растер лицо. Даже тень былого уважения заставила его воспрянуть духом. Прежде невероятно законопослушный, теперь Сай'Шарг готов был сровнять с землей империю, Тусуан и лично Наместника, надеясь похоронить позорный инцидент под трупами врагов. Даже очень короткая жизнь лучше никакой! — С этим не должно быть проблем.

— Ну да? — не удержался Су'Джочу, и Су'Никар мог понять его недоверие.

— Да! — нотка былой надменности зазвучала в голосе укрощающего (черный быстро приходил в себя). — Магия пастырей имеет градации. Обычных людей зачаровывают на ситуативный контроль — печатный сам определяет, когда ситуация отвечает вложенной инструкции, и, незаметно для себя, начинает действовать по шаблону, но черные с такими ограничениями на Обретении сразу дохнут, а инициированный колдун под Лунным Причастием хуже всякой нечисти — упустит проклятье, угробит и себя, и окружающих. Наши узы — разновидность чиновничих клятв, заточенных под амулеты Уложения!

— Не утонуть, так повеситься, — пробормотал Су'Никар, помнивший, как чиновники "любят" такое волшебство.

Сай'Коси молча ждал продолжения.

— В узах контролирующий элемент вынесен за пределы тела, — закруглился изгоняющий и небрежно щелкнул пальцем по хранителю. — Без этого они безвредны.

— Я слышал такое, — кивнул Сай'Коси. — Но опасался, что есть неизвестные посторонним тонкости.

— Были тонкости, — пожал плечами укрощающий. — На старых магах чего только не было — я застал. Но после мятежа в Орри концепция изменилась. Больно уж удачно старикам удавалось обойти запреты (или неудачно, с какой стороны посмотреть). Теперь все проще: пастырей — мотивируют, изгоняющих — контролируют. Печати, обратимо отсекающие Источник, создаются строго индивидуально и только для магов ранга темного рыцаря. Считается, что колдунов помельче проще убить, чем перевоспитывать, а среди нас никого сильнее третьего ранга не осталось. Или ты имел в виду не летальные методы воздействия?

Изгоняющие помоложе дружно насупились — они слишком хорошо помнили, как в Школе используют упомянутые "методы".

— Я не понял, — осторожно подал голос Су'Никар. — В чем смысл? Ну, да, хранитель — ключевой элемент. Но ведь снять–то его нельзя!

Это первое, что демонстрировали ученикам, и не всегда на овцах.

Присутствующие согласно покивали, а вот двое старейших изгоняющих как–то разом притихли: Сай'Гьяпе нервно тискал свои побрякушки, а Сай'Коси на него многозначительно поглядывал.

— Или — можно? — не то удивился, не то догадался Су'Никар.

— Способ есть, — через силу выдавил Сай'Гьяпе (не в обычаях черных делиться секретами). — Но на моей памяти им никто не пользовался.

— Потому что это — самоубийство, — согласился Сай'Коси. — Просто умираешь не сразу. Снять — можно, надеть обратно — нет.

И Су'Никар, уже мысленно примеривавший на себя свободу, очень ясно представил ее последствия. Колдун без хранителя — лакомая добыча и для изгоняющих, и для вербовщиков. Ах, какие награды выдавались за удачный донос, не говоря уж о поимке! Если бы олухи, притащившие в Тусуан некроманта, вовремя распознали его, то сейчас купались бы в роскоши. Правда, судьба самого иноземца была бы незавидной…

— А в чем заключается способ? — живо заинтересовался менее впечатлительный Су'Джочу.

— Текущая вода, — нехотя объяснил Сай'Гьяпе.

— Да ну, фигня! — не удержался Су'Никар, который регулярно мылся не только в бадье (походные условия!).

— Не фигня! — поддержал коллегу Сай'Коси. — При погружении в большой водоем, полноводную реку, а лучше — море, хранитель дает сбой и тратит несколько секунд на подстройку. Главное — не зевать!

— Что, так просто? — обиделся Су'Джочу.

Действительно, неужели столько лет пастыри разводили изгоняющих на такой мелочи?

— Просто? — прищурился Сай'Коси. — Давай, ты сейчас сбегаешь до речки, снимешь хранитель, а мы — нет!

Су'Джочу смутился и заткнулся, наверное, вспомнил последнюю зрелищную казнь "дикаря". Наблюдая за озадаченными коллегами, Су'Никар неожиданно понял, что никакого заклинания на хранителе могло вовсе не быть — в повиновении черных удерживала готовность ловить и нежелание оказаться пойманными. Тогда зачем все эти сложности? Впервые за много лет мудрость Уложения перестала казаться изгоняющему абсолютной.

— Замнем, для ясности, — постановил Сай'Воргун. — Что предлагаешь?

Слово снова взял Сай'Коси.

— С тем, что из Тусуана надо валить, как я вижу, все согласны. Ничего невозможного в этом нет. Снять хранители — реально, вызвать из метрополии карательный отряд Наместник не сможет, Сайк'Малута, если потребуется, я возьму на себя. Не настолько уж

он и сильный! Остается что?

— Пастыри? — вслух "догадался" неугомонный Су'Джочу.

Сай'Коси мученически вздохнул.

— Нет, серьезно, — поддержал ученика Сай'Чатаха. — Могут они обойтись без хранителя, скажем, одним заклинанием?

— Работать с узами, минуя хранитель, способны только пастыри не ниже третьего ранга, — назидательным тоном объяснил Сай'Шарг. — Таких в Тусуане два. Уверен, Наместник не решится рисковать мастерами, потому что за одного… ну трех убитых наших им придется заплатить жизнью — на массовые воздействия узы не рассчитаны.

То есть, если прижмет, то дюжина безбашенных учеников запинает пастыря с минимальными потерями! Су'Никар повеселел.

А Сай'Коси, наоборот, вспомнил, что его прервали, и нахмурился:

— Но я имел в виду не это! Туда ли мы едем?

— А куда еще? — спокойно пожал плечами Сай'Воргун. — Побережье слишком открыто, не отобьемся, земли вдоль Тималао

— тоже. Про Суроби–хуссо ты знаешь… А Кунг—Харн удален, у него дурная репутация, надежно отпугивающая поселенцев. Народ на рудниках, в основном, ссыльный, и за Уложение в бутылку не полезет. Своих изгоняющих там сейчас, что удачно, нет: перед закрытием трактов гонец приезжал — их босс в шахте навернулся. Пастырей передушим, гостей (если они после чужаков останутся) — выселим. И будет у нас своя земля, на начальников, наоборот — не будет.

Слова Сай'Воргуна вошли Су'Никару в уши и прикипели к сердцу. В уме у него почему–то возник образ горы, одинокой и неприступной, а вокруг — ни души…

— А бабы? — мечтательно улыбнулся Су'Джочу. — Бабы будут?

— Баб своих возьмем! — обломал его Сай'Коси. — Так надежней. И потом, что, кто–то здесь надеется слинять без них?

Сбежать так, чтобы не узнали жены–сестры–матери, действительно, не представлялось возможным, а своих детей ни один изгоняющий и так не бросит.

— Все упрется в транспорт. Лошадей на конюшне — десятка полтора, еще десяток быков на службе у хозяйствующих, да у горожан ослов штук восемь. Телеги всего три. Даже если тикать с голой задницей, все равно на всех не хватит, а нам еще харчи с собой тащить…

— А украсть? — вклинился в разговор Су'Джочу.

— У кого? — терпеливо переспросил Сай'Коси.

Даже ребенок знал, что крестьяне–печатные лошадей не держат: им главное — продукты до пункта сбора дотащить, тачки для этого вполне хватает. Сай'Чатах принял сосредоточенный и независимый вид. Правильно, чей ученик тут — самый тупой?

— Так у Наместника! — обрадовал Су'Джочу изгоняющих.

Сай'Коси властным жестом заткнул Сай'Чатаха, готового обрушиться на бывшего воспитанника с потоком брани.

— Расскажи об этом подробнее, — поощрительно улыбнулся он.

Су'Джочу едва не забыл, о чем собирался говорить.

— С'Румчи — помните С'Румчи? — спьяну проболтался. Когда император скотину и повозки реквизировал, вроде как для военных нужд, Наместник, жучара, кое–что заныкал на верхних пастбищах. Про лошадей не скажу, а телеги там точно были, Римчи на них отвращающие знаки ставил. А потом дороги закрылись, так, небось, все без дела и пропадает.

— То, что поставил Римчи, я завсегда снять смогу, — веско обронил Сай'Тарки.

— Где именно "на пастбищах"? — принялся допытываться

Сай'Коси.

— Ну, Римчи точно не говорил… Где–то по южной стороне!

Южный склон Тусуанской долины был изрезан ущельями и отрогами до невероятности, искать там спрятанное Наместником имущество можно было годами.

— Горы большие, но нормальных дорог в них немного, — подал голос обычно молчаливый Сай'Юрим. Наставник стражевиков был мало того, что самый молодой, так еще и не местный. Естественно, что в компании ларешцев он чувствовал себя неуютно. — Вряд ли светлорожденные решили угробить повозки на камнях. Я тут ставил охранку паре пастухов, могу расспросить их насчет этого.

— Не сдадут? — нахмурился Сай'Тарки.

— Скажу, что хочу присмотреть место под стоянки патрулей, мол, чужаки по горам шастают, как у себя дома.

— Дело говоришь! — Сай'Коси покивал.

И заговор состоялся.

За жирным пловом и пряными закусками обговорили мелочи: кого с собой звать, что — воровать, кто поедет с Сай'Юримом, а кто останется приглядывать за горожанами, чтобы какие–нибудь доброхоты не послали весточку Наместнику. Мелочей оказалось много, разговор затянулся до темноты.

Голубоватый свет зачарованных масляных ламп гонял по углам боязливые тени, спертый воздух давил на виски. Момент, когда двери снова открыли, Су'Никар воспринял с облегчением. За порогом смеркалось и нехороший, "черный" час как бы намекал, что и дела под его покровом творятся тоже нехорошие. Впрочем, особой впечатлительностью никто из изгоняющих не страдал, их больше беспокоили затекшие спины и переполненные мочевые пузыри.

Подавальщик сноровисто перетаскивал на кухню опустевшие тарелки и блюда. Су'Никар вспомнил, что в разговоре он не участвовал и своего отношения к заговору не проявлял.

— Бат, а ты с нами пойдешь? — окликнул он молчаливого свидетеля их преступлений.

Тот покачал головой.

— Почему?!!

— Что я там буду делать, без Источника? А здесь у меня дом, должность…

И Су'Никар вынужден был признать его правоту. Человеку без магии добиться уважения среди изгоняющих сложно, а попасть под горячую руку — как нечего делать. Бат не доверял соплеменникам — слишком уж хорошо он знал их натуру. Также будут рассуждать и другие ларешцы, черные только по имени.

Значит, заговор будет иметь успех только среди практикующих изгоняющих, не имеющих предубеждений против Сай'Коси или видов на его место. Су'Никар знал таких немного — сильнейшие из них только что покинули трактир, довольно срыгивая. Умен старый наставник, ничего не скажешь — умен!

За какую–то пару часов идея восстать против потерявших край светлорожденных стала естественной и очевидной. Мысли о цене неудачи вытеснялись из сознания также надежно, как прежде — несогласие с приказами командиров. Су'Никар постоял в дверях харчевни, покачиваясь на носках и прислушиваясь к журчанию фонтана. Почему ему раньше не приходило в голову что–то предпринять? Себе не соврешь: он никогда не думал о том, чтобы подготовить убежище или поискать подходы к хранителю. Но, поскольку выводы на этот счет ранили самолюбие изгоняющего, их он тоже забыл. К чему ломать голову? Никакого интереса в сохранении существующего положения дел он не имел, а то, что они затеяли, по крайней мере, соответствовало голосу черной натуры и приносило удовлетворение само по себе.

Уже знакомый Су'Никару жрец–талле мог бы поведать, что происходит, когда черный шаг за шагом начинает уступать зову хаоса (и чем это кончается для окружающих). Но изгоняющему идея добровольно ограничивать свои порывы представлялась странной. Однажды светлорожденные узурпировали право устанавливать запреты, а теперь не удержали власть, и под руинами Уложения погребло все намерения предков, как благие, так и эгоистичные.

Хранитель еще не был снят, нашивки с мундира не спороты, а в сердце Су'Никара уже рождался черный маг, дикий в худшем смысле этого слова.

Глава 20

Два дня ситуация колебалась между затуханием и взрывом. Сай'Юрим определил, где может находиться заначка Наместника, но государево имущество пока не трогал. Сай'Воргун заставил конюхов привести в порядок старую упряжь, но к продуктовым запасам Школы еще не подступался. Су'Никар переговорил насчет побега с Анишу и Лахимом, получил согласие, а вот учеников трясти не стал — болтливы не в меру (настоящий изгоняющий доверенной ему тайной, как куском хлеба — не поделится).

И только Сай'Коси ходил, многозначительно улыбаясь, словно видел их жалкие уловки насквозь, из–за чего Су'Никар чувствовал себя прозрачным, как сосуд из арх–харамского стекла. Ну, да, изгоняющие никогда еще не брались за какое–либо дело добровольно! Отойдя от злосчастного юбилея и немного подумав, они обнаружили, что побег сам по себе не приведет их на берега молочных рек — придется работать, много и упорно, с непредсказуемым результатом, возможно, голодать. А надо ли? Гордость гордостью, но даже на ритуал смертного колдовства не заберут сразу всех, первыми пострадают младшие изгоняющие и ученики, сильнейшие же еще долго смогут жить в свое удовольствие…

Сай'Коси улыбался и никого не торопил — он не сомневался, что боги сумеют обеспечить своим пасынкам животворящий пендаль. И не надо намекать, что Создатель может оказаться не на их стороне! Если бы светлорожденные, как это принято считать, умели жить в гармонии с бытием, империя не оказалась бы в такой жопе.

Терпение богов кончилось на третий день.

Су'Никар скучал: отпуск закончился, но полигон в Школе не восстановили, так что, заниматься предусмотренными Уложением тренировками изгоняющему было негде. Свободное время он проводил так же, как и все прочие обитатели Лареша — за его пределами. Все более–менее пологие участки склона вокруг питомника были вдумчиво поделены и превращены в подобие загородных вилл. Никаких (боги оборони) навесов или палаток, ничего, имеющего более двух опор! Самым распространенным решением был вбитый между камнями шест (его можно было объявить местом поминовения предков) или невысокий плетень (сооружение для защиты склона), популярностью пользовались складные зонтики. Су'Никар сумел занять участок с большим валуном, очень удачно закрывающим вид на Лареш. С раннего утра изгоняющий, прихватив воды и лепешек, отправлялся на

свое место, закреплял на шест усиленную двумя поперечинам циновку, устраивался в ее тени и пытался представить, что один. А ветер с гор хлопал диковинными тростниковыми парусами.

Тут–то его и нашел ученик Сай'Коси.

Придерживая одной рукой штаны, мальчишка ловко прыгал по камням, игнорируя головокружительный обрыв и границы участков. Как мелкому удалось пройти мимо отдыхающих колдунов, оставалось загадкой, но выглядел он целым и бодрым.

— Наставник предлагает вам разделить с ним честь общения с посланцами Анатари'Шарпа! — на одном дыхании выпалил посыльный.

Су'Никар едва не брякнул, что такую честь в гробу видал, но вовремя вспомнил о заговоре.

— Разделить, стало быть, с наставниками, — проговорил он достаточно громко, чтобы окружающие

поняли: его выделили и возвысили. — Ну, есть у меня немного времени до обеда… А ну, стоять! Возьмешь это, это и это и отнесешь к Бату. Я потом сам заберу.

Ученик поволок циновку и недоеденные лепешки в харчевню, а Су'Никар отправился на смотровую площадку, где обычно собирались наставники. Переодеваться он не стал — спешно извлеченный из сундука парадный мундир будет выглядеть хуже повседневной одежды, а уж какой запах… Наставнику следовало предупредить его о своей затее хотя бы за полдня.

Встречающих собралось немного и настроение среди них царило мрачное. По склону медленно ползли две алые машинки и крытый грузовик.

— Наставник! — попытался отболтаться от сомнительной чести Су'Никар. — Я-то здесь зачем? Сай'Юрим точно в городе, да и Сай'Тарки…

— Не пойдет! — Сай'Коси был решителен и непреклонен. — Рядом должны быть только самые надежные. Без Воргуна не обойтись — он директор Школы, а у остальных — чин не подходящий. Скажем: предупреждения не было, не успели всех собрать.

Су'Никар чувствовал себя польщенным, но в чем именно заключалась его надежность — не понимал. Тем более, что четвертым встречающим оказался Сай'Шарг. Укротитель немного отъелся, порозовел, раздобыл совершенно новый мундир, идеально сидящий по фигуре, и окончательно приобрел вид недобитого еретика: взгляд у него стал пристальный, темный, к лицу намертво приклеилась кривая улыбка. Су'Никар бы такому ученика не доверил.

— На вот, кстати, подарок, — спохватился наставник. —

Давно хотел передать.

Подарком оказался метательный кинжал в ручных ножнах, идеально скрывшихся в одежде изгоняющего. Хорошая вещь! И в дороге, наверняка, пригодится. Су'Никар немедленно пристроил подарок на место, и укрощающий покосился на него с плохо скрываемой завистью — парадный мундир, обнажающий руки по локоть, подобных дополнений не подразумевал.

Сай'Коси убедился, что его подсудный презент надежно скрыт от посторонних глаз и выдал бывшему ученику странные указания:

— Пойдешь впереди меня, за Воргуном или Шаргом, как получится. Дальше — по обстановке.

По традиции, краткие имена изгоняющие использовали только в бою (ночным гостям, знаете ли, безразличны титулы), однако подходящего врага Су'Никар поблизости не чуял. Оставалось только кивнуть.

Автомобили въехали на площадь чихая и перхая — старая казенная рухлядь. На грузовик изгоняющие поглядывали со сдержанным любопытством, но ни материалов для восстановления полигона, ни давно ожидаемых харчей (пайкового мяса уже месяц никто не видел) в нем не оказалось. В своей неизъяснимой мудрости Наместник решил, что тронутым порчей сейчас больше всего нужен десяток штурмовиков в полном боевом облачении. Рядом с увешанными амулетами крепышами Су'Никар чувствовал себя нашкодившим мальчишкой (даже несмотря на кинжал в рукаве). Ну, да, изгоняющие не отличаются могучим телосложением, другая у них стать!

"Одно точно — на церемониальную охрану это не похоже"

Впрочем, откуда Су'Никару знать, как обычно происходят встречи с посланцами Наместника? Он в них первый раз участвует.

В автомобилях приехали гвардейский офицер и два самых необычных пастыря, которых Су'Никар встретил за свою недолгую карьеру. Он привык, что маги светлой стороны держатся скромно и стараются не привлекать к себе внимание, а эти двое могли бы поспорить богатством одежд с иными светлорожденными: вместо сукна — серый шелк, вместо легко тускнеющего серебренного шитья — бисерный орнамент, на шее у старшего — амулет Уложения с крупным, бледно–зеленым камнем. Вид пастырей произвел на старших изгоняющих неоднозначное впечатление: Сай'Коси едва слышно хмыкнул, Сай'Шарг продолжил плескаться в океане безумия, Сай'Воргун пропел на удивление слащавым голосом:

— Прохладного дня, досточтимый Тай'Илоу! Радость встречи

с вами омрачена неожиданностью вашего визита, не позволившей преподавателям Школы приветствовать вас в полном составе.

"Вот он, стало быть, второй тусуанский тай", — догадался Су'Никар. — "Один облажался, так нам другого выдали, тоже с учеником. Ха!"

— Священный долг может потребовать от нас служения в любой час, — вздернул подбородок пастырь, и Су'Никар прикинул, что по возрасту он с Сай'Коси один в один, только ухожен лучше. — Воля Анатари'Шарпа должна быть исполнена.

Спорить с этим утверждением никто не стал, но положенный по Уложению порядок встречи явно поломался.

— И в чем же заключается его воля? — с явным подозрением поинтересовался Сай'Воргун.

— В поддержании равновесия! — голос пастыря зазвенел. — Магия — слишком большое искушение, слишком тяжелый груз, чтобы нести его в одиночку. Разумно, когда родичи волшебника служат опорой Уложения и следят за исполнением закона. Семьи одаренных светлой стороны приносят соответствующие клятвы. Теперь бремя служения обязаны принять и родственники тронутых порчей!

Присутствующие восприняли новость скептически. Может, с пастырями подобный подход и работает, а изгоняющим на заложников сто раз плевать. И только Сай'Коси, всегда первым понимавший, в чем подвох, вкрадчиво уточнил:

— Кого вы понимаете под родственниками?

— Наследников первого круга, включая детей, начиная с десятилетнего возраста.

Сай'Воргун опешил:

— Но, десять лет — возраст Силы. Если Источник проснется после наложения печатей, они же умрут в таком случае!

— Те, кто до такого возраста не открыл в себе Силу, империи не нужны!

Су'Никара аж передернуло. Да, черный, не услышавший голос Силы до десяти лет, сильным изгоняющим уже не будет. Однако с каких это пор порчи стало слишком мало?!!

— Это явное противоречие Уложению! — взвился Сай'Воргун. — Нижний предел возраста клятв для свободнорожденного — двенадцать лет!

— Для обитателей Лареша будет сделано исключение.

Су'Никар решил, что ослышался. Отказать черным в правах свободных граждан? Обойтись с изгоняющими, как с какими–то запаршивевшими черноголовыми, словно магия — не дар, а породный признак!!!

— Мы что–то пропустили, с юга прибыли гонцы? — сквозь

зубы процедил Сай'Воргун.

— Светозарный Анатари'Шарп возложил на себя тяжкий груз приведения законов в соответствие с нуждами Тусуана и империи.

Тут даже Сай'Шарг не смог скрыть удивления. Уложение специально оговаривало невозможность подобных "благородных жестов" — только Император, только с благословения высших жрецов, только после двухнедельного поста и медитаций… Да там этих условий на целый том! А этот — "возложил на себя", благодетель. То есть, Наместник — еретик, это понятно, вернется Император, он ему покажет "тяжкий груз". Вот только — когда вернется и вернется ли? Сейчас отступнику в Тусуане никто слова поперек не скажет. Вовремя же они сговорились линять!

— И что же светозарный Анатари'Шарп требует от нас? — с завидным хладнокровием поинтересовался Сай'Коси.

— Всемерного содействия!

— Конкретней.

— Покажите мне дом изгоняющего второго ранга Кираша Наконе.

Сай'Шарг молча развернулся и пошел вперед. Сай'Воргун вился вокруг пастыря, а Су'Никар, вовремя вспомнив про уговор, тупо вперся между старшими и учеником. Имеет право! Тот не стал возражать и вообще оказался не редкость малохольным, все его внимание было сосредоточено на поклаже — кожаном саквояже, невероятно потертом и не единожды заляпанном. Молодой пастырь пыхтел, тряс башкой, пытаясь закинуть за спину сползающие на глаза косички, но попыток сбагрить ношу печатным не делал. Ценная, должно быть, штука! Интересно, что внутри.

Процессия двигалась неторопливо, с достоинством. Сай'Воргун бухтел вполголоса, пытаясь воззвать к здравомыслию Тай'Илоу, тщетно. Су'Никар праздно размышлял, к чему именно ему следует готовиться. Ну, вот вломятся они к Су'Киршу с пастырями и амулетом Уложения наперевес. В доме пять человек, попадающих под новый указ, в том числе — сын изгоняющего, к огорчению отца — бездарный. Спрятать его Кираш не успеет, помешать пастырям — не сможет. Прежде, чем слухи разлетятся по городу, Илоу успеет навестить минимум три семьи и во всех будут дети, просто потому, что взрослые без Источника в Лареше не задерживаются. Дальше новоявленных печатных начнут прятать… А те, кто уже пострадал, станут сдавать беглецов, просто из принципа. Надо ли говорить, какой всплеск обид и взаимных обвинений это вызовет? Тщательно поддерживаемый в Лареше баланс сил рухнет, потом польется кровь. Никакие слова

и заветы не смогут остановить колдунов, впавших в боевое безумие! Властям придется убивать зачинщиков беспорядков, то есть — вожаков, сильнейших. А ночных гостей кто после этого гонять будет, Наместник? Вовремя они решили валить из Тусуана! Ничего хорошего долину не ждет, это ясно. Судьба Кираша Су'Никара не беспокоила — этот изгоняющий стоял в оппозиции наставникам и в число заговорщиков не входил. Оставалось придумать, как побыстрей избавиться от пастырей…

И тут Су'Никар внезапно осознал, почему наставник считает надежным именно его: Сай'Коси нужны были помощники, доказавшие свою способность совершить убийство.

Изгоняющий покосился на ученика Илоу с нездоровым интересом. По виду — не боец. Но хорошо ли натаскан? Маг, все–таки. Знавал он людей, которые неприятности жопой чуяли, к таким даже со спины не очень–то подойдешь. Готов ли вот этот обливающийся потом мальчишка убить первым, потому что уж Никар–то своего не упустит? Нельзя недооценивать пастырей.

Уклониться от встречи с посланцами Наместника Су'Кираш не мог, подвоха от их визита не ожидал (он был из тех, кто политической ситуацией принципиально не интересуется). В общем, дверь им открыли.

Сай'Воргун вошел первым (директор Школы как–никак) и тут же ненавязчиво переместился вбок, как бы устраняясь от конфликта (а заодно и уходя с линии возможных атак). Сай'Шарг услужливо придержал дверь, пропуская Тай'Илоу вперед, потом вошел сам, ему на пятки наступал Никар, а ученик уже с трудом втиснулся в типичную ларешскую квартиру Су'Кираша — штурмовикам пришлось остаться на улице. Будь помещения в Ларе ше нормальных размеров, и изгоняющим ни за что не удалось бы разделить пастыря и ученика, а маг, которому кто–то прикрывает спину — серьезный противник (Никар

на месте их самозваного лидера вообще взгрел бы команду и заставил перестроиться). Но Тай'Илоу, похоже, вопросами безопасности заниматься не приходилось (либо покладистость Сай'Коси ввела его в заблуждение), в общем, кретин позволил ларешцам выстроиться предельно удобным для атаки способом. Особенно принимая во внимание Шарга, нехарактерно сложившего руки на груди и пристроившегося у пастыря за левым плечом.

Как он собирается избавляться от старика? Душить? Не лучший способ убить мага.

Хозяин дома с некоторым недоумением взирал на завалившуюся к нему пеструю компанию. Секунд пять потребовалось ему, чтобы понять — предводительствует гостями

пастырь, еще столько же, чтобы вспомнить положенные по Уложению фразы о светлом пути и прохладном дне, однако проникнуть мыслью в чужие намерения он оказался не в состоянии. Су'Кираш был типичным, можно сказать — образцовым изгоняющим.

И теперь он оказался с чудаковатым пастырем один на один.

— Возрадуйтесь, досточтимый, милость светозарного Анатари'Шарпа обратилась на ваш дом! — Тай'Илоу приступил к изложению своего дела. — Ибо что может быть большей честью, чем служение основам? Предвижу радость, которая охватит ваших родичей при известии, что они призваны! Не сомневаюсь, также, в их благочестивом послушании.

М-да, изъясняться понятным для изгоняющих способом усопший явно не умел (интересно, чем он вообще обычно занимается?). Смысла сказанного Су'Кираш не понял, а признаться в этом на глазах свидетелей — не решался.

Тай'Илоу сделал над собой усилие и снизошел до разъяснений:

— Все ваши родственники обязаны принести клятву на амулете Уложения. Сын — тоже.

— Это что же — печать? — прозрел Кираш. — На Ричико?

— Больно не будет, — успокаивающе улыбнулся пастырь. — Я занимаюсь наложением Печатей больше полувека и давно уже не терял пациентов. Все будет сделано наилучшим образом!

Кирашу было плевать на чувства пацана, а вот как изменится его статус он осознал быстро и отчетливо — именно из–за таких "милостей" чиновники не задумываясь пускают в ход "хранители". Иметь в семье печатного — клеймо, в Лареше подобное будет заметно особенно отчетливо. Кличка "черноголовые" намертво приклеится к мальчишке, самому Кирашу и всему его возможному потомству. У изгоняющих появятся собственные парии…

Возможно, Наместник просто хотел разделить ларешцев на касты, для лучшей управляемости, но Никар понимал, что затея обречена. И Су'Кираш сейчас покажет, почему.

— Но так ведь не положено! — изгоняющий зыркнул на Воргуна (разногласия разногласиями, но этот, хотя бы, свой).

Директор Школы притворился, что оглох и ослеп.

— Я могу показать указ с печатью и личной подписью святозарного Анатари'Шарпа, — приосанился Тай'Илоу. — Вы ведь грамотный?

— А если Источник проснется позже? — осенило незадачливого отца.

— Будем молиться светлым богам, чтобы этого не случилось,

— скорбно поджал губы пастырь.

Молиться о бездарности своих детей — это было что–то новое. На лице Су'Кираша появилось упрямое выражение — первый намек на готовность к бунту.

— Только через мой труп! — выложил он последний козырь. Не станут же чиновники пускать в расход хорошего изгоняющего!

Бедняга просто не понял изменившейся ситуации: если бы светлорожденные допускали дискуссию, они бы послали с пастырем кого–то из своих.

Тай'Илоу сокрушенно вздохнул:

— Иногда нам приходится жертвовать ради будущего…

Никар сообразил, что поучительный пример для бунтовщиков заранее предусмотрен планом, и неожиданно почувствовал сильное возбуждение. Рассчитывает ли Коси избавиться под шумок от конкурента или начнет действовать до того, как прольется кровь? Как бы это узнать?

— … чем–то очень ценным. Это правильно, а значит — хорошо! — пастырь выпрямился, словно жердь проглотил, и, кажется, потянулся к амулету.

Шарг опустил руки, в левой мелькнуло остро отточенное шило с головкой, замаскированной под пуговицу — известный воровской прием. Длины в оружии было чуть больше ладони, удар им следовало наносить в упор, но не зря же укротитель так долго маневрировал! Точку, из которой его приготовления хорошо просматривались, занимал Воргун, а различить градации угрозы от разных целей у Тай'Илоу не получилось бы — здесь прибить его желали все. Никар демонстративно отвернулся от спорщиков — Шарг стоял к пастырю ближе, а покойников в комнате было двое — ученика тоже следовало валить.

— Одумайся и смирись!

Тут укротитель решил, что пафоса достаточно, и вогнал пастырю в бок заточку. Сердце Илоу остановилось мгновенно, и никакой Источник ему не помог.

Не дожидаясь, когда мертвое тело осядет на пол, Шарг издал пронзительный свист, одновременно с ним Никар метнул свое оружие.

С такого расстояния промахнуться невозможно — дареный кинжал вошел молодому пастырю под челюсть. Тот еще некоторое время булькал, хрипел, и его деловито добили. На улице собранная Коси банда дралась с гвардейцами и побеждала — в руках ларешщев неожиданно появились арбалеты и копья, защиты от бронебойных болтов печатные не имели, развернуться в атакующий порядок не смогли и за пять минут полегли все.

Ошалевший от такого поворота дел, Кираш успел

инстинктивно схватиться за Источник, и теперь судорожно тискал потеплевший хранитель, пытаясь осознать глубину своего падения.

— Не дергайся, — примирительно сказал ему Воргун. — Мы после прошлого раза чего–то подобного и ждали. Какой смысл позволять им калечить мелких, если мы все равно собирались отсюда валить? Кстати, присоединяйся! Мы знаем, как снять хранители, собираемся обосноваться в Кунг—Харне.

— Мы, это — кто?

— Все наставники, их семьи, вот этот, — кивок на Никара. — Еще пара десятков бойцов. Видел, какие шустрые?

(С улицы заглянул перепачканный в крови Джочу. Шарг сосредоточенно обшаривал мертвецов.)

— Согласен. Что мне делать?

Как будто у Кираша теперь выбор был! Никар обтер об одежду покойника отлично послуживший нож и пошел домой — по ходу, собираться в путь надо уже сейчас.

Глава 21

Сбор вещей занял у Никара до обидного мало времени. Вроде бы жил–жил, вкалывал как ишак, а всего–то и скопил пару мундиров да сапоги! Нельзя же считать достоянием рюмочки из арх–харамского хрусталя или фарфоровую чашку без блюдца?

Из недр сундука и дальних углов полок извлекались позабытые свидетельства существования дикого бродяжки, незаметно превратившегося в изгоняющего без вредных привычек: коралловые бусины, купленные непонятно где и для кого, серебряная вилка с эмалевой ручкой (целая), потускневшая медная пряжка, когда–то показавшаяся Никару безумно красивой. Старые вещи, забытые мысли, несбывшиеся мечты. Глядя на них хотелось не то — выпить, не то — дать себе кучу невразумительных обещаний. А пока Никар старательно перекладывал свои сокровища тряпьем, чтобы не поцарапались и не побились в дороге.

Он как раз решал, не добавить ли к свертку с полотенцами рукомойник, как в дверь вломился это хамло — Джучи (давно козла не били).

Впрочем, повод у наглеца был:

— Беда! Су'Фучи ученика из города отослал — на лошади хозяйствующих уехал.

— Ах, ты ж светлый папа!

И изгоняющие уже вместе метнулись к дому Коси.

— Куда смотрели?!! — взвился старик.

— Эти скоты Пачика притравили — кончается уже. Он на выезде стоял!

Никар оскалился — противники бегства пролили первую кровь, однозначно перейдя в стан врагов.

— Общий сбор! — рявкнул Коси. — Начинаем действовать по плану, вариант "пастыри в городе".

На стороне заговорщиков была решимость и дисциплина. Черные маги, связанные иерархией — страшная сила! Командиры побежали по улицам, сзывая сторонников и, по мере роста отряда, разбивались на группы. Если Су'Фучи планировал нечто большее, чем донос, желания связываться с группами в пять–семь серьезно настроенных бойцов у него не возникло. Юрим и Тарки умчались к конюшням во главе отряда мародеров — повозки нужны были прямо сейчас. Доверенные бойцы брали под охрану склады, а женщины уже деловито тащили на площадь первые узлы и корзины.

— Не рано ли мы дергаемся? — сладко зевнул Джочу (больше

него давить ухо любил только покойный Пачик). — Телег еще нет. Что, все так на землю и положим? Вдруг — дождь!

Коси сердито хлопнул себя по бедру:

— Завтра — поздно будет. Светлорожденные — не дураки! Сегодня вечером получат весть, завтра к полудню тут будет не протолкнуться от гвардейцев и бунт они станут давить без пощады. Времени на сборы в обрез. В кучу не сгребать! Самое необходимое — вперед, то, что можно кинуть — сзади.

Мысль о разгневанных светлорожденных немного взбодрила собравшихся. Воргун взялся описывать имущество каждой семьи и следить, чтобы пожитки не перемешивались. Укротители Шарга выгнали из хранилища хозяйствующих и упаковали для перевозки все колдовские ингредиенты, какие нашли. Дело было за транспортом. Пока выходило так, что за повозками с провизией беглецам придется идти пешком.

Надежда появилась вечером.

Наблюдатели заметили караван и подняли шум. Никар тоже сходил посмотреть: по дороге неторопливо взбиралось три десятка длинных телег. Уже в сумерках они въехали под защиту городского периметра, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что запряжены в них попарно рослые гнедые тяжеловозы, а две последние волокут, выбиваясь из сил, мелкие коньки изгоняющих, только сейчас из–под седла. Несмотря на полгода небрежения, тяжеловозы выглядели неплохо (разве что шерсть не стрижена), на телегах не хватало тентов, но дело было не в том.

— Мало, — констатировал Коси.

— Быков не поймали! — огрызнулся Юрим. — Одичали, сволочи, бодаются. Лошади, какие были, все здесь.

Вот когда начинаешь с теплом вспоминать о пастырях! За теми любая скотина ходила, как привязанная.

— Перековать бы, — добавил от себя Тарки.

Коси отправился столковываться с кузнецом, не готовым работать в ночь даже ради спасения собственной жизни. И уговорил как–то! Вот ведь талант у старика.

Возвращаться в покинутую квартиру Никар не стал — заночевал в телеге, закутавшись в одеяло и положив под голову узелок помягче. Повозки длинной вереницей заполнили почти всю центральную улицу, вдоль сваленных грудами вещей

ходили сторожа, гоняющие всякую предприимчивую шелупонь. Пару раз за ночь он просыпался от каких–то мутных видений, поэтому и утреннюю тревогу по первости принял за сон — все бодрствующие изгоняющие, перекрикиваясь, спешили к харчевне Бата. Никар подумал и тоже пошел.

С обзорной площадки, ставшей внезапно тесной и узкой, глазам собравшихся представало необычное явление — в прозрачном предрассветном сумраке по долине ползла серая река. Догадка пришла мгновенно — печатные. Кого еще можно было заставить идти сквозь ночь! Сколько их там — тысяча, полторы? Добраться до подножия горы раньше этой толпы не представлялось возможным. У Никара от бессильной ярости свело скулы.

И только Юрим не потерял головы:

— Верхом пройдем, по следам грузовиков. Где–то же они на гору въехали!

— Живо все по телегам! — рявкнул Коси. — Времени на сборы — час.

Площадь вскипела движением: над повозками крепили спешно сметаные из одеял тенты, внутрь закидывали оставшиеся вещи, в оглобли заводили перекованных коней, Воргун лихорадочно листал свои списки и отбивался от попыток хозяек брать с собой мебель (Никару просто не хватило фантазии до такого додуматься). Коси, черный от сдерживаемой ярости, раздавал последние указания — работа доставалась всем.

— Никар, смотайся за учениками!

— Да нафига нам эти дармоеды… — забухтел Тарки, но Никар только хмыкнул. Артефактор слишком редко выбирался из мастерской! Ученики были нужны.

Кто будет безропотно стирать носки и мыть кружки после наполненного тяжелой работой дня? Кого можно отправить на проверку всяких подозрительных мест, тупо взяв на слабо или задавив авторитетом? Кто будет жадно внимать каждому слову наставника, лелея мечту однажды сравняться с ним в мастерстве? А когда долгожданный момент настанет, с радостью отправится нафиг, сопровождаемый сакраментальным "Мне больше нечему тебя учить"? Нет–нет, ученики изгоняющим совершенно необходимы! Очень удачно, что шантрапа, собранная ловцами по городам и весям, с таким восторгом отнеслась к идее свободной жизни. Им еще многое предстояло узнать…

Никар оставил сохранность своего узла на совести наставника и пошел к казарме — первому дому каждого привезенного ловцами ребенка и приюту для сирот (местные попроще тоже, бывало, сдавали отпрысков на попечение империи, если мелкий совсем доставал). Свое пребывание там он помнил плохо, из чего заключал, что жить в приюте ему не понравилось. Впрочем, он очень быстро стал личным учеником Коси, а нынешним малолеткам это не светило — слишком многих Император забрал на юг. Изгоняющий почти не сомневался, что

беглецы смогут забрать все молодое пополнение скопом, а уж приставить его к делу командиры сумеют.

То, что с учениками не все чисто, Никар понял еще на подходе к казармам — на улице было нехарактерно тихо и безлюдно. Черные ничего не боятся, но влезать в чужие разборки не любят, не важно, на чьей стороне. Следовательно, впереди изгоняющего ожидало нечто враждебное. Но когда это его останавливало? Узкий переулок вывел Никара к цели и бросил, позорно спрятавшись за углом. Пришло время оценить расстановку сил.

Казарма оказалась надежно блокирована — ставни на окнах и так запирались снаружи, а дверь приперли скамейкой. Хвала всем богам, лезть на крышу ученики пока не додумались (или чердак закрыт). Лишенная возможности выбраться мелюзга азартно материла своих пленителей (Никар прислушался — в чем–то наивно, но изобретательно).

Подходы к зданию охраняла пятерка ларещцев под предводительством Су'Фучи. Прежде Никару достаточно было на них цыкнуть, но побег исказил понятия о рангах — теперь мирного разрешения конфликт не подразумевал. Мысли об отступлении тоже не возникало. Тут важно правильно рассчитать точку приложения сил… Проще говоря: кого резать первым?

Обозначив предводителя, Никар поторопился — в первые ряды Су'Фучи не полез, неожиданно вспомнив о рангах. Изгоняющим паразит считался чисто условно — ничему сложнее зарядки амулетов он научиться то ли не смог, то ли не захотел. Всю свою энергию Су'Фучи направил на спекуляцию едой и скупку краденого, на чем и выцыганил у надзирателей свой второй ранг. Он и в мастера пролезть пытался, но регулярно получал по рогам — тут знакомства среди светлорожденных ему помочь не могли. У Никара сложилось ощущение, что о дареном кинжале Су'Фучи знал, но встречать его грудью не планировал — вперед он выставил Су'Ралека, вполне приличного стражевика–практика. Этот–то что забыл в такой компании? Прогнулся под барыгу? (Тут Никар не к месту вспомнил свои рюмочки).

Опыт уличных драк шепнул голосом бродяжки-Никариши, что выпускать перо из рук станет плохой идеей — враги были вооружены палками (Никар хмыкнул: а вот Коси перешел сразу на арбалеты и ножи, мысли о дубье у него не возникло). Выгоднее всего представлялось разозлить уродов и заставить напасть первыми — в плотном единоборстве кинжал давал преимущество. Если поганцы додумаются рассредоточиться и окружить Никара, изгоняющий может крепко огрести…

— Вы что, шпана, совсем край потеряли?

Под прямым взглядом Су'Фучи заерзал и попытался спрятаться за чужие спины. И это — черный! Какая срамота. А вот Су'Ралек оказался правильным, хотя и дурным — не отступился.

— Младшим не место среди убийц и воров! — изгоняющий упрямо смотрел Никару в глаза. — Они останутся здесь.

Никар фыркнул. Моралисты, ага! Все, что интересует Су'Фучи — ресурс, будущие изгоняющие, способные поддержать существование Лареша. Кто их будет учить, кормить и резать на ритуалах — барыгу не волнует.

— Вор стоит за твоей спиной! — Никар вытряхнул кинжал из рукава и взял обратным хватом.

Прихлебатели Су'Фучи начали расходиться в стороны, готовясь обойти Никара с боков. Скверно–скверно, но не безнадежно. Изгоняющий подался к стене и приготовился прыгать нападающим под ноги. При виде крови они не отступят (черные!), значит, резать их придется жестоко и наверняка.

— Я тебе не пастырь, — накачивал себя Су'Ралек. — Меня ты своей пальцовкой не разведешь!

Кусок штукатурки чуть выше его головы лопнул с сердитым треском, и решимость черного рассыпалась пылью.

— Да ну? — в проходе стоял Чатах, и тень его Силы злобно дрожала в амулетах.

Никар едва не рассмеялся. Правильно! Какой смысл беспокоиться о чистоте хранителей, если они все равно собираются их снимать? И изгоняющий, не таясь, призвал Источник.

— Вон пошли, ур–роды!

И уроды отвалили. Потому что заставить огонь плясать в небе Чатах с Никаром, может, и не могли, но им и меньшего хватило бы, а что б противостоять колдунам на равных пришлось бы самим преступить закон. Какой смысл тогда нарываться? Ученики, воспользовавшись минуткой, выбили дверь и высыпали наружу вопящей гурьбой. Ничто так не вселяет в черных энтузиазм, как прямая демонстрация силы!

— Так–то! — ухмыльнулся Чатах, поморщился и растер плечо. — Я с этими мешками верней калекой стану. Так. Шмотки подняли и понесли, быстро!

Ученики наперегонки помчались вперед, старшие — к наставникам, младшие — в теплые объятья укротителей. Никар хмыкнул и пожелал помощникам Шарга удачи.

Тем временем, большинство беглецов уже распределились по фургонам. Никара рядом с повозкой ждали Анишу и Лахим, Лахим привел с собой девицу.

— Командир, с собой — возьмем?

Никар окинул взглядом молодку, кутающуюся в платок из небеленого полотна. Дикая, Источник отбит поздновато — в глазах так и остались навсегда бесовские искорки. Зато ныть в дороге не будет и вести хозяйство обучена.

— Возьмем, — решился Никар.

Колонна беглецов приобрела полное сходство с табором.

Дальше загрузка фургонов пошла с невероятной скоростью. Недоброжелатели испарились. Толпа печатных не одолела еще и трети склона, когда повозки, под гомон седоков и храп встревоженных коней, покатились в сторону развалин Школы.

К побегу присоединилось всего около полутора сотен горожан, включая учеников и женщин, остальные предпочли положиться на милость Наместника. Слишком слабые, слишком послушные, неуверенные в себе или надеющиеся выиграть после ухода конкурентов, ларешцы решили продемонстрировать верность имперским идеалам. А может, они так и не поняли, что империя — все? Да кому это интересно!

Шарг был прав — сил пастырей оказалось недостаточно, чтобы остановить такое количество целей, по крайней мере, с безопасного расстояния (откровенно говоря, Никар вообще ни одного пастыря на своем пути не увидел). Заполонившие город печатные дальше Лареша не пошли — им не давали команду кого–то преследовать (если они вообще поняли, что стряслось). Когда на место подоспели гвардейские офицеры, беглецов уже след простыл. К вечеру весь Тусуан ходил на бровях, войска Наместика перекрыли брод, пристани, дорогу на побережье и тракт в сторону Суроби–хуссо, всюду метались патрули. Тем временем мятежники по безымянному проселку выбрались к Тималао ниже порогов, дружно утопили хранители в реке и отправились через правобережную степь без дороги, напрямик.

Бегство изгоняющих стало для светлорожденных последним ударом. Наместник рвал и метал, обещая всем немыслимые кары, но недолго — тем же вечером кто–то поднес ему яду в вине. Долина вскипела безумием войны всех против всех, победителем из которой предсказуемо вышел Сайк'Малут — первый черный владыка Тусуана. Не успевших сбежать пастырей и слишком борзых печатных безжалостно истребили (своим места не хватает!), да и свободных граждан проредили весьма и весьма. Невредимыми остались только женщины, которых бывший изгоняющий собрал себе целый гарем.

Подумывали, было, назвать Тусуан империей, но решили порченным именем духов не привлекать.

Глава 22

Есть в Суэссоне особый сезон, когда вездесущая глина уже перестает быть размокшим от дождей месивом, но еще не превращается в тонкую, оседающую на любой поверхности пыль. Проклюнувшиеся из скудной почвы побеги достигают максимального роста (где–то по колено) и приятно разнообразят железисто–красный пейзаж бело–желто–зелеными пятнами. Вся земля словно сжимается: дорога, зимой требовавшая два часа, теперь занимает минут пятнадцать… И кое–кого этот странный топографический выверт конкретно забодал.

Три десятка смуглых, улыбчивых людей трудились, не покладая рук: прорыть канавы и уплотнить насыпь способны были большие машины, но уложить гранитные плиты так, чтобы они лежали веками, мог только человек. Максур взирал на результаты своих трудов с гордостью: серая лента дорожного полотна рассекала поросшее чахлой растительностью пространство и где–то за горизонтом соединялась с невидимым уже Королевским трактом. Новую трассу местные уже окрестили "имперской". Так далекий И'Са—Орио-Т все–таки немножечко вторгся в Ингернику.

— Жара! — вздохнул руководивший работой мастер.

На взгляд Максура, солнце, не способное за два часа снять с человека кожу, тянуло только на большой фонарь. Но слов, чтобы донести до ингернийца простую истину, не хватало, приходилось, молча, улыбаться.

Раздался гудок подъехавшей по проселку машины и рабочие начали складывать инструмент на козлы — рабочий день считался оконченным. Недовольным этим обстоятельством оставался только старый Харун — он считал, что трудиться следует от рассвета до заката и спать тут же, на голой земле. Удобства ослабляют дух! А теплый душ и простыни для землекопов — вообще очевидная ересь. Из уважения (такого каменщика пойди, поищи) со стариком не спорили. Мастер проверил инструмент (не нужна ли где замена?) и последним залез в кузов. Машина покатила в лагерь, до которого, по–хорошему, можно было и пешком дойти — всего километра три.

Тряска делала болтовню невозможной и мысли невольно улетали вперед, к чистой одежде, плотному ужину и мягкому матрасу.

Подумать только, а Максур, когда нанимался на строительство дорог, извелся весь — больно уж безумными выглядели условия. Еда, одежда, жилье, подвоз к месту работы, да еще и деньги потом какие–то дадут! Но выбора не оставалось

— во всех других случаях ему нужно было сказать, чем он занимался до сих пор (то, что свое прежнее ремесло следует держать в тайне, Максур понимал без подсказок), а в дорожники брали всех.

То есть, действительно — всех.

Выпрыгнув из кузова, Максур быстро осмотрелся и невольно поморщился. Рядом со столовой уже суетились рабочие с других этапов, а напротив штаба строительства стоял фургончик совершенно неразличимого под пылью цвета. Но Максур–то знал, что с боку у него белый круг!

Опять мышей ищут, эпидемии опасаются. На взгляд Максура это выглядело попыткой запретить рассвет. Рабочие на больших стройках всегда болели и дохли! То, что в их отряде откинулся только дурак Сугир (умудрившийся найти где–то змею и наступить на нее), было просто временным недоразумением. Дергаться заставляло другое — ловить блох и крыс приставили пастыря. Тот, правда, именовал себя мастером зверей, но Максура не проведешь — эту сволочь он узнавал по глазам. Соответственно и пастырю угадать максуров род занятий сложности не составляло…

Са–ориотцы обменялись настороженными взглядами и разошлись каждый по своим делам.

Дарим Амиши тайком сотворил знак, отвращающий злых духов (особенности ингернийских порядков не в первый раз вызывали у него тихий стон).

Подумать только — принять на работу императорского десантника! Как он не утоп только, их же всех считали погибшими?!! Особенности армейских печатей делали их носителей совершенно неприспособленными к гражданской жизни, но этот как–то сумел себя преодолеть.

Чего только не бывает!

— Как у нас дела, мистер Амиши?

К белому подошел начальник строительства.

— Скажу так: никаких тревожных симптомов. Пищеблок в полном порядке, рабочие соблюдают гигиену, отхожие ямы своевременно опорожняются.

— Очень хорошо!

Ингерниец был действительно рад результатам проверки: за строительство стратегических (с его точки зрения) дорог местное правительство неплохо платило, однако включало в договор множество не относящихся к делу пунктов, особенно, при найме рабочих–иностранцев. В итоге, к бесправным иноземцам тут относились лучше, чем к соплеменникам… Впрочем, нет, соплеменники сюда ехать вообще отказывались, тем более — за

такие деньги.

— Ждем вас через месяц?

— Да, мистер Крент.

Один месяц прошел, другой — начался, бесконечная карусель поездок, проверок, осмотров и выполнения предписаний пошла на следующий круг. Должность санитарного инспектора оказалась хлопотной, не слишком доходной, но Амиши рассматривал ее лишь как первый шаг для натурализации в Ингернике. Тяжело в его возрасте заново строить карьеру! Все для дочери, все ради нее. Не будь с ним его малышки, белый предпочел бы остаться в Крумлихе и смиренно разделить участь его обитателей.

Казенный фургончик Амиши вел сосредоточенно и не быстро, в который раз мысленно благословляя вовремя приобретенный навык. А ведь бывшие сослуживцы не раз высмеивали "эту городскую блажь!". Теперь же другие беженцы спорили за места черноголовых, а для Амиши единственной сложностью было подтвердить диплом природника так, чтобы звание пастыря третьего класса нигде не прозвучало. Разоблачения он не боялся — всеми правдами и неправдами перебраться через океан смогли немногие, знакомых лиц среди спасшихся не было вообще. Ингернийцы же в реалиях империи разбирались слабо, главное — демонстрировать лояльность и энтузиазм, твердить, что в И'Са—Орио-Те его держала только воля покойной жены, а не то бы он давно… Чудо, что никто не задумался: почему вообще са–ориотский маг так хорошо владеет заморским наречием, на что он его употреблять–то собирался. Вернее, на ком…

Амиши потряс головой. Прочь, прочь эти пасторские мысли! Упаси боги, проскользнет прежняя привычка — все надежды на спокойную жизнь мгновенно пойдут прахом. Потому что сострадание состраданием, а кристалл с отпечатком его ауры ингернийцы записали первым делом.

В поселок на "Узловой" начинающий инспектор прибыл уже в сумерках и не удержался — завернул к почте. Нету ли письма?

Увы, он оказался не единственным припоздившимся посетителем: у стойки получали какую–то посылку две примечательные личности — человек и одаренный. Амиши сглотнул и постарался дышать ровно, идти прямо и вообще — никак не демонстрировать смятения чувств. К изгоняющим без хранителей бывший пастырь привыкнуть не мог, а уж если он верно оценил силу… Черный маг отвлекся от заполнения бланков и окинул белого профессионально–цепким взглядом, словно примериваясь, как ловчее наручники надеть.

— Добрый вечер, мистер Амиши! — спутник колдуна был

дружелюбней, да и воспитан лучше.

— Тихой ночи, ясного утра, господин Лемар! Полковник Райк!

Черный снизошел до легкого кивка и вернулся к бумажкам.

— Как ваши инспекции? — продолжил светскую беседу человек. — Не нарушают?

— Всюду мир и благолепие! — Амиши постарался взять себя в руки. — Вы тоже за корреспонденцией?

— Циркуляры, — вздохнул Лемар (расписавшись, где надо, черный немедленно вручил увесистый пакет ему).

Полковник Райк хмыкнул. Оба ингернийца состояли в местной охранке, надзирающей равно за ночными гостями, черной и белой магией, словно это явления одного порядка, и надзирающей, как успел понять Амиши, очень хорошо.

— А вам кто пишет? — неожиданно подал голос колдун.

Бывший пастырь даже опешил.

— Дочка, надеюсь.

Письмо на его имя у клерка действительно было. Черный бесцеремонно заглянул через плечо Амиши и прочитал обратный адрес:

— Михандровские интернат? Знакомое название.

— Неужели? — от близости сильного колдуна пастыря слегка потряхивало.

— Брат одного нашего сотрудника там учится.

— Которого? — заинтересовался Лемар.

— Тангора.

— Черный? — про черных в интернате Амиши ничего не слышал.

— Нет, белый.

— Как это? — не понял маг. Прозвучавшее имя было типично, просто вопиюще черномагическим.

— А каков сотрудник, таково и семейство, — отмахнулся полковник.

— Он уже и не сотрудник, вообще–то! — уточнил Лемар, внеся еще большую неразбериху.

— Такие как он — всегда сотрудники! — не согласился Райк.

"Безумная страна, безумные люди!" Амиши спешно откланялся.

Душа белого рвалась прочь, бывший са–ориотец бежал не оглядываясь, а потому не заметил внимательный взгляд, которым проводил его полковник Райк. Черный был чем–то сильно озадачен.

— Мне одному кажется, что в костер только что плеснули керосину? — поинтересовался он у своего спутника.

Лемар пожал плечами. Он работал в НЗАМИПС не один год, а потому к мистике был не склонен. К тому же, речь идет не о самом Тангоре, а всего лишь о его брате. Может, и не будет ничего.

"Звезда очей моих, свет души и радость сердца…", — Саиль отложила письмо. Велеречивые уверения в любви и многословные описания далекого Суэссона больше не вызывали ответных чувств, не заставляли улыбаться. О тете с дядей в письме опять ничего не было, а ведь тато уверял, что они едут следом и будут вот–вот! Однако месяц проходит, а новостей все нет.

— О чем грустишь? — к замершей у окна Саиль незаметно подошел мальчик.

Нет, не просто мальчик, а Он — мечта всех девочек колледжа, вне зависимости от природного дарования. Предводитель детских забав (что для белого уже немыслимо), будущий великий эмпат (на этом сходились абсолютно все), обладающий невероятной способностью всегда оказываться там, где нужно. В его присутствии ссоры сами собой затихали, а горькие обиды превращались в веселые недоразумения. И даже имя было у него таким сияющим — Лучиано!

Саиль невольно покраснела и отвернулась к окну.

— О тете с дядей опять ничего, — вздохнула она.

— А когда они должны были приехать?

Девочка нахмурилась:

— Папа не говорил. Но мы–то здесь с марта!

Едва стихли зимние шторма, они отправились в путь, как и многие, многие… Те, кого не удерживали на месте печати.

— А сколько им было пути?

-

Не знаю, — смутилась Саиль.

— Посмотрим по карте?

Саиль, с благодарностью, улыбнулась: белые плохо переносят неопределенность, а перемена занятия позволяла разорвать хоровод темных мыслей, больно сжимающий виски.

Дети взялись за руки и побежали в библиотеку, хором здороваясь с учителями и старательно огибая клумбы. Оба — в шаге от юности, в счастливом неведении о начинающемся превращении. Идиллическая картина!

Миссис Хемуль проводила их взглядом и улыбнулась. Быть директором интерната, в котором проживают одновременно одаренные и неодаренные дети, всегда сложно. А уж когда к ним присоединяются иностранцы, со своей сложной культурой и застарелыми психологическими травмами… В общем, штатному эмпату тоже скучать не приходилось. Однако за Саиль Амиши

можно было больше не опасаться — девочка начала адаптироваться к новому окружению. Да и может ли что–то предосудительное произойти от посещения библиотеки?

Книжное собрание михандровского интерната помнило еще Инквизицию, и было столь же выверенным и благочинным: жизнеописания малоизвестных достойных людей, поучительные истории и философские притчи. Но Реформация ворвалась и сюда: потемневшие от времени шкафы оказались сдвинуты к стенам, а их место заняли стеллажи "под старину", заполненные пестрыми, пахнущими типографской краской изданиями. Новенькие лакированные разделители предлагали посетителям приобщиться к алхимии и общей истории, ремеслам и теологии. Саиль окинула эти богатства взглядом и тайком вздохнула: ингернийский устный давался ей легко, а вот письменный — не очень. Насладиться чтением пока не получалось.

За одним из читальных столиков устроился странноватый мальчик, поверх светлой интернатской формы носивший черный бант.

— Петрос, где атласы по географии — знаешь? — окликнул его Лучиано.

— Тебе Ингерники или всего мира?

— И'Са—Орио-Та.

— Третья полка снизу, — Петрос указал пальцем на стеллаж.

Повозившись, Лучиано перенес на стол пару толстых книг формата, как любил выражаться отец Саиль, "спотыкашка" — раза в полтора больше обычной полки. Девочка, ожидавшая увидеть рулоны и свитки, была обескуражена.

Пользоваться найденными картами, как и всем в Ингернике, следовало по–особенному. На общем виде И'Са—Орио-Та (всего–то на разворот) были указаны только столицы провинций.

— Кунг—Харн, — Лучиано нашел город в длинном списке. — Квадрат вэ–три! Страница тридцать один.

На нужной странице, в переплетении замысловатых кривых линий, неровным пятном был обозначен город "в состоянии на пятый год". Еще пара минут потребовалась, чтобы соединить этот клочок изображения с остальными.

Саиль провела пальцем по карте и ужаснулась:

— Как далеко!

Горы, река, редкие ниточки трактов… До Ингерники тете с дядей пришлось бы добираться вдвое дольше, чем им!

— Может, они еще в пути? — неуверенно предположил Лучиано.

Саиль нахмурилась.

— Тогда почему папа сказал, что они скоро приедут?

Он–то должен был понимать — ей не важен срок, только уверенность, что все идет хорошо!

— Это потому, что он считает их мертвыми, — скрипнул рядом незнакомый, хриплый голос. — И, если ты не захочешь их увидеть, они вправду умрут.

Саиль испугано дернулась, но почти сразу поняла, что странный голос принадлежит Лучиано. Мальчик прокашлялся и потер горло.

— Ах! — девочка оттолкнула от себя атлас и выбежала из библиотеки.

— Ну вот, напугал девчонку! — покачал головой Петрос.

— Я не хотел, — Лучиано растирал горло, его голос все еще был хрипловатым. — Оно само как–то.

— Беги, успокаивай!

— Нельзя, — покачал головой мальчик. — Там что–то важное, я пока не разберу…

Весь день Саиль сторонилась Лучиано, не думала, не смотрела и гнала из мыслей. Подумать только, какая злая шутка! Ей почти удалось восстановить присутствие духа.

А ночью она видела сон — их дом, такой, каким он был прежде. Тетя, дядя, двоюродные братья и сестры, ярко–желтая певчая птичка, околевшая еще два года назад… И только взглянув в призрачные лица родных, Саиль вспомнила главное — дядя Тимар был печатным. Он не смог бы покинуть Кунг—Харн.

Тенями встали вокруг люди, встреченные во время стремительного бегства — привязанные клятвами к разрушенным селениям, пожираемой чудовищами земле. И их глаза, глаза живых мертвецов.

"Считает мертвыми".

Саиль проснулась с криком и как была, в одной сорочке, метнулась в крыло для мальчиков, врубила свет в комнате Лучиано и принялась трясти его за плечо:

— Проснись, проснись!

— М-м… Угу… — невнятно промычал Лучиано и попытался зарыться в подушки.

Но, если белому что–то надо, избавить от его настойчивости может только смерть.

— Ответь, ответь мне! Если я захочу увидеть их, то тоже умру?

— Нет, — глухо отозвался Лучиано. — Если ты захочешь их увидеть, то НИКТО не умрет.

— Откуда ты знаешь?!!

Лучиано сел в кровати, заспано щурясь.

— Ты уже слышала, что у меня есть брат?

Саиль кивнула — странную историю про черно–белых братьев в интернате знали все.

— Год назад я прочел в газете, что он убит. Сначала мне было очень плохо, я целую неделю болел. А потом вдруг понял, что это — неправда. Меня даже к эмпату водили! — Лучиано передернул плечами. — Но оказалось, что он жив. С тех пор я… просто ЗНАЮ некоторые вещи. Не спрашивай — почему и как.

И Саиль поверила. Было в нем что–то… такое.

— Если я все же увижу их там, где они сейчас… Что это изменит? У меня нет власти приказывать печатным!

— Я вообще не знаю, кто это. Чтобы понять, можно ли что–то сделать, мне надо их увидеть.

— Но ведь для этого требуется… магия!

— Я уже могу контролировать свой дар, — пожал плечами Лучиано. — Просто стараюсь об этом не распространяться. Мистер Олли дает мне уроки частным порядком.

Наличие рядом белого мага (пусть маленького) привело девочку в смятение: пастырь, хранитель устоев, а она в ночнушке!

— Слушай его, крошка! — на соседней кровати проснулся Петрос. — Брат его крут, и он — крут тоже!

Саиль нахмурилась — она не настолько хорошо знала ингернийский, чтобы понимать смысл намеков.

— Что бы ты ни решила, помни — я буду с тобой, — сурово обронил Лучиано. — Я несу ответственность за то, что наговорил! Просто реши для себя, что ты хочешь, что для тебя важно? Тетя с дядей, спокойствие отца, собственная безопасность, будущее безбедное существование? Выбор должен быть честным! Иначе ничего не получится.

Саиль села на кровать и погрузилась в размышления. Белые очень ответственно подходят ко всяким судьбоносным решениям, излишне рассудочно, как многие полагают. Просто потому, что в буре эмоций слишком легко заблудиться. Саиль попробовала представить жизнь без тети и дяди, без прежней своей семьи, навсегда. Видение получилось бледным и жалким. Особенно пугало то, с какой легкостью любимый тато врал ей все это время. Жить с ним после этого, видеться каждый день, приветствовать по утрам? Однако папа сделал все ради спасения своей дочери, а что собирается сделать ради спасения родных она?

Саиль подумала обо всем том, через что ей придется пройти, чтобы посетить этот безумно далекий Кунг—Харн. Будущее посмотрело на нее пугающим черным водоворотом, и девочка почувствовала себя лодкой, паруса которой коснулся первый, робкий вздох ветра. Что это будет — надежный утренний бриз или сокрушительная зимняя буря? Не угадать. Но, если за жизнь

родных следовало заплатить страхом и испытаниями, она готова была пройти через все!

— Я… — она встала с кровати. — Пойду, соберу вещи.

Лучиано поймал ее за руку.

— Постой! Если взрослые узнают, куда мы собрались, они остановят нас.

Эта простая мысль привела Саиль в растерянность:

— Что же делать?

— Доверься мне! А пока веди себя так, словно ничего не случилось.

— Я буду стараться изо всех сил!

И она старалась (но сверточек с бельем и чулками приготовила все равно), все утро и день до обеда. Лучиано и Петрос шныряли по интернату с независимым видом, мило улыбаясь преподавателям. И взрослые не чуяли зла. Ну, чего такого могут натворить эти чудесные мальчики, светлые, добрые, немного неприспособленные к жизни? Разве что какую–то невинную шалость. Взрослые не задумываются над тем, что даже Великие Посвященные когда–то были детьми и с чего–то начинали свой путь.

Злодейский план родился в беседке за учебным корпусом, под одуряющий запах диких роз и тихое журчание воды в фонтанчике. На столе перед заговорщиками лежали переведенные на кальки карты побережья империи, расписание проходящих через Михандров поездов, стоял графин с кроваво–красной жидкостью (ягодным морсом).

— Пойдем завтра, после завтрака, — внес предложение Лучиано. — За обедом миссис Венсель не будет, пропажу обнаружат только к ужину.

— И куда вы пойдете, а? — прищурился Петрос. — Ты с маршрутом–то определился?

— Днем на станции останавливается экспресс. Войдем в вагон под видом провожающих и спрячемся. До Южного побережья всего пара дней пути, колея одна, нас не догонят!

Саиль понадеялась, что мальчики в порыве энтузиазма не забыли про телеграф.

— А через море? — не унимался Петрос. — У нас морская блокада, не забыл? Пароходы в империю не ходят!

— Есть зацепка, — понизил голос Лучиано. — Весной Томас звонил маме, предупреждал, что едет за море, по делам. Как–то же он туда переправлялся! Значит, есть корабли, главное — их найти.

Петрос окликнул Саиль:

— А вы с отцом как путешествовали?

Девочка, с замиранием сердца слушавшая разговор мужчин, встрепенулась.

— Нас везли люди в черных мундирах, на таком маленьком железном корабле.

— И куда привезли? — продолжал допытываться Петрос.

— В Артром.

— Точно?

— Ну… Сначала в такой маленький, грязный порт, а потом — в Артром.

Петрос вздохнул.

— Еще раз. Тот маленький, грязный порт, название у него было?

Саиль нахмурилась, припоминая (ингернийским она тогда почти не владела).

— То ли Верглеш, то ли Винглек.

— Айда в библиотеку!

И снова атласы, на этот раз Ингерники, которые смотрели уже втроем.

— Самое похожее — это Винглерт, — сообщил Лучиано. — Не порт, просто селение на берегу бухты, километров двести от мыса Танур.

— Вы в Артром сутки плыли? — уточнил Петрос. Саиль покивала. — Тогда подходит. Ха! Так

вот где они гнездятся… — Мальчик злорадно усмехнулся и потер ладони.

Саиль округлила глаза, а Лучиано успокаивающе помахал рукой:

— Не обращай внимания! У него бзик — хочет стать боевым магом.

— Э?

— Не смотри на меня так! — потряс головой Петрос. — Почему все думают, что воинами могут быть только черные!

Саиль тактично промолчала. Ничего, до окончания интерната еще далеко, эмпаты в Ингернике хорошие. Взрослые объяснят этому мальчику глубину его заблуждений.

— Ладно, допустим, Винглерт. И как же нам туда попасть?

— Хотя меня здесь не любят, — многозначительно повел бровью Петрос. — Но я скажу: есть туда чугунка. Теперь понятно, для кого ее строили! — и пояснил. — Осенью в "Западном Вестнике" статья была "Перспективы западного региона".

— Эрудит ты наш! — похвалил друга Лучиано.

— А то. Но вообще–то, это Кинсен на географии доклад делал. Только на старых картах этой ветки нет. Сказано было, что первый поезд уходил из Ростерка.

Город Ростерк (вернее, узловую станцию) быстро нашли на карте.

— Значит, ехать надо будет не на юг, а на север, — удовлетворенно кивнул Лучиано. — Пока все сходится.

— С чем? — первым успел спросить Петрос.

— Я видел на нашем пути сирень. В Михандрове она отцвела, в Золотой Гавани тоже, а на севере еще должна остаться.

— Ты знаешь, куда нам идти? — обрадовалась Саиль.

— Нет, — покачал головой Лучиано. — Так оно не работает. Но я точно буду знать, если мы пойдем не правильно.

Петрос, молча, покрутил пальцем у виска.

— Ай, прекрати! — обиделся Лучиано. — Думаешь, я этот дар выбирал? Не талант, а фигня какая–то…

Петрос, с деланным сочувствием, покачал головой:

— Как я тебя понимаю! Вот я (прикинь!) должен был родиться черным магом, но не срослось.

Саиль, у которой от сложности и важности задачи уже кружилась голова, испытала желание плюнуть на землю, как последний верблюд.

— Одну вещь мы упустили, — спохватился Петрик. — Что скажем взрослым? Директрису удар хватит.

Сердце Саиль екнуло. Директриса? А что почувствует папа, когда узнает, что ее нет? В заботах о своей душе, она совсем забыла о нем!!! Какой стыд…

— А преподавателям мы оставим письмо, в котором опишем все обстоятельства, — спокойно объяснил Лучиано, чем окончательно завоевал ее доверие.

Письмо писали втроем, старательно обосновывая правильность своего решения, тщетно призывая к спокойствию и (по настоянию Лучиано) через строчку упоминая его брата.

— Том — настоящий боевой маг. И еще он алхимик, а это даже круче! Если мы его встретим, то будем в полной безопасности.

Саиль сомневалась, что в огромной стране три человека могут пересечься, никак наперед не сговариваясь, но не возражала. Мыслями она уже была в пути.

К побегу начали готовиться сразу же. От предложения девочки вынести из столовой побольше хлеба Петрос отмахнулся:

— Много вещей брать нельзя — это привлечет внимание. Нужны деньги.

— Но у меня нет ни кроны! — ужаснулась Саиль.

— Придется добывать, — вздохнул Лучиано.

Какой изящный эвфемизм для кражи.

Саиль до последнего была уверена, что ничего не получится.

Такие воспитанные, приличные мальчики просто не смогут что–то украсть! Но в Ингернике, должно быть, существовали свои представления о том, что может или не может белый. Из преподавательского крыла вышел божественно невозмутимый Лучиано.

— Сто крон и мелочь, — между делом сообщил он. — На дорогу этого не хватит, придется хитрить.

В устах мага такая фраза звучала крайне двусмысленно.

Утром после завтрака Саиль взяла свой сверток, в последний раз оглядела ставшую такой привычной комнату, разгладила на кровати покрывало и вышла, все еще не до конца веря в происходящее. Ветер Судьбы наполнил паруса, захлопал флагами и понес ее вперед все быстрее и быстрее. Она почти надеялась, что кто–нибудь их остановит… и ненавидела себя за это.

Мальчики ожидали ее на лавочке возле фонтана. Петрос легкомысленно улыбался и болтал ногами:

— Эх! Хотел бы и я с вами…

— Еще напутешествуешься! — посулил ему Лучиано. — А сейчас важно, чтобы письмо попало к директрисе в четверг, не раньше, но и не позже.

— Все сделаю, приятель. Бывай, подруга! — подмигнул Петрос и убежал.

До чего же странный мальчик.

Лучиано встал и предложил Саиль руку, в последний раз испытывая и давая выбор. Девочка вложила свою ладонь в его. Ворота интерната зияли впереди, словно врата в иной мир. Препятствий больше не было.

— А что мы скажем сторожу? — чуть слышно прошептала Саиль.

— Что идем к тете.

Логика в таком ответе, несомненно, была.

И дальняя дорога приняла их шаги.

Глава 23

Велика страна Ингерника и порядок в ней зачастую — ловко наведенная иллюзия. Всякое бывало. Пропадали дети, пропадали взрослые, после бурных ссор или просто сделав шаг за порог, посреди многолюдного города и в глубинке. Некоторых находили потом, не всех, правда. Если для черного или неодаренного человека существовали варианты, то исчезновение белого почти всегда означало трагедию — слишком уж нехарактерно для них срываться с места без руля и ветрил. Кроме того, в Михандрове жила своя дурная память, поэтому, едва услышав, что кого–то не могут найти, миссис Хемуль немедленно начала бить в колокола, а когда белому что–то надо… Лейтенант Кларенс, бессменный начальник михандровской полиции, презрел положенный по закону срок в двадцать четыре часа и официально зарегистрировал заявление об исчезновении Лучиано Тамирони и Саиль Амиши. Был брошен клич…

В общем, к семи часам вечера детей уже искали ВСЕ.

Добровольцы под руководством лейтенанта методично опрашивали хозяев магазинов, завсегдатаев кафе и прочих наблюдательных личностей. Приписанный к городской "очистке" боевой маг (теперь в Михандрове и такой имелся) осмотрел печати на заборе интерната и сообщил, что охранку никто не вскрывал. От того, чтобы начать обыскивать озеро и окрестные пустоши, людей удержала темнота.

— Надо сообщать родителям, — вздохнула миссис Хемуль.

— Утром, — кивнул лейтенант. — Все равно личных телефонов в их семьях нет.

А утром в поисках наметился прорыв — вернувшийся со смены путейский рабочий сообщил, что видел детей на станции, с сумкою в руках. Но сели ли они в поезд, и если да, то в какой, он ответить не смог.

Это было неожиданно, необъяснимо, да просто — дико! Белые — ужасные домоседы, в незнакомой обстановке они теряются и новых впечатлений стараются избегать. Толкнуть их на решительные действия способна какая–то сильная душевная страсть, а тут — провинциал и иностранка. Какие у них могут быть общие интересы?!!

Короче всех возникшую ситуацию охарактеризовал боевой маг, но его слова в протокол записывать не стали. Михандровской полиции срочно требовалась помощь жандармов и железнодорожных служащих (у каждых имелось собственное начальство), понимания, уехали ли дети сами или кто–то

выманил их на станцию, по–прежнему не было, общего штаба поисков не существовало…

Телеграмму в Суэссон лейтенант Кларенс смог отправить только к обеду.

— Ну, что я говорил? — полковник Райк успел сунуть нос в послание, ему не предназначавшееся.

— М-м, — у Лемара не было настроения вспоминать, что и по какому поводу говорил боевой маг. Сообщить несчастному отцу об исчезновении дочери предстояло ему, а для этого требовалось найти штатного эмпата суэссонского отделения НЗАМИПС, постоянно зависавшего на каких–то праздниках и чаепитиях. Кто скажет, где его носит?!!

— А Потаси у шефа, наверняка, на свадьбе, — блеснул эрудицией Райк. — Пирожки жрет.

И это — черный, которому полагается никого и ничего не замечать! Лемар устыдился. Как он мог забыть, что дочь мистера Брайена выходит замуж? Благодаря чему шеф взял отпуск на неделю и, случись что, опять будет ни при чем.

Бессменный и. о. знал, что демонстрировать черному слабость нельзя, но сейчас дельный совет был важнее жизни:

— Что делать–то? — жалобно вздохнул он.

Райк не стал выламываться, что само по себе напрягало:

— Ларкесу позвони, — с серьезным видом намекнул он.

— Да ну нафиг! — напоминать о себе старшему координатору региона Лемар не собирался.

— Нафиг не нафиг, а искать крайнего все равно будут. И найдут.

Лемар сомневался, что крайних станут назначать так далеко от Михандрова, но дважды игнорировать интуицию боевого мага счел неразумным. Правда найти телефон господина Ларкеса и сделать звонок он смог только вечером, когда в Редстоне, с поправкой на часовые пояса, до конца рабочего дня оставалось минут пятнадцать.

Впрочем, когда и кого это останавливало?

— Спасибо, мой драгоценный! — прожурчал старший координатор северо–западного региона и положил трубку на рычаг. На лице черного мага застыло то выражение, за которое он и получил прозвище Фарфоровый Господин. Но это не значило, что эмоций он не испытывает — руки колдуна сплелись подобно паре желчных змей.

Подумать только, всего на минуту расслабился… Хорошо, позволил себе пару месяцев наслаждаться триумфом, и подчиненный тут же потеряли край! Чем думает отдел аналитики?!! Где мозги у секретаря–референта?!!

Черный бросил взгляд на маленькое зеркальце и лицо его мгновенно ожило, взгляд стал хмурым и сосредоточенным, на губах залегла злая складка… Еще злее… Отлично! И плевать, что приходится сознательным усилием приводить внешнее в соответствие с внутренним, главное — результат.

А вот теперь можно общаться с подчиненными:

— Мисс Кевинахари и мистера Воскера ко мне!

Сотрудники материализовались в кабинете начальника почти со скоростью мысли.

Ларкес подарил им два проницательно–угрожающих взгляда — эмпатка выглядела заинтригованной, а начальник аналитического отдела что–то лихорадочно вспоминал.

— Почему отчет о происшествии в Михандрове, — Ларкес упер палец в стол. — Я получаю из Суэссона, а не от вас?

Вот так! И пусть думают, что у него есть обширная независимая агентура (всяких хитрожопых умников это резко отрезвляет).

— А что там случилось? — с невинным видом поинтересовалась мисс Кевинахари.

Ларкес прищурился. Похоже, эти двое действительно еще ничего не знают.

— Пропали дети, белые, — мрачно сообщил старший координатор. — Среди пропавших — Лучиано Тамирони.

— Брат Тангора?

— вскинулась эмпатка.

— Да! Поэтому ситуация вдвойне неприятна — семьи всех, засветившихся в деле Искусников, должны находиться под постоянным надзором.

— Я выясню, на каком этапе были потеряны данные, — почти прошипел Воскер (глава аналитиков ненавидел оказываться в дураках).

— Выясните, — кивнул Ларкес. — И сообщите мне в Михандров. Этим делом я займусь лично!

Ночной экспресс унес на юг сурово хмурящегося старшего координатора и клюющую носом эмпатку.

— Может, они там сами как–нибудь? — малодушно канючила белая.

Вот и все их хваленое сострадание — ровно до того момента, пока не захочется спать.

— А господин Михельсон тоже сам как–нибудь?

Упоминание министра общественной безопасности эмпатку мигом разбудило.

— Зачем он нам?

Маг бросил на спутницу уничижительный взгляд, который

белая благополучно игнорировала.

— Затем, что в своей речи на последнем министерском Круге он упомянул… известную личность, как пример достояния нации, воплощенного в человеческом капитале. Добавь к этому возможное появление слуха о недобитых Искусниках и скорые выборы в Сенат. Но главное… — Ларкес попытался оформить словами то, что интуитивно было для него совершенно ясно. — Этот мальчишка вырос в том же окружении, которое придало Тангору его неординарные качества. Если он хотя бы частично воспринял эту необычную среду…

— Белый из Краухарда, — понимающе кивнула Кевинахари. — Уже оксюморон.

— Угу. Осталось только поймать.

Локомотив прогудел что–то оптимистическое и прибавил ходу.

Приезд высокого начальства придал поиску детей новое звучание — все резко перестали суетиться и начали действовать по плану. Миссис Хемуль, обнаружившая, что может с кем–то разделить навалившуюся на нее ответственность, воспрянула духом. Ее доклад был почти по военному четок, Ларкес сидел за большим директорским столом и ставил галочки напротив выполненных мероприятий: осмотр местности, оповещение жандармерии, телеграммы проводникам, списки приезжих… С тщательно обрисованных неизвестным художником портретов на него смотрели мальчик с вьющимися волосами и девочка с тщательно заплетенными косичками и непривычно тонкими чертами лица, такие разные и чем–то неуловимо похожие. Недавний опыт подсказывал старшему координатору: так на бумагу прорывается нечто, недоступное глазу — дыхание общего для обоих Источника. Для всех окружающих эти двое выглядят сошедшими с небес ангелочками, но Ларкес себя запутать не даст!

— А теперь, — сообщил он выдохшейся белой. — Мы восстановим поминутно все перемещения пропавших, скажем, за последнюю неделю.

Это было не легко (за каждым шагом воспитанников в интернате не следили), но возможно. Целый день Кевинахари с помощниками опрашивала свидетелей, а под вечер на стол старшего координатора легла таблица, заполненная убористым почерком эмпатки. Тот внимательно изучил даты и сразу сделал несколько выводов: во–первых, пропавшие не были не разлей вода знакомцами, во–вторых, проводить вместе время они начали всего за день до исчезновения, а в третьих — в посиделках засветился еще один подросток, и вот он как раз никуда не делся.

Как много могут рассказать люди, утверждающие, что ничего не видели!

Старший координатор послал за миссис Хемуль:

— А найдите–ка мне Петроса Кормалиса.

И пусть предки отвернутся от него, если мальчишка ни в чем не виноват!

Но поговорить с подозреваемым немедленно не удалось — едва переступив порог кабинета, Кормалис закатил истерику. Ларкес был уверен, что мелкому симулянту есть, что сказать, но прорваться мимо суетящихся вокруг ребенка белых не представлялось возможным. Пришлось отложить беседу. За окном догорал вечер среды.

Три дня поиски беглецов ограничивались классическим осмотром залов ожидания и проверкой документов — занятие для жандармов и путейских вполне привычное. Три дня — много или мало? Экспрессу этого времени было бы достаточно, чтобы одолеть полконтинента. Автомобиль показал бы более скромный результат, просто потому, что сельские дороги не в пример хуже городских. А еще есть товарные составы, которые едут медленно, зато почти без остановок, минуя множество разъездов и полустанков, на которых и пассажирских платформ–то толком нет, не говоря уже о жандармских гнездовищах. Тот, кто попал бы в этот, не бросающийся в глаза поток, миновал бы досмотры, словно дым. Чтобы обнаружить его, требовались бы совсем иные усилия… Но время шло, поезда — ехали, а Петрос Кормалис спал сном праведника с холодным компрессом на голове.

Дарим Амиши смог попасть в Михандров только утром в четверг. Езда в дешевых плацкартах и две пересадки вымотали немолодого белого. Да что уж там, в империи он вообще не сумел бы проделать столь долгий путь в одиночку! Жизнью и здоровьем безутешный отец был обязан исключительно мистеру Потаси, сумевшему убедить его принять удар судьбы достойно, но все равно реальность дрожала и слоилась, мешая сориентироваться и составить план.

Впрочем, план не потребовался — у дверей вагона его ждали.

Белый — лейтенант полиции (сотрудник силового ведомства). Ингерника!

— Мистер Амиши? — с надеждой предположил лейтенант. — Здравствуйте! Я — Рудольф Кларенс, начальник полиции города Михандров. Поверьте, мы очень обеспокоены происшедшим! Позвольте отвезти вас в управление, там ответят на все ваши вопросы.

Сопротивляться Амиши не стал. В прошлый свой визит с полицией он не общался, но, судя по размерам пресловутого

управления, особой работы у нее в Михандрове не было. В небольшой комнате за единственным столом сидел очередной черный маг, всем видом демонстрируя свое абсолютное главенство. На подоконнике гремела чашками молодая эмпатка, заваривавшая весьма неплохой (судя по запаху) зеленый чай. Единственный неодаренный в этой компании (крепыш в форме жандарма) мирно дремал в углу.

— Мистер Амиши? — черный изволил встать навстречу и даже выйти из–за стола. — Я — старший координатор северо–западного региона, Рэм Ларкес. Рад знакомству, сожалею об обстоятельствах.

И протянул руку. Амиши сглотнул и позволил колдуну потрясти себя за ладонь. С нормальным поведением черных это не сочеталось, но белый смутно подозревал, что в этом вся суть.

— В связи со вновь открывшимися обстоятельствами, прошу вас ознакомиться с этим документом!

На стол легли дешевые серые листочки в косую линейку, явно вырванные из прописи. Почерк дочери Амиши узнал сразу. Аккуратно–округлые буковки соседствовали с угловато–летящими строчками, написанными совсем другой рукой. Безутешный отец с трудом заставил себя сосредоточиться на словах… Волосы у него немедленно встали дыбом:

— Куда–куда они собрались?..

— Вы знаете людей, упомянутых в тексте? — оживилась эмпатка.

А перед Амиши развернулась вся безыскусная простота случившейся трагедии.

Родственники. Ну, как родственники — родня жены, неодаренные. В мирном И'Са—Орио-Те мастер Шу`Тимар был уважаемым человеком, а печати государственных алхимиков, как и клятвы чиновников, не считались чем–то недостойным (мастеровые хранили свои секреты, тут без магии не обойтись). После смерти жены тогда еще Тай'Амиши перебрался в маленький Крумлих, город на тракте, в котором никто не задерживался более чем на сутки. Никаких теплых чувств к родне он не испытывал, но девочка нуждалась в примере семейных отношений, а Шу`Тимар был счастлив в браке. Восемь лет его семья дарила Саиль тепло и уют, обеспечить которые бывший пастырь оказался не в состоянии. А два года назад император вспомнил о своем отставном алхимике (тогда о бегстве светлорожденных никто не помышлял). Империя собиралась воевать, армии нужны были накопители, а следовательно — бериллы, почти единоличным поставщиком который являлся И'Са—Орио-Т. И Тимар, связанный обещанием повиноваться,

безропотно отправился восстанавливать шахты в далекий Кунг—Харн, прибежище каторжан и отщепенцев. Бывший пастырь не счел нужным вмешиваться. А Саиль, оказывается, ждала, все это время надеялась на новую встречу. Амиши вспомнил все, что говорил ей о судьбе родственников, и его скрутило от невыносимого стыда. О чем он думал раньше? Как он будет смотреть ей в глаза?!!

Эмпатка ловко сунула ему в руки чашку с чаем и заставила пить.

— Для начала, почему вы не сообщили эмпатам, что у вашей дочери есть сильные привязанности?

— Я…

Не знал? Не подумал? Не заметил? Отец–белый, первым обязанный замечать проблемы своего ребенка.

"Ты приучил себя не видеть чужую боль, и теперь наказан за это!"

Амиши закрыл голову руками и приготовился выть. Его немедленно растеребили.

— Сосредоточьтесь, уважаемый! — эмпатка была неумолима — Нам нужны подробности.

— О чем?

— Куда они могут пойти, к кому обратиться?

— Мы — иностранцы, мы никого здесь не знаем!

— Кто перевез вас через океан?

— Ингернийский военный корабль!

— Не контрабандисты — уже хорошо, — буркнул господин Ларкес.

— Вы должны немедленно найти Саиль!!!

Колдун некрасиво поморщился:

— Любого другого ребенка я бы нашел в течение суток. Но с этими… ожидаются трудности.

В голове Ахиме забрезжила догадка:

— Этот мальчик — брат сотрудника? Но какая связь?

По его опыту, родство с черным магом не гарантировало ни чего, кроме комплексов.

Эмпатка картинно закатила глаза:

— Родня Тангора — это диагноз!

— Скорее — проклятье, — не согласился Ларкес. — Непонятно только, по какой ветви семьи оно передается. Но не сомневайтесь, будь ваша дочь одна, ее мы тоже искали бы. Просто сама она далеко не ушла бы.

— Брат… спровоцировал их? — Амиши попытался ухватить суть.

— Косвенно, несомненно, да. Малолетние олухи

насмотрелись на этого прохиндея и решили, что им тоже можно.

Амиши общался с изгоняющими всю сознательную жизнь, но мысли подражать им у него никогда не возникало. Во всем происходящем чудилась какая–то недосказанность. Уезжая в Михандров, он ожидал, что ему придется просить и умолять, лично ходить и спрашивать, но по дороге лейтенант объяснил, что со всех, замешанных в деле, уже сняты показания. Допустим, белые способны помочь нищему чужаку бескорыстно, но почему в поисках принимает участие столь высокое руководство?

— Вы мне врете. Это

нехорошо.

Эмпатка прихватила поднос с чаем и подобралась ближе.

— Мы не врем! — торжественно объявила она. — Вопрос о том, как старший брат повлиял на младшего, открыт, но согласитесь — так ловко обставить побег смог бы не всякий взрослый.

— Вы от меня что–то скрываете! — Амиши отпихивался от очередной чашки чая и отчаянно пытался проявить твердость. Даже ему, пастырю с двадцатилетнем стажем было нелегко было сопротивляться такому напору. — С моей дочерью произошло что–то ужасное, я знаю!

— Не каркайте! — ущипнула его эмпатка.

Амиши понял, что надо бежать.

— Да вы не волнуйтесь так, — вмешался в происходящее прекраснодушный лейтенант. — Лучиано — умный мальчик, к тому же — инициированный маг. Он не позволит, чтобы с Саиль произошло что–то плохое. Главное, чтобы они действительно в империю не попали.

— А они… могут? — похолодел Амиши.

Господин Ларкес снова поморщился:

— Нет, не могут. Теоретически. Гражданским кораблям путь в империю закрыт. Все военные объекты надежно охраняются.

— Но?..

— Движение между континентами все–таки есть, — признал колдун. — А мелкие поганцы настроены решительно. У нас есть такой генерал Зертак, каждую неделю отсылающий за море до десятка боевых групп. Эти… достойные чародеи не заметят на своем корабле слона, даже если покрасить его в розовый цвет и снабдить колокольчиком. Вся надежда на сопровождающих.

— Ну, если они действительно встретятся с Тангором… — начал развивать тему лейтенант.

— Без шансов, — пресек его самодеятельность старший координатор. — Он в И'Са—Орио-Те с весны. К сожалению, мы не можем…. — тут черный осекся и принялся разминать пальцы

каким–то странным жестом. — … дать знать… В общем, ловить паразитов надо здесь!

Амиши хотел было возмутиться (его девочку ни разу еще не называли ТАК), но не нашел в себе сил спорить. Эмпатка оставила в покое чашки и поволокла его в "очень приличный пансион", отдыхать.

Ларкес убедился, что Кевинахари плотно взяла са–ориотца в оборот и резких действий с его стороны не допустит. Он не стал акцентировать внимание окружающих на странном построении фраз в письме: "я увидел", "сразу почувствовал", "явственно различил". Это ведь не оговорки. Неужели Ингернике снова счастье подвалило — провидец появился? Причем — малолетка. Зато — условно лояльный. Такого кадра Ларкес не мог упустить!

"Редкий талант обязательно приставят к делу — либо мы, либо Искусники, либо са–ориотцы (что тоже не хорошо). И сам Тангор где–то болтается… Случайно ли?"

Разум твердил старшему координатору, что путешествие белых закончится вполне бесславно и беглецы скоро будут водворены в интернат, но интуиция подсказывала иное. Ларес мысленно ругнулся (опять придется лезть в долги!) и позвонил секретарю генерала Зертака — где бы не шастали предприимчивые белые, кораблей им не миновать. В бдительности контрабандистов черный не сомневался, а вот военных требовалось хорошенько стимулировать…

Глава 24

Новое путешествие по Ингернике потрясло Саиль. Оказалось, что в прошлый раз она ничего не видела, не слышала и не чуяла, словно завороженная! Теперь же огромный мир прорвал созданную вокруг нее оболочку, прикоснулся к коже своей шероховатой поверхностью, проник в ноздри запахом дыма и шпал, замельтешил в глазах пробегающим мимо ландшафтом. Стук колес приблизился, раздробился на монотонное гудение, глухие удары, скрипы и лязги. Пространство разделилось на опасные и безопасные зоны, постоянно дрейфующие в зависимости от положения семафоров.

Перед Саиль предстали задворки: запасные пути, чердаки, машинные дворы и ангары. Теперь она увидела все то тайное движение, скрытую жизнь, окружающую поезда: путейских рабочих, обходящих составы, кочегаров, заправляющих котлы водой, вагоны, таранящие друг друга на сортировочных горках, суету маневровых паровозов. Люди управляли движением железных громадин, словно загоняли в ворота упрямых быков, а для пассажиров просто "поезд приходит по расписанию". Это слово (точнее, обрывок фразы, прозвучавшей из динамиков), стало неким ключом к пониманию, аллегорией происходящего. Саиль открылось сердце Ингерники, сотворенное из чугуна, магии и пара.

Три дня они ехали, меняя тормозные площадки на платформы с просмоленными бочками и вагоны с живыми коровами, потому что пассажирские поезда Лучиано решительно забраковал.

— Но Петросу ты сказал…

— С Петросом будут говорить эмпаты, — растолковал Лучиано. — Я до сих пор не понимаю, как много они могут вытянуть из человека по одной лишь оговорке. К тому же, на всех станциях чугунки есть телеграф.

Да, телеграф в данной ситуации будет даже важней.

Ростерк они миновали ночью — просто перескочили из одного состава в другой. И пусть все пространство сортировочной заливал голубой свет, сердце Саиль все равно замирало. Кто бы мог подумать, что она решится выйти за порог в такое время! Есть здесь отвращающие знаки или нет — без изгоняющего не скажешь, а ночной гость о визите предупреждать не станет…

— Еще один день! — Лучиано с трудом переводил дух. — Завтра все решится.

Саиль постеснялась спросить — что, просто достала из сумки

карманное зеркальце и постаралась привести себя в приличный вид (выглядели они как два бродяжки). Лучиано пересчитывал оставшиеся деньги — не платя за проезд, им удалось неплохо сэкономить.

— Семьдесят шесть крон! — гордо сообщил мальчик. — Надо будет купить еду и одежду, все равно в империи их не потратить.

— И кастрюльку, — добавила Саиль (насколько она помнила, тато немало повозился, разыскивая на кухне подходящую). — Готовить придется самим.

— Ха! Тогда: котелок, спички, соль, — начал перечислять Лучиано. — Нож и какой–нибудь крупы. Фляжку…

Как мужчинам удается определить, что именно пригодится в дороге, Саиль сказать не бралась, но до сих пор Лучиано ни разу не ошибался.

Кое–как накарябав список необходимого на бумажке из–под пирожков, мальчик спохватился:

— Ты меня поправляй, если что!

Сердце Саиль екнуло:

— В смысле?

В ее глазах происходящее выглядело чудесной сказкой — юный волшебник, тайное пророчество, ведущее их вперед — а сказку принято слушать внимательно, не пытаясь переписать сюжет. Девочка шла вперед с легким сердцем, в глубокой уверенности, что автор все предусмотрел. Где–то в другой реальности существовали бдительные жандармы, тревожные телеграммы, портреты пропавших на газетных страницах и встревоженные учителя. Обо всем этом она не переживала, потому что не задумывалась.

— Ну, этот мой дурацкий талант, — свои способности Лучиано ругал часто и со вкусом. — Подсказывает, если что–то происходит не так, но никак не объясняет — почему. Со стороны может оказаться виднее! В конце концов, все провидцы нуждались в толкователях.

Такой подход Саиль могла понять.

Утром четверга состав, почти целиком состоящий из опечатанных вагонов и платформ с топливными брикетами, довез их до самого моря и доставил бы в порт, но Лучиано оказался против:

— Надо купить вещи. И вообще, поезд, наверняка, будут досматривать.

Саиль послушно спустилась на землю и завертела головой, пытаясь понять, куда они попали.

Тут все было новым — одуряюще пахнущие креозотом шпалы, еще не покрывшийся ржавым налетом щебень, длинный

грузовой пакгауз и запертое здание вокзала (маленький рыбацкий поселок, которому чугунка буквально свалилась на голову, еще не приспособился к такому соседству). Потихоньку зарастал травой строительный хлам, убранный с глаз долой, да так и позабытый. Всего в десятке метров от насыпи земля опрокидывалась вниз и пологим склоном уходила к каменистому берегу. Там, ближе к воде, расположился собственно Винклерт.

— Какая–то странная планировка у этого города, — пробормотала Саиль.

— Думаешь, она у него есть? — встрепенулся Лучиано и оказался, вероятно, прав.

Подумать только, а ей по–первости военно–морская база показалась неустроенной и шумной! Вот ведь шутка Всевышнего. Да моряки были еще ничего, вольные рыбаки — вот где фестиваль! Саиль не могла провести ни одной прямой линии через это скопление домов, сараев, сушащихся сетей и пасущихся коз. Однако Лучиано предлагал найти у этого хаоса центр и низ…

Тропинка то появлялась под ногами, то исчезала. Куры, нехотя, убегали с их пути, козы щурились в след, петухи агрессивно горланили. Нестриженные изгороди (а это вообще изгороди?) хватали Саиль за юбку, не хуже иных собак. Люди в селении, несомненно, были, но все оказались чем–то заняты и на глаза не попадались. Тем не менее, мелочную лавку они нашли, не иначе, ведомые интуицией провидца.

Лучиано оглядел ценники, удовлетворенно кивнул и выложил на прилавок свой список:

— Нам заплечный мешок и вот эти вещи.

Около начищенной медной кассы сидел человек с неприятно внимательными глазами. Список у Лучиано он взял, но нести заказанное не спешил.

— А где ваши родители? — ласково поинтересовался торговец.

— Остались на лодке, — с готовностью сообщил Лучиано и мотнул головой куда–то за спину. — Папа спорит с офицером. Почему–то на нашем старом месте нельзя ловить рыбу! А мы же с собой взяли только бутерброды…

Взгляд торговца потеплел, он не только продал им все необходимое, а сверх того вручил подарок — моток прочной лески.

— Ты, наверное, заворожил этого человека!

— Нет, — вздохнул Лучиано. — Иногда умение смотреть по сторонам помогает не хуже волшебства. Когда кто–то вешает на стену чучело трески, в его увлечениях можно не сомневаться.

Ну, конечно! И местным, наверняка, не впервой ругаться с

офицерами из–за рыбалки. Почему Саиль сама о таком не подумала?

Девочка попыталась представить себе, как видит мир Лучиано, какие силы заставляют его шагать и поворачивать, хмуриться и вздыхать. Почему они идут именно сюда? Гм… А куда? Дорожка вдоль берега ведет одна, свернуть некуда. А как они определят конец пути? О! В самом неудобном месте тропинку перегораживает забор с новенькой табличкой: "Проход воспрещен" Судя по всему, туда–то им и надо. Наверное, она и сама смогла бы найти путь, если бы ей хватило смелости побродить пару дней вдали от жилья. И ведь не поймешь, ведет ли их Судьба или

просто здравого смысла у Лучиано больше… Так, кажется, они нашли обход.

Морская база в Винклерте оказалась решительно не готова к штурму. Нет, обычно–то военные объекты Ингерники отлично охраняются, в ход идет весь доступный арсенал — магия, алхимия, бдительные часовые, но… Несколько разных подрядчиков, разные сроки сдачи работ, сбои с логистикой, мудрые мысли, приходившие в голову высокого начальства с большим опозданием, в общем, с одной стороны забор базы подходил к полотну чугунки вплотную, а с другой — оказался еще не возведен. Ворот пока даже не намечалось. И часовых тоже, потому что караул должен был выставлять постоянный гарнизон, еще не въехавший в свои казармы, а заставить моряков охранять рельсы было не проще, чем боевых магов — подметать плац. Да и смысл? Когда народу вокруг — только местные рыбаки и все друг друга знают. Комендант не счел сообщение о пропавших детях поводом поднимать охрану в ружье (это ведь не диверсанты!), персоналу просто велели смотреть в оба, расписание караулов не изменилось, набор защитных амулетов — тоже.

Поэтому единственным свидетелем преступления стал путейский рабочий, а проще говоря — стрелочник. Работяга как раз был занят выковыриванием из поворотного механизма очередной ракушки (чайки, будь они не ладны!). Прочистив зазоры и убедившись, что механизм работает, он выпрямился и вытер со лба пот (весна, что б ее!).

Мимо по шпалам с сосредоточенным видом шагали двое детей.

— Эй, малыши, вы куда?

— К тете! — хором пропели те, а девочка указала куда–то вперед, видимо, для наглядности.

— Давайте–ка быстро с путей! А если — поезд?

Дети, с готовностью, кивнули и ускорили шаг. То, с какой

стороны забора они прошли, в памяти стрелочника не отложилось.

К последнему рывку отчаянные путешественники готовились, сидя в зарослях сирени. Да, да, той самой.

— Уф, а я уж думал — промахнулись! — просветлел лицом Лучиано.

Саиль кивнула — надо признать, что сирень была не самым распространенным на побережье растением. Эти кусты явно посадила человеческая рука, и она же оформила окатанными морем булыжниками маленький родник, из которого они напились и наполнили новую флягу. Девочка в который раз подивилась, от какой мелочи иногда зависит судьба: железнодорожная насыпь прошла всего в пяти метрах ниже заброшенного источника.

Из тени благоухающих ветвей Лучиано изучал облюбованную ингернийской армией часть бухты. Как и помнила Саиль, порт был не велик, но не грязен, скорее — еще не отмыт, как не очищенная от стружек заготовка (облагораживать территорию базы предстояло проштрафившимся солдатам). Момент, когда алхимическое преобразование безликих ангаров в сосредоточие необоримой силы завершится, был недалек, но корабли в бухте уже стояли — нужды флота не могли ждать до окончания строительства. Это давало путешественникам шанс.

— Те два корабля — слишком маленькие, им в океане делать нечего, — объяснял Лучиано. — Тот, что у ближнего пирса, похоже, вообще на ремонте. А вот тот дальний, смотри! У него на палубе грузовики под тентом!

Саиль покивала — что–то такое там действительно виднелось.

— На него пойдем!

Хорошо, конечно, но только — как? День в самом разгаре, порт полон людьми — солдатами, механикусами, моряками. Все они что–то переносят, разгружают и монтируют, несколько мастеров собрались кучкой и строят планы (а может, просто сплетничают между собой). У входа на причалы пристроились шлагбаум и полосатая будка, там, привалив тяжелые арбалеты к стене, позевывает охрана (до смены караулов оставалось полчаса). Поверх невзрачной полевой формы остро взблескивают защитные амулеты.

Как пройти через это столпотворение к выбранному кораблю, Саиль не представляла. Их обнаружат и остановят, прямо сейчас.

— А теперь — возьми меня за руку и не отпускай. И — НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ!

Всем своим существом Саиль поняла — Лучиано начал

ворожить. И реальность отозвалась, словно бы проснулась и потянулась.

Они вылезли из кустов и пошли к причалам по узенькой тропинке, проложенной патрулями. Свежий ветер с моря танцевал вокруг и пел:

"Все хорошо, все идет, как надо!"

"Все в порядке", — отзывались из–под пирса волны.

"Вы спокойны, вы счастливы".

"Радуйтесь!" — кричали птицы в небесах.

"А нас тут нет".

Расслабленные, умиротворенные люди продолжали заниматься своими делами, негромко переговариваясь и смеясь. На проходящих мимо детей они бросали, в лучшем случае, один беглый взгляд. Но перед сходнями выбранного Лучиано корабля на ящиках сидели трое страшных людей в черном, причем, так занимательно: каждый по отдельности и, в то же время, все вместе. Их песнь ветра волновала приблизительно как котов — церковная проповедь (счастье, в их представлении, имело слишком странную форму).

Но для этих стражей у юного мага был готов другой подход.

— Наш дядя — мастер Ругель, — объявил Лучиано назидательным тоном. — Он заставляет машины работать! Мы несем ему обед.

Саиль быстро закивала, стараясь сдержать панику. Страшные люди потеряли к детям интерес.

— Откуда ты узнал, что здесь работает мастер Ругель? — шепотом поинтересовалась она у Лучиано.

— Я и не слышал про такого никогда, — пожал плечами юный маг. — Главное, что и они не представляют, кто именно заставляет машины работать.

Через полчаса тройка нерадивых сторожей ушла на обед, ничего не сказав сменщикам о попавших на корабль детях.

Ах, с какой радостью экипаж "Стремительного" расставался со своими драгоценными пассажирами! То есть, капитан и раньше знал, что черные — наглые и вороватые существа, но не до такой же степени! Чтобы тырить печенье, жрать его под одеялом и при этом считать себя взрослыми людьми… Но спорить с дюжиной колдунов (к тому же, неплохо подготовленных физически) не решался даже боцман. В результате, недостачу продуктов на камбузе решили списать на крыс, а всякие ценные мелочи объявить смытыми за борт.

А уж как рады были свинтить с корабля боевые маги! Кровь черных будоражили мысли о добыче, запах новых земель и вкус свободы. Непонятные претензии вечно чем–то недовольного

капитана просто не достигали их сознания. Куратор, полтора месяца любовавшийся на изнывающих от жадности колдунов, склонен был на все забить. И вот оно, побережье империи. Добрались!

Высадка шла весело, с огоньком. Кто в такой момент обращает внимание на излишне тяжелые ящики? Дальнейшее представлялось волшебно простым: нежитей — долой, имущество — в машины, недовольным — в лоб. Руководил нашествием коренастый, бритый под ноль колдун в чине капитана. А правильный вожак — что? Не только силен, но и предусмотрителен!

Поэтому первым делом на ящиках расстелили карту.

— Мы тут, — капитан ткнул пальцем в бумагу. — Вот здесь ребята Чечера нашли большое поместье, но внутрь их охрана не пустила. Фома на территории уже был, может, еще что–то… — боевой маг глубокомысленно прищурился. — В общем, мы войдем без проблем — живых там остаться не должно. Вот здесь городишко, наши с местными уже стакнулись — база будет. Всякое дешевое барахло им снесем.

— Если Чечер тут уже шарил…

— Чечер с севера шел, потом к мысу Крик возвращался. А нас с этого пляжа снимут! Мы дальше продвинемся. Босс говорил, логичнее идти к горам — там поселения крупнее. На юг — берег поднимается, бухт нет, народу, соответственно, тоже… Ладно, еще поспрошаем.

Под разгрузку прибыла очередная шлюпка и разговоры прекратились. У ящиков остался только один скучающий сторож, все внимание которого занимали прибрежные кусты. На скрип досок и шорохи за спиной он обратил внимание не сразу… А когда посмотрел, неучтенные пассажиры уже вовсю улепетывали прочь. Реакция на бегущую цель у черных стереотипна: боевой маг напрягся, высвобождая Источник, наполняя силой смертоносное плетение… но вовремя разглядел мишень и едва сам в себя файербол не засандалил.

— Слышь, Бакор, — поделился он своим потрясением с командиром. — У нас в ящике с портками двое белых вывелись!

— Не может быть!

Пресловутый ящик внимательно осмотрели.

— Так, — упер руки в боки капитан Бакор. — Да тут половины вещей не хватает! А ну, семафорь флотским — пусть у себя ищут.

К тому моменту, когда перепрятанные Лучиано вещи нашли, а о детях снова вспомнили, ловить кого–то на берегу было уже бесполезно.

Депешу от Зертака старшему координатору доставил армейский спецкурьер. Своей рукой, на гербовой бумаге генерал извещал Ларкеса, что двое искомых белых высадились–таки в И'Са—Орио-Те. Ждать от черного извинений было бессмысленно, но намеки на будущие услуги в письме звучали. Старший координатор постучал уголком плотной бумаги по краю стола и в который раз задумался, как Саталу удается справляться со своим многочисленным потомством. До сих пор Ларесу казалось, что ничего хуже двух черных близнецов не бывает.

"Вот сейчас увидимся, заодно и спрошу!"

Глава 25

Позже Саиль не раз удивлялась, как им удалось остаться в живых в те, первые дни на восточном побережье, потому что все ее скудные знания, все то, что она шепотом рассказывала Лучиано, сидя в кузове ингернийского грузовика, оказалось абсолютно бессмысленно — ступив на землю Са—Орио, они угодили в ад.

Ругань возмущенных колдунов еще не стихла вдали, когда на путешественников напали черноголовые. Печатных Лучиано отвадил запросто — хлопнул в ладоши и закричал "Хо!". Саиль даже испугаться не успела.

— Уф, здорово ты их!

Лучиано легкомысленно пожал плечами:

— Я просто использовал чью–то закладку — им всем полагается испытывать страх по команде. А что они от нас хотели?

Этого Саиль сказать не могла — все тонкости священного Уложения отец ей никогда не разъяснял (может, не успел, а может, не рассчитывал, что ей когда–нибудь придется путешествовать в одиночку). Поэтому постигать истину им пришлось на практике — буквально уткнувшись в разлагающийся труп. От самого зрелища ее избавил мужественный Лучиано, но запах на дороге стоял такой, что Саиль едва не упала в обморок.

— Что там? Что случилось?

— Убийство, — Лучиано был нехарактерно бледен, но держался молодцом. — Одет как те, кто к нам подбегали… Наверное, нужно сообщить

об этом кому–то?

В тот момент они еще верили, что происшедшее — несчастный случай, но это был лишь первый обнаруженный ими труп. Мертвые черноголовые валялись везде — прямо на дороге, в канавах, кустах, по одному и смердящими кучами.

— Что происходит? — рыдала Саиль. — Давай вернемся!

— Что происходит, я не знаю, но нам пока ничего не грозит, — напряженно хмурился Лучиано. — Безумие какое–то! Ты действительно хочешь повернуть?

Бог испытывает ее! Саиль отчаянно помотала головой и пошла вперед, плотно зажмурившись.

Волшебное путешествие стремительно превращалось в нереальный кошмар. Береговой тракт вел их из долины в долину, через мелеющие речки, мимо тщательно подготовленных к сухому сезону полей и аккуратно опечатанных амбаров. Над

плодородными нивами висел сладковатый запах смерти. Всюду, оставив привычные дела, шныряли черноголовые, тощие, грязные и какие–то больные. Они сбивались в стаи, нападали друг на друга и дрались насмерть. Один раз они с Лучиано застали жуткую сцену: взрослые окружили группу из десятка подростков, забили их мотыгами и деловито заровняли тела в землю.

— Останови их!!! — Саиль выкручивалась из цепко удерживающих ее рук.

— Как?!! Они не будут слушать слова! Саиль, они как рыбы, идущие на нерест, птицы, летящие на юг! Ими движет замысел, чтобы изменить его, моей магии недостаточно!

— Замысел? — ужаснулась Саиль.

Прозрение было подобно удару молнии. Замысел, печатные! Черноголовые вовсе не были безумны, они выполняли вложенный в них приказ, волю пастырей.

"Ох, папа…"

И он тоже делал подобное, не надо себе врать. Не странно теперь, что и близких людей он бросил с такой дивной легкостью! Кого она любила, кто на самом деле скрывался за знакомым лицом? Белым не свойственно врать, они, если и обманываются, то — искренне, но сказать Лучиано про отца–пастыря Саиль не могла — ужас от увиденного пережимал горло.

Возможность сбежать они упустили — корабль уплыл, колдуны уехали — им ничего не оставалось, как идти вперед, надеясь, что плодородный доль (напоенная ручьями с гор равнина) скоро кончится, и деревни черноголовых останутся позади. Саиль двигалась, словно в бреду, а Лучиано (без году волшебник) время от времени отчаянно пытался что–то наворожить. После последнего раза им в подарок принесли оторванную человеческую голову. Мальчика весь вечер рвало желчью, однако попыток он не оставлял.

Душевные переживания плохо сказываются на одаренных, не важно, маги они или нет. Еще немного и они растворились бы в окружающем хаосе, но как–то незаметно береговой хребет придвинулся к морю, возделанных земель стало меньше, и впереди забрезжила надежда.

Ближе к горам сбор урожая еще не завершился и самоубийственное поветрие среди печатных только–только вызревало, но первые жертвы уже были принесены: в ложбинке у ручья топорщились знакомые коричневые холмики — снимать друг с друга одежду черноголовые не пытались. Трупы лежали кучно, может, несчастные прятались здесь, или магия просто не позволила им уйти дальше… Саиль отвернулась, старательно глядя себе под ноги, а вот Лучиано неожиданно сбросил мешок и

ринулся вниз.

— Не трогай, не трогай это!!!

— Здесь есть кто–то живой!

— Оставь их!

Но Лучиано не слушал. Отбросив брезгливость, он руками ворочал изувеченные тела, пытаясь отыскать нечто, различимое только для волшебника.

Саиль не могла смотреть. "Это не люди" — уткнувшись лицом в колени твердила она себе. — "Не люди — не люди — не люди! Они только внешне похожи, а внутри — другие. Это рыбы, птицы. Какое мне дело до дохлых рыб?"

— Есть! — прихватив что–то маленькое, Лучиано карабкался обратно. Саиль замерла, готовясь встретить новый кошмар.

Младенец! Крошечный, едва ли нескольких дней от роду, завернутый в коричневую тряпку — кусок рубахи, задубевший от спекшейся крови. Крови матери, своим телом закрывшей дитя от убийц.

Малютка проснулся и захныкал. Затянувшая разум муть разлетелась вдребезги, собственные беды мигом вылетели у Саиль из головы.

— Ой! Он хочет есть!!! — всполошилась девочка. — Что же нам делать?!!

— Позаботиться о нем, конечно.

— Но у нас же нет молока!

— Придумаем что–нибудь.

Думать Лучиано устроился тут же, посреди дороги, сев в пыль и обхватив руками вещевой мешок. Саиль отошла к обочине, на траву, выбросила грязную тряпку, обмыла младенца из фляги и завернула вместо пленки в одну из своих рубашек (спасибо, тетя, ты так многому меня научила!). Она верила в своего провидца. Впервые за неделю кошмара у них появилась возможность что–то изменить, и они не упустят ее, ни за что!

Где–то через четверть часа Лучиано встал и решительно закинул мешок за плечи.

— Придется идти в деревню, — постановил он.

К делу подготовились серьезно: вещи спрятали у дороги (на случай, если придется быстро бежать), в ближайшей роще Лучиано отыскал длинную суковатую палку. Магию он призвал заранее, и пошел вперед, молчаливый и сосредоточенный, читающий одному ему видимые следы.

Встречать их высыпала целая толпа с вилами и граблями в руках (господь всемогущий, грабли–то им зачем?!!), но юный маг встретил ее без трепета. Он продемонстрировал черноголовым палку, то ли — угрожая, то ли — призывая ко вниманию, а потом

пошел по кругу, совершая руками сложные, несимметричные движения.

— Скажи им, что нам надо, — бросил он Саиль.

— Молока!

— Еще раз, медленнее.

— Мо–ло–ка-а! — раз за разом повторяла Саиль, юный маг выполнял странный, ни на что не похожий танец, а печатные стояли, обратив на них бессмысленные лица–маски.

Потом произошло немыслимое: с лица черноголового, стоявшего к Саиль ближе всего, сползла вечная улыбка. Теперь перед девочкой стоял человек средних лет, с умными, внимательными глазами. То, к какой народности принадлежал младенец, от него не укрылось.

Староста (это наверняка был он) повернулся к соплеменникам и разразился быстрой речью на той странной мешанине слов, слогов и жестов, от которой пастыри безуспешно отучают черноголовых уже не одно поколение ("Не могут говорить как нормальные люди!" — возмущался Тай'Амиши). Молока им все–таки не дали. Вместо этого староста вручил юному магу дойную ослицу — очаровательную скотинку с белой мордой и выразительными ресницами. Саиль не ожидала, что черноголовые знают такие тонкости, возможно, им тоже приходилось выкармливать младенцев чужим молоком. Правда, позже выяснилось, что ослица обладает скверным нравом и омерзительно громким голосом, норовит сжевать что–нибудь не то и больно кусается. Но это были проблемы решаемые.

Уходя из деревни, Саиль несколько раз оглядывалась. Староста стоял, глядя им вслед, привычная улыбка медленно возвращалась на его лицо, и от этого, почему–то, на душе становилось особенно горько.

Двое белых уходили из доля Фатхо, унося с собой единственного уцелевшего среди черноголовых ребенка.

Мудрый Хо (тридцать пять лет от роду — глубокий старик), задумчиво почесал кучерявый затылок. Изводившее его последние дни желание очищать землю от лишних ртов куда–то ушло. Вот и славно! Значит, в поход на соседнюю долину они не пойдут. И запасы зерна в опустевшей общинной кладовой он пополнит, да хоть бы из ближайшего амбара. И, если что — пастырь так велел! Пойди, найди того пастыря…

Глава 26

Путь через отроги Понтиакских гор был спокойным, вольным и… голодным. Зелень в местах, где ночных гостей никто не беспокоил, росла мелкими и каким–то испуганными клочками, обреченно дожидающимися неизбежного конца, про что–то плодовое и съедобное просто речи не шло. Вылизанные дождями и ветром скалы напоминали ячеистый панцирь диковинной многоножки. Обожженные увиденным чувства медленно оживали, а вот запасы крупы, наоборот, быстро заканчивались. О том, что в доль Фатхо следовало бы раздобыть продуктов, не задумался даже Лучиано, чему Саиль была только рада — пища, побывавшая в руках черноголовых, казалась ей отравленной. Но комплексы комплексами, а есть хотелось сильно.

Выручало молоко, не допитое малышом Пере и дары моря, за которыми с каждым днем приходилось лезть все дальше. Сначала спуск к берегу занимал минут пятнадцать, потом — полчаса, в какой–то момент они на два дня задержались возле удобной тропинки, восстанавливая силы и готовясь к следующему рывку. Довольной жизнью выглядела только ослица — Саиль явно не казалась ей серьезным грузом, а пастись всеядная скотина могла на любых колючках.

Мерзопакостный характер таланта Лучиано снова дал о себе знать.

— Куда–то не туда мы идем, — беспокоился провидец.

— А куда надо? — изумилась Саиль (кроме берегового тракта, дорог на побережье не было).

— Хороший вопрос… — Лучиано долго шуршал картами, сопел, хмыкал, а потом обхватил руками гудящие виски. — Да что ж такое, в самом деле!

— Объясни мне, — предложила Саиль.

— Нам нужно в Миронге, это туда, — Лучиано махнул рукой вдоль тракта. — Но каждый шаг приближает нас к западне! Я даже знаю, что нам грозит — вокруг большого города обязательно собираются… нехорошие люди. Особенно — в такое время. И, в то же время, нам туда нужно!

Саиль покачала головой — все это было для нее слишком сложно.

— Хочешь сказать, что нам нужно в город, но притом нельзя идти в город?

— Да, как–то так… — Лучиано глубоко задумался. — Идти… А если — плыть? Может, удастся пробраться в Миронге морем?

К предложению поискать деревню рыбаков Саиль отнеслась

скептически — за пределами плодородных долей восточное побережье империи было относительно безлюдным. Владельцы кораблей предпочитали крупные гавани, вроде того же Миронге, а прочим не хватало средств, чтобы заплатить изгоняющим за защиту. Но Лучиано этот довод отметал:

— Море — само по себе защита, только пользуйся. Главное — за окрестностями следить.

Как можно уследить за окрестностями, представляющими собой нагромождение скал и осыпей, Саиль не представляла, и остальные са–ориотцы, очевидно, тоже. В общем, поселений на берегу им не попадалось. Тем временем, к голоду добавился полузабытый страх — нежити. Очередная площадка для караванов оказалась непригодна для ночевки.

— Видишь тот серый налет? — куда надо смотреть, бдительный

Лучиано показывал концом палки. — Нам такое в школе показывали! Ночью здесь был фома. Закрепиться в реальности ему не удалось, но отвращающие амулеты, определенно, не сработали.

— Что же делать? — похолодела Саиль.

— Бежим к морю!

Они ломанулись вниз, скользя по почти вертикальному склону, цепляясь за редкие кусты и сбивая лавины камней. На берег уже легла тень, короткий южный вечер стремительно переходил в ночь.

Лучиано методично поливал морской водой пятачок четырех метров в диаметре.

— Ты уверен, что это поможет? — устало спросила Саиль (волноваться хотя бы еще чуточку больше она не могла).

— А как же! Нежити не проявляются в живом теле, в воздухе и в крутом рассоле, а если они не попадут окончательно в наш мир, то и напасть на нас не смогут.

— Так просто?

— Да! Я ведь говорил, море — само по себе защита. Вдали от побережья без отвращающего амулета не выжить. Верь мне! Я ведь родился в Краухарде.

Это место, которое Лучиано не однократно поминал, представлялось Саиль некой мрачной цитаделью, стоящей на границе всего. Любой, выросший там, становился кем–то легендарным. Знать так много о повадках ночных гостей, не являясь изгоняющим! Должно быть, краухардцы настолько суровы, что колдуны им просто не нужны.

Лучиано закончил, и Саиль немедленно перенесла свои пожитки на еще влажный песок. Ослицу втащили на просоленную

землю и привязали к камню покрупней (строптивая скотина вела себя на удивление прилично). Саиль забралась в позаимствованный у армейских магов спальный мешок и твердо сказала себе, что разницы нету: что развалины постоялого двора, что соленый круг на пляже — безопасность иллюзорна. Либо — повезет, либо — нет.

Утром они были все еще живы.

А вот вернуться на тракт тем же путем не представлялось возможным (от мысли, что вчера они спускались по такой крутизне, Саиль становилось дурно). Скалы уходили прямо в небо!

— Может быть, низом пойдем? — неуверенно предложил Лучиано.

И они пошли низом, увязая в мелкой гальке, с трудом переползая через груды валунов и рискуя получить камнем, сорвавшемся со скалы, по голове. С неба шпарило беспощадное солнце, справа дышали жаром утесы, слева плескались бирюзовые волны, лезть в которые Лучиано запретил — смыть соль было нечем. К полудню ослица заартачилась, да и Саиль едва держалась на ногах.

— Еще немного! — уговаривал Лучиано. — Надо обойти тот мыс. Может, в следующем заливе будет пресная вода.

Мысль о неутоленной жажде поставила Саиль на ноги.

Очередной изгиб берега приближался медленно, как кошмар. Тревожная мысль стучалась в сознание: не останутся ли они здесь навсегда, как жуки на дне старой лампы? Маленькие букашки, из последних сил шевелящие тонкими лапками…

Куда–то не туда ее несет. Такие мысли невместны для спутницы прорицателя! Саиль обмахнула пот со лба и задумалась: как вообще следует вести себя девочке, участвующей в эпическом (тут к гадалке не ходи!) походе? Лучиано она, вроде бы, не обременяет, за скотиной и детьми следит. Дома в Крумлихе у отца не было подходящих книг, только разрешенные Уложением тексты, как полагается, без изображений живых существ и растений. Саиль испытывала к ним непонятное отторжение — замысловатые золоченые орнаменты вызывали у нее головную боль. А вот тетя была просто кладезем всевозможных сказок! И про провидцев она тоже рассказывала, например, как юноша, попросивший у оракула красных лент для любимой, вынужден был обойти ради них весь мир. В таком случае, что должны будут совершить они для достижения своей цели?

От сложных размышлений Саиль отвлек Лучиано: мальчик уже добрался до пресловутого мыса и теперь махал оттуда рукой,

на что–то показывая. Саиль потянула ослицу за повод.

— Смотри, смотри!

Метрах в ста от берега из воды торчали мачты какого–то судна. Саиль попыталась собраться с мыслями:

— Зимой ингернийцы топили корабли…

Лучиано помотал головой.

— Зимний шторм разнес бы его в щепки. А запах чувствуешь? Дым!

На Саиль накатило невероятное облегчение и незнакомая прежде тревога: они нашли людей, но хорошо это или плохо? Ушедший вперед Лучиано уже орал во все горло:

— Лодка! Ура!!!

Надо так понимать, что здесь они в безопасности.

Долгожданный поселок (полдюжины крытых тростником хибар) прятался под основанием вертикальной стенки и с тракта был совершенно неразличим. Что сразу наводило на мысль: чем зарабатывали на жизнь его обитатели? Впрочем, предприимчивые контрабандисты, без сомнения, первыми перебрались в более хлебное место. Однако дома не стояли брошенными, под навесом из плавника работала мастерская: в открытом очаге с невероятным смрадом горели топливные брикеты, предназначенные для паровых котлов. В топке они давали ровный жар, не боялись сырости, но подобного использования явно не подходили — дышать было совершенно нечем. Над огнем кипел котелок с не менее вонючим снадобьем — костным клеем.

Клубы дыма окутывали пристань, берег, пустые бочки на нем и горы все тех же брикетов. Среди этого безобразия сидел оборванный, бородатый мужчина и невозмутимо курил трубку.

Дети потоптались на берегу, пытаясь привлечь внимание, но были демонстративно проигнорированы. Не владеющий са–ориотским Лучиано закатил глаза, и Саиль решилась вступить в общение:

— Здравствуйте, уважаемый! А чей это корабль?

— Мой.

— А почему он утонул?

— Потому что я так решил, — оборванец выпустил в лицо Саиль клуб дыма. — Захотел и утопил!

Девочка поняла, что здесь — что–то сложное, и постаралась сосредоточиться на практической стороне:

— Отвезите нас, пожалуйста, в Миронге!

Бородач крякнул.

— Так не поднять теперь! Больно хорошо засел.

Похоже, маленькую лодку как транспорт этот человек не рассматривал. Выслушав перевод разговора, Лучиано сразу

уловил суть:

— А если вынем?

— Отвезу, — хмыкнул курильщик. — Мое слово!

На этом цивилизованное общение закончилось — место для ночлега им не предложили и даже традиционных фраз гостеприимства Саиль не дождалась. Казалось, единственный обитатель сомнительного поселения о них просто забыл. Замешательство длилось недолго: Лучиано, с милой непосредственностью, сам нашел им приют — выбрал свободную комнату и занес туда пожитки, а потом отыскал кухню и принялся стряпать ужин. Глядя, как он снимает с крючков вяленную рыбу и выгребает из короба сушеные бобы, Саиль извелась от беспокойства.

— А мы не…

— Ну что ты, Саиль, — улыбнулся Лучиано. — Этот достойный человек, наверняка, помнит правила гостеприимства!

М-да, только вот следовать им стесняется.

Выяснилось, что в жизни Саиль все–таки чего–то не понимает — явившийся точно к ужину хозяин с той же невозмутимостью разложил еду на три миски. Ели молча.

Утром лодки на берегу не было — необщительный бородач отправился куда–то по своим делам, вызывающе оставив на кухонном столе двух здоровенных, еще живых рыб. Ах, чего стоило Саиль не выпустить их обратно в море!

Отлив забрал воду, обнажил столбы пристани, разбросанный по дну хлам, и не на долго освободил из плена невезучий корабль. Лучиано пошел определяться с фронтом работ. Саиль оставила Пепе дремать в тени и побежала следом — интересно же! Небольшое по морским меркам судно вблизи выглядело гигантским. Над поверхностью даже сейчас оно выступало едва–едва, волны то и дело перехлестывали через его палубу и гулко булькали в провалах люков.

— Как же ты поднимешь его со дна?!!

Лучиано улыбнулся ее наивности.

— Ручная помпа на носу, — пояснил он. — Сможем откачать воду из трюма — само всплывет. Саиль, я вырос в Краухарде. Мой дядя был механикус, а брат гонял на мопеде с двенадцати лет. Полагаешь, я там совсем ничему не научился? Вопрос только в том, почему хозяин сам этого не сделал. Придется нырять.

Делать это провидец собрался, в чем мать родила, и донельзя смущенная Саиль не решилась смотреть. К тому же, ослицу надо было доить, Пепе — кормить, да и вещички постирать не мешало бы. Вознеся краткую молитву богам, Саиль отправилась ДОБЫВАТЬ из оставленных без присмотра жилищ тазики,

стиральную доску и куски высохшего серого мыла. Куда бы ни отправились прежние жители поселка, в дорогу они собирались вдумчиво, с собой отобрали вещи поновей, а всякий полезный в хозяйстве хлам оставили, где лежал. Саиль отыскала в незапертых сундуках кипу почти что целых пеленок и чьи–то крохотные рубашки, для которых Пепе был еще маловат. Ах, если бы еще сделать для ослицы переметные сумки! Потом она, между делом, посмотрела в зеркало и пришла в ужас. Немудрено, что хозяин судна отказался с ними говорить! Понятно — долгий путь, испытания, но показываться на люди с такой головой!!! Положение нужно было срочно спасать. И ни какого (упаси боги) серого мыла, только травяные отвары, только мелкий песок.

В возне с водой, дровами и тряпками прошел весь день. Вечером на запах жаренной рыбы и постных лепешек подтянулись мужчины. Лучиано выглядел бледным и измотанным.

— Пробоина в борту небольшая, аккуратная, — сообщил мальчик, сосредоточенно выбирая из миски мелкие косточки. — Но течение положило судно на бок, дыркой вниз. И песка в трюм натянуло на локоть, еле разгреб.

— Без понтона ничего не выйдет, — с каким–то извращенным удовольствием отозвался бородач, настойчиво пожелавший принять участие в разговоре.

— Уговор? — поднял бровь Лучиано.

— Мое слово! — серьезно подтвердил морской волк.

Утром после отлива юный маг пригласил хозяина затонувшего корабля на борт, налег на помпу и вода ушла. Под слоем песка пробоина оказалась заплетена плотным клубком водорослей, жестких, пропитанных бурой слизью и почти не пропускающих воду. Вернувшееся с приливом море мягко подняло судно и закачало на волнах. И пускай желтая краска на бортах облупилась, а красный лак на поручнях висел лохмотьями, Саиль не сдержала восхищенного вздоха — как красиво!

— Удачно как получилось, — тактично заметил бородач.

— Еще бы, — хмыкнул Лучиано. — Магия!

— В морской воде? — не поверила Саиль.

— Не, ну начертить в воде знаки я, конечно, не смог бы. Но почему все забывают, что белая магия — в природе этого мира? Нам не нужно навязывать ему свою волю, достаточно попросить.

Интересно

— кого? Саиль представила себе крабов, всю ночь сосредоточенно ткущих волшебное полотно и не нашлась что сказать. Дрожащими от волнения руками старый моряк закрепил на мачте временный парус и отогнал свой увечный корабль к берегу. Теперь ему не грозило пропасть на глубине.

— Сегодня не пойдем — надо заделать дыру понадежней, — странным, чуть заискивающим тоном сообщил бородач. — Машину проверить, опять же, брикеты загрузить. Завтра с отливом выйдем.

Лучиано серьезно кивнул, соглашаясь с услышанным. Саиль подумалось, что обманывать пастыря, повелевающего рыбами и водами, этот человек не станет.

— Не, не получится, — покачал головой Эдан Сатал, боевой маг, наделенный множеством всевозможных достоинств. — Как я объясню понятие "брат" бесполому существу, не способному к символьному мышлению? А сам я этого Лучиано Тамирони никогда не видел. К тому же, вот представь: мы смогли как–то втолковать это Тангору. Как это поможет скоординировать поиски?

— Название городов он тоже не передаст…

— Ага. Ни внешность, ни имена, ни цвет одежды. То есть, я, конечно, стукну ему для порядка, но на многое не рассчитывай.

— Погоди–погоди, — Ларкес в задумчивости мял платок, превращая ткань в сложную вязь из узелков. — Проблема ведь в точной передаче сведений? Это не обязательно должны быть слова. Достаточно воспроизведения определенных структур на распространенном носителе. Скажем, царапины на дереве, бороздки в песке. Сложить их в нужные символы Тангор сможет самостоятельно.

— Так у Шороха же рук нет, — Сатал пошевелил в воздухе пальцами и, неожиданно, прозрел. — Не–ет, это плохая идея!

— Почему? Полагаешь, сам он не додумается до активного использования голлемов?

— Додумается, конечно, со временем. Но идея все равно плохая!

— Не идеальная, — согласился старший координатор. — Зато, взяв монстра в дело, мы сможем выцыганить что–нибудь взамен. Такой подарок ему придется отработать!

— О, да! — маниакально усмехнулся Сатал. — Такой подарок ему придется долго отрабатывать…

Глава 27

Уважаемый в некоторых кругах владелец моторной шхуны Ри'Кинчир пыхтел трубкой и, с воодушевлением, горланил песни сомнительной художественной ценности, перекрывая своим ревом и гулкие всхлипы двигателя, и шум волн и робкие крики чаек. Ослица по имени Мымра с интересом поводила ушами и время от времени поддерживала капитана громким иканием. Хорошо хоть малыш Пепе крепко спал…

Саиль, пристроившись на бухте не нужного пока каната, смотрела на волны и размышляла о том, как многого еще не знает. Дети пастырей в империи становились исключительно пастырями, а девочек вообще предпочитали ничему не учить — отсекали Источник и выдавали замуж. Поэтому о мире она узнавала из двух десятков поучительных книжек и сказок, рассказанных тетей Рахиль (магия в них была представлена с точки зрения обычного человека). За три месяца жизни в Ингернике Саиль познакомилась с эмпатами и целителями, природниками и просто бытовыми магами, в равной степени пользующимися уважением. А вот теперь еще — провидец! Казалось, Лучиано мог все. Переправиться через море? — Пожалуйста! Договориться с моллюсками? Легко! Ковыряние в попорченных морской водой механизмах на пару с Ри'Кинчиром можно даже не упоминать. Но главный шок: сварить бобы с рыбой так, чтобы все ели, не давились! Саиль бы не смогла.

Странная история с утоплением судна получила объяснение:

— Весной чиновники шлялись по гаваням, отнимали корабли, — ударился в откровенность подобревший капитан. — И нет бы в дело пустить, топили, паскуды! Что б моего "Лосося" сжег какой–то тупой медноголовый?!! Вот я и положил его на дно аккуратненько, — бородатая физиономия Ри'Кинчира расплылась в довольной улыбке. — Ловко провернул!

Теперь старый моряк говорил много и охотно, а лексикон имел такой, что прежде Саиль и стоять–то рядом не смогла бы, но после ужасов доля Фатхо жаловаться на чей–то грязный язык было просто неудобно. Тем более что Лучиано (пастырь, хранитель устоев!) спокойно пропускал все это непотребство мимо ушей.

— Представляешь, Саиль, — поделился он сокровенным. — Я с восьми лет мечтал стать юнгой! Но белых в море не берут.

Потрепанный "Лосось" украсился благоразумно припрятанным в песке такелажем и старыми, не единожды штопанными парусами. Следом на борт отправились бочки с

водой и пресловутые брикеты. Больше всего проблем при погрузке доставила ослица, сначала не желавшая прыгать в лодку, а при попытке поднять себя грузовой стрелой принявшаяся отчаянно брыкаться. И вот оно — море, простор! Мимо проплывает скалистый берег со всеми его опасностями и невзгодами (Просто с ума сойти, как далеко еще им пришлось бы идти! Эдак они к Миронге только осенью дотопали бы). Судно шло на парусах, чему Саиль бесконечно рада (запах паленых брикетов ей еще на берегу надоел). Скоро, скоро они окажутся в устье Тималао!

В порту появление "Лосося" произвело фурор. Сотни мелких лодчонок (едва ли не плотов) немедленно устремились к кораблю, их владельцы наперебой предлагали услуги лоцманов, разный мелочной товар и просто толкались рядом. Ри'Кинчира тут явно знали, со всех сторон раздавались приветствия похабного содержания, а тот в ответ весело орал что–то умопомрачительно непотребное. Пастырей на них нет! Капитан зазвал на борт каких–то старых знакомых и с их помощью отогнал "Лосося" поближе к мастерским — бывший утопленник нуждался в ремонте. Провожатые оказались не лишними — порт только выглядел просторным, тут и там из–под воды торчали железные остовы и обугленные деревяшки (останки сожженных по воле императора кораблей). На берегу нашествие продолжилось — у сходней, словно по волшебству, собралась целая толпа перевозбужденных личностей. Матросы готовы были плыть к еретикам в пекло, мастера — выполнить любую работу за чисто символическое вознаграждение, купцы желали нанять корабль для доставки товаров. Порт Миронге цеплялся за жизнь, не хотел умирать, но самого главного — морских судов — в его акватории не было. У многочисленных причалов стояло ровным счетом три корабля, размером чуть побольше "Лосося", и все — под бдительной охраной вооруженных людей совершенно бандитского вида.

— Добрые возчики! — хмыкнул Ри'Кинчир. — У главного пирса стоят — ничего не боятся.

Саиль не сразу поняла, что капитан имеет в виду контрабандистов.

Потихоньку ажиотаж стих. Все эти люди (как получившие желаемое, так и оставшиеся не у дел) потихоньку разошлись. Пришла пора и им уходить. Вот только — куда? У путешествующих белых не было ни знакомых, ни дома, ни денег.

Очевидно, капитан тоже подумал о чем–то подобном.

— А вы, сиятельные, — окликнул он пассажиров. — Дальше — куда?

— Мы будем искать попутчиков в Алякан–хуссо, — отозвался Лучиано.

— Поищите, — кивнул Ри'Кинчир. — Вещи можете пока не забирать — раньше, чем через неделю, я из порта не выйду. Вот только скотину свою говнистую на берегу привяжите!

— А ее не уведут? — практично поинтересовался Лучиано.

— Пусть только сунутся! — свирепо дыхнул дымом Ри'Кинчир и снова сказал непотребство.

И вот они оказались в Миронге, втроем (оставлять малыша Пепе с незнакомыми людьми Саиль не решилась). Сбылась мечта… белых, что, в общем–то, все объясняет. Огромный порт (морские ворота Тималао) производил впечатления балагана без марионеток — чисто выметенные пирсы, аккуратные штабеля пустых бочек, топливных брикетов и новеньких канатов. Сцена, актеры которой обугленными грудами догнивают под водой. И добрые возчики, словно насмешка над Уложением, в роли уважаемых гостей. Власти длили антракт, но за цветастым занавесом что–то скребло и шевелилось. Веками соблюдавшиеся правила трещали по швам.

В соседнем доке из каких–то подручных материалов сооружали корабль — подсудное дело (верфи в империи всегда были сугубо императорскими). Скелет будущего судна — киль и шпангоуты — были практически завершены, низкое качество материала новоявленные корабелы восполняли всяческими шпунтами и заклепками, результат навивал мысли о скверно сделанном чучеле. На опустевшие пирсы каждое утро высыпала толпа рыбаков — простых горожан с удочками и сачками. Недалеко от берега с плотов (вероятно, при помощи волшебников) пытались поднять из воды останки судна (то ли акваторию чистили, то ли двигательную установку спасали). Но в целом гавань Миронге из парадного фасада города временно превратилась в его задворки. Чуткая белая натура подсказывала Саиль, что двое белых неуместны здесь, как заигравшиеся котята.

— Думаешь, стоит спросить об Алякан–хуссо там? — девочка кивнула на целую флотилию плоскодонок, болтавшуюся около волнореза (в открытом море им делать нечего).

— А смысл? — Лучиано пожал плечами. — Движения по реке нет, а пешком идти — далеко и опасно. Проще подождать, когда Ри'Кинчир закончит с ремонтом. Его корабль — каботажник, идти на нем через океан — рискованно и выгоды особой нет. Вот увидишь, Саиль, капитан попробует заработать на речных перевозках! Сейчас на них должен быть бешеный спрос.

Если провидец так говорит, значит, в будущем можно не сомневаться.

— Но сидеть на шее у этого доброго человека мы не можем — у любой благодарности есть предел, — Лучиано вынул из–за пазухи мешочек и продемонстрировал Саиль НЕЧТО. Больше всего эта штука напоминала маленькие часы, позолоченные, с множеством циферблатов и металлическим браслетом, напоминающим кожу змеи. Она и не знала, что у ингернийцев такие вкусы! — Брат подарил, — пояснил мальчик. — Жалко, конечно, но ведь на доброе дело!

Правильно–правильно. Сбыть с рук этот кошмар и объяснить брату, что принести жертву на доброе дело — хорошо.

Бродить по незнакомому городу Саиль не хотела, но уклониться от похода по магазинам не могла — Лучиано по–прежнему понимал са–ориотский с пятого на десятое. Миронге принял двух белых в свое нутро и попытался разжевать.

Неужели это — нормальный город?!! Никакой солидной упорядоченности, к которой Саиль привыкла в Крумлихе, всюду суета и мельтешение. На улицах — пестрая толпа, белое, красное, желтое, серое, салатовое и васильковое, все цвета городов Тималао

смешались здесь. Гул голосов казался встревоженным и приглушенным — так не ведут себя люди, обретшие убежище, скорее — угодившие в ловушку. Как бы до волнений не дошло! Видимо, городской глава и сам все отлично понимал — по переполненному гостевому кварталу непрерывно курсировали группы стражников. От царящего вокруг напряжения у Саиль кружилась голова, но Лучиано твердо взял ее за локоть и за полчаса вывел к рынку. Как?!

— Я карту города в атласе посмотрел, — пояснил провидец. — Планировка по Уложению: один раз увидел, считай — везде побывал.

Естественно! Ну, почему Саиль сама до такого не додумалась? Не знать законов собственной страны — позор. Так, срочно просмотреть все их записи и выучить, нет, зазубрить! Мало ли что еще пригодится.

В торговых рядах, как ни странно, людей оказалось меньше. Зато вели они себя громче — вопль зазывалы над ухом едва не оглушил Саиль.

— Ужас!!!

— Это ты просто на краухардской ярмарке не была, — ностальгически улыбнулся Лучиано.

— Э?

— О! Там все то же самое, — он обвел рукой бурлящий вокруг хаос. — Только половина народу — черные. И когда они начинают торговаться…

Саиль представила, что способен устроить изгоняющий, желающий, но не могущий что–то получить, и поняла, что Миронге — еще ничего. Покупателей в рядах не так уж много — друг друга почти не задевают, карманники вежливые — толкнут и извинятся…

— Э???

Продавать часы Лучиано решил не на улице, а в лавке, причем, ювелирной. Витрины у нее не было вовсе, а около двери топтался рослый печатный, к малолетним визитерам отнесшийся с подозрением (Саиль подозревала — не будь Лучиано пастырем, их погнали бы отсюда взашей).

Хозяин вышел к странным посетителям не сразу (видно, занят был). При взгляде на кошмарные часы в его руках, словно по волшебству, появилась лупа, помощник поднес ближе свет. Минут десять ювелир со скептическим видом рассматривал товар, а потом назвал цену. Сердце Саиль затрепетало от радости, но Лучиано покачал головой и назвал цифру вчетверо больше.

Что тут началось!

Хозяин лавки вскочил из–за стола и громогласно предложил всем посмотреть на эту невоспитанную молодежь. Саиль мучительно покраснела, а вот на Лучиано слова купца впечатления не произвели: мальчик с легким удивлением поднял бровь и повторил свою цену. В ответ купец обвинил их в скаредности и жестокосердии. Лучиано тоже встал, картинным жестом отпихнув в сторону стул, и заявил, что этот человек, по–видимому, не хочет помочь бедным сиротам. Саиль была уверена, что сейчас их вышвырнут за порог, но торг только начался. Купец жаловался на тяжелое время — Лучиано утверждал, что волки крались у них по пятам. Са–ориотец намекал на спорное происхождение товара — юный маг (волшебством заставив волосы встать дыбом) призывал богов послать дождь, снег и град на всех недостойных. Саиль, тщетно пытавшаяся уловить смысл перепалки, сдалась, и озвучивала лишь цифры. В итоге, купцу пришлось поднять первоначальную цену в три раза. Лучиано спрятал выручку куда–то под рубаху, а пару монет тут же разменял мелочью.

Из лавки Саиль выходила измотанная, как после битвы с черноголовыми.

— Мне кажется, что мы обидели этого доброго человека.

— Перестань, Саиль! — Лучиано выглядел весьма довольным собой. — Он дал едва ли половину настоящей цены. Но тут ничего не поделаешь, времена, действительно, тяжелые.

Сколько стоит нынче в Миронге комната на троих и стойло для скотины они так и не узнали — покровительство Ри'Кинчира

позволило им остаться жить в порту, в бараке при мастерской. Уложением подобное самовольство запрещалось, но людям надо на что–то жить, а пастырей здесь уже полгода никто не видел. За пару монет они получили две койки в общей комнате и право принимать душ (холодный). Несмотря на обилие соседей, Саиль впервые за много дней почувствовала себя в безопасности.

Мастеровые не теряли времени даром — утром в сухой док заявилась толпа рабочих и дружно, за один день ободрала с "Лосося" старую краску. Женщины ползали в трюме, выгребая остатки песка и ракушек, молодые парни болтались в веревочных люльках и конопатили борта. Когда древесина подсохла, весь корпус обмазали чем–то вонючим…

Лучиано целыми днями болтался в мастерской, а возвращаясь, говорил только про корабли, речные и морские, паровые и парусные. Не очень типичное для белых увлечение! Казалось, что он знает все: про назначение сотен загадочных предметов, форму морских узлов, глубину осадки и ориентирование по компасу. Слушая его, Саиль невольно проникалась уважением к грубоватым, шумным морякам и томительной жаждой странствий (будто недостаточно ей еще приключений). Клетка из правил и авторитетных мнений, в которой привыкла обитать дочь пастыря, не выдерживала напора перемен. Столкновение с реальностью обнажало несоответствия, каждое из которых требовало объяснения. А ведь любопытство белых — страшная сила! Не потому, что узнавать новое так уж весело, просто в какой–то момент неопределенность надоедает. Саиль начинала желать странного: понимать, что происходит, знать, что ждет ее дальше, выбирать, в конце концов. Управлять своей жизнью! С образом са–ориотского белого подобные настроения категорически не сочетались, но чувствовать себя чемоданом без ручки девочка больше не могла.

Для начала, следовало разузнать больше про тот самый Алякан–хуссо, в который они направлялись. Так уж ли верен образ речного порта, который Саиль нарисовала себе в уме? Или будет, как всегда?

Общение — сильная сторона любого белого, но разницу в происхождении не так–то просто преодолеть, благосклонность мастеровых, привыкших держаться замкнутым кланом, следовало чем–то заслужить. Для этого у Саиль имелось секретное средство — младенец: в любом месте, где люди живут семьями, найдется парочка матрон, желающих поучить молодку уму–разуму. Саиль поцеловала Пепе в лобик, мысленно попросив малыша не шалить, и отправилась во двор жилого барака, привлекать внимание.

Смеркалось. Жены мастеровых, освободившиеся от дневных

трудов, сидели на ступеньках барака и болтали о своем. С моря набегал туман, и над Миронге поднималось светлое марево — светились окна особняков и доходных домов, на бульварах потихоньку зажигались зачарованные фонари, а вот бараки портовых рабочих оставались погруженными во мрак. Спросите — почему? Потому что в Уложении написано: спальные места иждивенцев освещать масляными лампами о двух рожках, не более двух на комнату, ни слово об электричестве или осветительном газе. Для мастерских хозяева протащили в закон нужные изменения (из соображения скорее безопасности, чем удобства), а вот о семьях печатных похлопотать оказалось некому. Да, печатных! В порту те или иные клятвы на амулете Уложения приносили все. Раньше это мало кого волновало (ну, не любят власти добрых возчиков — прибылью делиться не хотят), а теперь стало вопросом выживания — сменить род занятий обремененные магией люди не могли. Весь порт сидел без работы, проедая пайки, выделенные градоправителем не по Уложению, а по совести, единицы — участвовали в работах по расчистке фарватера. Что обиднее всего — и так скудный заработок отбирали приезжие. Беженцы, сплошь — свободные граждане, не отягощенные печатями, готовы были выполнить любую работу за гроши.

— А вот мне бабка рассказывала, что ее брат в рыбаки ушел. Не было, стало быть, на нем печати! — решила блеснуть осведомленностью Айша — молодая девка с красными от постоянной стирки руками.

Женщины постарше цокали языкам, но ругать имперские порядки вслух были не готовы и скользкую тему потихоньку замяли.

Детвора (слишком мелкая, чтобы помогать в мастерских) осаждала Мымру, предлагая ослице арбузные корки и "хвостики" от овощей. Животное, хамски терроризировавшее Саиль всю дорогу, хитроумно скрывало подлый характер, и даже позволяло гладить себя по ушам. Сытый Пепе безмятежно спал.

Соседка по бараку, Таша, объясняла Саиль, как уберечь малыша от насекомых. В поездке это важно! Особенно, когда отвращающих амулетов под рукой нет.

— … и свежие веточки акастуса в пеленки.

— А если сушеные?

— Не подойдет! Крошиться будут — чесаться начнет.

Собравшиеся на посиделки у бараков присматривались к Саиль и природное обаяние белых давало о себе знать — разговор переходил на личное. Женщины интересовались, зачем столь юная девочка покинула дом в такие тяжелые времена.

— Я еду в Кунг—Харн, к родственникам, — объясняла Саиль. — А Лучиано любезно согласился меня проводить.

— А как же родители? — удивлялась Айша. — Неужто отпустили?

Белым трудно врать, но признаться сейчас в наличии отца–пастыря было бы катастрофой.

— Маму я совсем не помню, а папа… Он уехал, — мягко улыбалась девочка. — Далеко–далеко.

Собеседники по–своему истолковывали ее слова и смотрели с сочувствием.

— Кунг—Харн, — покачала головой ма Юраш, самая старая из присутствующих. — Не доброе место. Сплошь каторжане! Да и что вообще может быть доброго в горах?

— А что еще про те места слышно? — ухватилась за ее слова Саиль.

И женщины принялись вспоминать все, что знали про Кунг—Харн и долину Тималао, вышло не так уж мало. Судя по слухам, шанса добраться до цели пешком белые не имели: путешественников поджидали сонмы ополоумевших черноголовых, банды людоедов, дружины мелких чиновников, вообразивших себя вторыми после императоры, ну, и нежити. Много нежитей.

— Ночных гостей гнать некому, дома брошенные стоят, — делилась подслушанным в прачечной Айша. — Старики говорят — быть беде. А что сделаешь? Ни денег, ни изгоняющих, ни телег. Да и куда ехать–то? Везде так.

Товарки горестно повздыхали. Саиль положила Пепе в корзину (маленький, а увесистый) и в свою очередь поделилась:

— А на побережье высаживаются изгоняющие из Ингерники. Местные градоправители нанимают их вместо имперских.

На лицах собравшихся появилось сложное выражение: са–ориотцы пытались понять, что злее — нежити или чужие колдуны. Ответ получался неоднозначным.

— Мы их видели, — заочно вступилась Саиль за ингернийцев, благо могла их наблюдать непрерывно целую неделю. — Они довольно… воспитанные. Ругаются, конечно,

— препирательства между путешествовавшими на корабле черными не прекращались ни на секунду, но вдруг у них просто такой стиль общения? — Но не дерутся. — По крайней мере, за неделю ни одного матроса не побили.

Женщины не нашлись с ответом. Разговор перешел на цены, жадность торговцев и мудрость градоправителя, прижавшего спекулянтов к ногтю.

Вечером Саиль подробнейшим образом изложила все новости

Лучиано.

Провидец кивнул и сделал из услышанного странный вывод:

— Я тоже рассказал Ри'Кинчиру про армейских экспертов. Думаю, он передаст этот слух кому надо.

— Как?

— Сама подумай, Саиль: за все время его корабль ни разу не пытались отнять. Да и средства на ремонт как–то очень быстро отыскались. Капитан, наверняка, заключил с городскими властями какое–то соглашение.

Что тут скажешь? Нужно больше стараться. Она еще сумеет его удивить!

Меж тем корабль Ри'Кинчира преображался: на борта нанесли новую краску (какую нашли) и судно, названное "Лососем", стало больше похоже на макрель. Пожилой механикус с помощником священнодействовали над паровым котлом и проводкой. Плотники меняли покоробившиеся дверки и шкафчики. И вот — финал, торжественный спуск на воду. Судно оттащили метров на двести от берега, и механикус лично развел пары в восстановленном котле. Когда "Лосось", весело гугукнув, сделал по акватории победный круг, собравшаяся на пирсе толпа разразилась восторженными криками. Портовые рабочие ликовали: корабль, восставший с морского дна, стал для них талисманом, способным, да просто обязанным вернуть в Миронге удачу!

Подготовленный накануне груз заносили на палубу быстро, сосредоточенно, поминутно ожидая налета бандитов или чиновников. Но первые не решились связываться с толпой мастеровых, а вторые отнеслись к отплытию "Лосося" с удивительным равнодушием. Нанятая Ри'Кинчиром команда — дюжина крепких парней — устраивалась в кубрике (многовато для такого судна, но в нынешние неспокойные времена жизнь — дороже).

Лучиано терпеливо дождался, пока последний тюк не занял свое место в трюме, решительно протолкался к сходням и встал, привлекая внимание капитана.

— О, сиятельные! — словно только что разглядел их Ри'Кинчир. — Дело у вас али попрощаться пришли?

— Мы ищем попутчиков в Алякан–хуссо, — с достоинством отвечал Лучиано. — И хотели бы поинтересоваться, не собираетесь ли вы идти вверх по реке?

Ри'Кинчир сделал вид, что глубоко задумался.

— Можно, конечно, подняться до приисков, котел проверить, товару набрать, — капитан глубокомысленно прищурился, но от шпильки не удержался. — А у вас, сиятельные, за проезд–то есть

чем платить?

Саиль начала судорожно вспоминать, как много денег они успели потратить (овес для ослицы обходился дорого).

Лучиано покопался в сумке и продемонстрировал са–ориотцу моток лески, тот прищурился, присмотрелся… Его глаза зажглись воистину демоническим огнем.

— Считайте, что вы уже там!

Их с Лучиано пропустили на борт, ослицу завели в стойло, или скорее — эдакое здоровенное корыто, сооруженное на палубе и заполненное соломенной сечкой (Ри'Кинчир понимал, что возить скотину придется, но не желал превращать свой корабль в хлев). Запах свежей смолы Мымре не нравился и она сердито стучала копытом по гулкому дереву. Вот ведь неугомонная! Сходни втянул и на палубу, и "Лосось" зашел в Тималао, первый корабль за боги знают сколько дней.

За дорогой Саиль особенно не следила — маялась от жары (в море хотя бы ветерок прохладный дул). Да и на что смотреть? Берег, берег, кусты да тростники, совершенно одинаковые причалы, верхушки ореховых рощ в знойном мареве, день за днем. Мутно–зеленая, непроницаемая для глаза речная вода — куда ни глянь. Мухи. Разве что качки нет.

Ри'Кинчир гордо вышагивал по палубе и дымил трубкой — особых забот у него пока не было. Вот выше, где река обмелеет, а через русло пролягут изменчивые мели, там — да. Капитан то и дело подходил к пристаням, обменивался с речниками шутками и сплетнями, брал на борт или сгружал какой–то груз, но серьезной торговли не вел, больше присматривался. Саиль пришло в голову, что новости с реки могли быть для властей Миронге дороже всякого товара.

Результатом стало то, что Суроби–хуссо они прошли ночью, на парусах, держась от берега так далеко, как это возможно, и (что характерно) не следуя выставленным вдоль фарватера бакенам.

— Хреновые здесь дела творятся! — вполголоса просвещал капитан пассажиров. — У Ана'Чугани совсем башню снесло — портовых рабочих кормить запретил. А тут слух прошел, что с юга ночной гость идет — народ валом валит. Так он пастырей с изгоняющими на левый берег перетащил, а днем по реке буксир пускает — лодки топить. Да куда там! Река — не бочка, пальцем не заткнешь. Местные сговариваются валить городских придурков. Уже и вожак есть — Рин'Кохаре. Наш человек! Осталось дождаться, когда добрые возчики арбалеты с побережья доставят и — в бой. Но нам здесь лучше не болтаться.

— А изгоняющие? — поежилась Саиль.

То, что тронутых порчей, при случае, отправляют давить беспорядки, в империи знали все.

— У местных свой колдун есть, дикий. Матерый дед! Недавно тут объявился, говорят, из северных еретиков. Городские против него — мальки.

Саиль поймала себя на том, что не удивлена — город–ловушка СООТВЕТСТВОВАЛ ее новой картине мира.

Миновали устье Байоле и характер реки изменился. Теперь Ри'Кинчир пристально вглядывался в воду, а ночью велел вставать на якорь — плоскодонные баржи чувствовали себя в этих местах вольготно, а вот изначально морской корабль даже без балласта рисковал. По правую руку один за другим проплывали города среднего течения Тималао, не такие огромные, как разросшийся на пересечении торговых путей Суроби–хуссо, зато не в пример более приветливые. По левую на горизонте то и дело взблескивали заснеженные вершины Мирового Хребта — алмазного ожерелья империи. Река делала на юг широкую петлю и готовилась, оттолкнувшись от гор, устремиться к Тусуану. Берега приблизились, на глаза начали попадаться первые свидетельства бедствий — сожженные пристани, обезлюдевшие поселки. Торговать Ри'Кинчир больше не пытался, но ни одного встречного рыбака приветствием не обделял. И пока капитан упражнялся в витиеватом са–ориотском словоблудии, плечистые матросы бдели на палубе с баграми в руках, следя, чтобы всякие разные умники не пролезли на борт.

Услышанное от местных Ри'Кинчиру не нравилось.

— Народ беспокоится — слухи с равнин нехорошие, — задумчиво кутался дымом старый моряк. — . До Тусуана — рукой подать, а ни одного изгоняющего в поселках с зимы не видели. Не ожидал… А может, вернетесь с нами, сиятельные? Что вам в том Кунг—Харне делать?

— С нами все будет хорошо, — блаженно улыбался Лучиано, но у Саиль все–таки спросил: — Хочешь вернуться в Миронге?

Девочка помотала головой и вцепилась в локоть провидца — они пойдут вместе до конца! Разве не для того она отправилась в путь, чтобы увидеть дядю и тетю? Глупо остановиться в шаге от цели.

И отчаянно неуклюжий для речного путешествия "Лосось" упорно продвигался к истокам Тималао. Саиль подозревала, что в Алякан–хуссо Ри'Кинчир стремится отнюдь не из–за мотка лески. Что же интересует истинных нанимателей капитана: вотчина изгоняющих — Тусуан? Или богатства Харанских гор? Не угадать. Однако хорошо, что их желания так удачно совпали.

На место прибыли в третьем часу дня, в разгар дневного

пекла. Известный речной порт выглядел большим, пустынным и каким–то затаившимся. Неподвижно замерли грузовые краны, какие–то передвижные башни и элеваторы. Над приземистыми зданиями портового квартала возвышались створки шлюза, смутно тревожа несоответствием размеров. Поперек реки мерно шумел Южный порог.

В прежние времена тут глубоководная часть Тималао заканчивалась, но потом люди обманули богов, возведя на реке сложнейшее гидротехническое сооружение из поднимающих уровень воды дамб, каналов и перекатов. Шлюзы, спокойно принимавшие целый караван барж, переносили суда с одной огромной ступени на другую. Заканчивался этот путь грандиозным Северным порогом, высотой в целые пятнадцать метров. Впрочем, так далеко Ри'Кинчир заходить не собирался.

— Осадка у "Лосося" низкая — не баржа, — озвучил свои мысли капитан. — Да и шлюзы не понятно кто держит… А ну, Югир, пособи!

В Алякан–хуссо к появлению корабля отнеслись на удивление спокойно, возможно потому, что свободных граждан в городе практически не осталось, а печатным за реку ходу все равно не было. Гостям немедленно предложили воду, продукты и топливные брикеты за дешево. Пока капитан договаривался о чем–то с портовыми служащими, Лучиано помог Саиль собрать вещи и повел ослицу к сходням.

— Точно решили, сиятельные? — Ри'Кинчир огорченно покачал головой. — Ну, раз так, давайте–ка я вам хотя бы провожатого сосватаю. А то народишко тут больно… предприимчивый.

Они тепло расстались со старым моряком и отправились сразу к станции чугунки. Пассажирские поезда в Кунг—Харн не ходили, вообще. Грузовые — тоже (порт–то не работал), но руководство приисков пускало челноком состав из трех вагонов — проверить пути, развезти пайки путейским рабочим, вывезти жителей удаленных поселков (слухи действительно ходили тревожные). Рано утром как раз уходил один из таких. Денег на проезд хватило тик в тик, дороже всего обошлась перевозка ослицы, но оставлять Пепе без молока Саиль не решилась. Причина всеобщей нервозности стала ясней:

— Скотоводы, говорят, Серую Смерть нашли, еще по весне, — нехотя сообщил их провожатый. — В Суроби, в Кунг–харн гонцов засылали, да только без толку: те — слушать не хотят, у этих — отряд в шахтах навернулся, один ученик бегает, амулеты заряжает. Какая уж тут Серая Смерть!

— Места, вроде, пустынные, сильно разрастись она не

должна, — глубокомысленно заметил Лучиано.

— Не должна, а растет! — нервно дернулся горожанин. — Если до прибрежных пастбищ дотянется… В общем, народ сваливает, кто в горы, кто — на левый берег.

Сердце Саиль болезненно сжалось. Она уже видела подобное. Народ — свободные граждане — бежит, а печатные — остаются. Одна надежда, что таких тут

немного.

За ночлег у родственников портового служащего путешественники отдали все лишнее имущество, включая необычные для Са—Орио спальные мешки, котелок и зажигалку, зато в обмен им удалось не только поужинать, но и взять кое–каких припасов с собой.

Под надежной защитой голубых ламп немногочисленные отъезжающие устраивались в единственном пассажирском вагоне — вычурном и попахивающем чем–то непонятным, особенной популярностью пользовались скамейки у северной стены. Люди почти не разговаривали, не радовались путешествию и выглядели, на взгляд Саиль, какими–то пришибленными. Возможно, виноват был ранний час… или не только он (парень на первой скамейке, не скрываясь, жевал что–то и вряд ли это был хлеб).

Паровоз пронзительно свистнул на одной ноте и отправился в путь. Лязгнули сцепки, дробный стук колес стал чаще, мимо проплыли пустынный перрон, пакгаузы и неожиданно многолюдные предместья. Последняя часть их путешествия началась.

Теперь, когда дороги назад не существовало, Саиль могла не опасаться своего малодушия. Она решилась задать вопрос:

— Лучиано, а зачем мы на самом деле едем в Кунг—Харн?

— Мы едем для того, чтобы помочь твоим дяде и тете. Но ты права, на кон поставлено больше, чем спасение одной семьи. Намного больше…

— Ты не можешь сказать?

— Скорее, не знаю, как превратить свое знание в слова. Это ведь не видения, не картинки перед глазами. Каждый предмет, человек или даже местность словно бы рассказывают мне о себе историю: какие они есть, какими они были, какими они хотят быть, о чем мечтают. Но в Са—Орио не так. Тут все — вещи, звери, люди — твердит одну и ту же мантру, раз за разом, словно никакого иного будущего для них нет. Мы — часть этого рассказа. Стоит нам выйти за пределы сюжета и чего–то не совершить, и вся Са—Орио перестанет существовать, словно ее никогда не было. Не знаю как объяснить… Но это очень важно!

— Выходит, мы спасаем мир? — поразилась Саиль.

— Вроде того.

Солнце быстро поднималась на небосвод и стенка вагона становилась теплой, а в окна (несмотря на шторки) уже проникал обжигающий зной. Один из тепловых насосов на крыше (остаток былой роскоши) еще работал и на Саиль время от времени попадала прохладная струя.

Где–то с середины пути начало происходить странное — народ бежал за поездом, лез в вагоны, забирался на крышу, в окна совали детей. Саиль боялась думать, что сталось с Мымрой, но идти проведать ослицу означало почти наверняка отстать. На каком–то разъезде к составу подцепили несколько разномастных платформ и люди принялись грузиться уже на них.

Под истерические крики и злобную ругань их притиснули к окну. Девочка боялась дышать, а провидец продолжал улыбаться про себя какой–то странной, потусторонней улыбкой. Саиль впервые стало страшно рядом с ним. Как–то она подзабыла тетины сказки… Какую жертву потребуют от них за спасение мира?

— Все в порядке, — заметил ее беспокойство Лучиано. — С нами ничего не произойдет.

— Не произойдет? — вспылил притиснутый к ним путеец. — Ты хоть представляешь, с какой скоростью она движется?!!

— Она не успеет, — спокойно кивнул провидец.

Саиль закрыла глаза и отказалась узнавать, какая такая "она" за ними гонится.

"Я просто еду к родным. Я хочу увидеть родных. Если я увижу их, НИКТО не умрет. Мне это было обещано

Глава 28

Итак, доблестные армейские эксперты меня спасли (хотя это еще вопрос, кого в действительности они спасали), однако радости от этого я не испытал - в новообретенный грузовик немедленно перебралась половина ридзерского отряда, причем, колдуны, всю дорогу нудившие о недостатке места, теперь были просто счастливы. А вот мне пришлось серьезно уплотниться.

Другим сомнительным моментом воссоединения с соотечественниками стал объем работы, неожиданно навалившейся на меня. Ладно - осмотр грузовиков, который мы провели сразу же, как только немного отъехали от Тусуана, и мелкий ремонт их же (в таком деле счеты неуместны). Но потом армейские эксперты решили, что нашли себе карманного алхимика и поволокли ко мне всякий износившийся в дороге инвентарь. А ведь я был уверен, что отбился от попыток запрячь меня в отрядную жизнь! И внезапно оказался всем должен... Заканчивать надо это путешествие, точно говорю.

Колеса неутомимо вращались, поднимая в воздух облака тонкой белой пыли (она так и висела над нашими следами, словно дымный шлейф). Я напряженно следил за уровнем топливного масла в бочках (наворованного в Тусуане до Кунг-Харна явно не хватало). От раскиданных вдоль Тималао крупных городов решено было держаться подальше (на этом категорически настаивал куратор), а мелких поселений на нашем пути не попадалось. Ахиме предлагал углубиться в горы и поискать скотоводов. А смысл? Превратить бараний жир в топливо не смогу даже я. Пришло время возвращаться к цивилизации! Ли Хан пометил на карте ближайшее селение - маленький городишко на пересечении имперского тракта и крупной (по местным меркам) реки. Ночь мы рассчитывали провести под крышей.

Странный объект попал в зеркало заднего вида случайно. Я, не долго думая, вдарил по тормозам - сюрпризы от Са-Орио мне еще прежде надоели. Полуденный зной принял меня в свои объятья, словно нутро гигантской печки, впился в кожу лучами солнца, попытался обжечь сквозь подошвы (наверное, что-то подобное ощущает вытащенный из убежища гуль). Вот поэтому-то местные с их магической обделенностью упорно ездят на коровах: без надежного теплового насоса к полудню грузовик превратился бы в крематорий. Тем удивительнее выглядел столб пыли, тянущийся от какой-то очень маленькой, стремительно приближающейся цели. Я напряг чувства, использовал толику

магии... Прозрение наступило подобно удару молнии - в нашу сторону чесал контролируемый Шорохом голлем.

"Да ты совсем страх потерял, чудище проклятое! Ты что творишь?!!"

Отозвался монстр неожиданно быстро. Мне было не без злорадства заявлено, что я сам виноват: Шорох всего лишь хотел знать, что тут происходит, но его гнали прочь, грубо обзывали и унижали всячески. Скрывали, так сказать, самое интересное. Теперь он будет смотреть на все сам!

"Уничтожу, замурую!"

А если я буду хамить, монстр не откроет мне важный секрет.

Да забери меня Король...

- Тангор, что это?

За моей спиной стоял весь отряд Ридзера и Ли Хан до кучи, причем, у белого было такое выражение лица, словно он точно знает, что происходит, но поднимать шум считает уже бессмысленным. А ведь никто из могучих армейских экспертов, если что, голлема не остановит.

- Это - свой. Такая черномагическая приблуда.

- Для чего она?

- Сейчас узнаем.

Что ж, чудище, у тебя есть шанс доказать свою полезность.

Шорох ловко затормозил, подвел голлема поближе и, выпустив из конечности длинный коготь, старательно нацарапал в пыли: "Тангор - дурак!" Окружившие нас спецы понятливо заулыбались. Ну, надо же, какая тонкая шутка! Голлем меж тем продолжал: "Если понял, напиши "да".

Я вынул из кармана складной нож и нацарапал поверх всех этих художеств:

"Пошел в жопу!"

Голлем старательно обвел буквы по контуру. Не знаю, кто придумал этот оригинальный метод связи на расстоянии посредством Шороха, но это еще не дает ему права хамить.

"Слушай сюда", - после некоторой паузы продолжил голлем. - "Твой брат - искусник-самоучка. Сбежал из школы со своей телкой, найти не могут. У препода спер сто крон и шмотки"

"Какая телка, ему ж четырнадцати нет!"

"Сам решай. Девка родом из И'Са-Орио-Та, родственники у ней там. Учти: через море они уже перебрались. Ты еще в империи?"

"Да! Где родичи девкины живут?"

"Далеко, в Кунг-Харне. На берегу его ловить надо"

Ха! Как бы мне еще туда попасть...

"Мы в трех днях пути от Кунг-Харна"

"Зафиг?"

Говорить кому-то про бериллы мне не хотелось. Во-первых, неизвестно - добудем ли, во-вторых, не ясно, не удастся ли припрятать что-нибудь от куратора.

"Помощь нужна"

"Тангор, перепишись в белые!"

"Сдристни отсюда!"

- Кто это был? - заинтересовался Ридзер.

- Ясно дело, кто!

На данный момент кроме меня существовал только один связанный с Шорохом маг, сумевший принудить монстра к сотрудничеству. Значит, составитель хамского послания - мой прежний босс, Сатал. Для Ридзера имя оказалось, определенно, знакомым.

- Что будешь делать?

- А что тут сделаешь! Едем, как ехали, - пока бочки не наполнятся маслом, метаться бессмысленно. - Где они высадились - известно?

И тут эти умники принялись описывать мне слона при помощи слепоглухонемой твари. Поскольку образы Шорох способен транслировать только один в один, вся прихотливая цепочка навестивших Сатала ассоциаций была мне доступна (бутылка, три барана, пила, веревка, мертвая змея и, почему-то, Фатун в юбке). Пикантности происходящему придавало то, что отождествить местность, изображенную на карте с реальностью сумеет не всякий человек, а ингернийское название ближайшего населенного пункта (сюрприз!) не совпадало с са-ориотскими даже по звучанию. Ткнув пальцем в карту голлем попал в море, образы побережья из сознания Сатала не мог склеить вместе уже я (вы способны разом удержать в уме изображение целой страны? Вот и нефига дразниться!). Это дебильный цирк мог продолжаться бесконечно, но тут выучка алхимика взяла верх: я потребовал сообщить долготу и широту искомого места, после чего нашел его на карте совершенно точно.

М-да. Тяжело с ними будет.

- И что это нам дает? - осторожно поинтересовался куратор (в общение с чудовищем он благоразумно не вмешивался).

- Ну, логичней было бы оттуда идти в Миронге, хотя кто знает, куда их понесло! - Надеюсь, не в Михори. - Скорее всего, придется мне от вас отколоться.

В первом же месте, где удастся найти альтернативный транспорт, так как снова угнать грузовик мне не позволят бдительные колдуны. И плевать на "надзор"! Не съедят же они своего бывшего сотрудника?

Куратор сочувственно покачал головой:

- Вы ведь понимаете: пересечься с кем-то на равнине можно только случайно?

- Зато дорог в империи не много, и береговые горы, где попало, не перейти. Доберусь до реки, пущу Макса вдоль берега, может, след возьмет.

Ну, Лючик, ну фрукт! Не пороли его в детстве, а зря. В этом - все белые: большую часть времени они такие нежные и безобидные, а потом как отчебучат...

- Брат, значит, - задумчиво пробормотал Ли Хан. - А почему искусник?

- Потому что белый, - немедленно просветил его Шаграт. - Прикинь, у него вся семья такая!

Я пристально посмотрел на боевого мага. Он внезапно засмущался и шустро отвалил. Правильно, мое терпение на пределе.

- Белый? Как это возможно?!! - Хан уставился на меня в священном ужасе.

- Мама дважды вышла замуж, - обломал я все его фантазии. - А ты что подумал?

- Ничего! - истово побожился белый.

- На тебя похоже.

Ли Хан бочком-бочком слинял за грузовики, и я остался наедине с Шорохом. Голлем стоял, сложив руки на груди каким-то подозрительно знакомым жестом.

Хочу развидеть это. А главное:

"Что ж ты, чудище проклятое, раньше-то молчал?!!"

Мы ж неделю, как из Арх-харама, который, на минуточку, прямо у реки стоит. Шорох побожился, что сам узнал о происшествии только вчера.

"Дату, сволочь, дату!"

Потому что следить за временем эта тварь в принципе не способна.

Голлем сверился с кем-то и накарябал цифры. Гм, действительно, вчера. Значит, начальство изволило изучить мой отчет о поисках Мировой Оси вплоть до страницы сто семьдесят четыре - схемы расположения опорных точек - и даже сделать из него правильные выводы. Четырех месяцев не прошло! Поздравьте меня еще раз: мой прежний босс - редкостный тормоз.

Я внимательно осмотрел конструкта. А на вид - как финкаунский! Впрочем, это для меня они одинаковые, а для Шороха каждый объект уникален - особенности образного восприятия. Возможности познания такой подход не подразумевает, следовательно, найти утилитарной применение

свойствам голлемов и обратить на него внимание монстра должен был человек. Не-забуду-не-прощу, так меня подставить! Ладно бы ночной кошмар обрел материальность и полез осваивать дневную сторону жизни, пусть развлекается. Но теперь-то он будет таскаться следом за мной!!!

Не будем о грустном, будем о страшном.

Где мой брат?!!

Настроимся на лучшее: он не утонул, не умер от голода, не замерз в горах и не попал на обед к людоедам. Маленькая девочка проводником не может быть по определению, значит, ориентируется он по карте, а там в Кунг-Харн два пути - через Тусуанскую долину или через портовый город Миронге. Из Миронге ему никуда не деться - корабли по реке не ходят, а вот с долиной сложнее. Тусуанские изгоняющие будут в восторге от моего возвращения!

Жив ли он?

Я вспомнил малыша Лючика, с его типичным для белых наивно-восхищенным взглядом и столь же типичной болтливостью, а рядом - условно вменяемых са-ориотцев и совершенно невменяемых черноголовых... Впрочем, мы ведь два года не виделись. Сумел он через море перебраться - сумеет продержаться и до подхода помощи. Мгновенно тут ничего не предпримешь, а беспокоиться о несбыточном черные не склонны. Но планы опять придется менять. Ненавижу!!! Ну, братишка, держись! Я те мозги-то на место вправлю, дай только до ушей добраться.

И снова басовитый рокот моторов, монотонное пение теплового насоса, залитое ослепительным светом пространство снаружи - синий верх, бежевый низ, и только контуры Хребта Мира разнообразят горизонт. Снаружи Шорох развлекался с голлемом, то превращая его в подобие гигантского кузнечика, то придавая вид борзой собаки. И вот что интересно: за чей счет? Я-то вечером в баки масла долью, а он кем голлема кормить будет? А, пусть делают друг с другом, что хотят!

Я вел грузовик и размышлял о прекрасном. Например, о бериллах. И летающих машинах, которые обязательно создам. О возвращении в милый, прохладный и лишь немножко мокроватый Краухард (надо все-таки решить, где строить башню - там или в Суэссоне). И еще следует придумать, наконец, как прославиться, иначе портрет лидера клана останется незавершенным. Раздражение потихоньку отпускало, но осадочек оставался.

Грузовики выехали к каньону, по дну которого бежала достаточно крупная по са-ориотским меркам река, и двинулись вдоль нее. Рельеф предгорий не способствовал езде напрямик, но

про три дня я не врал: если новую партию масла перегонять во время привалов по частям, скорость можно сохранить крейсерскую (ну, не высплюсь пару раз, хуже не будет). Вот только надо ли мне теперь в Кунг-Харн? Не может быть, чтобы Лючик успел туда первым! Я высчитывал дни, прикидывал маршруты и смутно надеялся, что безумные традиции И'Са-Орио-Та на этот раз не встанут у меня на пути.

Тщетно. Первым признаком неприятностей служили кучи камней с воткнутыми в них флажкам - местный аналог предупреждающих надписей. В какой-то сотне метров за ними возвышались стены обещанного Ли Ханом городка, но даже черному было очевидно: люди здесь больше не живут. Ахиме прищурился, пытаясь разобрать на белой ткани выцветшие знаки, и робко предложил объехать подозрительное место.

- А как же добыча? - возмутился Шаграт.

Ах, да, тут кое-кого все еще волнует золото. Перед нами - классические руины, причем, некоторые из постепенно ветшающих домиков выглядели весьма зажиточно. Тут даже отвращающий периметр был (и до сих пор работал)! Святой долг любого черного - разграбить подобное место.

Я посмотрел на кота белого, тревожно сверкающего глазищами из глубины кузова. И почему у меня такое чувство, что мы снова собираемся испытывать терпение предков?

- Мастер Тангор, а вы что думаете? - окликнул меня Питер.

Да какая теперь разница? Стадо баранов не остановить.

- Предлагаю выбраться на дорогу и решить по ситуации.

Чуть выше по склону виднелись знакомые столбики - ограждение имперского тракта.

Естественно, объезжать никто ничего не стал - грузовики протиснулись между грудами камней (которых вокруг натыкали с запасом) и покатили по заросшим чахлым бурьяном улочкам. С двух сторон к дороге подступали дома из местного камня, без стекол (а зачем они здесь?), с вполне себе целыми (хотя и немного облупившимися) дверями и ставнями. Что характерно - без единого птичьего гнезда или звериной лежки, хотя вдоль реки что-то такое росло и цвело.

Город оказался покинутым достаточно давно по непонятной для меня причине. Никаких признаков организованной эвакуации, равно как панического бегства или грабежа. Впрочем, за столько лет это место могли пытаться заселить не единожды, трупы - убрать, легко доступные вещи - вывезти. Пару раз на глаза попадались какие-то подозрительные пятна на стенах, но останавливаться, чтобы выяснить их природу, я не стал.

Мы припарковались на площадке для проезжающих

караванов - просторной, чистой и безлюдной. Чуть выше по склону протянулся очередной имперский тракт, замерла с открытыми дверями солидная двухэтажная харчевня, тоже пустая.

- А где все? - наивно поинтересовался Рурк.

На что получил сразу два нецензурных ответа.

Белые занялись расшифровкой надписи на обрывках транспаранта, по-видимому, преграждавшего въезд в город, Румол с Шагратом отправились искать воду (эти найдут), а я уселся на подножку и попытался понять, что мне, собаке страшной, не хватает. Ощущение угрозы не проходило (это Шорох виноват!).

Питер, как бы невзначай, поглядывал на меня.

- Слышь, ты это, попробуй увести их отсюда, - посоветовал ему. - Ну, или хотя бы заставь ночевать в грузовиках. Местечко больно поганое. К тому же, каких-то черных магов тут уже убили.

- Где? - заинтересовался Браймер. Белые тоже подтянулись.

Я молча ткнул себе под ноги.

- Вы опять занимались мерзостью! - Ли Хан брезгливо поморщился.

Эстет, понимаешь. Сказать ему, что без некромантии мы перед голлемом беззащитны, или пусть помучается?

- Медитация с открытым источником не запрещена! - по крайней мере, в Ингернике. - Для того чтобы увидеть след смерти, мне не нужны ритуалы. Поэтому я говорю: здесь умерли маги, но не говорю - как и почему.

Куратор поджал губы, оценивая сложность поставленной задачи (Ридзер с независимым видом проследовал в брошенный трактир и теперь бренчал чем-то у стойки. Шорох в поисках приключений поперся за ним. Вот почему теперь эту тварь периметр не отвращает?).

- Надпись содержала сообщение о карантине, - добавил перца в кофе Ли Хан. - Белый цвет флагов означает, что здесь не только нельзя жить, но даже вещи собирать запрещается, под страхом смерти. Никаких подробностей, но подобные решения принимаются только в случае массовой гибели людей, причем, неоднократной.

- Я молод еще, - виновато улыбнулся Ахиме. - Но слышал про проклятый город в горах. Лет пять назад рядом с ним остановился отряд зачистки, шестнадцать человек, никто не выжил. До этого тоже были жертвы. К сожалению, я не помню подробностей. Город назывался Харна-Турум.

- А вывеска здесь есть? - заозирался Питер.

И мы отправились искать вывеску (вместе, потому что отпускать белых одних я не рисковал). Стела с названием

поселения обнаружилась метрах в двухстах, вместе с очередным флажком.

- Харна-Турум, - севшим голосом прочитал Ахиме. - А может, уедем?

Я бы уехал. Нет, не потому что боюсь, просто искать себе работу без необходимости - глупо. Но одного взгляда на ридзерских охламонов было достаточно, чтобы понять - мы остаемся. Армейских экспертов охватил нездоровый ажиотаж.

- В домах вещи так прямо и лежат! - порадовал нас Румол (его, между прочим, за водой посылали).

Шаграт картинно встряхнул какую-то медную вазочку и высыпал на ладонь штук шесть золотых монет. Готов поклясться - куратор мысленно выругался.

Новость о проклятии никого не впечатлила и я мог понять ребят - сколько можно? Они приехали в И'Са-Орио-Т в надежде заработать, а долго ждать обещанного - тоже не в обычаях черных. Мы почти два месяца в пути, чувство новизны пропало, хорошее настроение после недели в немыслимой тесноте - аналогично. Бериллы Ли Хана сильно напоминали морковку перед мордой осла, а местная нищета норовила за все расплатиться натурой. Где деньги, я вас спрашиваю?!! И вот на таком фоне - бросить бесхозное добро, даже не осмотрев. Противоестественно!

Я честно обдумал возможность надавить на боевых магов авторитетом, но происшествие с вербовщиками еще не забылось, и слушать меня никто бы не стал. Даже Ридзер, похоже, забыл неоднократно проверенный опытом закон - некромант всегда прав. Значит, мне остается только бросить их здесь... и оказаться одному посреди враждебной страны. С Шорохом.

Да забери их всех Король! Я и не таким проблемам рога обламывал, прорвемся. Просто возни опять будет до жопы и выгоды никакой.

- Хорошо, - уступил куратор. - Один день! Но ночевать будем в машинах - там защита надежней.

Полагаю, на большее он и не рассчитывал.

- Действуем по схеме "суслики в норе"! - скомандовал Ридзер.

Кто им эти схемы придумывает, вы мне скажите?

Бойцы убежали шмонать ближайшие дома, а вот меня на развлечения не тянуло - куража нет. Опять какие-то задержки, ничто не идет по плану, а продавить решение силой не получается. Ненавижу! Хотелось избить кого-нибудь, но я держал себя в руках. Потому что - куратор, и двенадцать против одного - неудачное соотношение, поэтому я держал себя в руках, хотя поубивать хотелось всех.

Взял посох и ушел бороться с черной натурой в одиночку.

Выше по склону обнаружились следы разрушений - два или три десятка полностью выгоревших домов. Богатая поляна! Ридзеру ее показывать нельзя - он тут и поселится, а меня сейчас золото интересует в последнюю очередь (грех-то какой!). Я тупо пер вперед, пока не забрался в самую верхнюю точку селения, нашел там опорный знак периметра (солидный бронзовый диск полметра диаметром) и честно обдумал, как изменить его так, чтобы Шороха отсюда выкинуло. И остаться с неуправляемым голлемом один на один. Да ну нафиг - жизнь дороже!

Сверху открывался замечательный вид, в одну сторону - на рассеченную каньоном пустыню, в другую - на подножия Хребта Мира. Очень странное геологическое образование: исполинская каменная стена, почти без промежутков, с чахлым слоем облаков где-то в верхней трети и искристыми снежными шапками. Романтичные путешественники окрестили ее алмазным ожерельем империи. А почему не короной? Почему не жемчужной? Возможно, дело не в самых высоких горах, а в самых богатых приисках: где-то тут са-ориотцы накопали много-много небольших шахт, открытие которых стало возможно только благодаря магам-искателям. Сокровищница, путь к которой больше не преграждали императорские войска...

Масштаб зрелища кое-как привел меня в чувство, а мысли о шахтах вернули ощущение опасности. Ладно, если грядущий катаклизм прибьет кого-нибудь из армейских экспертов, а если повредит машины? Я бросил заниматься фигней и вернулся к грузовикам. Существует пара приемов защиты, которые местные черные гарантированно не могли использовать. Стряхнем пыль с академических знаний! А еще - стоит помедитировать и, возможно, добиться от куратора разрешения на некромантический ритуал.

Белые тем временем обустроили лагерь и подготовились к испытаниям, как смогли. Ли Хан снова развесил на тентах свои приспособы (все эти пучки и узелки из травок), а также выгулял кота, который против высаживания себя в песочек возражал всеми четырьмя лапами. Шороха с шумом и руганью выгнали за флажки (или потом пускай мне не жалуется!).

Когда все неотложные дела были сделаны, и в котелках забулькала овсянка, в лагерь подтянулись довольные колдуны. Они успешно преодолели свои предубеждения против искательства и влет разорили кучу мелких заначек, которые могли остаться на месте только в одном случае - если люди покинули город, не успев даже башмаки надеть. Естественно, этот факт никого не встревожил. Боевые маги держались до омерзения легкомысленно. То есть, я понимаю, что ими движет (сам такой),

но нельзя же постоянно руководствоваться рефлексами! Так вот черные и погибают.

Я подошел к Ли Хану и пихнул в бок:

- Лезь в грузовик к Ридзеру, Ахиме со мной останется.

- Что вы себе позволяете?!! - вспылил белый, но потом, внезапно, осознал, кому хамит, и струхнул.

- Контролируй свои эмоции! - торжественно объявил я. - От твоей выдержки зависят жизни людей. И дрыхнуть не вздумай.

Ли Хан пару раз глубоко вздохнул и не стал ничего отвечать. Правильно! Нечего из себя вождя корежить.

Ахиме реагировал на стресс более типично, в смысле, лаяться с окружающими его не тянуло.

- Не смогу заснуть, - пожаловался он.

- Это хорошо, - кивнул я. - Попробуй-ка, дружок, вспомнить что-нибудь еще об этом городе.

- Молод я, не опытен, - снова повинился Ахиме. - Наставник про тот случай сказал, что Харна-Турум - ловушка для проезжающих.

- Если город - ловушка, почему его не снесли до сих пор?

В Ингернике подобное - нормальная реакция на любую катастрофу. Вон, Нинтарк рвом обнесли и солью засыпали на полпальца, природники до сих пор ноют про загрязнение грунтовых вод.

- Не знаю, - покачал головой Ахиме. - Все очень давно было.

По мне, так оно с тех пор и не кончается.

Придется сторожить. Я пощипал себя за мочки ушей, припомнил несколько бодрящих мантр и тайком нацарапал на ладони знак-концентратор (крови немного, а эффект - как от нашатырного спирта, проверено). Синие сумерки в тени Хребта Мира уверенно переходили в чернильно-черную ночь.

Наверное, я все-таки задремал, несмотря на все мантры и знаки. Встрепенуться меня заставило омерзительное ощущение, которое невозможно было с чем-либо спутать - рушащийся некромантический круг. Я вскочил и едва успел поймать за рубаху ломанувшегося к выходу Рурка:

- Сидеть !

- Да там...

- Сидеть, я сказал!!!

Некоторое время творился форменный бедлам - ничего не соображающие спросонья маги пытались отразить нападение и упрямо лезли наружу из защищенного сотней всевозможных Знаков грузовика. В соседней машине вопил дурным голосом кот белого (надеюсь, Питеру удалось удержать свою половину отряда на месте). Офигевший Макс забился в угол - пса-зомби едва не

затоптали. Под тент попытался забраться Шорох, получил по балде и угреб назад, что-то обиженно транслируя (а ведь его предупреждали!). Потом все окончательно проснулись и, неожиданно, успокоились, зажгли светильники и в их ровном голубом свете смущенно переглядывались, не понимая, что это на них нашло.

Я спокойно кивнул своим мыслям:

- Вот так те ребята и попались.

- А?

- Они не смогли очнуться от сна, сцепились друг с другом и дрались, пока все не полегли. Короче, сидим на жопе ровно и ждем утра.

Браймер пробормотал под нос какое-то неканоническое ругательство, я едва удержался, чтобы не переспросить.

Остаток ночи прошел скучно и бесполезно, если не считать моих напряженных попыток понять, был некромантический Круг или его не было. Такое сложное проклятье живет по своим законам и не может рассеяться без следа! Тем не менее, ни отката, ни каких-то других следов ворожбы я не ощущал. Но мы-то знаем, что чудес не бывает, бывает - недостаток знания, а некромантия вообще плохо проработанная дисциплина, все на интуиции.

Утро армейские эксперты встретили живые, но мрачные и не выспавшиеся. Тем не менее, уезжать они не желали принципиально. И это уже было серьезно.

- Еще одну ночку не поспим - ничего не случится, - озвучил общее настроение Ридзер. - Из-за каждого чиха бегать!

Так и прибил бы!

Дело не в том, что я очень спешу. Мне, например, загадочное явление, погубившее неизвестное количество народа и уже опробовавшее свои силы на нас, чихом не кажется. Но кто меня станет слушать? Колдуны закусили удила. Природная склочность, жадность и нежелание уступать, помноженные на остатки той дряни, что накрыла всех ночью, делали отряд совершенно неуправляемым. Судя по тому, что Питер не стал вступать в дискуссию, он оценивал ситуацию так же. Неужели придется уходить в одиночку?

Белые шушукались, вероятно, тоже о возможности бегства, но куратор видел еще один вариант:

- Мастер Тангор, - начал он. - Я вынужден просить вас помочь в расследовании этого инцидента. Если в Са-Орио появилось какое-то неизвестное чудовище, власти Ингерники должны об этом узнать!

Да, если убедительно обосновать угрозу, бегство будет

выглядеть рационально. Но армейские эксперты - не дураки, любая фальшь только ухудшит ситуацию.

- Не поможет. Даже если я подниму погибших здесь во плоти, они не смогут рассказать о том, что их убило.

- Дело не в этом. Вы - единственный из нас, кто имеет достаточно глубокие познания в магической теории, чтобы отыскать источник проблемы.

А вот это верно. Армейские эксперты, конечно, обучены лучше "чистильщиков", но, по-хорошему, сказывается это только на силе удара. Спасти себя, продемонстрировать конкурентам свое превосходство, восстановить репутацию...

Но с ходу соглашаться не годится, я - тоже черный и у меня есть нервы.

- Надеюсь, вы помните, что я...

- Алхимик! Дополнительная работа будет оплачена отдельно, за счет доли министерства. У меня есть специальные инструкции на случай подобных обстоятельств.

Ладно, обобрать родное государство - священный долг любого краухардца.

- Согласен. Но мне, как вы понимаете, нужно время ...

- Сколько угодно. Альтернативой будет только директивный приказ на возвращение, но его, как вы понимаете, я могу отдать только один раз.

И мы отправимся домой, никуда не сворачивая, а моя попытка улизнуть перейдет в разряд злостного саботажа. К Шороху! (Тем более, что найти его не сложно). Загадка Харна-Турума будет раскрыта.

Как говаривал наш препод: "Не знаешь, что делать - нарисуй схему". Я обошел селение, тщательно зарисовывая положение домов, непонятных пятен и тех мест, где (на мой взгляд) точно что-то было нечисто. И вот что характерно: имперский тракт не просто шел по городу, он словно отделял его нижнюю, "правильную" половину от верхней, построенной не в пример более свободно. Такое было заметно на глаз даже черному - уцелевшие после пожара дома выглядели красиво. На оштукатуренных камнях сохранились цветные росписи, на крышах вместо серого сланца лежала черепица, кое-где в стены оказались вмурованы изразцы с растительным орнаментом и птичками. Слишком необычно для империи, слишком индивидуально.

И никакого намека на причину карантина.

Схема демонстрировала, что странности чаще встречаются в нижней части склона, там, откуда мы приехали. Обыскал на пробу один дом и нашел в куче тряпья детский скелет с сильно

поврежденным черепом.

Надо ли мне искать источник неприятностей в пустыне за городом?

Но ведь верхнюю часть Харна-Турума люди тоже покинули и не похоже, что это помогло им остаться в живых. Не может ли так оказаться, что все бежали вниз, потому что опасность приближалась сверху?

Вернулся к тракту, полюбовался на колдунов, хвалящихся друг перед другом находками. Поднялся выше. Здесь в домах впервые обнаружил следы разрушения - опрокинутую мебель, а вот вещей оказалось заметно меньше... Едва не пропустил самое главное - в маленьком строении посередине выгоревшего квартала останков было не много, а очень много, причем, в таком состоянии, будто их тут кремировали. Это я что, горожан нашел?

Сел в тенечке со схемой на коленях и задумался.

Нет, не поволокли бы могильщики трупы на такую верхотуру - ниже бы прикопали. Пожар произошел раньше, когда мебель еще было кому ломать, а вещи - красть. Однако объявить два случая смерти людей независимыми событиями я не брался. Жертвы первой стадии инцидента? Все эти находки не вписывались в картину появления нежити, скорее - в результат магической катастрофы. Такие штуки с бухты-барахты не случаются, у них есть период нарастания, подготовки...

Взял с пепелища косточку почище и пошел к куратору:

- Мне нужно разрешение на ритуал.

- Разрешаю!

Ишь ты, монарх-самозванец!

Четверть часа потратили на написание всяких важных бумажек, позволяющих мне делать то, что я сделаю, и не нести за это ответственности. Потом я достал из заветного сундучка все необходимое и расчертил простейший знак из некромантии, используемый для допроса мертвеца. Ну, предки мне в помощь!

- А если вы не успеете закончить до темноты? - переживал за меня Ахиме.

- Придется рискнуть. Что бы ни случилось, не вздумайте меня беспокоить!

Заранее сказать, сколько времени потребуется некроманту для работы, невозможно, я управился быстро - всего за сорок минут. Потом посидел немного еще, избавляясь от чужих эмоций. Весело они тут живут...

Почувствовав эхо ворожбы, к стоянке сползлись боевые маги, но первыми нервы не выдержали у Ли Хана.

- Ну, что там?

Я взял злополучную кость двумя пальцами (руки еще

дрожали) и продемонстрировал ему:

- Там было около полутора сотен человек, женщины, дети. Этих людей сожгли заживо.

Ли Хан отшатнулся от крохотного осколка смерти, Ахиме сильно побледнел, но у меня не было настроения щадить их нервы. Я только что видел это - как вооруженные до зубов печатные пинками гнали людей навстречу смерти.

- Сделали это солдаты в форме императорской гвардии. Непосредственно казнь осуществили черные маги - нанесли на стены какой-то аналог печатей Адского Пламени и активировали, - чем-то подобным парни Ридзера развлекались в Тусуане, но они жгли голые кости, а не живых людей. - Кретины забыли, почему вменяемые палачи НИКОГДА так не поступают, я имею в виду - не хватают на улице всех подряд и не загоняют скопом в крематорий. - Кажется, Ли Хан уже начал понимать. - Среди жертв оказался неинициированный белый волшебник, скорее всего, ребенок лет десяти. Одолеть такое количество врагов, спасти себя и своих близких он не мог, но ему... подсказали, что делать. - Полагаю, взрослые проклинали убийц вслух и не стеснялись в выражениях. - Всей мощью пробуждающегося Источника он пожелал негодяям убивать друг друга.

И стало так.

- Стихийное проклятье, - прошептал Ли Хан. - Да, такое возможно...

- А дальше произошел классический несчастный случай, - я встал и отряхнулся. - Магия, боль, смерть сплелись воедино - заклинание обрело стабильную конфигурацию и отпечаталось в реальности подобно личности умирающего. Схему могу нарисовать.

Кстати, не мешает сделать это прямо сейчас. Вдруг самому (тьфу-тьфу!) пригодится.

Куратор нахмурился - в запретной дисциплине он был не силен.

- Почему мы не почувствовали это сразу?

- Потому что у практикующих магов очень хороший самоконтроль, а во сне он ослабевает, возникают какие-то колебания Источника, которые заставляют посмертный отпечаток проявиться, а дальше проклятье восстанавливается, как восстанавливает себя пробужденная некромантом личность, потому что с личностью оно и спаяно. Тип Источника не важен, к каждому одаренному, посмевшему заночевать здесь, является тот мертвый маг и требует убивать все, что дышит. По сути, это всего лишь морок, умопомрачение, беда в том, что он может возникать неограниченное количество раз, а отбить подобное нападение

почти невозможно - белая магия идеальна для воздействия на живых.

Интересно, а уцелел бы зомби?

- И вы представляете себе механизм этого явления? - прищурился Ли Хан. - Механизм стихийного проклятья?

Должно быть, ему не часто утирали нос в знании основ.

- Слышь, дед, ты не в курсе, но последние четыреста лет теория магии бурно развивалась. И, да, я представляю механизм происшедшего совершенно отчетливо.

Куратор мыслил более практично:

- Есть ли способ избавиться от морока?

- Нет.

- Почему вы в этом так уверены?

- Потому, что если бы способ погасить белое заклинание такого рода существовал, Полисант давно бы заселили.

Впрочем, есть ведь и противоположное явление - Финкаун, в который люди вернулись уже лет через пятьдесят после катастрофы. Правда, там основную проблему составляли расплодившиеся без присмотра чудовища...

- Я вижу только один вариант: снять отвращающие знаки и контролировать тварей вручную, позволяя им проявиться, но не давая вырасти до опасных размеров. Заселяя какую-то область, нежити оставляют после себя абсолютно стерильную в магическом плане среду. Фома, удачно поселившийся на том пожарище, выжрет основу морока за сутки.

Правда ждать этого события придется до воцарения хаоса, если только не организовать конкретно здесь еще одну Мировую Ось.

- Это не наша задача - брать на себя ответственность за такое сложное мероприятие и контролировать его! - вскинулся Питер. - Сообщим местным властям и оставим надпись, подробно разъясняющую ситуацию. Думаю, этого будет достаточно.

Играйте марш, зовите летописцев - у куратора проснулось чувство меры!

Белые шустро сняли где-то дверь и принялись выжигать на ней иероглифами соответствующие инструкции. А вот Ридзер и компания пребывали в трауре: что такое стихийное проклятье они знали, практику в Полисанте проходили. Условия карантина не зря налагали запрет на имущество - вся их добыча несла в себе след вредоносной ворожбы. Честно наворованное сложили в большой кувшин и, скорбя, прикопали в стороне от дороги (просто чтобы не вводить дураков в искушение). Я, между делом, приметил место. Нет, проклятые сокровища мне ни к чему, но тут такое дело: Шорох ведь тоже нежить, значит, на пресловутый

отпечаток должен действовать аналогично. Вписываться за Ридзера я не стану (меркантильный монстр вечно желает странного), но при случае могу поставить эксперимент. Пора уже начинать делать запасы на будущее, на мое долгое, долгое будущее.

- А теперь - ходу отсюда, пока мы сами этой дряни не нацепляли!

Лагерь был свернут за рекордное время. Белые укрепили свое художество на видном месте и, с облегчением, забрались в грузовик. Место в кабине рядом со мной, для разнообразия, досталось Ли Хану (армейские олухи благоразумно решили не мозолить мне глаза).

Белый был задумчив и тих, у нас хорошо получалось молчать вместе. На колени себе он положил книжку в нежно-розовом переплете, но читать ее не пытался. Меня подмывало спросить, ради какой такой выгоды империя устроила ту бездарную бойню, но я подозревал, что Ли Хан и сам этого не знает. Путаные сариотские традиции имели исчезающе мало общего с разумом и логикой.

Через час Харна-Турум превратился в серые квадратики на зеленовато-буром склоне, и только сердце проклятья чернело незаживающей язвой. Я стал богаче на одну запретную формулу, но историю чужого идиотизма записывать в дневник не стал.

Люди склонны жить иллюзиями, страны, сословия, возраст - отличается только глубина заблуждений. А уж черные... Этим объясни все в подробностях - через день забудут. Именно поэтому только профессионал способен в полной мере оценить угрозу, исходящую от белого мага и надлежащим образом к ней подготовиться (кое-какие амулеты Питер Мерсинг не снимал даже перед сном).

Имперский пастырь Ахиме Нацу и его мудрый учитель (да продлятся его годы!) с живым интересом наблюдали за жизнью походного лагеря, в котором свойственный всем черным нарочитый беспорядок мирно уживался с армейской дисциплиной.

- Я не извинился за то, что ушел тогда. Прости! Как ты тут обходился?

- Хорошо, - улыбнулся бывший пастырь. - Много практиковался в языке.

- И как тебе показались наши спутники?

- Они веселые, - пожал плечами Ахиме.

- Правда? - заломил бровь Ли Хан.

- Да. И с ними не нужно бояться, что от их шуток кто-то

умрет.

Через лагерь прошествовал молодой некромант, как всегда чем-то недовольный. По пятам за ним, старательно повторяя все движения человека, следовало неназываемое по имени чудовище. Чуть дальше у водруженного на примус котла бранились сегодняшний кашевар, Румол и артефактор Браймер, требующий добавить в кушанье соли.

- Вы хотите их убить? - спокойно спросил Ахиме.

- Я должен хотеть их убить, - поправил его Ли Хан. - Так требует традиция. Ты знаешь, что такое традиция?

- Правила, которым надо следовать, чтобы оставаться самим собой, - с готовностью отозвался молодой белый.

- А зачем это надо, знаешь?

Ахиме заинтересованно наклонил голову.

- Соблюдая традиции, мы позволяем тем, кто навсегда ушел, оставаться с нами, - разъяснил Ли Хан. - Мы растем, взрослеем, учимся, чувствуя их присутствие и поддержку. Так прошлое соединяется с будущим.

К котлу подошел капитан Ридзер, попробовал кашу и по очереди съездил ложкой в лоб обоим спорщикам, запретив им баловаться со специями.

- Так должно быть, - поправился Ли Хан. - Но вот что странно: приверженцы нашей традиции умирают, а жить остаются те, кто ее предал, пусть и не по своей воле. А еще те, кто возненавидел собственную суть и отказался от нее. Что ты об этом думаешь?

- Мне все равно, - пожал плечами Ахиме. - Я - сирота.

- Я теперь - тоже.

Из кустов появился пес-зомби и подошел к куратору, отдыхающему в тени, приласкаться. Между разбросанными по земле вещами с независимым видом прошмыгнул белый кот и запрыгнул в грузовик. Изо рта у кота торчал мышиный хвостик.

- И знаешь, что я думаю? - продолжал Ли Хан. - Традицию нужно обновить, пока еще живы те, кто помнит, в чем она заключалась. Как омолаживают старые деревья: срезать мертвые ветви, замазать раны целебной мазью и позволить молодым побегам тянуться к свету, даже если это будут дички. Так старая традиция снова расцветет и все увидят, что она прекрасна. Что ты на это скажешь, Ахиме?

Вернулся некромант, чинно вытирающий руки влажным полотенцем. Ридзер громко объявил, что ужин готов, и обитатели лагеря стали собираться у котла, все, включая кота и зомби, которым, в принципе, каши не полагалось.

- Нужно найти мышь, учитель, - серьезно сообщил Ахиме. - Пока мастер Томас на нее не наткнулся. А то неловко выйдет.

Оба помнили, что свои сомнительные подарки кот носит исключительно некроманту.

- Да, - вздохнул Ли Хан. - Мышь следует найти.

Глава 29

Ночь прошла без кошмаров, а на следующее утро я потребовал устроить военный совет.

- Ну, и что там у тебя опять случилось? - недружелюбно буркнул капитан.

Выспаться он не успел, а вот подзабыть вчерашний конфуз - в легкую.

- Да ерунда! - ласково улыбнулся я. - Топливное масло кончается, и до Кунг-Харна мы не доедем.

Мои слова оказались для армейских экспертов неприятным сюрпризом (чем они меня раньше слушали, хотел бы я знать?). Но тут надо понимать специфику: в Ингернике армейским магам не приходилось заниматься вопросами снабжения, соответственно, они и тут не собирались задумываться о подобном. Вообще.

- Поэтому наша следующая цель, - я наставил на Ли Хана указательный палец. - Гарантировано должна быть обитаемой.

Белый горестно вздохнул и сознался:

- Я не могу такого пообещать. Слишком многое изменилось! Я помню Харна-Турум очень милым городом, населенным гостеприимными людьми...

Стукнуть его, что ли?

От знакомства с моим раздражением белого спас куратор. Для начала, он устроил са-ориотцам перекрестный допрос.

- Насколько я понял, трагедия Харна-Турума совпадает по времени с орийским восстанием. В Ингернике о тех событиях известно мало. Насколько резкими могли быть действия властей в данном регионе?

В смысле, оставили они здесь в живых хоть кого-нибудь?

Ли Хан покачал головой:

- Я не знаю. Я еду в Кунг-Харн как раз для того, чтобы выяснить судьбу...

- А вы? - Питер перевел взгляд на Ахиме. - Будучи магом, вы обязаны были сотрудничать с властями и получать некую дополнительную информацию.

- Молод я еще, - затянул Ахиме прежнюю песню.

Ридзер ласково улыбнулся и подвинулся ближе. Белый побледнел, вспотел и начал шевелить мозгами.

- Так, значит, мы - на Карнийском тракте... При мне боевые группы сюда не высылали, значит, жаловаться на ночных гостей было некому. Крупных поселений тут быть не может! Наши ездили в Кунг-Харн, в Байолле, но это южнее... О! Алякан-хуссо!!!

- Что это за место?

- Судя по названию - речной порт, - с готовностью отозвался Ли Хан.

- Где это? - я подвинул к ним карту.

Ахиме показал.

- А вот туда - доедем.

- Так ведь расстояние почти такое же! - удивился Румол.

Меня прорвало:

- Слышь, ты, ошибка природы, понимаешь разницу: в горы ехать или по равнине?!! В горах любой маршрут - плюс треть к протяженности, да еще и вверх!

Плюс треть - в лучшем случае. Потому что в Понтиакских горах серпантины прокладывали, наверное, на спор.

Ридзер набрал в грудь воздуха... и не стал вступаться за своего. Вспомнил, наконец, вчерашнее. Да, да! Я своих врагов в дерьмо посадил, а капитан со своими бойцами сам в него чуть не забрался - почувствуйте разницу. Путь слушают, что им говорит алхимик, молча, с трепетным почтением.

- Возьмем этот вариант за основной, - постановил куратор. - Но крюк все-таки получается заметный. Есть ли еще предложения?

Они хотят предложений? Их есть у меня!

- Другой вариант: ехать вперед на одной машине.

На лицах колдунов немедленно появилось выражение категорического неприятия: они не хотели снова обитать в тесноте (а я и начинать не собирался).

- А почему бы не разлить отряд? - не к месту высунулся Ли Хан. - Половина останется караулить этот грузовик, а половина - поедет в том.

На него посмотрели, как на умалишенного - куратор при всем желании не мог раздвоиться. Это я за свое двухнедельное одиночное плавание еще могу отбрехаться, потому что гражданский, а ребята Ридзера - военные на контракте, их сюда пустили с зароком быть на виду.

Питер звонко похлопал в ладоши.

- Решено! Завернем Алякан-хуссо, заодно и осмотримся.

Лично я достопримечательности Са-Орио в гробу видал, но выбора не оставалось. Сомнительным утешением служило то, что пресловутый Алякан-хуссо оказался портом в среднем течении Тималао, то есть, начать поиски Лючика я мог прямо оттуда. А весь остальной отряд покатится в Кунг-Харн, к бериллам... Ненавижу.

На меня накатывало беспричинное раздражение - нормальное состояние для черного, на которого давят. Упрекнуть себя мне

было не за что - невероятно самодостаточные армейские эксперты тоже начали психовать. Выражалось это в возросшем количестве тренировок и неожиданной тишине - Румол с Шаграт перестали хохмить и базарить. Но за поведение этих маньяков отвечал Питер, а вот я был оставлен со своей черной натурой один на один. До сих пор мне помогал отработанный на первом курсе прием: красочный образ вожделенной цели и пути ее достижения в виде цепочки простых шагов. В алхимии без подобного - никак, в этой профессии рутина - наше все, особенно для новеньких, но цепочку шагов, гарантированно позволяющую мне найти брата, я не представлял. Бесконечно обманывать себя невозможно, и мерзопакостный черный маг почти полностью заборол во мне алхимика.

Отряд двигался в Алякан-хуссо по имперскому тракту, быстро и без лишней тряски. Бойцы обсуждали что-то, увиденное на дороге, а мне было плевать (на все - плевать). Я сидел в фокусе теплового насоса, демонстративно закутавшись в одеяло, и вел бесконечные мысленные диалоги с Саталом, Ридзером, Лючиком, и опять по кругу. Причем шанса на деле пойти дальше слов не предвиделось: Ридзер тут же кликнет своих, Сатал - употребит власть, а Лючик устроит истерику. С черными так нельзя! В итоге, подходить ко мне решалось только бессмертное чудовище: Шорох экспериментировал - пытался сравнить органы чувств голлема с человеческими (сначала долго крутил в захватах консервную банку, а потом требовал от меня дать образ изученного предмета). Результаты получались забавные, но настроения подобное занятие не улучшало.

Алякан-хуссо встретил нас смрадом человеческого стойбища - моча, навоз и дурная еда. Армейские эксперты задрали полог (напустив в фургон тепла) и нам открылся творящийся вокруг бедлам: тачки и телеги, быки и ослики, дети, женщины и узлы, в сопровождении мужчин или в одиночку, все - гомонят и мечутся туда-сюда. И у каждого из этих людей на рукаве или отвороте одежды (иногда - весьма дорогой) - характерный знак. Мы ехали через толпу печатных с двумя пастырями на руках, наверное, только поэтому перед нами и расступались.

Знать не хочу, чем они тут занимаются. Где бы нам добыть масло?

- Многолюдно, - дипломатично высказался Браймер.

- Может, у них ярмарка? - предположил Румол.

- А чем торгуют? - заинтересовался Шаграт.

Ахиме перегнулся через борт, спросил и передал ответ:

- Серая Смерть приближается с юга!

Нежить, стало быть. Я прищурился, переводя его название в

более привычные термины (у са-ориотцев что ни тварь, то смерть или погибель).

- Ведьмина Плешь у них прорвалась.

Армейские эксперты резко потеряли интерес к возможной подработке.

Правильно! Если нежить успел перейти грань, превращающую его в карантинный феномен, мы сдохнем тут, ничего не добившись. И даже если бы не перешел - умирать за чужаков? Да нас предки проклянут только за попытку!

- Как далеко? - деловито прищурился Браймер.

По всему выходило, километров тридцать-сорок (я себе чуть мозги не свернул, пытаясь перевести ответ в нормальные единицы). Если так, Кунг-Харн показал Ридзеру ручкой - туда отряд, может быть, и проскочит, а вот обратно придется выбираться по горам, пешком. Ха! Куратор ни в жизнь такого не позволит. Да не доставайтесь ж вы, бериллы, никому! Я повеселел и начал приглядываться к происходящему.

Если бы не гудящая толпа, мне, определенно, понравился бы этот город. Было в нем что-то ингернийское: ажурные башни портовых кранов над крышами, легкий налет копоти (где-то рядом ездил паровоз), а главное - нехарактерное для империи разнообразие архитектуры (даже са-ориотцам не по силам оказалось придать одинаковый вид домам, сооруженным в разное время из всевозможных подручных материалов). Рельеф склона делил Алякан-хуссо на три уровня: верхний - хламушник, средний, выстроенный в точности по Уложению, и пойменный (собственно, порт). И все это, несмотря на титанические усилия горожан, неумолимо тонуло в дерьме - если людей еще можно было заставить отстоять очередь в нужник, то скотина ограничивать свои потребности отказывалась. Какого Шороха они столпились здесь, когда до другого берега реки - два броска камнем, я категорически не понимал.

Мы потихоньку продвигались к причалам и народу, как ни парадоксально, становилось меньше. Боевые маги чинно запарковались на совершенно пустой набережной, вылезли наружу и придирчиво осмотрелись.

- У них нет судов, способных принять на борт грузовики, - мрачно констатировал Румол.

- Что, опять поплывем на льдине? - без особой надежды уточнил Шаграт.

- Да! - припечатал Ридзер.

Я сделал вид, что до предела увлечен разглядыванием причалов. Создание ледяного плота - невероятно нудный процесс. Бросить-то в воду ледяное проклятье - легко, но на выходе

получится снежная каша, а нам нужна большая, надежная и устойчивая платформа. И вот как раз для получения прочного монолита скорость нафиг не нужна. Да и мое присутствие излишне - подобный метод переправы армейские эксперты отрабатывают на маневрах. Пускай вкалывают! А мне стоит заняться решением собственных проблем.

- Пройдусь по городу, - сообщил я понятливо кивнувшему куратору.

- И куда это он пойдет? - возмутился Румол.

- А куда вы в Харна-Туруме ходили? - окрысился я. - Осмотреться!

И подумать. Причем, куратору знать результаты моих размышлений ни к чему.

Ли Хан потащился за мной, наверное, тоже чтобы не работать. Это он не подумав сделал. По портовой улице сновали десятки обеспокоенных личностей, сначала к нему подлетел один тип с безумным взглядом, потом попытался схватить за рукав другой. Судя по невнятному бормотанию, эти люди предлагали нам своих детей. Зафиг? Я и с одним-то братом не знаю, что делать. Впрочем, к черному эти ненормальные приближаться опасались, а потом Ли Хан что-то наворожил и нас вообще перестали замечать. Других желающих возиться с толпой бестолковых малолеток не находилось, но люди продолжали бродить туда-сюда, зорко выглядывая незнакомые лица.

Ли Хан, глядя на это, шипел сквозь зубы и плевался:

- Вот к чему приводит занижение возраста Печатей! Любое происшествие, и для будущего оказывается потерял весь род!

Какое будущее, о чем он? Лично я еще на побережье понял, что перспективы у И'Са-Орио-Та нет.

Однако в разразившемся катаклизме есть плюс: среди тысяч беженцев еще один путник не привлечет внимания. Не может быть, чтобы у них у всех были при себе документы! Раздобыть здешнюю одежду, возможно, провожатого, слиться с толпой...

Размышляя о своем я прошвырнулся по местным лавкам (масла нет нигде), порылся в тележке старьевщика (местным нарядиться - как нечего делать) и с интересом понаблюдал за необычным шоу: сотни полторы пестро одетых личностей с исступлением копали длинную траншею. Для этого они самодельными ломами вскрывали мостовую и пытались вилами расковырять слежавшийся до каменного состояния грунт. На каждую дюжину землекопов имелось два кайла и одна лопата, грунт выносили ведрами. Однако. Я покачал головой:

- Ну, что за жлобство? Так выламываться из-за десятка складов! Все равно на этом берегу вести хозяйство будет

невозможно.

Ли Хан вздрогнул и прищурился:

- Так вы не поняли?

- Не понял - что? - не люблю, когда меня считают идиотом.

- Печатным запрещено уходить из района обитания. Они не могут переправиться на другой берег!

Опа-на! Я думал, что все шедевры местного маразма мне известны, но это - пять.

- То есть, они надеются пересидеть нашествие Плеши за такой канавой? Ха!

- Они пытаются спасти своих детей! - взвился белый и неожиданно замер. - А если вы усилите защиту магией? Понятно, что отвращающие знаки уже не помогут, но есть ведь периметры, щиты...

Я закатил глаза:

- Могу замкнуть трехмерный периметр диаметром десять метров, - когда-то я так уже делал. - А смысл?

Жить в нем они все равно не смогут, особенно - в таком количестве. Разве что трупы для погребения сохранить.

- А если воздействовать на печатных? - не сдавался Ли Хан. - На побережье у вас получилось...

Вот, что за страсть вечно вешать все проблемы на алхимика?

- Тебя, кажется, тут пастырем кличут, - огрызнулся я. - Вот и займись делом!

- В моем нынешнем состоянии, - поморщился Ли Хан. - Мне нужно провести полноценный ритуал с каждым из них. Это сутки. Возможно, вы...

- Объясняю один раз: черноголовые все были одинаковые, а эти - разные. Мне тоже придется водить их на ту сторону по одному. Поэтому лучше ничего им не говори.

Призрачная надежда - хуже честного конца. Здесь больше тысячи смертников, если они начнут бузить, мы с ними тупо не справимся.

Я бросил на копателей последний взгляд... и со стоном сжал виски - мой мозг словно пронзила фиолетовая вспышка. Не знаю, был ли это вброшенный Шорохом образ, или память Мистера Флапа все-таки нашла дорогу к моему сознанию, но я внезапно понял, что чувствует обреченный человек, брошенный всеми, оставленный умирать. Ощущение, для черного в принципе недоступное - мы уходим из жизни в пароксизме ярости и несогласия, до последнего отказываясь верить в неизбежность конца.

Теперь я знал, как они будут метаться, что будут кричать, о чем молиться. Что убьет их раньше: нежить или выжигающая мозг

попытка преодолеть навязанные магией запреты? Будь проклят тот день, когда я согласился стать некромантом!!!

Ли Хан попытался поддержать меня, проверить пульс... еле отпихался.

- Иди, скажи им, что это все - чушь, бред и профанация, пусть лучше отдохнут!

Чтобы остановить Ведьмину Плешь немагическими средствами, копать надо до скального основания или хотя бы до грунтовых вод, а эта борозда годится только для посадки репы.

Хотя, замысел-то не плохой - изменить свойства среды, но чтобы промочить насквозь прокаленную солнцем землю воды потребуется по-настоящему много... А спасти это все равно никого не спасет - через какое-то время нежить "созреет" и приобретет способность убивать на расстоянии. Карантинная зона - пять километров, люди смогут выжить только на другой стороне реки. Но образы чужой памяти кричали у меня в голове и заглушить их можно было только так - с головой погрузившись в дело, потому что чокнувшийся некромант - хуже всякой нежити, и завалить его ребята Ридзера смогут только всем скопом.

Будем проще: они хотят еще одну реку? Будет им река!

Для начала, я прошел тем путем, который са-ориотцы предназначили для воды. Что сказать? Шанс был, но слабый. Канаву са-ориотцы копали по принципу кратчайшего пути, то есть - почти под прямым углом к руслу Тималао. Дно у нее, конечно, намокнет, но образование серьезного потока гидродинамически противоестественно. Вывести устье выше по течению доморощенные мелиораторы не могли - там склоны речной долины подходили к городу вплотную и объем работ возрастал в разы. Но, если убрать грунт, да закрыть шлюзы... Цена вопроса - какая-то несчастная сотня кубометров песка! С дюжиной тачек работы на неделю. Где бы еще эти тачки найти...

Не, неделя - не вариант. Обычно-то Плешь растет медленно - сил ей на это надо много, но бывают (как я однажды убедился) и исключения. Сделаем поправку на закон подлости и дадим на работы три дня. Какие есть способы ускорить проходку? Забурить в склон трубу? А смысл тогда в этой воде! Пробить узкий шурф? И он в самый критический момент обвалится. Нет, канава должна быть классическая, широкая, с берегами устойчивой формы... Так что, сто кубов отдай - не греши.

Тем временем Ли Хан достучался до местного начальства (какое нашел), и примчавшийся вприпрыжку старшина землекопов Шу'Фарим едва не получил от меня в бубен. Ах, он думал, что мы копать вместе пойдем (Румол с лопатой в руках? Проще наколдовать яду!).

- Мужик, я - алхимик! Я сам не копаю, за меня машины работают. Смотри, во!

Голлем дружелюбно помахал лапкой - са-ориотец испарился, оставив вместо себя какого-то помощника. Для интересу спросил у него, как здесь чистят дно каналов (не может быть, чтобы в шлюзы не натягивало песка!). Оказалось - корзинами. Иди ж ты...

Надо осмотреть порт. Не может быть, чтобы там не оказалось ничего подходящего! Тяжелое оборудование - не та штука, которую уносят с собой бегущие в панике люди. Помнится, Арххараме меня повеселила одна деталь - пожарные насосы. Это такие здоровенные мотопомпы, устанавливаемые рядом с императорскими складами по требованию Уложения, аки памятники. С них даже масло не смывают, потому что пожар начнется и кончится, а Уложение - вечно. Интересно, в Алякан-хуссо такие есть? В голове выкристаллизовывалась одна идея... А если нет, придется искать в заначке Ли Хана кое-какие травки, потому что другого способа спасения я са-ориотцам предложить не могу.

Помпы в Алякан-хуссо были, приклепанные к железным станинам намертво, костылями в палец толщиной. Но долго ли отодрать умеючи? У са-ориотцев появлялся неплохой шанс, осталось воплотить идею в металле. Ха! Они еще у меня жаловаться будут, что на острове оказались.

- А теперь покажи, где тут у вас алхимики работают.

Ну, что сказать... Алхимической мастерской это место назвали по недоразумению. Станка гибочного нет, газосварки приличной - нет, гидравлических ножниц и тех - нет. Все оборудование, в основном, деревообрабатывающее. О! Еще - кузница. Не знаю, где делали те мотопомпы, но до Алякан-хуссо токарные станки в принципе не доходили. Угадайте, почему?

- Согласно Уложению, такие устройства могут иметь только императорские мастерские! - просветил меня Ахиме. - В Кунг-Харне они есть.

Послать, что ли, Шороха сгонять по быстрому?

Да пропади они! Не голлем ли при мне рвал пятимиллиметровый метал в клочья?

- А ну-ка, дружок, иди сюда! Хочешь, фокус покажу?

Помощь Шороха удалось купить за дешево, тупо поймав тварь на любопытстве - нежить хотел знать, что я задумал, а я принципиально не показывал. Задачу раскройки, гибки и фиксации заготовок голлем решал блестяще, сварку пришлось изобразить из себя мне. Главное, чтобы ребята Ридзера это не видели - не оценят. Им не понять, насколько бесполезными становятся алхимические знания при отсутствии нужного

инструмента (И тут приходит маг, у которого все - с собой. Ах, как мне завидовал на эту тему Четвертушка!). На изготовление не сложной, в принципе, конструкции из конусов и цилиндров ушло всего четыре часа.

- И... что это? - хлопал глазами Ахиме.

- Эжектор!

- А как оно работает?

- Скоро увидишь.

По моему опыту, со слов принцип этого устройства понимают единицы, проще показать. Средний обыватель уверен, что вода из трубы должна вытекать через любую щель, обратное явление приводит его в ступор.

Теперь весь этот металлический хлам следовало доставить на место, а еще нужны будут шланги, доски под настил... И носить руками все это я не буду.

Армейские эксперты тем временем продолжали растить плот. Что удачно: начали они с того грузовика, в котором стоял топливный реактор. Я подергал Румола:

- Слышь, помоги-ка отогнать грузовик в конец пляжа!

- Очумел?

- Тебе здесь что, мишень нарисовали? Ридзер и с первым-то не закончил, а мне перетащить кое-что нужно.

Куратор неожиданно встал на мою сторону, так что оборудование закидали в кузов голлемом и перевезли за раз, здорово сэкономив время. Мотопомпы заполнили водой, топливный спирт изъяли у са-ориотцев под страхом Шороха, Ахиме погнали к Шу'Фариму, договариваться о закрытии шлюзов (когда еще уровень воды поднимется!).

Со сборкой земснаряда я провозился до темна, так что, начало работ волей-неволей пришлось отложить на утро. Встал чуть свет и как был, без завтрака, отправился испытывать приспособу, в тщетной попытке обойтись без зрителей. Едва успевший продрать глаза Румол увязался за мной, нарываясь на грубость. Примажется же к моим заслугам, как пить дать, скажет: "Мы пахали"!

Впрочем... Пусть тоже работает! На пару с Шорохом, прах его побери.

Доделать осталось мелочи. Последний раз огляделся, все ли на месте, не пересекутся ли в реке пути чистой воды и пульпы, не снесет ли течением самодельные поплавки из бочек и шестеренок. Проверил, надежно ли стоит в наскоро выкопанном приямке самопальный эжектор. В теории - все верно, а на практике... Предки мне в помощь!

Я расставил пошире ноги, крепко ухватился за оголовок

брансбойда и заорал Румолу:

- Давай!

Изнывающий от любопытства маг запустил первый насос, эжектор захлюпал вхолостую. Второй насос запустился не сразу, заставил понервничать. Я аккуратно заполнил водой приямок и начал потихоньку намывать в него песок (главное - не торопиться: если шлам забьет рукав, проще будет заменить). Хлюпающий в эжекторе поток сомкнулся с рабочим и потянул, потянул...

Ну, что сказать? Держать брансбойд пришлось вдвоем. По-хорошему, надо было вообще стойку под него делать, но это на полдня работы - лень. Грунт для земснаряда оказался идеальный - мелкий песок (водой его сюда принесло, водой и уносило), мощность помп была выше всяческих похвал (хотя чую - надолго их не хватит). Склон таял, приблизительно как сугроб под струей. Шорох бродил вокруг, то и дело пытаясь засунуть в щель эжектора палец (экспериментатор его дери), Ахиме ходил следом, разве что конечностями рисковать не решался. Оба отказывались понимать, почему вода всасывается внутрь, а не брызжет наружу. Гармония, понимаешь, интеллекта.

Шу'Фарим прислал на дело двух подсобников, попытавшихся притулить к склону что-то вроде удерживающих песок фашин. Из чего, хотел бы я знать? Ах, из снятых с причала досок! Ну-ну, фантазеры. Их-то Плешь первым делом и схарчит! Вручил им брансбойд и дальше осуществлял идейное руководство, покрикивая на работяг. Отделка набережных, оформление русла - это все будет позже, а сейчас главное - пройти холмы насквозь!

Без поганого сюрприза не обошлось - в основании склона оказалась гряда из плотно слежавшихся камней и глины. Грунта оставалось на пару совков, но брансбойд с ним не справлялся. Надо было бы, конечно, позвать Шу'Фарима с его землекопами, но Шорох нам тогда на что?

"А ну, иди сюда, чудище проклятое! Любишь черным магам мораль читать? Изволь-ка поработать!"

Шорох надулся (буквально) и решил продемонстрировать, что потрудиться для общего блага - не грех. Он преобразовал голлема в какую-то низкую, удлиненную форму и набросился на препятствие, как сумасшедший крот. Я всегда подозревал, что в них что-то такое заложено! Как-то ведь тот паразит в Суэссоне выкопался из шахты.

Причем, вода его не беспокоила, в воздухе он не нуждался, а проблему удаления грунта блестяще решал сам. А уж какая производительность!!! Голлем шел через гряду как хорошая землечерпалка - два метра в минуту. Вода в шурф пошла сразу, а чтобы усилить напор я схитрил - запустил в воду плетение,

которое проросло в дно морозными иглами и подняло на пути реки ледяную косу. Поток запнулся, забурлил и хлынул в проложенное мною русло. Все, что пропустил я или недокопал голлем, смело и унесло течением.

Пойду-ка посмотрю на потоп. Часто ли удается самому устроить подобное?

В общем, те земляные работы горожанам не сильно помогли - новоявленная река проложила себе русло по улицам. Повеселевшие копатели вновь взялись за инструмент, пытаясь упорядочить и направить ее течение, целая толпа добровольцев помогала им отстоять от воды портовую улицу и подвалы. Оставшиеся с той стороны потока жители спешно покидали дома, беженцы уже вовсю хозяйничали на причалах.

Работы, на глаз, только прибавилось. Я решил, что дальше буду поддерживать са-ориотцев исключительно морально.

Подбежал Шу'Фарим, принялся низко кланяться, многословно благодарить и обещать всяческие блага, которых сам, как мне думается, не имел.

- Да ерунда. Просто случай подвернулся.

- Ерунда?!! - он указал рукой в даль и я, неожиданно, понял, что в пейзаже чего-то не хватает.

А, да, линии кипарисов вдоль дороги! На моих глазах последнее дерево бесшумно завалилось назад.

- Ох, ты ж...

И даже не выругаешься нормально - Шорох за спиной стоит.

Я рысью рванул вдоль канала. Ведьмина Плешь была уже здесь - с бездушной неумолимостью она перемалывала в пыль траву, деревья и даже дома, сооруженные, преимущественно, из жердей и соломы. Серая пыль буквально текла рекой, заполняя впадины и ложбины. Ту инвалидную канаву такая хрень одолела бы с наскоку.

К каналу уже вылезли ребята Риздера, Ли Хан с учеником и горожане посмелей.

- Карантинный феномен! - важно объявил Шаграт.

А то без него никто бы не догадался.

Ведьмина Плешь дышала нам в лицо горьким тленом, она стремилась к нам, хотела нас, но пожрать Алякан-хуссо ей было не дано - рукотворный поток смыл и унес серый пепел. Какую-то минуту решалось, что проникает в землю быстрей - вода или нежить, дно канавы немного просело, но на этой стороне чудовище так и не появилось. Зрители перевели дух.

Я окликнул белого:

- У тебя будет неделя, максимум - дней десять. Помоги хотя бы кому-нибудь!

- Есть один способ. Я... растяну понятие "Алякан-хуссо" на две стороны реки, но, по хорошему, это не сильно поможет.

Да, просто дыхание нежитя убьет их не сразу, а высушит месяца за полтора.

- Возможно, на той стороне реки нужный амулет найдется!

Куда-то же смылся тот, кто его имел.

На этом я счел свою миссию выполненной, ушел в грузовик и заснул сном младенца, наплевав на тревожное бдение горожан. Какой смысл беспокоиться о том, чего не изменишь? А часового Ридзер, наверняка, выставил. Профессиональная травма, вынудившая меня принять участие в жизни Алякан-хуссо, больше о себе не напоминала.

Утром куратор ждал меня около умывальника.

- Уходите?

- Угу, - и чем быстрее, тем лучше.

Ведьмина Плешь, конечно, штука неприятная, но зато пространство для поисков сократилось ровно вдвое - на правом берегу Лючику теперь делать нечего (не сметь думать о том, что он мог попасть под раздачу!). Пора браться за дело, начать вот отсюда, из самой близкой к Кунг-Харну точки на реке, и двигаться вниз, до самого моря.

- Местных расспросить не хотите? - тактично намекнул Питер.

Я задумчиво прищурился. Смысла особого не имелось, и черный маг подобной мелочью пренебрег бы, но алхимики в своих исследованиях невероятно дотошны... Где там этот тунеядец Шу'Фарим?

Начальник копателей (единственный, кто пытался хоть что-то предпринять для спасения людей) обнаружился на берегу - первые обработанные Ли Ханом добровольцы готовились к переправе. Чуть дальше Ридзер и Браймер фантазировали на тему ледяного плота - пытались соединить два грузовика жердями и веревками. Мог бы я им сказать... но не буду - все равно наши пути расходятся.

За ночь статус Шу'Фарима (по сути, простого мастера из корабельных мастерских) сильно изменился - по Уложению там или не по Уложению, но людям требовался вождь и они его нашли. Пошить мундир для нового градоправителя еще не успели, но тот вышел из положения с чисто алхимическим изяществом - повязал на рукав ленточки соответствующих цветов. Солидности самозваному чиновнику добавляли двое печатных в чем-то, сильно напоминающим жандармскую униформу - личная охрана. К появлению рядом с их подопечным постороннего колдуна они отнеслись с раздражением, на которое я плевать

хотел.

- Ну, как тут без меня, не хулиганят?

Бойцы Ридзера катили к грузовикам бочки осветительного масла.

- Мир и благолепие снизошло на наш дом, вашими молитвами! - заулыбался Шу'Фарим. - Что мы можем сделать для вас, о достойнейший?

Прямо просить кого-то о чем-то для черного - нож острый, но тут мне на помощь пришел са-ориотский этикет, по которому даже пожелание сдохнуть можно было сформулировать празднично.

- Тревога поселилась в моей душе, скорблю и беспокоюсь, - ну, как-то так.

- Ваши слова ранят мое сердце! Как мне развеять тени, что легли на вашем пути?

Правильно - ближе к делу.

- Я хочу узнать судьбу родича. Ему всего двенадцать лет. Он - белый, пастырь, по-вашему, уехал из Ингерники навестить родственников подруги. А тут такое, - я махнул рукой в сторону Плеши. - Придется спасать.

- Мальчик-иностранец, говорите? - нахмурился Шу'Фарим.

Са-ориотцы обменялись парой быстрых фраз, потом мастер повернулся ко мне спиной и заорал со всей мочи:

- Ба-ру-и!!! Ба-ру-и!!!

Головы повернули все, но отозвался только один - откуда-то со стороны пристани зычно гаркнули:

- Я!!!

- Как звали пастыря, что у тебя жи-и-ил?!!

- Ли-си-а-но!!! - отозвался невидимый Баруи.

У меня задергалось веко. Не, не может быть. Звуковая галлюцинация!

- А где, говорите, он останавливался? - вкрадчиво переспросил я.

Если по ту сторону канала, мне останется только шипеть и плеваться. Повезло - портовый служащий Баруи и жил, соответственно, в порту.

Мне тут же дали провожатого - ради своего спасителя (пусть и мнимого) са-ориотцы готовы были на все. Я шел за ним не спеша, с достоинством, старательно сохраняя довольный жизнью вид (что бы ни произошло, повода смеяться над неудачей черного ни у кого не появится).

Дальше-то что делать? Описывать им Лючика - слишком ненадежно, да и портретист из меня... Впрочем, есть еще вариант. Я незаметно высвистал из фургона пса-зомби. Всякое можно

подделать, но не запах, а моего брата Макс уже нюхал, значит, с опознанием справится на раз. Лишь бы следы не очень затоптали.

Идти пришлось недалеко, благо после нашествия Ведьминой Плеши Алякан-хуссо стал очень компактным поселением. Дом Баруи стоял в стороне от центральной улицы, поэтому Уложению в нем соответствовала только крыша. Из дверей халупы выглянула женщина-печатная с большим узлом в руках (горожане собирались на новое место обстоятельно, не торопясь).

- Здравствуйте, - ласково окликнул я ее (только бы не напугать!). - Я слышал, у вас останавливался пастырь из Ингерники. Это правда?

В то, что Лючик - мой брат, она просто не поверит.

- Да, - улыбнулась печатная. - Милый юноша, с девочкой и осликом.

Гм. Шустрая девка - уже два осла у нее.

- А вещи он какие-нибудь оставил? Нам только посмотреть.

Женщина покопалась в вещах и выложила два свернутых рулончиками спальных мешка. Идеально.

- Что, он?

- Буф! - авторитетно подтвердил пес-зомби.

Ты смотри, вот ведь шпана предприимчивая! Я даже загордился.

- А куда они направились? Видите ли, родители просили меня вернуть его домой...

Женщина широко махнула рукой:

- В Кунг-Харн.

- Куда-куда? - у меня перехватило дыхание. - Когда? Как?!!

Печатная смутилось.

- Как раз, когда беженцы пошли, с последним поездом.

Ах, да, у них тут была чугунка - я видел колею. Значит, малолетний ишак имел шанс проскочить в горы до прихода Ведьминой Плеши.

Как я его теперь догоню?!!

Глава 30

Последняя часть затянувшегося путешествия сохранилось в памяти Саиль обрывками. Не то, чтобы происходящее ее потрясло - бойня черноголовых была намного страшнее - скорее наоборот, почитай ничего серьезного и не случилось.

Из-за беспорядочных остановок до Кунг-Харна добирались почти двое суток. Постепенно самообладание возвращалось к Саиль, люди вокруг становились знакомыми и привычными. Вот сосредоточенно молится деревенский жрец, этой молитвой словно бы отгородившись от всех бед, своих и чужих. Рядом безутешно рыдает старушка, потерявшая сына (печатный не сумел переступить заветной черты). Капризничают дети, испуганные необычным поведением взрослых. Едущие в грузовом вагоне люди обещали время от времени обливать ослицу водой. Припасами белые поделились с семейством, в ходе стремительного бегства оставшегося вообще без багажа, молоком - с молодой матерью, у которой от пережитого волнения пересохла грудь. Провидец, силой интуиции восполняющий недостаток словарного запаса, легко находил тех, кто готов помочь им, и сам указывал на нуждающихся в помощи, но сочувствие вызывали не все.

Одетый в халат чиновника мужчина громко поносил каких-то разгильдяев, приставал к попутчикам, требуя от них убрать вещи, не пихаться, не шуметь, не дышать, попытался выбросить из вагона дряхлого старика, заподозрив в нем изгоняющего - дезертира (да даже если бы и черный, много ли он наворожит в таком возрасте!). Люди пугливо жались, стараясь отодвинуться от смутьяна, не привлекать его внимания, не возражать. За обиженных им пассажиров никто даже не вступился! Саиль совсем уже созрела возвысить голос, но ее опередил вагоновожатый, властно призвавший пассажира к порядку. И грозный дебошир, успевший запугать полвагона, превратился в испуганного мямлю, плаксиво жалующегося на грубость служащих чугунки. Поразительная метаморфоза.

Горы паровоз одолел одним рывком, за четыре часа ни разу не остановившись. Убийственная в прямом смысле слова жара (ночью из вагона вынесли двух скончавшихся пассажиров) спала, а вот воду набирать стало негде. Саиль нечем было обмыть малыша, и непривычный к такому обращению Пепе горько плакал. Конец путешествия все приняли с огромным облегчением.

Спустившись на дрожащий под ногами деревянный перрон,

Саиль подозрительно огляделась. А, собственно, где Кунг-Харн? Поезд остановился на каком-то полустанке, ни положенного по Уложению вокзала, ни заваляшей станционной будки около него не наблюдалось. Вокруг громоздился унылый каменный хаос, единственный путь между валунами и обрывами перегораживала аляповато сделанная, но очень высокая стена (тут Саиль внезапно вспомнила про каторжан), колея чугунки уходила дальше, но люди высаживались здесь.

- А мы точно приехали туда, куда надо?

- Угу, - кивнул Лучиано и замялся, подбирая слова. - Это - северная рокада, ее провели, чтобы разгрузить старый перевал, но дальше, почему-то, не продлили. Кунг-Харн - там!

Кашляющая, вздыхающая, шаркающая толпа медленно вытекала с перрона по узкой лестнице. Просто поразительно, как много народу способен везти один-единственный паровоз! Служители с зелеными повязками чрезвычайных уполномоченных выстраивали прибывших рядами по три и направляли в сторону единственных ворот в ограде, но дальше покамест никого не пропускали. Саиль горестно вздохнула (кто знает, сколько придется ждать)...

И тут давешний шумный чиновник вознамерился реквизировать для себя ослицу! Не по чину ему, видите ли, идти пешком, на ровне с печатными. Ради себя она не стала бы возражать, но Пепе нужно было молоко, без правильного питания малыш мог заболеть, поэтому Саиль клещом вцепилась в повод, который рвал из ее рук гораздо более сильный взрослый. А потом Лучиано привел подмогу - занимавшегося распределением беженцев служителя. Раздраженный чужим самоуправством кунг-харец прямо заявил скандалисту, что никаких прав тут у него нет ("и даже паек тебе придется зарабатывать"), а жаловаться на это он может сразу Наместнику ("Прямо сейчас к нему и отправишься!"). На угодившего в переплет смутьяна оглядывались не без злорадства (кажется, он успел обидеть решительно всех), к месту волнений уже проталкивались плечистые стражники (откуда только взялись), но Саиль не держала на беспокойного попутчика зла - сердобольные женщины утянули безвинно пострадавших детей в самое начало очереди и буквально через четверть часа они официально стали переселенцами в Кунг-Харн. К слову говоря, не имея при себе ни денег, не документов.

- Уф! - познание правды жизни давалось белой очень тяжело. - Ой! Мы же не спросили, где искать дядю!

- Только давай это делать не здесь, - опасливо оглянулся мальчик (знакомый дребезжащий тенор раздавался почти у самых ворот).

- Давай, - легко согласилась Саиль.

И они бодро зашагали вперед, благо шанса заблудиться не существовало. Единственная дорога сделала два широких изгиба между скал и ухнула вниз, а маленькие путники замерли, потрясенные чистотой и простором.

Когда Хребет Мира воздвигся к небесам, земная твердь прогнулась и пошла складками. За первой линией скал пролегла длинная пологая низменность, украшенная цепочкой озер. Наполняемые прозрачными стоками ледников, освещаемые ослепительным солнцем, они сверкали, словно редкая драгоценность.

- Алмазное ожерелье империи, - восхищенно вздохнул Лучиано.

Теперь стало ясно, куда делся Кунг-Харн: город был рядом, но лежал приблизительно в километре ниже и левее, вдоль дороги, ведущей к старому перевалу. Резонно предположив, что ради нескольких человек паровой подъемник запускать не будут, юные путешественники отправились вниз своим ходом.

Саиль ликовала. Они сделали это!!! Пересекли море, целый континент, отбились от людей, ускользнули от ночного гостя и, наконец, достигли цели! Осталось мелочь - дядю найти.

Вот только - как? Адреса родичей тато ей не называл.

- Не знаете ли вы, где нам найти мастера Шу'Тимара? - повторяла Саиль на разные лады и не получала ответа.

Стражники, молча, прошли мимо - решать проблемы малолетних пастырей они не пожелали. Встреченные на дороге люди оказались сплошь приезжими. Лавок в Кунг-Харне было удивительно мало, а какие нашлись, стояли закрытыми, с вывешенными на дверях зелеными полотнищами. Похоже, местный градоправитель провозгласил (вполне оправдано) наступление "семиглавья" - времени исполнения части Уложения, посвященной стихийным бедствиям и войне. Но вот беда, именно ее-то Саиль и не знала!

Положение, как всегда, спас провидец: он взял паникующую спутницу за руку и повел куда-то через лабиринт враждебных улиц.

- Твой дядя уехал работать на шахты, - бормотал он под нос тихо, рискнув перейти на иноземную речь. - В шахтоуправлении должны знать, где он живет.

Саиль едва не расплакалась от облегчения.

Дом Смотрителей недр, как и полагалось, находился на главной площади, аккурат напротив Часовой башни, и выглядел, пожалуй, посолидней резиденции городского головы. Никого из старших смотрителей на месте не оказалось, но секретарь

(первый встреченный Саиль в империи белый - не пастырь) посоветовал им поискать на Гранитной стороне.

- Там селятся все приезжие мастера. Или приходите завтра с утра - господин А'Раби поищет в архивах.

А где, как он полагал, они проведут ночь? Саиль поежилась - тень Хребта Мира легла на Кунг-Харн и в городе заметно похолодало.

Гранитную сторону нашли по карте, а вот чтобы попасть туда, пришлось делать крюк - скотину через центр города не пропускали. Одно хорошо - в маленьком, едва ли на сотню домов квартале все друг друга знали и дом мастера Шу'Тимара показали легко. На Часовой башне еще не пробил вечерний колокол, а они уже стояли перед приличным двухэтажным домом, с небольшим двориком и кованными воротами.

И тут Саиль поняла, что не в силах прикоснуться к дверному кольцу.

- А вдруг они не захотят меня видеть? - нервничала она. - А вдруг - не узнают?

- Насчет этого, - улыбнулся провидец. - Можешь не беспокоиться.

И гулко шлепнул медным кольцом по железной двери. Открыли почти сразу.

- Саиль?!!

- Тетя!!!

А дальше все смешалось. От внезапно отпустившего ее напряжения Саиль тряслась и плакала, жена алхимика и сама была в шоке. Присутствие духа не потерял только Лучиано: он потихоньку подталкивал рыдающих женщин вперед, непрозрачно намекая, что путникам не плохо бы отдохнуть и перекусить с дороги. Потом ослица издала душераздирающий рев и тетя Рахиль на секунду опомнилась:

- Да что ж я вас на пороге-то держу!

Но дальше дворика они не ушли. Из дома примчался братишка Юри (заметно подросший) и сестрица Мио, ведущая за руку незнакомого бутуза. Гостью если и не узнали, то все равно обрадовались. Степень хаоса рывком увеличилась на порядок: Саиль с тетей ударились в слезы, дети восхищенно визжали и прыгали вокруг ослицы, Мымра ревела. Поднятый гвалт грозил поставить дыбом всю улицу, но тут от ворот раздался знакомый голос:

- Что тут происходит?

- Дядя! - счастливо вздохнула Саиль и без чувств рухнула на руки родных.

Короткий обморок избавил ее от долгих объяснений. Да и то

сказать: о чем можно расспрашивать малолетних белых? Если они отправились в путь, значит, выбора не существовало, если дошли - повезло. Тем не менее, желающие задать вопросы нашлись...

Стражники доложили десятнику о странном интересе приезжих к старшему алхимику Шу'Тимару (с точки зрения печатных, любые путешествующие белые были ненормальны, а значит - подозрительны), секретарь господина А'Раби выразил беспокойство судьбою детей в присутствии родни, а поскольку Кунг-Харн представлял собой по сути большую деревню, все заинтересованные стороны знали о новичках еще до того, как они постучали в заветные ворота. Повода суетиться не имелось, но к семи утра (чуть раньше, чем хозяин дома ушел на службу) в нужный дом явились посетители.

Интерес старшего пастыря Кунг-Харна Тай'Келли был понятен - наставлять молодежь на пути света полагалось именно ему. А вот староста светлой общины, Номори Каши вроде бы, беспокоился не по делу. Но это только на первый взгляд.

Недавно в Кунг-Харне случилось... нечто. Нечто, разбудившее дурную память, застарелый страх. И хотя причина бед, вроде бы, изжила себя, кому как не Номори знать, на что способны его сородичи, если дать им время подумать? Любые отношения властей и одаренных следовало держать под контролем.

Визит сразу не задался. Будить захворавшую племянницу Шу'Тимар не позволил. Ее спутник - юный маг - твердо заявил, что "плохо знать языка", из-за чего решить судьбу неучтенного волшебника немедленно не получилось. Тай'Келли послал со старшим сыном мастера записку о том, что алхимик не явится на службу по причине общественной надобности, все сидели в просторной гостиной, пили чай и ждали неизвестно, чего.

Первым терпение потерял провидец.

Саиль давно уже не спала так сладко и безмятежно, если подумать, с того самого дня, как опустел их крумлихский дом. Пусть теперь она в далеком краю и будущее туманно, но рядом - близкие, а значит, не страшно ничего. Разбудило ее ощущение чьего-то присутствия - у кровати сидел Лучиано и виновато моргал.

- Там пришли... эти. Что им нужно, я понимаю, а правильно ответить - не могу.

Ах, да, империя, пастыри, хранители устоев (непонятно только - каких). Саиль поймала себя на мысли, что без их внимания чувствовала бы себя намного спокойней (Жуть! Еще немного и - в еретики). Провидцу-то легко, ему многочисленные са-ориотские традиции глубоко безразличны...

- Ты что, собираешься врать пастырям? - охнула девочка.

- Когда это я врал пастырям? - возмутился Лучиано.

Развивать тему не стали. Саиль жестом отослала мальчика из комнаты и стала одеваться.

Тетушка оставила у кровати чужие, но очень приличные вещи - шаровары, тунику, вышитый девичьими узорами халат (даже стыдно надевать такие, не смыв как следует дорожную грязь). Неприбранные волосы Саиль тщательно спрятала под платок (так лучше, чем светить грязными патлами) и придирчиво осмотрела себя. Из зеркала на нее глядела смутно знакомая девочка, смуглостью лица и облупленным носом напоминающая служанку. Хорошо, что тато этого не видит! А под рукой - ни румян, ни белил. Ну да ладно, гости сами виноваты, что не известили о своем визите заранее. Одно нарушение традиций на другое нарушение традиций, считай, не в чем не виноват. Саиль покидала женскую половину, твердо намереваясь утонченностью манер компенсировать затрапезный вид.

Не получилось.

Двое визитеров расположились в гостиной без должной степенности, до отвращения фамильярно. Один из них проявил достаточно уважения к дому, а вот другой даже не потрудился сменить на что-то приличное поношенный серый балахон. Вместо того, чтобы чинно вести с хозяином мудрую беседу, незнакомец рыскал по комнате, нашел колыбельку Пепе и теперь гадливо, одним пальцем ковырялся в пеленках.

- Мальчик - черноголовый, - брезгливо сообщил он.

Слова приветствия умерли на устах Саиль, в груди словно что-то зазвенело, но не натянутая струна, скорее - извлеченный из ножен клинок. Малютку, за свою крохотную жизнь потерявшего всех родных, хотели обидеть! Она шагнула вперед, оттесняя чужака от ребенка, поймала взгляд кунг-харца и твердо произнесла:

- Это. Мой. Брат!!!

Пастырь (а кто еще может ходить с такими лохмами?) отшатнулся, суетливо залебезил:

- Гм... Да... Брат, конечно!

Второй гость круто заломил бровь. Лучиано успокаивающе сжал ее руку. Саиль стушевалась, вынула Пепе из колыбели и принялась нянчить (так ей было спокойнее). Какой позор! Куда делись ее манеры? Тато не уставал повторять: невоспитанность грозит потерей лица прежде всего самому грубияну, и не важно, кто первый начал. С этого момента она ни единым жестом не нарушит этикет!

Однако зло свершилось: через сознание девочки словно пролегла грань, по одну ее сторону остались семья и Лучиано, а

по другую - весь остальной мир (и конкретно вот этот пастырь). О первых надо было заботиться, а вторых... убедить вести себя хорошо, любыми средствами. И в таком разрезе предложение врать пастырю уже не звучало еретическим.

В итоге, этот разговор превратился в шедевр недоговоренности и умолчания. Короткое и не совсем законное пребывание в Ингернике словно бы выпало из чреды событий и погрузилось в тень. Концы истории непротиворечиво соединились, оставив за скобками пророка и его пророчество. Очень серьезно и подробно Саиль рассказывала, как они с тато покинули Крумлих, потому что в городе стало тревожно. Тато поручил ее заботам очень хороших людей, живущих в доме с большим парком, там они с Лучиано и познакомились. Она каталась на пони, училась читать и писать на разных языках, но про родных не забывала! В какой-то момент желание навестить родственников стало непреодолимым и Саиль отправилась в путь.

- И те хорошие люди вас отпустили? - недоверчиво уточнил пастырь, с безопасного расстояния. Подвох он чуял, но в чем его суть - не понимал.

- Не стали мешать, - невинно уточнила Саиль, мысленно попросив прощения у сторожа. - Мне ведь было очень надо. К тому же мы подробно выяснили дорогу.

Правда, не у людей. Зато атлас оказался предельно подробным!

- И ваш уважаемый отец не запретил подобную авантюру?

- Мы поделились с ним нашими планами, - кротко улыбнулась девочка. - Но папа не мог поехать с нами, он снова работает.

И она не соврала, нет, просто не объяснила, работает - где и поделились - когда, а присутствующие не стали переспрашивать, самостоятельно достроив картину в уме. Это было хуже чем обман - сознательная, расчетливая манипуляция. Саиль почувствовала себя преступницей.

А вот дядя, узнав, что старший Амиши остался по ту сторону Серой Смерти, явственно повеселел. Интересно, в каких отношениях на самом деле состояли ее родные? То, что тато не ангел, Саиль уже поняла.

- Относительно вашего... гм... юного спутника. Он иностранец?

Дети коротко посовещались.

- Лучиано сказал, - вежливо объяснила Саиль. - Что родом с севера, но родные отослали его из дома три года назад. Они все сейчас далеко-далеко, в месте гораздо лучше, чем это. Но он не сирота! Лучиано надеется встретить в Кунг-Харне брата,

отправившегося на заработки, тот должен вот-вот приехать.

Страшно представить себе, что вообразили о прошлом провидца все эти люди! Даже у пастыря лицо стало сочувствующим.

- По-моему, эту беседу надо заканчивать, - постановил дядя.

Гости начали прощаться и уж тут-то Саиль продемонстрировала свое воспитание вполне. Старший из посетителей, представленный как господин Номори, с удовольствием принял традиционную игру, а вот пастырь все время сбивался и краснел. Хранитель устоев, Тай'Келли - третий ранг! М-да. Тато подходил к своим обязанностям гораздо серьезней.

- И, когда устроитесь, обязательно отметьтесь у квартального старшины! - напомнил господин Номори новичкам. - Чем вы будете заниматься, мы решим по завершении семиглавья.

То есть, возможно, что и никогда. Саиль проводила доброго господина глубокими поклонами.

Теперь - скинуть дорогие шелка, надеть домашнее и - вперед! Позаботиться о Пепе, ослице, помочь тетушке со стиркой и обедом. О будущем пусть думает провидец. И вообще, спасать мир - работа для мужчин, женское дело - сделать так, чтобы спасители ни на что больше не отвлекались.

Благо тато, способного отнять у дочки веник и усадить за пяльцы, поблизости нет.

Глава 31

Императорский алхимик Шу'Тимар наслаждался неожиданным выходным. Пастырь ведь не сказал, как много времени займут общественные надобности? Значит - до вечера.

На кухне суетились женщины, жизнерадостное щебетание племянницы то и дело прерывал мягкий, серебристый смех жены. Последние полгода они его почти не слышали. На сорванца Юри неожиданно снизошла благодать: надел чистую рубаху, пригладил вихры и безропотно выполняет материны поручения. Определенно, рассчитывает что-то с этого поиметь, негодник.

Настроение немного портил мальчишка-пастырь. Чужой (это ощущалось особенно остро) ребенок с отрешенным видом бродил по дому, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к чему-то, а потом, ни слова не говоря, ушел на улицу. Алхимик не стал мешать: Кунг-Харн сейчас до удивления безопасен - новый градоправитель, Ана'Тулле выгнал на улицу всех стражников (не протолкнуться от их мрачных рож), а беженцы-печатные ведут себя примерно (это пока пайков хватает на всех, а потом... Но думать о грядущих неприятностях Тимар себя отучил).

Разве не таким должен быть дом - полным смеха? Разве не такой улица - приветливой для детей? В какой момент они начали забывать об этом?

Тимар усмехнулся и пошел искать в кладовке цветочные ящики, при прежнем градоправителе так и не пригодившиеся. Пора избавляться от мрачных воспоминаний!

Обед, приготовленный женщинами в три пары рук оказался восхитительно хорош (а может Тимар просто отвык от домашней пищи). Жена пожарила рисовые колобки, изумительно пахнущие и аппетитно хрустящие, а еще - загустила сыром овощной суп (почему бы и нет - гости в доме!). Маленькая Мио торжественно затолкала на стол (с краешку, дальше она не доставала) собственноручно истолченные приправы. Подзабытая роскошь настроила Тимара на философский лад и тут племянницу охватило беспокойство.

- Дядюшка, я боюсь! Не уходи от меня больше.

- Со мной ничего не случится, малышка!

- Но тебе ведь придется опускаться под землю, там темно.

- Я делал это уже сотню раз.

- Все равно! Я не могу потерять тебя снова, я этого не переживу. Останься!

- Не могу, это моя работа. И от того, как я ее сделаю, зависят

жизни многих людей.

- А вдруг они забудут наполнить лампы маслом? Или начнут варить суп и устроят пожар?

- Они так не поступят.

- Как ты можешь быть уверен? Вдруг в подъемнике заржавеют замки? Перетрутся тросы? Забудут пропитать солью крепь?..

А ведь какой хороший был день!

Саиль без устали придумывала все более и более экзотические причины катастроф, от чего даже бывалому алхимику становилось не по себе. Ситуацию спас мастер проходчиков Лулуши, отоспавшийся после ночной смены и заглянувший к Тимару насчет общественных дел (не удастся ли присоединиться?).

- Это - кровь! - авторитетно заявил он. - Одаренных всегда пугают незнакомые вещи. Пообвыкнется и успокоится.

- А сейчас как быть?

- Покажи ей рудник, людей. Почувствует себя частью бригады, еще сама за шахту заступаться будет, мол, наша лучше всех. А комендант прицепится, скажешь - хочешь устроить ее подавальщицей. Сам знаешь, какие нынче пайки у иждивенцев!

Идея оказалась удачной - истерика тут же прекратилась

- Но я выхожу до рассвета и никаких задержек не потерплю!

- Спасибо, дядюшка!

- Уф!

Почему у Тимара такое чувство, что именно этого решения от него и добивались? Да ну, глупости. Эдак он, как покойный градоправитель, заговоры среди курей искать начнет, господи оборони.

Лулуши проводил внимательным взглядом упорхнувшую на женскую половину племянницу.

- Ты это, поласковей с сироткой-то!

- Да с чего ты взял...

- Сам подумай, отправил бы отец дочь в такое путешествие, если бы у него был выбор?

Мысль о смерти свояка Тимару в голову не приходила.

- Да не, он всегда был таким предусмотрительным!

- Если небо падает на землю, уклониться невозможно.

По правде сказать, жив старший Амиши или умер, Тимара совершенно не трогало, главное - попасть в Кунг-Харн тому не судьба. Очень уж непростой характер был у пастыря! Кабы не племянница, алхимик свояка и на порог бы не пустил.

Так вот и пришлось вставать на час раньше - договариваться о лишнем месте на дрезине, потому что никаким другим способом добраться до многочисленных приисков, разбросанных по всему

Алмазному Ожерелью, не представлялось возможным. Нет, обычные дороги здесь тоже когда-то существовали, но при Тимаре их ни разу не обновляли и кому они раньше служили, для алхимика оставалось загадкой. По чугунке к шахтам подвозили людей и материалы, вывозили покойников и добытое. Главный смотритель (в те времена, когда его путаные речи еще считали признаком мудрости), назвал блестящие металлические рельсы линиями силы, а Тимару на ум приходила паутина фомы. Потому что всех, не связанных с рудниками и их охраной, император из Алмазного Ожерелья выжил.

Четыре легкие платформы со скамейками поджидали смену, отправляющуюся к шахтам на полуденной стороне. Стандарты рудничных узкоколеек Уложением не оговаривались, поэтому племянницу на нижнюю ступеньку вагончика пришлось подсаживать - никакого подобия перронов в кунг-харнском пересадочном узле не существовало. Следом за зевающей Саиль к чугунке притащился мальчишка-пастырь и, с заговорщицким видом, сунул ей под ноги тяжелый вещмешок. Тимар понадеялся, что булькает внутри не самогон - реакция смотрителей на такое нарушение непредсказуема (Да ну нафиг, где пацану его раздобыть?). Последний пассажир устроился на своем месте, команда каторжан налегла на рычаги и "пердячий паровоз" повез мастеров на работу.

Племянница немедленно вцепилась в его рукав (ну, да, высоко, быстро, а стенок нет), и Тимар успокаивающе похлопал ее по руке. Запоздало мелькнула мысль об еще одной истерике, но девочка сидела тихо и только заинтересованно вертела головой. Да, посмотреть есть на что! Скалы, травы, водопады, Тимара первое время тоже пробирало, но любоваться издали быстро надоедает, а прикоснуться к камням Хребта Мира он ни разу за два года не сумел.

Состав набрал скорость, задувающий в лицо ветер унес остатки сна. Под мерный стук колес люди привычно болтали ни о чем, обменивались новостями, дежурными шутками, но самых животрепещущих для Кунг-Харна тем не касались. Потому что поминать гостя, заполонившего долину Тималао, к беде, а обсуждать, сможет ли градоправитель найти обходные тропы к побережью - к визиту стражников. Лулуши опасно шутил, рассказывая, как светлорожденные пытаются разводить на склонах Хребта Мира овец (бараны баранов), а моторист с гидроузла уверял, что скот вот-вот угонят дикие горцы (еще один распространенный в Кунг-Харне миф).

Вагончики бодро катились по ровному, словно стол, полотну, ловко подвешенному строителями между небом и землей. Под

ажурными стальными мостиками (другие в харанских горах не приживались) журчали ручьи, курились туманом расселины. Город скрылся за изгибами каменной стенки, разговоры схлынули, продрогшие пассажиры закутались в шарфы и накидки. Перед глазами промелькнул зев туннеля - последнее звено южной рокады, так и не нашедшей пути в Ожерелье. Каторжане налегли на тормоза, и задремавший моторист вздрогнул, внятно помянув еретиков и пекло.

Шахта номер двадцать шесть обозначила себя лабиринтом отвалов и беловато-мутных озер. С одной стороны - добираться быстро, с другой - возвращения дрезины ждать почти час и это время в зачет смены не идет. Впрочем, был вариант хуже - жить на прииске и работать вровень с каторжанами, без надежды на оплату сверхурочных.

Первым на землю как всегда спрыгнул Лулуши, умчавшийся решать какие-то свои дела. Тимар терпеливо дождался, пока платформа последний раз вздрогнет и помог племяннице спустить вниз ее драгоценный мешок (а весит-то он изрядно - придется тащить самому). Интересно, что мальчишка умудрился туда напихать? Вот ведь послал бог испытание... Мастер-алхимик закинул поклажу на плечо и шагнул на гулкую железную лестницу, ведущую к воротам прииска.

Мысль о малолетнем пастыре испортила Тимару настроение: оказывать гостеприимство еще одному выродку он не рассчитывал. Дело не в личностях. Шакалята, они в детстве тоже - милые щенки, а как вырастут... Особенно выводило из себя то, что Тай'Келли не пожелал забирать к себе приблуду. Тоже почувствовал что-то или не хочет связываться с племянницей?

Тут Тимар вспомнил выходку девочки и невольно улыбнулся. Нет, оставить черноголового у себя им никто не позволит (надо будет постепенно подготовить к этому Саиль), но решимость малышки ему нравилась. Старый Амиши воспитывал дочку слишком правильной, по нынешним временам от этого только вред. Взять хотя бы покойную свояченицу...

- Смотритель на объекте, - тихо шепнул прошмыгнувший мимо Лулуши, и праздные мысли разом вылетели у алхимика из головы.

Зачем коменданту потребовалось семафорить начальству среди ночи? А то, что ночью - это факт: предыдущая дрезина уходила на маршрут затемно. Впрочем, паника излишня: если случилось что-то серьезное, он просто не примет смену и - вертись как знаешь. Вон, потребует продемонстрировать аварийный подъемник в работе и - ага. Шу'Химин - хороший мужик, но в таком деле каждый сам за себя.

Вновь прибывшие не спешили расходиться по рабочим местам, а отработавшие торопливо карабкались по лестнице, рассчитывая дождаться дрезину подальше от очерченных магией границ. На плацу перед подъемником галдела целая толпа каторжан в коричневых и серых горняцких робах, похоже, дневной и ночной отряд собрались на поверхности одновременно, что делать, в общем-то, запрещалось.

- Из-за чего шум?

Люди расступились, и Тимар увидел эпицентр конфликта: старшину смены и незнакомого чиновника в новеньком мундире и форменной плоской шапочке, не по рудничному сдвинутой на затылок. Это, стало быть, искомый смотритель. Тимар поморщился: новичка предстояло многому научить и мастер предпочел бы сделать это до того, как тот получит власть. Но когда начальство беспокоилось о проблемах подчиненных?

- Нет никаких проблем, - небрежно бросил смотритель. - Работа сейчас возобновится.

- Накось, выкуси! - вскинулся старшина, шалея от собственной смелости. - Где это видано, живых человеков в пекло отправлять!

- А подробней? - не хватало еще, чтобы они тут подрались (старшина Тимару нравился).

- Мастер Шу'Химин пошел смотреть помпу в третьем забое и не вернулся, - влез в разговор один из каторжан (видимо, свидетель). Охранник плечом задвинул его в толпу, но тот не унимался. - А потом синие лампы стали гаснуть, на глазах цвет менять! Гости в шахте!

- Изгоняющий осматривал выработки только вчера! - безапелляционно заявил смотритель. - Нет никакой угрозы.

Звучит серьезно, если не знать, кто такой этот изгоняющий - один из трех уцелевших в Кунг-Харне учеников, даже не совершеннолетний.

- А если туда добрался гость из поместья?!! - выкрикнул из задних рядов молоденький проходчик и все неожиданно затихли - бывшее жилище Главного смотрителя Харанских гор стояло обнесенным белыми флагами с зимы. Даже у Тимара екнуло сердце: поминать опоганенное место - к несчастью.

- Это все ваши фантазии! - поморщился смотритель. - Возвращайтесь к работе.

Новичка злило то, что рабочие не повинуются ему по первому слову (Тимара и самого это временами раздражало), а времени понять разницу между трудом шахтера и черноглового ему никто не дал. Рядом с чиновником стоял пастырь из приезжих, ситуация ему не нравилась, но повиноваться смотрителю он горняков

заставит... (тут Тимар встретил бешенный взгляд Лулуши) а может и не успеть.

Волнения на рудниках случались не часто (печатных трудно вывести из себя), но если уж начинались, топили в крови и правых, и виноватых без разбора. Сначала рабочие резали смотрителей и мастеров, потом охрана резала рабочих, уцелеть удавалось немногим. Как правило, поводом для бунта служили именно ночные гости: терпеть скудные пайки и суровые нормы люди могли, а вот потустороннее пугало их до помрачения. Новичок походя нарушил десяток негласных правил в итак уже накалившейся обстановке, народу вокруг подъемника собралось слишком много, толпа начинала звереть и охранники (опасность чувствовавшие нутром) незаметно пятились к воротам (а комендант, дэвов сын, к месту назревающих беспорядков вообще не явился).

На секунду в уме мелькнула спасительная мысль - бросить все и тикать, но Тимар ее отбросил. Он работал с этими людьми два года, знал большинство по именам, с некоторыми - мог бы дружить, если бы ни разница в положении. Более того, императорский алхимик понимал печатных лучше, чем, скажем, Лулуши, никогда не приносивший магических клятв. Все они как-то приспособились к ограниченности бытия, смирились с невозможностью просто идти по прямой не останавливаясь, но при этом оставались людьми. Бросать их один на один с бедой - все равно, что зрячему толкать слепого в пропасть.

Нужно было что-то делать, и Тимар даже знал - что.

- Не вижу причин для спора, - громко объявил он, внутренне холодея. - Отправим вниз смотровую команду! Я проверю механизмы, мастер Лулуши - крепь...

- И он пусть идет! - ткнул пальцем в нового смотрителя Лулуши. - А то скажет потом, что ничего не было.

Пастырь промолчал, спрятав взгляд - ему не надо было объяснять, что происходит. А как насчет вразумить смотрителя, это он мог? Кто вообще надоумил светлорожденных посылать новичка на загубленную шахту?

Понимание истины забрезжило в голове Тимара.

Ну конечно! Император - далеко, но вдруг да найдутся безопасные тропы и явятся в Кунг-Харн наделенные властью гонцы, за теми же бериллами. Весть об остановке добычи приведет их в ярость! А потому прииски будут работать до тех пор, пока все каторжане не полягут либо под мечами охраны, либо - под землей. Жертва должна была быть принесена, а кого она будет включать - трех смотровых или всю смену горняков разом - это светлорожденных не интересовало. Отвечать за

потерю равно будет новенький.

- Позаботьтесь о моей племяннице! - с недоступной прежде властью велел Тимар пастырю, тот быстро закивал в ответ. Злиться на него смысла не имело: вряд ли идея избавиться от людей принадлежала Храму.

Смертников собирали в путь обстоятельно, как и полагается собирать на тот свет: вынесли самые яркие лампы, запас масла и положенный по Уложению паек, который (к слову говоря) целиком уже полгода никто не видел. Старшина смены лично повесил на шеи уходящих спасательные амулеты, но Тимар сомневался, что хотя бы один из них чего-то отвращает - до подобной мелочевки у изгоняющих Ожерелья давно уже не доходили руки. Мимо суетящихся горняков проскочила племянница и вручила Тимару свой драгоценный вещмешок.

- Сразу шагай влево! - очень серьезно и настойчиво произнесла она. И тут же улизнула с ловкостью дикой кошки.

Нет, Тимар понимал - белая, долгий путь, суровые испытания, но все равно - странный ребенок.

- Ну, что, мастер, - страшно ухмыльнулся Лулуши. - За дело?

Тимар спокойно кивнул (пугать новичка раньше времени не годилось) и первым вошел в клеть.

Нет, он не собирался спокойно умирать, да и Уложение не требовало от них лечь костьми. Нужно было всего лишь убедительно подтвердить появление ночного гостя, после чего светлорожденным полагалось прислать на место изгоняющего второго ранга, искать которого они могли до возвращения императора. Вот только проделать все это, никого не потеряв, шанса почти не существовало.

Клеть медленно погружалась в бездну.

- Лампу держите так, чтобы ваша тень не перечеркивала круг света - сейчас это единственная наша защита, - поучал Тимар новичка. - Можно поставить ее на голову, - собственно, плоская рудничная шапочка для того и задумывалась. - Ни к чему не прикасайтесь, слушайтесь меня беспрекословно. Храни нас господь!

Платформа стукнулась об упоры, Тимар поднял фонарь повыше над головой и шагнул влево, протиснувшись между направляющей подъемника и замершей на рельсах вагонеткой. Зачарованные фонари горели через один и вся зала оказалась исчеркана густыми тенями - верным признаком беды. Работают ли отвращающие амулеты, без изгоняющего было не разобраться, однако же, покамест ничего не происходило.

- Сюда! - качнул фонарем Тимар.

За спину он не смотрел, уверенный, что спутники последуют

за ним - у горняков отклоняться от проторенного пути не принято. Лулуши так и поступил, а вот новенький смотритель гордо шагнул вперед, лениво придерживая лампу над плечом. Тимар не успел обругать придурка, не успел вообще ничего: с пола бесшумно поднялось облако мелкой каменной крошки - скрытый тенями жерляк приступил к трапезе.

Тимар усилием воли заставил себя остаться на месте. Умом он понимал, что смерть несчастного не будет мгновенной - даже жерляку нужно время, чтобы прорваться сквозь одежду и кожу, но пелена пыли успешно защищала ночного гостя от слабого света ручных фонарей. Без магии отразить нападение нежитя не представлялось возможным, осталось лишь возблагодарить смотрителя за жертву - иным образом обнаружить эту ловушку у них не получилось бы. Скрипящий и вздыхающий водоворот камней несколько раз конвульсивно дернулся и окрасился алым. Рядом с Тимаром Лулуши грязно поносил изгоняющего-недоучку. Все верно, покойный Су'Ругул появления в шахте подобной погани не просмотрел бы, а Сай'Гарач мог почуять ее еще с поверхности, а также и подсчитать, сколько времени и реактивов потребуется на очистку помещений.

- Вернусь - выдеру!!!

- Нравится мне твой настрой, - вздохнул Тимар и осторожно двинулся вдоль ограждения клети, надеясь подойти к переговорнику с безопасной стороны. Совершенно ясно, что в шахте им теперь делать нечего! Очевидно, здесь отказал какой-то очень важный для обороны амулет. Если бы не стремительное бегство горняков, к жерляку еще и поднятые добавились бы.

Добраться до устройства не получилось - глаза резанула какая-то неправильность, Тимар замер и почти сразу в плечо ему вцепился напарник.

- Стой!

- Сам вижу!

Странные наросты на потолке (словно коротки трубки или неровные соты) представляли собой гнездо серых пильщиков. Ночные гости, при известном стечении обстоятельств способные появляться по семь-восемь штук за раз, облюбовали темный угол между направляющими подъемника и крепью. Если бы Тимар не шагнул сразу влево, а попытался бы обойти клеть, осмотреться, твари почти наверняка достали бы его. И эта смерть тоже не была бы быстрой!

Коробка переговорника располагалась точно под гнездом.

- Если мы не подадим знака, они не станут поднимать клеть! - сквозь зубы прошипел Лулуши.

- А даже если станут, нам не проскочить. Странно, как гости

нас вниз-то пропустили?

- От удивления! - проходчик нервно хихикнул. - Что будем делать, мастер?

- Ждать, - спокойно пожал плечами Тимар. - С этой стороны амулеты, вроде, еще действуют, а в те два фонаря можно долить масла. Без помощи сверху все, что мы сможем сделать - убить себя быстро.

И потянулось безнадежное бдение.

Глава 32

О том, что он будет делать, Номори Каши начал размышлять уже на полпути к дому мастера Шу`Тимара. Нет, состоянием любви к ближним старейшина светлой общины переболел лет в пятнадцать, но бросить в беде людей, с которыми только вчера сидел за одним столом... Для того, чтобы проделать подобное, нужно было быть пастырем. И не надо про светлый путь: первое, чему учат в Храме - не фиксироваться на эмоциях.

К тому же - дети.

Покойного (вероятно уже) Тай`Амиши Номори знал лично и уважал хотя бы за то, что после службы тот решился создать семью (младший брат старейшины после завершения карьеры способен был лишь поститься и молиться). Малышка Саиль выросла весьма решительной особой, что для детей пастырей - редкость. Другое дело - ее спутник...

При мысли о мальчике Номори едва не споткнулся. Есть в людях характерные черты, которые может заметить лишь одаренный, тот, в чьей крови свет живет от рождения. Номори, например, не испытывал ни малейшего усилия, отличая южанина от северянина, приезжего из Миронге от рожденного в Тусуане, человека, всю жизнь плававшего по Тималао, от того, кто ни разу не выбирался дальше одной единственной пристани. В юном волшебнике отчетливо проступал след иного общества, другой системы ценностей, навсегда отпечатлевшийся в движениях, осанке, поставе головы. Тай`Келли без лишних раздумий отнес мальчика к потомкам светлорожденных, но ему простительно - пастырь, весь в трудах. А вот Номори разглядел намного больше.

"Не высокородный - чужак"

И хорошо, если из Каштадара. Кто учил его и чему выучил? Загадка.

Номори резко сбавил шаг и бочком протиснулся мимо группы мужчин в серых халатах, пошитых из того же материала, что и рудничные робы. Горняки вяло бухтели о безответственности смотрителей, готовых за горсть руды людей в пекло загнать, но, поскольку жертв оказалось всего две (и смотритель), дальше разговоров дело не шло. Номори тайком перевел дух - что такое бунт среди печатных он знал не понаслышке. Так уж получилось, что для работы в горах не годились люди, избавленные Храмом ото всех соблазнов - не принимала их земля, а свободные граждане лезть в шахты не желали. Вот и приходилось пастырям балансировать между бесполезной послушностью и неудобной

полезностью. Обычно, все получалось замечательно, но уж если сорвало с упоров - держись! Никакие разумные доводы на толпу не действовали.

Дом Шу`Тимара стоял с открытыми воротами, демонстративно дожидаясь хозяина, все еще числящегося среди живых - траур полагалось объявлять на третий день. Номори вошел (приглашения не требовалось) и осмотрелся. Во дворе собрались члены семьи и немногочисленные (день, на работе все) сочувствующие. Женки рудничных мастеров нестройно охали. Старший сын мастера - молодой стражник, потерянно топтался у ворот (проявлять сочувствие к близким ему не позволяли печати, а в знании традиций парень оказался не силен, в результате, толку от нового главы семейства не было никакого). Мальчик-чародей (тот самый, который "моя-твоя-непонимай") почти без акцента объяснял детям покойного, что им надо проявлять мужество и поддерживать мать. Племянница молча сидела рядом с вдовицей, держа убитую горем женщину за руку. Казалось, это прикосновение - единственное, что не позволяет душе бедняжки отлететь.

Похоже, что больше всего пользы тут от малолетних белых.

Соседи привели во двор мать Лулуши Гарбо - потомственного горняка, единственного из многочисленного семейства, кто задержался на этом свете. Та сунула вдовице в руки стопку погребальных одежд.

- Мой-то детей не оставил, - прошамкала старуха. - Может, и к лучшему это...

Рахель оттолкнула подарок.

- Трех дней не прошло! Никто не видел его мертвым!

- Их никто потом не видит, - покачала головой старуха. - Горы едят людей.

- Подождем, - проговорила сидящая рядом девочка. - Спешка в таких делах неуместна.

Старуха согласно кивнула и устроилась рядом, со своим тряпьем на коленях.

Номори заглянул на кухню - там соседские молодки готовили семейству простой ужин, прошелся по дому - замужняя дочь вдовы с подругами наводила порядок, снимала цветастые занавески и занавешивала зеркала. Во двор старейшина вернулся, чувствуя себя неуместным, как фазан в стае нахохлившихся голубей.

И едва не спотыкнувшись о длинный, набитый землей ящик.

- Это - что? - поинтересовался он у старшего сына (ему показалось проще иметь дело с печатным).

- Мама цветы сажала.

- Убрать бы, ни к чему теперь.

Рядом словно сполох возникла племянница.

- Цветы будут, - твердо сказала она. - И память будет светлой. Он пожертвовал собой, чтобы спасти множество людей, нам следует ценить и уважать его выбор. Господь призывает всех, но не всем удается уйти к нему так достойно.

И взрослый печатный не усомнился в словах ребенка, настолько уверенно и со знанием дела это было сказано.

Номори понял, что не нужен здесь - благодать снизошла на этот дом, господь не оставил детей своих в горести и печали. Даже обидно как-то. Почему он сам не чувствует готовности принимать будущее так спокойно и бестрепетно? Возможно, потому, что знает немного больше? Захотелось немедленно разделить с счастливчиками это бремя (или попросить избавить от него), но Номори сдержался - недостойно старейшины перекладывать проблемы на простых общинников. Лучше сосредоточиться на практической стороне, например, проследить, чтобы смотрители не пытались выгнать семейство из казенного жилья хотя бы до окончания траура. В конце концов, новым работникам приехать попросту неоткуда.

Он присоединился к квартальному старшине, обсуждающему с молодым стражником проблему пайков и очередности. Вдруг и в самом деле придется тризну справлять! Номори подозревал, что у общества через три дня найдутся проблемы поважнее, но не хотел, чтобы одна беда стала причиной другой. Пусть все идет по правилам...

Суета улеглась, люди вспомнили свои роли (как-никак, редкий месяц без похорон), и некая необычность начала резать Номори глаз. Он мог поклясться, что любящая племянница вовсе не огорчена смертью дядюшки, да и ее спутник не выглядел шокированным (а ведь для него все происходящее на шахтах - внове). Нет, девочка вела себя безупречно - с сердечным участием к людям и смирением перед обстоятельствами, но душевной боли старейшина в ней не чувствовал. Чужак же вообще с трудом вспоминал, как именно следует реагировать на происходящее. Он ждал чего-то, так напряженно и отчаянно, что Номори захотелось оглянуться.

Стремление постигать суть мироздания - в крови отмеченных светом. Иногда доходит до смешного... Номори понял, что не сможет есть и спать, если не узнает причину замеченной странности. Может, дети поссорились с покойным? Нет, тогда хотя бы один ощущал чувство вины. Такую пугающую решимость Номори встречал только у опытных пастырей, способных идти к цели, невзирая на обстоятельства. Но где дети и где - Храм, и что

в таком случае - цель? И ведь не подойдешь, не спросишь!

Помаявшись между велением натуры и предчувствием неприятностей, Номори решил зайти издалека. Старейшина подошел к вдове, принес соболезнования и уверил в поддержке общины, выслушал традиционные благодарности и мягко попенял мальчику:

- Со вчерашнего для ваше владение са-ориотским серьезно улучшилось, не иначе, свежий горный воздух вам помог. Возможно, вы найдете минутку, чтобы ответить на те вопросы, что мы пытались вам задать?

Маленький волшебник посмотрел на Номори взглядом, начисто лишенным детской невинности, тем паче - почтения к старшим.

- А зачем, - нагло поинтересовался чужеземный шпаненок, - понапрасну волновать таких уважаемых людей? Меньше знаешь - крепче спишь!

Номори не сразу нашелся, что на это ответить.

Вдова бледно улыбнулась:

- Глубокоуважаемому Тай`Келли очень сложно что-то объяснить. Почему бы не забыть о строгих правилах сейчас, - она всхлипнула. - Когда на нас столько навалилось!

И Номори, скрепя сердце, вынужден был признать, что в отношении старшего пастыря блаженное неведение - лучшая стратегия. В запутанных требованиях традиции и Уложения Тай`Келли ориентировался с трудом, а потому постоянно всего опасался. Однако оставлять лукавство без порицания нельзя!

- Только из уважения к вам, ма Тимар! Но мальчик должен понимать, что поступает скверно, очень не хорошо. Ибо сказано: добрым соседям нечего скрывать друг от друга! - нравоучительно произнес старейшина и осекся. Какое такое доверие и понимание? Какие добрососедские отношения, когда в амбарах овса - на неделю, а осветительного масла - на четыре дня? Будь на месте градоправителя кто-то более решительный, чем Ана`Тулле, горожане уже сейчас дрались бы за призрачную возможность оказаться в числе избранных. Но светлорожденный не пожелал делать выбор, либо - не видел в нем особого смысла. На фоне упорного молчания Храма ложь мальчика выглядела невинной шалостью.

Что же это получается, чужой ребенок все это тоже понимал? И отводил им глаза, как младенцам, не желающим ложиться спать без погремушки?

Номори поднял на мальчика растерянный взгляд и натолкнулся на спокойную, удовлетворенную улыбку, которой не место было на детском лице. Юный маг улыбался, а люди

замолкали, и внезапная тишина охватывала Кунг-Харн как пожар. Впервые за долгие годы Номори понял, что ему не интересно знать, в чем причина этого явления.

Старейшина светлой общины сложил пальцы в молитвенном знаке и плотно зажмурил глаза.

Ветры пели над Кунг-Харном, небеса и горы вели неспешный рассказ на языке, доступном только прорицателям. Лучиано напряженно вслушивался в их шепот, а вот у Саиль торжественно внимать стихиям не получалось.

- Какой позор! - вздыхала она. - Даже пресных лепешек для гостей напечь не из чего. Никогда в нашем доме такого не было.

- С чего тут создавать запасы? - пожимал плечами провидец. - Тут пайки взрослому - в обрез, и другой еды достать неоткуда.

- А купить? - наивно удивилась Саиль.

- У кого? - усмехнулся Лучиано. - Ваш император нарочно велел перебить весь скот, а сады - вырубить.

- Мастера говорили про овец, - припомнила девочка.

- Угу. Вот только как за ними ухаживать, никто не знает.

Саиль оглядела собравшийся в тетином дворе народ, прозревая новые смыслы.

- Будет голод?

- Будет бунт. Если бы не твой дядя, он начался бы уже сегодня. Помнишь, я говорил тебе про историю? Так вот, она все еще не завершена.

- А потом градоправитель привезет зерно с севера? - с надеждой уточнила Саиль.

- Он не найдет туда дороги, - покачал головой Лучиано. - И проводников тоже не найдет - уцелевшие горцы ушли из Ожерелья.

- Что же получается, - похолодела Саиль. - Мы в ловушке?

- В этом весь смысл, - спокойно подтвердил провидец. - Для нас нет другого спасения, кроме как восстановления пути по этому перевалу, прямо сейчас. И для Кунг-Харна - тоже.

- Мимо Серой Смерти...

- Да. И тогда никто не умрет.

Саиль, нехотя, признала, что это - честный обмен: спастись вместе со всеми, либо со всеми же и обратиться в прах. Она не будет роптать. Лучиано, как и полагается провидцу, обозначил пределы грядущего, и теперь следовало дождаться, когда оно появятся из небытия. Осталось уговорить тетю соблюдать спокойствие, удержать всех от необдуманных поступков. Саиль справится: нашепчет им в уши, напоет колыбельную - она знает, что сможет! - и пусть благословенный покой окутает их сердца.

Вот только надо ли это, не рассердится ли провидец? Вдруг именно невинные слезы открывают ворота в рай?

- Что еще мы можем сделать?

- Довериться судьбе.

Давешний гость подошел ближе, явственно пытаясь разобрать их разговор. Как это невежливо - подслушивать! Тем более - приставать с упреками к родственникам покойного чуть ли не на поминках. Ну, да ладно. Ведь не объяснять же ему, что это все - игра, и дядя непременно вернется? Саиль запретила себе думать о потере, мысленно перепрыгнула момент разлуки и уже готовилась к новой встрече. Было в этом что-то неправильное, но она не хотела понимать - что. Возможно, день назад упомянутое вскользь бедствие было бы неизбежно, но не сейчас. Они вверили свои судьбы господу, их души чисты, а воля тверда. Теперь все по воле божьей!

Провидец тонко улыбнулся. Саиль проследила его взгляд: над горами вставало зеленое пламя.

Глава 33

Я стоял по щиколотку в воде, наблюдая оплывающими в воду потоками серой пыли и борясь с безумным желанием шагнуть вперед.

- Эй, Тангор, шел бы ты оттуда!

На том берегу канавы стоял капитан, сзади маячили куратор и Шорох в качестве моральной поддержки.

- Мне надо туда. Лючик в Кунг-Харне.

- Не получится. Надо возвращаться на побережье! Тималао - все.

Вернуться? И отступиться от брата. Это Ридзер может сделать вид, что бериллы не так уж были ему нужны, а я привык считать себя вожаком, главой клана, пускай только в уме. Кому нужны оправдания? "Тангор - фуфыря! Щеки надувал, а своих защитить - кишка тонка". И мне до конца дней придется делать вид, что никакого клана не было, и братья мне никакие не нужны. Ходить, каждую минуту чувствуя себе оплеванным, проигравшим... Невыносимо!

- Мы пройдем.

- Тут сутки по очагу поражения, минимум. Проснись! Дорога кончилась.

В голосе Ридзера проскользнула снисходительная нотка. Все правильно: я оказался неспособен смириться с потерями, показал свою уязвимость. Это мы еще посмотрим, у кого с реальностью нелады!

- Я найду решение, - чужой голос клокотал в горле, мышцы лица свело спазмом, страшно подумать, как это смотрелось со стороны.

Капитан отвернулся, не желая дразнить пошедшего в разнос колдуна.

- У тебя есть двое суток, потом мы уходим.

"С тобой или без тебя" - невольно читалось между строк.

Армейские эксперты гордо удалились. Куратор потоптался и тоже ушел. Несмотря на жару, ноги начали неметь. Если кто-то думал, что я замер в растерянности, то он жестоко ошибался - моя мысль работала не переставая. Шорох, способный воспринимать этот процесс напрямую, тихо слинял.

Итак, какой у меня план? Напрашивалось простое - обойти, но... Хребет Мира, алмазное ожерелье империи, будь оно не ладно. Где гарантия, что Плешь не сможет подобраться к нему вплотную? О машинах можно забыть, придется идти пешком, ища

обходные пути, прокладывая тропы... Это занятие не на месяцы, на годы! Что они там все это время кушать будут? И что не менее важно: как поведут себя жители Кунг-Харна перед лицом уничтожения? Белого любой обидеть норовит! Я всегда защищал своего брата, от ночных кошмаров, нежитей, задиристых соседских мальчишек. Неужели именно сейчас меня не будет рядом?

Не успею.

Попытаться напрямик?

Существуют щиты, которые позволяют магу находиться в очаге поражения, однако - не долго, и что-то сквозь них проходит все равно. Ридзер правильно сказал: ехать сутки, и это если грузовики не застрянут в пыли. А потом - обратно, с белыми на борту.

Нереально! Да и армейские не пойдут на самоубийство - им до моего брата дела нет.

Значит, нужно изгонять. Карантинный феномен.

Да кто, собственно, придумал, что они непобедимы?!! - Тупые "чистильщики", решающие все вопросы грубой силой. Им не хватает мощей накрыть такую площадь чем-то разрушительным, вроде Адского Огня, и они начинают втирать людям, что такое невозможно в принципе. Они просто глупы, глупы! А я - умный, умный! И мне уже приходилось делать вещи, считающиеся невозможными. Почему в этот раз - нет? Я не могу отступить раньше, чем такой шаг будет исчерпывающе обоснован.

Я вылез из воды, расстелил на развороченной брусчатке куртку, сел поудобнее и погрузился в то состоянии сосредоточенной отрешенности, которое сопровождало решение алхимических задач. Итак, будем последовательны. Рассмотрим способы снизить энергетические затраты на заклинание, в общем случае.

Проще всего сконцентрировать воздействие в ключевой области, но для того, чтобы так работать с нежитем, его придется, как минимум, окружить знаками. Это сколько же их нужно и как долго я буду их рисовать?!! И активировать, опять же, сил не хватит.

Не о том думаю.

Можно ли изгнать нежитя, вообще не прикладывая к этому силу? Даже не изгнать (они не возвращаются в свой мир), разрушить. Элементарно! Засыпать его солью. Правда, сработает, только если монстр не слишком велик, но факт есть факт. Приложение чудовищных сил - не есть обязательное условие победы. Но что общего между минералом и заклинанием? В чем суть?

Есть такой алхимический подход - создать вчерне модель явления, а потом допиливать ее по месту, пока иллюзия не совпадет с реальностью в основных чертах. Если он срабатывает, вы получаете возможность конструировать управляющее воздействие, а чем его осуществлять (магией или рычагами) дело десятое. Мне нужна была модель нежитей, но Ракшат хорошо вбивал в учеников черномагическую теорию, и я точно знал, что раньше ничего подобного никто не создавал.

Что по сути есть нежити?

Сразу вспоминался Шорох - облако ожившей темноты. Но "ожившей" - лишнее определение, к тому же, он - гибрид, существо, принадлежащее двум мирам. А что насчет "чистокровных" нежитей? Какие у них общие черты? Я вспомнил тварей, которых встречал за время своей незаконной практики (на самом деле, не меньше, чем хороший "чистильщик" за всю жизнь). Нуждающиеся в мертвых телах гоулы, чарики, вообще лишенные материальности, фомы - черная паутина, заставляющая стекла мутнеть, черные пряди, запутавшись в которых жертва просто растворяется... Их родина - другой мир, ни кусочка материи которого мы до сих пор не имеем, только проходящую через Источники Силу - не вещество, не поле, чистый потенциал разрушения, первозданный Хаос, в котором, тем не менее, гнездится до фига всяких бестий.

Скажем прямо: я никогда не воспринимал их как живые существа, для этого они где-то в своей глубине слишком примитивны. Нематериальность, она ведь сродни тени, отброшенной потусторонним на наш мир, а тень может состоять лишь из оттенков серого. Со временем, поглощая окружающее, они становятся сложнее, некоторым образом - живее, но это - привнесенное качество. А по сути нежити - просты, каждый их вид описывается одной единственной характеристикой и способен проявляться в строго определенной среде. И эта простота позволяет им выдерживать напор стихии и даже атаки Шороха - она вообще не подразумевает изменений. Если я правильно помню лекции, вероятность появление в нашем мире того или иного монстра чисто статистическая.

Я попытался думать о мире, населенном абстрактными характеристиками. На ум приходила только математика.

Чем не модель? Нежити - арифметические действия, к которым можно свести все многообразие Хаоса. Сложение, вычитание, деление, возведение в степень...

Я покатал в уме получившуюся картинку: вот появляется нежить, не рождается, а выпадает, как числа на костях, и начинает совершать с материей заранее обусловленную его

природой операцию, имеющее несомненное сродство с черным Источником.

Пошло и уныло. А проклятья тогда - что?

Хотя, если отвлечься от демагогии, утверждение, что черная магия не имеет ничего общего с потусторонними существами, на самом деле - голый манифест. Да, обычно проклятья нуждаются в знаке-носителе или в колдуне, который их поддерживает, но иногда самоучкам удается отличиться (посмертно) и породить что-то вроде эпидемии смертного сна или дикого зомби, менее опасного, чем гуль, но все равно - зловредного. Так что, единственная принципиальная разница - в человеческом творении видна рационально оформленная структура, а в потусторонней твари - нет.

Сделаем смелое допущение: нежити по сути - особый род проклятья, возможно, недоступный колдунам в чистом виде. Как мы боремся с проклятьями? Изменяем свойства среды-носителя (например, солью), тупо бьем чем-то мощным, перекрывая содержательную часть чужого колдовства. Пока все сходится.

А еще проклятье можно прервать, повредив его ключевые элементы, или иссушить, внедрив в его структуры якорь. Маги-"стражевики" постоянно вынуждены этим заниматься, когда клиент хочет убрать или изменить защиту, поставленную кем-то еще. Один раз при мне Ларкес свернул чужую атаку легким, почти неуловимым воздействием...

Я открыл глаза и сосредоточил взгляд на сером пыльном пространстве. Ну, что, Ведьмина Плешь, чем будем тебя глушить? Тут требовалось поставить опыт.

Я отыскал в портовых мастерских медный ковш для смоления лодок, украсил его ручку дюжиной отвращающих проклятий и захватил с собой тяжелую треногу (ее можно было установить прямо в воде). Потом черпнул ковшом на том берегу и получил в свое распоряжение маленький, безобидный образчик чудовища, физически неспособный позвать на помощь своего гигантского прародителя. Какая прелесть! Теперь - закрепить ловушку в треноге и можно приступать к экспериментам (а то, что по колено в воде - зато с защитой возиться не надо).

Первичной задачей для себя я обозначил - опробовать на Плеши основные типы проклятий. Сразу выяснилось, что ключевой элемент твари искать бесполезно - слишком мелок, в любом произвольно взятом объеме нежить был тождественен сам себе. Классические якоря отпадали - не за что цеплять...

Тут пришел Шорох и силой уволок меня ужинать - оказалось, что я возился с Ведьминой Плешью шесть часов к ряду. После еды муть, застилающая сознание от использовании сложного

колдовства, рассеялась, появились новые идеи... От попыток продолжить эксперименты меня удерживали всем отрядом. Ридзер пригрозил блокиратором (в порошкообразной форме - моя разработка!). Ли Хан заявил, что как целитель прописывает мне сон. Пришлось соглашаться (думать-то мне это не мешало).

Утром выпил чаю с медом и, с новыми силами, возобновил штурм. Прорыв наметился после второй сотни опытов - сцепление с нежитем продемонстрировал не якорь, а элемент управляющего проклятья, вроде того, с помощью которого я дрессировал голлема. Что логично: и тут - мелочь, и там - мелочь.

Отпущенные Ридзером двое суток подошли к концу, когда в моем уме родилось некое проклятье, до изумление напоминающее схему зомби-таракана. Оставалось его испытать.

Конечно, подобное следовало делать в костюме высшей защиты, обложившись спасательными амулетами, с командой поддержки на низком старте, но... время! Время уходило, а чем там Лючик занимается - даже Шорох сказать не мог. Пришлось рисковать. Нарисовал защитную пентаграмму (простейшую, одноконтурную), убедился, что Шорох отогнал любопытных подальше к пристани. Вздохнул, сплюнул... И уже выпуская на нежить боевого жука понял, что кое-чего не учел. Молния, отмечающая момент изгнания твари. Представляете, какого размера она будет? Это я туда энергии почти не закачиваю, а сколько ее в обратную сторону попрет?

Спешно, потея и бледнея, набросал вокруг штук шесть классических якорей, соединил их с атакующей структурой и понял, что процесс пошел. И еще как! Мое проклятье распространялось вперед расширяющимся фронтом, с отчетливо различимым треском разъедая нематериальную основу Ведьминой Плеши. Взбитый нежитем грунт резко оседал, выплевывая фонтаны пыли, работа магии и движение земли порождали нарастающий грохот...

А якорей не хватит, зуб даю. И не смоешься - накроет взрывом.

Мне в плечо потыкали чем-то холодным: Ли Хан, смелый до упора, протягивал мне ограненный зеленый кристалл (гораздо крупнее того, что отдал Ридзеру). Берилл - лучший материал для накопителей. Если так, то может и пронесет. Наверное, я - первый маг, сваявший амулет при помощи походной вилки и такой-то матери за сорок пять секунд.

Фронт проклятья несся вперед со скоростью трансконтинентального экспресса, якоря качали Силу, накопитель... рос (не знал, что они так работают!). Повезло, что пожранная Плешью территория была полупустыней - разори

нежить пышущий жизнью край, и никаких бериллов не хватило бы, чтобы безвредно канализировать жертвенную энергию. Где-то далеко за горизонтом проклятье-жук ударилось в предел, замерло на мгновение и, послушное моей воле, распалось. Карантинный феномен перестал существовать.

А передо мной полыхала изумрудным светом сфера полтора метра диаметром. И что мне с нею делать?

Но тут вмешался Шорох, у которого на последствия моего колдовства имелись свои планы. В представлении монстра, штука перед ним была чем-то вроде гигантского пряника, истекающего медом и маслом. Чудище повело. Уже не обращая на меня никакого внимания, нежить раздвинул хваталки голема пошире, открыл все каналы и вцепился мертвой хваткой в лакомый кусок. Я внимательно следил за целостностью накопителя, готовый в любой момент дать ему по мозгам и перехватить управление. Но Шорох был слишком умен, чтобы повредить упаковку бесплатного завтрака - он сосал оставленную Плешью Силу, чавкая и сопя, но тонкого плетения моего проклятья не касался. То есть, ненасытный монстр блестяще решал главную проблему - куда деть последствия смерти всех этих людей и животных.

Надо будет получить патент на проклятье, изгоняющее карантинные феномены, и обязательно призыв Шороха в него вплести - пускай питается, мне чужого не жалко. Как бы его назвать? "Слово Тангора"? Да этих Тангоров в Краухарде как собак не резанных! "Шутка Томаса"? - Не оригинально. Да, это будет посложнее, чем нежитя изгнать.

Обернулся и первым делом уткнулся взглядом в Ли Хана (совсем без башни человек!).

- Придумай быстро, как мне это назвать?

- Псих, - немедленно отозвался белый.

- Что же это за название такое?

- Это не название, это вы - псих.

Ясно: он мне - не помощник. На более безопасном расстоянии от места ворожбы устроилась банда армейских экспертов, медитирующая на горизонт. Подойти ближе решился только капитан (просто чтобы не ни в чем не уступить белому).

- Ридзер, я хочу увековечить свое имя. Как мне назвать эту дрянь?

- "Вилка Тома?" - капитан поднял с земли означенный инструмент.

- Гениально! Серебряная Вилка Тома!!!

Вилка, конечно, не серебряная, а мельхиоровая, но не суть.

Все, жизнь удалась - свое имя я обессмертил. Осталось брата воспитать...